

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 5, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 18, no. 5, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Единый день голосования – 2025: очередной экзамен пройден, но доверие общества к политической элите продолжает вызывать большие вопросы.....	9
---	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Тощенко Ж.Т. Тернистые пути современного российского высшего профессионального образования	47
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В. Экономические реформы, модернизация и идеология особого пути в России	61
Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Отмахова Ю.С., Сушко Е.Д. Агент-ориентированные модели эпидемий: международные тренды и реализация в российской практике	79

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Секушина И.А. Институты развития малых и средних городов Северо-Западного федерального округа	98
Леонидова Е.Г. Туризм как возможный фактор роста экономики региона: оценка мультипликативных эффектов и сценарное моделирование	114

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Одинцова Е.В. Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России	129
Патракова С.С., Копытова Е.Д. Современное состояние продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России	143

Васильева Е.В. Проблемы трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения	166
Груздева М.А., Гордиевская А.Н. Критерии цифрового благополучия населения: состояние и проблемы	187
Нидергаус Е.О., Кеммет Е.В. Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации	200

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Изотов Д.А. Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений	211
Тарасова О.В., Исупова Е.Н. Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР	230

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Галкин К.А. Современные исследования села в России и Китае: научный обзор	249
---	-----

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	264
Правила приёма статей	275
Информация о подписке	276

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Single Voting Day 2025: Another Test Passed, but Public Trust in the Political Elite Causes Great Concern	9
---	---

PUBLIC ADMINISTRATION

Toshchenko Zh.T. Thorny Paths of Modern Russian Higher Professional Education	47
---	----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Volchik V.V., Fursa E.V., Maslyukova E.V. Economic Reforms, Modernization and the “Special Path” Ideology in Russia	61
Bakhtizin A.R., Makarov V.L., Otmakhova Yu.S., Sushko E.D. Agent-Based Epidemic Models: International Trends and Implementation in Russian Practice	79

REGIONAL ECONOMICS

Sekushina I.A. Development Institutions in Small and Medium-Sized Cities of the Northwestern Federal District	98
Leonidova E.G. Tourism as a Potential Driver of Regional Economic Growth: Assessment of Multiplier Effects and Scenario Modeling	114

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Odintsova Ye.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia’s Development	129
Patrakova S.S., Kopytova E.D. Current State of Food Security in the Regions of the European North of Russia	143

Vasilyeva E.V. Issues of the Work and Family Activities of the Older Generation	166
Gruzdeva M.A., Gordievskaya A.N. Criteria of the Digital Well-Being of the Population: Current State and Problems	187
Nidergaus E.O., Kemmet E.V. The Impact of Intergenerational Differences on Employee Engagement in an Organization	200

GLOBAL EXPERIENCE

Izotov D.A. Trade and Investment Interactions in the Asia-Pacific Region: Effects of Integration Agreements	211
Tarasova O.V., Isupova E.N. Interregional Differentiation and Analysis of Spatial Inequality Governance Performance in China	230

SCIENTIFIC REVIEWS

Galkin K.A. Contemporary Rural Studies in Russia and China: Scientific Overview	249
---	-----

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	264
Manuscript Submission Guidelines	275
Subscription Information	276

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Единый день голосования — 2025: очередной экзамен пройден, но доверие общества к политической элите продолжает вызывать большие вопросы

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. С 12 по 14 сентября 2025 года в России проходил ежегодный Единый день голосования — выборы на региональном и муниципальном уровнях. Прошедшая избирательная кампания являлась «генеральной репетицией» перед выборами в Государственную Думу 2026 года, и по её итогам многие эксперты отметили, что этот «экзамен пройден достойно». Тем не менее некоторые аналитики уже не первый год обращают внимание на то, что местные выборы всё больше принимают формальный характер, утрачивая свой потенциал как инструмента диагностики отношений, складывающихся между обществом и властью. В статье представлены результаты

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). Единый день голосования — 2025: очередной экзамен пройден, но доверие общества к политической элите продолжает вызывать большие вопросы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 9–46. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). Single Voting Day 2025: Another test passed, but public trust in the political elite causes great concern. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 9–46. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.1

многолетнего мониторинга региональных избирательных кампаний, проводимого на страницах рубрики «От главного редактора» с 2018 года, включающего в себя сравнительный анализ данных социологических исследований отношения населения к основным политическим партиям в стране. В качестве одного из этапов этого мониторинга осуществлен углубленный анализ итогов Единого дня голосования 2025 года: по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ проанализированы показатели явки и поддержки «Единой России» по регионам и областным центрам; проведен обзор экспертных мнений по итогам прошедшей избирательной кампании; рассмотрены её особенности в 2025 году, в том числе в контексте геополитических и цивилизационных вызовов, с которыми сталкивается Россия на протяжении всего XXI века и особенно после начала специальной военной операции. Кроме того, в статье продолжен мониторинг ключевых управленческих решений, принимаемых Президентом, Государственной Думой, Правительством РФ. Отдельное внимание уделено анализу экспертных мнений, данных криминальной статистики, а также реальных фактов задержаний представителей правящих «элит», что свидетельствует о сохраняющейся и нарастающей проблеме их несоответствия публичной повестке национально ориентированного развития Российской Федерации, декларируемой главой государства. Авторы акцентируют внимание на экспертных мнениях о том, что доверие общества к политической элите по-прежнему продолжает вызывать большие, существенные вопросы. Несмотря на важность внутренней политической стабильности в условиях тревожной международной обстановки и продолжающихся боевых действий в рамках специальной военной операции, политическая система пока недостаточно эффективно выполняет свою роль в реализации общественного запроса на формирование Образа будущего России и нового Общественного договора, соответствующего целевым установкам Президента на укрепление традиционных ценностей и основных принципов реального социального государства.

Ключевые слова: Единый день голосования, региональные выборы, мониторинг, эффективность государственного управления, общественное мнение, Общественный договор.

14 сентября 2025 года в России завершился очередной Единый день голосования — «крупнейшая электоральная кампания года»¹ и «действительно большое важное политическое событие»².

Всего в стране проходило свыше пяти тысяч избирательных кампаний, в которых приняли участие почти 55 миллионов избирателей. В 20 регионах состоялись прямые выборы высшего должностного лица, еще в 11 субъектах жители голосовали за кандидатов в региональные законодательные органы, в 25 субъектах выбрали

депутатов представительных органов административных центров регионов.

Напомним, что история проведения Единого дня голосования в России насчитывает уже почти 20 лет. Первые региональные и муниципальные выборы в единый день голосования прошли в 2006 году: 12 марта и 8 октября. Тогда «Единая Россия» выставляла свои партийные списки во всех 17 субъектах, где проходили выборы в региональные парламенты, и везде заняла первое место³.

¹ Муратова А. Единый день голосования-2025: как изменится власть и общественная повестка? // Газета.ру. 16.09.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/09/16/21708806.shtml?ysclid=mgw4h8rqgi281911114>

² Васильева Н. Памфилова дала старт единому дню голосования // Парламентская газета. 12.09.2025. URL: <https://www.pnp.ru/politics/pamfilova-dala-start-edinomu-dnyu-golosovaniya.html?ysclid=mgw4g5iejo163025078>

³ Результаты «Единой России» на выборах 2006 года // Коммерсант. 20.12.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/731844?ysclid=mgw4sm5p6o744883033>

21 июля 2005 года президент России Владимир Путин подписал закон «О внесении изменений в законодательные акты РФ о выборах и референдумах и иные законодательные акты РФ». Документ установил два равноправных единых дня голосования на региональных и местных выборах: второе воскресенье марта и второе воскресенье октября последнего года полномочий соответствующего органа власти. Если региональные выборы приходились на тот же год, что и федеральные (президента или Госдумы РФ), то они проводились в один день⁴.

2 октября 2012 года глава государства подписал поправки в законы о политических партиях и об основных гарантиях избирательных прав российских граждан. В соответствии с ними днем единого голосования стало второе воскресенье сентября того года, в котором истекают сроки полномочий местных и муниципальных органов власти, а в год проведения выборов в Госдуму РФ – день голосования на этих выборах.

С 2018 года (с начала нового политического цикла и четвертого президентского срока В.В. Путина) мониторинг результатов единого дня голосования является одним из направлений исследования эффективности государственного управления, которое проводится на страницах рубрики «От главного редактора»⁵. Ежегодно в пятом номере журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенден-

ции, прогноз» освещаются фактические результаты выборных кампаний (по официальным данным ЦИК РФ), а также проводится анализ экспертных оценок относительно итогов прошедшего голосования и в целом значения этого события в контексте текущей внутривнутриполитической жизни страны.

Отметим, что углубленный характер мониторинга обеспечивается за счет более широкого (по сравнению с публичным оглашением результатов голосования в СМИ и официальных заявлениях центризбиркома) представления эмпирических данных: по регионам и областным столицам, по явке и поддержке победивших кандидатов, в относительных (%) и абсолютных (чел.) значениях показателей, в % от явки и % от общего числа избирателей, а также в сравнении с итогами предыдущих выборных кампаний, проходивших на исследуемых территориях.

В целом мы исходим из того, что региональные и муниципальные выборы – это не только **инструмент оценки эффективности всего курса национального развития, реализуемого Президентом РФ, и непосредственно деятельности главы государства как гаранта Конституции РФ**, в которой указано, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (ст. 3, п. 3), но и из того, что результаты местных выборов – это **срез общественного мнения об эффективности именно «низового», местного уровня вертикали власти, более приближенного к проблемам населения**. Поэтому во многом с точки зрения мотивации избирателей на выборах местного уровня работают несколько иные «законы»,

⁴ История Единого дня голосования в России // ТАСС. 08.09.2023. URL: <https://tass.ru/info/18683417>

⁵ Основные результаты мониторинга опубликованы в следующих статьях:

1. Ильин В.А., Морев М.В. (2018). И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 9–29.
2. Ильин В.А., Морев М.В. (2019). Региональные выборы 2018–2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 9–24.
3. Ильин В.А., Морев М.В. (2020). В России буксует «решительный прорыв», объявленный В. Путиным в 2018 году // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 22–54.
4. Ильин В.А., Морев М.В. (2021). Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 9–33.
5. Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32.
6. Ильин В.А., Морев М.В. (2023). От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 9–31.
7. Ильин В.А., Морев М.В. (2024). СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 9–39.

чем на выборах Президента: люди голосуют не столько за тот или иной курс национального развития в целом, сколько за практические аспекты его реализации; оценивают власть по реальным изменениям, происходящим в регионе, муниципалитете, своей личной жизни.

Впрочем, было бы неправильно говорить о том, что федеральная и международная повестка никак не влияют на результаты местных выборов. По сути, Единый день голосования — это оценка эффективности деятельности тех людей, которые на местах проводят общий курс национального развития, а его ключевые положения формулируются на самом высоком уровне власти (Президентом РФ) с учетом многих факторов: истории, менталитета, культуры, представления о будущем страны, текущей геополитической конъюнктуры и т. д.

Так, например, в 2018 году местные выборы проходили на фоне пенсионной реформы (вместо заявленного Президентом в Послании Федеральному Собранию РФ «курса на прорыв

в сбережении народа России и благополучия наших граждан»⁶), которая вызвала широкий общественный резонанс и (как мы отмечали в одной из статей) «актуализировала вопрос о легитимности власти»⁷.

«Никаких разумных демографических аргументов для немедленного повышения пенсионного возраста у мужчин нет»⁸.

«Тезис, что увеличение пенсионного возраста улучшит благосостояние пенсионеров, кажется сомнительным. Положение тех, кто в ближайшее время вышел бы на пенсию, ухудшится. Эти поколения недополучат за каждый отложенный год почти по 200 тыс. руб.»⁹.

«Причин проводить столь жесткую по срокам изменения возраста выхода на пенсию реформу пока не видно. Наш анализ, кажется беспристрастный, показывает, что экономика в этом случае может не только ничего не выиграть, но даже и проиграть»¹⁰.

«Обычно считается, что на региональных выборах важно разговаривать о ситуации на местах. Но обсуждение федеральной пенсионной реформы и повлекло за собой ряд вопросов о качестве жизни «на земле»: **что у нас с доступностью здравоохранения после его оптимизации, условиями и рынком легального труда, социальными льготами, реальными доходами домохозяйств в провинции, где пусть и невысокая, зато гарантированная пенсия старшего поколения служит важным источником наличных средств и льгот** (неслучайно банки говорят о росте числа кредитов, которые берут пенсионеры). **В рекламной кампании по пенсионному закону в первый месяц этих насущных для общества вопросов будто и не было.** С этой точки зрения понятно, почему недовольство в регионах превалировало повестку конструктивных изменений для региональной инфраструктуры, которую по традиции предлагала «Единая Россия»¹¹.

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>

⁷ Ильин В.А., Морев М.В. (2018). Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 9.

⁸ Шилов А.А., Потапенко В.В. (2018). О справедливой пенсионной системе // Эксперт. № 24. 11–17 июня. С. 53.

⁹ Башкатова А. «НГ» подсчитала, сколько получают пенсионеры в результате реформы // Независимая газета. 20.06.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-06-20/4_7248_minus.html

¹⁰ Обухова Е., Пахунов К., Ивантер А. (2018). Это реформа, детка! // Эксперт. № 26 (1080). 25 июня.

¹¹ Скоробогатый П. (2018). Ориентир — 2021 // Эксперт. № 41. 8–14 октября. С. 53.

Как следствие, в 2018 году: на выборах руководителей регионов, проходивших в 22 субъектах РФ, за представителей «Единой России» проголосовало на 4,3 млн человек меньше, чем на предыдущих выборах в 2013 году, а на выборах в законодательные органы государственной власти (проходивших в 16 субъектах РФ) – меньше на 1,2 млн человек (табл. 1).

В четырех регионах (Хабаровский и Приморский края, Республика Хакасия и Владимирская область) для окончательного определения главы субъекта РФ потребовался второй тур. И, как отметили эксперты, именно «обсуждение федеральной пенсионной реформы повлекло за собой ряд вопросов о качестве жизни „на земле“»¹².

В 2019 году на выборах глав регионов нигде не потребовалось второго тура; во всех субъектах РФ победили либо представители «Единой России» (в 10 регионах), либо самовыдвиженцы, активно ею поддерживаемые (в 6 субъектах РФ).

Однако негативные тенденции переломить не удалось: на выборах глав регионов, проходивших в 16 субъектах РФ, за кандидатов от «Единой России» проголосовало меньше на 2,9 млн человек, чем в 2018 году, а на выборах в законодательные органы государственной власти, проходивших в 13 регионах страны, – на 1,7 млн человек меньше по сравнению с 2018 годом (табл. 2).

Таблица 1. Итоги Единого дня голосования, 2018 г.

Партия, явка	Выборы главы региона*					
	млн чел.			%		
	Факт		Изменение 2018 г. к 2013 г.	Факт		Изменение 2018 г. к 2013 г.
	2013 г.	2018 г.		2013 г.	2018 г.	
Единая Россия	11,82	7,54	-4,28	74,88	62,99	-16,53
КПРФ	1,55	1,75	+0,20	16,29	19,58	+5,11
ЛДПР	0,77	1,82	+1,05	6,77	14,82	+9,28
Справедливая Россия	0,49	0,88	+0,39	4,33	7,45	+2,89
Остальные партии	0,56	0,79	+0,23	7,96	5,70	+0,53
Самовыдвижение	0,00	0,42	+0,42	0	61,88	+61,88
Явка	17,35	15,73	-1,62	44,79	42,95	-1,84
Партия, явка	Выборы в законодательные органы**					
	млн чел.			%		
	Факт		Изменение 2018 г. к 2013 г.	Факт		Изменение 2018 г. к 2013 г.
	2013 г.	2018 г.		2013 г.	2018 г.	
Единая Россия	4,96	3,74	-1,22	51,62	41,54	-10,07
КПРФ	0,93	1,54	+0,62	13,78	23,14	+9,36
ЛДПР	0,58	0,96	+0,39	8,40	15,04	+6,64
Справедливая Россия	0,44	0,60	+0,16	6,67	8,66	+1,99
Остальные партии	0,88	0,48	-0,40	16,27	7,79	-8,47
Явка	7,90	7,62	-0,28	39,25	38,73	-0,85

* Итого по 22 субъектам РФ: Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Кемеровская область, Магаданская область, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область, Псковская область, Самарская область, Тюменская область, г. Москва, Чукотский автономный округ.

** Итого по 16 субъектам РФ: Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Забайкальский край, Архангельская область, Владимирская область, Ивановская область, Иркутская область, Кемеровская область, Ростовская область, Смоленская область, Ульяновская область, Ярославская область, Ненецкий автономный округ.

Источник: рассчитано авторами по официальным данным ЦИК РФ. Более подробные результаты расчетов представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2018). И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 9–29.

¹² Скоробогатый П. (2018). Ориентир – 2021 // Эксперт. № 41. 8–14 октября. С. 53.

Таблица 2. Итоги Единого дня голосования, 2019 г.

Партия, явка	Выборы главы региона*					
	млн чел.			%		
	Факт		Изменение 2019 г. к 2014 г.	Факт		Изменение 2019 г. к 2014 г.
	2014 г.	2019 г.		2014 г.	2019 г.	
Единая Россия	7,78	4,88	-2,90	74,53	71,50	-3,04
КПРФ	0,77	0,89	+0,12	11,47	14,79	+3,33
ЛДПР	0,36	0,50	+0,13	5,02	8,21	+3,19
Справедливая Россия	0,12	0,38	+0,27	5,45	5,27	-0,18
Остальные партии	0,43	0,47	+0,04	5,31	3,91	-1,41
Самовыдвижение	0,06	2,30	+2,24	9,78	72,33	+62,55
Явка	9,82	9,71	-0,11	43,97	44,58	+0,60
Партия, явка	Выборы в законодательные органы**					
	млн чел.			%		
	Факт		Изменение 2019 г. к 2014 г.	Факт		Изменение 2019 г. к 2014 г.
	2014 г.	2019 г.		2014 г.	2019 г.	
Единая Россия	5,01	3,31	-1,69	66,57	51,91	-14,65
КПРФ	0,83	1,26	+0,43	10,29	17,06	+6,76
ЛДПР	0,46	0,81	+0,35	6,77	14,48	+8,17
Справедливая Россия	0,41	0,50	+0,09	5,12	6,80	+1,57
Остальные партии	0,84	1,16	+0,32	9,13	9,34	+0,20
Явка	7,82	7,28	-0,54	52,01	47,45	-4,56

* Итого по 16 субъектам РФ (без учета глав субъектов РФ, назначенных через голосование в парламенте): Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Забайкальский край, Ставропольский край, Астраханская область, Волгоградская область, Вологодская область, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Мурманская область, Оренбургская область, Сахалинская область, Челябинская область, г. Санкт-Петербург.

** Итого по 13 субъектам РФ: Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Республика Тыва, Хабаровский край, Брянская область, Волгоградская область, Тульская область, г. Москва, г. Севастополь.

Источник: рассчитано авторами по официальным данным ЦИК РФ. Более подробные результаты расчетов представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2019). Региональные выборы 2018–2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 9–24.

Выборы, проходившие в Единый день голосования с 11 по 13 сентября 2020 года, стали первой избирательной кампанией после принятия поправок к Конституции РФ. В 2020 году объектом исследования в рамках мони-

торинга результатов избирательных кампаний стали территории, на которых располагаются крупные, системообразующие предприятия страны¹³, и (согласно расчетам, проведенным по официальным данным ЦИК РФ) в целом

¹³ Всего 13 сентября 2020 г. состоялись выборы высших должностных лиц в 18 субъектах РФ (Республика Коми, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Камчатский, Краснодарский, Пермский края, Архангельская, Брянская, Иркутская, Калужская, Костромская, Ленинградская, Пензенская, Ростовская, Смоленская, Тамбовская области, Севастополь и Еврейская автономная область).

В 11 регионах прошли выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (Республика Коми, Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курганская, Магаданская, Новосибирская, Рязанская, Челябинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ).

В 22 областных столицах состоялись выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров (Сыктывкар, Казань, Ижевск, Чебоксары, Краснодар, Астрахань, Владимир, Воронеж, Иваново, Калуга, Кострома, Липецк, Магадан, Нижний Новгород, Новосибирск, Оренбург, Орел, Ростов-на-Дону, Смоленск, Тамбов, Томск и Ульяновск).

В выборку этапа мониторинга в 2020 г. (в рамках которого анализировались итоги голосования по поправкам к Конституции) вошли 14 регионов и 17 городов (их областные столицы и некоторые крупные города), на территории которых располагаются крупные, системообразующие для российской экономики компании (такие как Норильский никель, НЛМК, Коватэк, Северсталь, Лукойл, Металлоинвест, ММК, Евраз, ФосАгро, Акрон, Русал, Севералмаз, Полиметалл).

Из этих территорий 6 регионов и 3 города в этом же году принимали участие в Едином дне голосования 13 сентября 2020 г.

по этим территориям поддержка власти уменьшилась на 77 тыс. человек в регионах (с 1,63 до 1,55 млн чел.), и на 27 тыс. человек — в городах (с 0,12 до 0,09 млн чел.). При этом явка (в % от общего числа избирателей) в регионах снизилась на 5 п. п. (с 30 до 25%), в городах — на 3 п. п. (с 15 до 12%; табл. 3).

Таблица 3. Число голосов, отданных за представителей от «Единой России» на региональных и муниципальных выборах 2015 и 2020 гг. в отдельных субъектах РФ

Показатель	Единый день голосования		Изменение, 2020 г. к 2015 г.
	15 сент. 2015 г.	13 сент. 2020 г.	
Среднее по 7 регионам*			
Явка, млн чел.	3,38	2,75	-0,63
Явка, %	44,4	36,7	-7,7
Поддержка «Единой России», млн чел.	1,63	1,55	-0,08
% от явки	48,2	56,5	+8,3
% от числа избирателей	21,4	20,7	-0,7
Среднее по 3 городам**			
Явка, млн чел.	0,24	0,20	-0,04
Явка, %	30,4	25,6	-4,8
Поддержка «Единой России», млн чел.	0,12	0,09	-0,03
% от явки	49,0	46,1	-2,9
% от числа избирателей	14,9	11,8	-3,1
* Белгородская обл., Липецкая обл., Архангельская обл., Ямало-Ненецкий авт. округ, Челябинская обл., Иркутская обл., Магаданская обл.			
** Липецк, Магнитогорск, Магадан.			
Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.			

Как отметили эксперты, анализируя результаты Единого дня голосования в 2020 году, «российское общество в целом и, особенно, в отдельных регионах нашей страны проявляет растущую политическую пассивность», итоги голосования говорят «о процессе пусть не противостояния, но отчуждения, дистанцирования нашего общества от действующей системы отечественной политической власти».

«По сравнению с „конституционным“ голосованием 25 июня – 1 июля ощутимо снизилась явка избирателей, несмотря на введение „трёхдневки“, то есть досрочного волеизъявления избирателей в течение пятницы и субботы 11-12 сентября вдобавок к „основному“ воскресному дню 13 сентября. Отчасти это можно объяснить „местным“ характером прошедших выборов, традиционно вызывающих у наших сограждан гораздо меньший интерес. Но разница здесь такова, что сам собой напрашивается следующий вывод: **российское общество в целом и, особенно, в отдельных регионах нашей страны проявляет растущую политическую пассивность, причём это в меньшей степени касается „национальных“ субъектов Федерации. Такая картина говорит не только о принципиальной разнице в системах управления „обычными“ регионами и республиками в составе РФ, но также о процессе пусть не противостояния, но отчуждения, дистанцирования нашего общества от действующей системы отечественной политической власти**»¹⁴.

Подводя итоги Единого дня голосования в сентябре 2020 года, генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров подчеркнул, что «сценарий предстоящей федеральной кампании [выборы в Государственную Думу РФ 2021 г.] для власти и ее партии получается исключительно пессимистичным»¹⁵.

Следует отметить, что этот прогноз во многом оказался верным. С одной стороны, в 2021 году по сравнению с 2016 годом явка на выборы в Государственную Думу РФ в целом по стране увеличилась на 4 п. п. (с 48 до 52%), то есть на 3,8 млн человек. При этом если на выборах 2016 года рост явки отмечался лишь в четырех

¹⁴ Винников В. Тихая заводь: об итогах единого политдня // Завтра. 16.09.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/tihaya_zavod_?ysclid=mh94xw5qou614573335

¹⁵ Гармоненко Д. На выборах в Госдуму «Единая Россия» столкнется с семью рисками // Независимая газета. 06.10.2020. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-10-06/1_7982_elections.html (по материалам выступления В.В. Федорова «Итоги ЕДГ-2020 — перспективы выборов в Госдуму-2021» на заседании Научного совета ВЦИОМ «Российские региональные выборы — 2020: тенденции и перспективы» 23 сентября 2020 г.).

регионах РФ, то в 2021 году — уже в 60¹⁶. Однако за последние 14 лет (с 2007 по 2021 год) число россиян, принимающих участие в голосовании, уменьшилось на 12 млн человек (явка снизилась с 64 до 52%; табл. 4).

Поддержка партии власти за 2016–2021 гг. в целом по стране уменьшилась с 54 до 50% (на 0,5 млн чел.), причем ухудшение позиций «Единой России» по сравнению с предыдущими выборами в Государственную Думу отмечалось в 70 субъектах РФ. В целом же за период с 2007 по 2021 год доля голосов избирателей, отданных за партию власти, снизилась с 64 до 50%, то есть почти на 17 млн избирателей. При этом сложно не согласиться с оценками экспертов, отмечающих, что «если при явке в 50% правящая партия набирает 50% голосов, то это означает, что власть поддерживает всего четверть граждан»¹⁷.

Таким образом, краткий анализ результатов мониторинга местных (региональных и муниципальных) выборов за период с 2018 по 2020 год, а также выборов в Государственную Думу, прошедших в 2021 году, показал, что при сохранении доминирующего превосходства на политической арене (в частности, конституционного большинства в Государственной Думе) в динамике поддержки «Единой России» отмечались достаточно устойчивые негативные изменения. Об этом прежде всего говорит потеря партией власти 17 млн голосов избирателей на парламентских выборах за 2007–2021 гг.

С опорой на эмпирические данные проведенных исследований, а также на экспертные оценки по результатам всех анализируемых выборных кампаний за 2018–2021 гг. вполне логичным являлся вывод о том, что «прошедшие выборы в Государственную Думу VIII созыва, с одной стороны, продемонстрировали растущее недовольство россиян в отношении того, как действующая партия власти и Президент справляются с решением ключевых проблем, волнующих население. С другой стороны, общество выдало главе государства еще один «кредит доверия», рассчитывая на то, что постепенными реформами и личными инициативами он сможет привести систему государственного управления в порядок...»¹⁸

Качественно иной, более высокий уровень актуальности этим «постепенным реформам и личным инициативам» со стороны главы государства придали специальная военная операция и резкое обострение угроз национальной безопасности, с которыми Россия столкнулась после февраля 2022 года.

Прежде всего, СВО оказала значительное влияние на мотивацию избирателей. Все выборные кампании после февраля 2022 года проходили «в условиях беспрецедентной консолидации общества, объединения вокруг президента и флага»¹⁹, что не могло не отразиться на результатах голосования, а многие эксперты после начала СВО стали говорить о том, что в форс-

Таблица 4. Изменение итогов голосования на выборах в Государственную Думу V и VIII созывов (2007–2021 гг.)

Показатель		Год				Изменение (+/-)		
		2007	2011	2016	2021	2021 к 2016	2021 к 2011	2021 к 2007
Явка	Млн чел.	69,61	65,77	52,70	56,48	+3,78	-9,28	-13,12
	%	63,78	60,21	47,88	51,72	+3,84	-8,49	-12,06
Поддержка «Единой России»	Млн чел.	44,71	32,37	28,53	28,06	-0,46	-4,31	-16,65
	%	64,30	49,31	54,20	49,82	-4,38	+0,51	-14,48
Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.								

¹⁶ Подробные результаты расчетов представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2021). Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 32.

¹⁷ Глазьев С.Ю. Будущее за открытым голосованием // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. 29.09.2021. URL: <https://glazev.ru/articles/136-chelovek-i-obshchestvo/95065-sergey-glaz-ev-budushhee-za-otkryтым-golosovaniem>

¹⁸ Ильин В.А., Морев М.В. (2021). Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 32.

¹⁹ Аналитики Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) назвали выборы-2023 консолидирующими российское общество. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/12/analitiks>

Делягин М. (депутат Государственной Думы РФ): «В условиях специальной военной операции должен быть режим не «Живите как обычно, не обращая внимания», а режим «Все для фронта, все для победы». И в этом случае проведение таких выборов выглядит немножко странно»²⁰.

Гращенко И. (политолог): «Идея отказа от выборов глав регионов – не новая. Слухи об их отмене ходили всю весну нынешнего [2022] года. Тогда речь шла о том, что в условиях проведения СВО было бы разумно продемонстрировать внутриполитическое единство, а заодно сэкономить бюджетные средства»²¹.

Миронов С.: «Зачем тратить на это всё [выборы губернаторов] время и деньги, когда и так понятно, что безусловное большинство поддерживают проведения специальной военной операции и, в частности, решения президента России»²².

Галлямов А. (политолог): «Людам не нравится отказываться от своего права выбирать себе начальство. Получится, что одной рукой власти успокаивают население – мол, у нас всё нормально, – а другой вводят форс-мажор. Это будет укреплять ощущение того, что в стране что-то идёт не так»²³.

мажорных условиях, когда страна ведет фактически полноценную войну с «коллективным Западом» и должна перестраиваться на принцип «всё для фронта, всё для Победы», региональные выборы вообще не нужны.

Анализируя итоги Единого дня голосования, проходившего 11 сентября 2022 года, Председатель правления Фонда развития гражданского общества К. Костин отметил: «Все действующие губернаторы выиграли в первом туре с хорошими результатами, а „Единая Россия“ получила один из лучших результатов в истории (если не самый лучший) – 80 процентов всех мандатов. Это говорит о поддержке президента и сил, которые проводят его политику на разных уровнях»²⁴.

«У губернаторов, которые подтверждали свои полномочия, результат оказался выше, чем в прошлый раз. И это – итог консенсуса вокруг президента»²⁵.

Впрочем, стоит сказать, что по сравнению с предыдущими аналогичными выборами (то есть за период с 2017 по 2022 год) во многих регионах и областных центрах число людей, пришедших на избирательные участки, снизилось. Это, по мнению некоторых экспертов, свидетельствовало, что «у власти есть проблемы или нет полной уверенности»²⁶.

²⁰ Енцов Ю. Вместо призыва «Всё для фронта!» сограждане слышат «Всё хорошо, прекрасная маркиза» (интервью с М. Делягиным 10.09.2024 // Саратовское областное отделение КПРФ. URL: <https://kprf-saratov.ru/2024/09/mihail-delyagin-vmesto-prizyva-vsyo-dlya-fronta-sograzhdane-slyshat-vsyo-horosho-prekrasnaya-markiza>

²¹ Избирать или назначать. Почему в России в 2023 году могут отменить выборы губернаторов // Новости сетевого издания «АМИЦ.РУ». 24.10.2022. URL: <https://www.amic.ru/news/politika/izbirat-ili-naznachat-pochemu-v-rossii-v-2023-godu-mogut-otmenit-vybory-gubernatorov-510924?ysclid=m22xj5twjh750436221>

²² Дискуссия о возможном отказе от прямых выборов в 2022 году породила интригу // Московская газета. 16.05.2022. URL: <https://mskgazeta.ru/politika/diskussiya-o-vozmozhnom-otkaze-ot-priamyh-vyborov-v-2022-godu-porodila-intrigu-10172.html?ysclid=m22xrnw0h9238697419>

²³ Там же.

²⁴ Эксперты об итогах выборов: Политическая система успешно сдала ЕДГ // Российская газета. 12.09.2022. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/eksperty-ob-itogah-vyborov-politicheskaya-sistema-uspeshno-sdala-edg.html?ysclid=mh03nr5dur449008820>

²⁵ Эксперты об итогах выборов: Политическая система успешно сдала ЕДГ // Российская газета. 12.09.2022. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/eksperty-ob-itogah-vyborov-politicheskaya-sistema-uspeshno-sdala-edg.html> (мнение руководителя Департамента стратегических исследований и прогнозирования Экспертного института социальных исследований Е. Соколовой).

²⁶ Гармоненко Д. Власть продолжает побеждать при любом количестве избирателей // Независимая газета. 11.09.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-09-11/1_8536_elections.html

Так, на выборах руководителей субъектов РФ за период с 2017 по 2022 год явка населения в среднем по регионам сократилась на 4 п. п. (с 40 до 36%, или с 6,2 до 5,5 млн чел.; табл. 5). Поддержка партии власти снизилась на 2 п. п. (с 29 до 27% от общего числа избирателей), то есть «Единая Россия» потеряла 270 тыс. голосов избирателей.

Таблица 5. Итоги Единого дня голосования в 2022 г. по выборам на должность руководителей субъектов РФ в регионах и областных столицах

Показатель	Единый день голосования		Изменение, 2022 г. к 2017 г.
	10 сент. 2017 г.	11 сент. 2022 г.	
Среднее по 14 регионам*			
Явка, млн чел.	6,20	5,46	-0,74
Явка, %	40,23	35,95	-4,3
Поддержка «Единой России», млн чел.	4,40	4,13	-0,27
% от явки	71,07	75,65	+4,6
% от числа избирателей	28,60	27,20	-1,4
Среднее по 14 областным столицам**			
Явка, млн чел.	1,75	1,58	-0,17
Явка, %	30,53	27,51	-3,0
Поддержка «Единой России», млн чел.	1,15	1,09	-0,06
% от явки	65,80	68,70	+2,9
% от числа избирателей	20,09	18,90	-1,2
* Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Ма- рий Эл, Удмуртская Республика, Владимирская обл., Калинин- градская обл., Кировская обл., Новгородская обл., Рязанская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Тамбовская обл. Томская обл., Ярославская обл.			
** Улан-Удэ, Петрозаводск, Йошкар Ола, Ижевск, Владимир, Калининград, Киров, Великий Новгород, Рязань, Саратов, Ека- теринбург, Тамбов, Томск, Ярославль.			
Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.			

По областным столицам явка снизилась на 3 п. п. (с 30 до 27%, или с 1,8 до 1,6 млн чел.),

а поддержка партии власти уменьшилась на 1,2 п. п. (с 20 до 19%, или на 60 тыс. голосов избирателей)²⁷.

Следующий Единый день голосования в России состоялся 10 сентября 2023 года. Избирательные кампании и местные референдумы различного уровня проходили «в 85 из 89 субъектов Федерации»²⁸.

Особенностью выборов в сентябре 2023 года являлось, во-первых, то, что они были «последними перед президентской кампанией 2024 г.»²⁹. Во-вторых, они проходили не только в условиях продолжающихся боевых действий, а также на фоне терактов и диверсий на территории российских регионов, но и после попытки вооруженного мятежа, осуществленной руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным 24 июня 2023 г.

На фоне этих событий, как отметила председатель ЦИК Э. Памфилова, «явка стала рекордной за десять лет... Все действующие губернаторы, а также врио сохранили свои посты»³⁰.

Однако углубленный анализ данных ЦИК РФ показал, что существенный рост явки по сравнению с предыдущими выборами имел место лишь на незначительном количестве территорий.

Так, например, на выборах высших должностных лиц субъектов РФ доля избирателей, принявших участие в голосовании, ощутимо (на 10 п. п. и более) увеличилась только в 4 субъектах РФ из 21 (в среднем на 16 п. п., с 44 до 60%, или на 3,2 млн чел.). При этом в 9 регионах явка снизилась (на 4 п. п., с 47 до 43%, или на 360 тыс. чел.; табл. 6).

На выборах в законодательные органы власти ощутимый прирост явки в 2023 году по сравнению с 2018 годом отмечался только в двух регионах — Кемеровской и Смоленской областях (на 12 п. п., с 45 до 57%, или на 0,3 млн чел.), снижение явки — в 10 субъектах РФ (на 4 п. п., с 39 до 35%, или на 0,4 млн чел.; табл. 7).

²⁷ С более подробными результатами исследования, включая выборы в законодательные органы субъектов РФ, можно ознакомиться в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32.

²⁸ История Единого дня голосования в России. URL: <https://tass.ru/info/18683417>

²⁹ Региональная кампания-2023 будет масштабной, но предсказуемой // Коммерсант. 09.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5758775>

³⁰ Памфилова назвала рекордной явку в 46%. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2023/6501c3fe9a7947ea85beaf37>

Таблица 6. Динамика явки на выборы высших должностных лиц субъектов РФ
10 сентября 2023 г. в сравнении с 9 сентября 2018 г. по субъектам РФ

Субъект РФ	2018 г.		2023 г.		Изменение (+/-)	
	тыс. чел.	% от изб.	тыс. чел.	% от изб.	тыс. чел.	% от изб.
Прирост явки на 10 п. п. и более						
Московская область	2144,96	38,59	3682,45	60,53	+1537,49	+22
Нижегородская обл.	1046,59	40,51	1401,66	56,01	+355,08	+16
Кемеровская область – Кузбасс	1337,42	66,47	1549,24	81,01	+211,82	+15
Город Москва	2259,08	30,94	3325,12	43,18	+1066,04	+12
ИТОГО	6788,05	44,13	9958,47	60,18	+3170,43	+16
Прирост явки на 1–9 п. п. / отсутствие изменений						
Красноярский край	593,49	28,94	730,88	35,55	+137,39	+7
Амурская область	194,75	31,25	233,42	38,74	+38,66	+7
Воронежская область	831,09	44,83	928,81	51,08	+97,71	+6
Самарская область	1143,20	48	1296,99	53,79	+153,79	+6
Смоленская обл.*	225,61	29,67	250,38	33,71	+24,77	+4
Новосибирская обл.	628,95	29,52	695,49	31,86	+66,55	+2
Тюменская область	1241,45	49,09	1359,02	50,76	+117,57	+2
Ивановская область	265,77	32,9	261,61	33,92	-4,16	+1
Псковская область	195,41	36,91	194,08	37,8	-1,33	+1
ИТОГО	5319,71	36,79	5950,67	40,80	+630,96	+4
Снижение явки						
Приморский край**	680,10	46,35	655,23	45,58	-24,87	-1
Республика Саха (Якутия)	321,54	50,69	314,93	48,41	-6,61	-2
Республика Хакасия	160,09	41,88	155,82	39,54	-4,27	-2
Орловская область	364,85	57,77	337,27	55,98	-27,58	-2
Магаданская область	38,74	39,58	33,95	35,09	-4,78	-4
Алтайский край	683,34	37,28	547,93	31,04	-135,41	-6
Чукотский авт. округ	17,99	60,19	15,97	53,48	-2,02	-7
Омская область	666,63	43,6	510,51	34,51	-156,11	-9
ИТОГО	2933,26	47,17	2571,61	42,95	-361,65	-4

* Предыдущие выборы проходили 13 сентября 2020 г. ** Предыдущие выборы проходили 16 декабря 2018 г.

Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.

Таблица 7. Динамика явки на выборы в законодательные органы субъектов РФ
10 сентября 2023 г. в сравнении с 9 сентября 2018 г. по субъектам РФ

Субъект РФ	2018 г.		2023 г.		Изменение (+/-)	
	тыс. чел.	% от изб.	тыс. чел.	% от изб.	тыс. чел.	% от изб.
Прирост явки на 10 п. п. и более						
Кемеровская область – Кузбасс	1335,56	66,39	1549,10	81,01	+213,54	+15
Смоленская область	182,06	23,67	250,32	33,70	+68,26	+10
ИТОГО	1517,62	45,03	1799,42	57,36	+281,80	+13
Прирост явки на 1–9 п. п. / отсутствие изменений						
Забайкальский край	176,01	22,04	205,18	26,62	+29,17	+5
Респ. Башкортостан	1498,02	49,08	1545,91	51,72	+47,89	+3
Ненецкий авт. округ	12,17	35,96	12,87	37,69	+0,70	+2
Ивановская область	265,80	32,91	261,56	33,92	-4,24	+1
ИТОГО	1951,99	35,00	2025,52	37,49	+73,53	+2
Снижение явки						
Архангельская обл.	276,88	29,34	250,52	28,08	-26,35	-1
Республика Хакасия	159,97	41,85	155,85	39,57	-4,12	-2
Респ. Саха (Якутия)	321,45	50,69	314,58	48,36	-6,87	-2
Иркутская область	491,58	26,33	443,84	24,22	-47,74	-2
Ярославская область	296,69	29,27	271,96	27,41	-24,73	-2
Республика Бурятия	270,19	39,55	254,76	36,3	-15,44	-3
Ростовская область	1447,33	45,43	1357,36	42,83	-89,97	-3
Ульяновская область	404,48	40,31	330,84	34,68	-73,64	-6
Владимирская обл.	372,65	32,92	268,45	24,77	-104,20	-8
Респ. Калмыкия	111,80	54,03	84,29	42,04	-27,51	-12
ИТОГО	4153,02	38,97	3732,47	34,83	-420,56	-4

Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.

Таблица 8. Сравнение итогов выборов 10 сентября 2023 г. по новым регионам и остальным субъектам РФ

Показатель	По новым субъектам РФ	По остальным субъектам РФ	Изменение (+/-) по новым субъектам РФ в сравнении с остальными регионами
Выборы в законодательные органы власти			
Явка, % от числа избирателей	71,14	38,31	+33
Доля голосов, отданных за «Единую Россию», % от явки	77,52	56,52	+21
Выборы в представительные органы муниципальных образований областных центров субъектов РФ			
Явка, % от числа избирателей	63,54	33,14	+30
Доля голосов, отданных за «Единую Россию», % от явки	77,46	50,68	+27
Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (http://www.vybory.izbirkom.ru).			

Аналогичная ситуация была характерна для областных центров:

✓ на выборах высших должностных лиц субъектов РФ явка существенно увеличилась только в пяти муниципальных образованиях (с 36 до 48%, или на 1,4 млн чел.), однако в 9 областных столицах она снизилась (на 5 п. п., с 35 до 30%, или на 1 млн чел.);

✓ на выборах в законодательные органы ощутимый рост явки отмечался только в трех городах — Уфе, Кемерово и Смоленске (на 12 п. п., с 33 до 45%, или на 0,1 млн чел.), снижение — в 10 городах (на 5 п. п., с 33 до 28%, или на 0,2 млн чел.)³¹.

Кроме того, в региональных выборах 2023 года впервые принимали участие новые российские регионы — ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области, которые показали более высокий уровень явки и поддержки «Единой России», чем в среднем по остальным субъектам и муниципальным образованиям РФ (табл. 8).

Таким образом, анализируя итоги Единого дня голосования в 2023 году, эксперты отметили, что это «явление куда более сложное»³², чем просто

«эффект сплочения» или «единения вокруг флага»:
«В стране, где лишь за один год прошла мобилизация, случились громкие неудачи на фронте, провалился военный мятеж, а в тылу пошли резко вверх цены на товары первой необходимости и продукты питания. Было и много позитивного, но именно перечисленные явления чаще всего давят на избирателя и провоцируют переоценку состояния командно-политического звена»³³.

«Итоги Единого дня голосования 10 сентября 2023 г. сигнализируют о том, что на фоне общей консолидации большинства населения (вполне естественно вызванной актуальностью внешних и внутренних угроз, с которыми столкнулась Россия после начала СВО), в обществе продолжает накапливаться запрос к власти по приведению в соответствие поведения и конкретных действий элит публично декларируемой риторике государства»³⁴.

³¹ Подробные результаты исследования представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 9–31.

³² Скоробогатый П. Выборы-2023: эффект сплочения // Выбор народа» 20.09.2023. URL: <http://vybor-naroda.org/stovyborah/248163-vybory-2023-jeffekt-splochenija.html>

³³ Там же.

³⁴ Ильин В.А., Морев М.В. (2023). От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 9–31.

8 сентября 2024 года Единый день голосования проходил на фоне не только возрастающей вероятности нанесения ракетных ударов дальнобойным оружием натовского производства вглубь российских территорий, но и, что более важно, на фоне вторжения ВСУ в Курскую область (6 августа 2024 г.).

Вполне естественно, что сохранение общих условий усугубления внешней политической ситуации в мире и вокруг России повлияло на сохранение тенденций, отмечаемых по результатам проведения Единого дня голосования в 2024 году.

Э. Памфилова «оценила итоги Единого дня голосования-2024 по максимуму»³⁵: как и прежде, во всех субъектах, где проходили выборы

руководителей регионов, победу одержали либо назначенные Президентом врио, либо действующие губернаторы. При этом в среднем по 21 региону, в которых проходили прямые выборы руководителей субъектов РФ, явка увеличилась на 3,72% (с 46,8 до 50,5% от общего числа избирателей, а поддержка представителей партии власти или врио, назначенных Президентом, на 3,64% (с 73,36 до 77,0%; табл. 9).

Рост явки зафиксирован в большинстве субъектов РФ, где проходило голосование (в 15 субъектах РФ из 21), хотя следует отметить, что поддержка партии власти в 2024 году по сравнению с предыдущими выборами 2019 года увеличилась лишь в половине регионов (в 11 из 21)³⁶.

Таблица 9. Итоги Единого дня голосования в 2024 г. по выборам на должность руководителей субъектов РФ в регионах и областных столицах

Показатель	Единый день голосования		Изменение, 2024 г. к 2019 г.
	8 сент. 2019 г.	8 сент. 2024 г.	
Среднее по 21 субъекту РФ*			
Явка, млн чел.	13,90	14,63	+0,73
Явка, %	46,82	50,54	+3,72
Поддержка «Единой России», млн. чел.	10,59	11,20	+0,61
% от явки	73,36	77,00	+3,64
% от числа избирателей	34,87	38,98	+4,11
Среднее по 20 областным столицам**			
Явка, млн чел.	3,56	3,52	-0,04
Явка, %	41,97	42,01	+0,04
Поддержка «Единой России», млн чел.	2,59	2,67	+0,08
% от явки	69,59	73,96	+4,37
% от числа избирателей	29,62	31,41	+1,79
* Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Забайкальский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Астраханская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Калининградская обл., Кемеровская обл. – Кузбасс, Курганская обл., Курская обл., Липецкая обл., Мурманская обл., Оренбургская обл., Самарская обл., Сахалинская обл., Тульская обл., Челябинская обл., г. Санкт-Петербург.			
** Горно-Алтайск, Уфа, Элиста, Чита, Ставрополь, Хабаровск, Астрахань, Волгоград, Вологда, Калининград, Кемерово, Курган, Курск, Липецк, Мурманск, Оренбург, Самара, Южно-Сахалинск, Тула, Челябинск.			
Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.			

³⁵ Родин И. Памфилова отвергла антинародную критику выборов // Независимая газета. 11.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-11/3_9091_campaign.html?ysclid=m1q4r67ynj13324465

³⁶ Подробные результаты исследования представлены в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 9–39.

1. «На фоне прогресса избирательных технологий **политическое устройство деградирует к архаике... они [оппозиционные партии] окончательно превратились в объект политического процесса.** А его субъектом выступают региональные власти, связанные в единую сеть через политических вице-губернаторов, которая замыкается в профильных управлениях администрации президента»³⁷.

2. «**Ожидать от выборов процесса коллективного поиска решений самых актуальных проблем регионов/городов/районов/страны в такой конструкции запроса – нельзя.** Потому что вперед выдвигается требование метафизической/экзистенциальной важности – сохранение самой российской государственности. А текущие проблемы людей кажутся мелкими, ничтожными, эгоистичными, мещанскими...»³⁸

3. «**Выборы скорее воспринимаются как политический ритуал, в котором принято участвовать...** Этого, может быть, и достаточно здесь и сейчас. **Но едва ли этого достаточно, чтобы эффективно управлять большой страной в долгосрочной перспективе, чувствовать настроения людей**»³⁹.

4. «**Продолжится «заморозка» политической и общественной активности. Можно предполагать, что партия власти в таких условиях продолжит курс на профанацию выборов и чисто формальное поддержание легитимности.** Как уже сейчас говорят эксперты, **реальное политическое содержание выборов не относится к волеизъявлению масс...**»⁴⁰

5. «Единый день голосования-2024 по формальным признакам оказался копией прошлогодних выборов **со сжатием основной конкуренции до пяти парламентских партий**»⁴¹.

Анализируя результаты Единого дня голосования 2024 года, многие эксперты пришли к выводу о том, что значительной частью населения выборы всё больше воспринимаются как «политический ритуал», их «реальное политическое содержание не относится к волеизъявлению масс», а само политическое устройство в России «деградирует к архаике», поскольку происходит «сжатие политической конкуренции», оппозиционные партии «превращаются в

объект политического процесса», таким образом, идет «заморозка политической и общественной активности».

Другими словами, эксперты обратили внимание на то, что **на фоне процесса «единения вокруг флага» происходит «рутинизация», фактически «отмирание» института самих выборов.** И продолжение этой тенденции было отмечено ими в ходе следующей избирательной кампании местного уровня, состоявшейся 14 сентября 2025 года.

³⁷ О вариантах складывающейся однопартийной системы // Независимая газета. 11.09.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-09-11/2_9091_red.html?ysclid=m1ov943beg112335220

³⁸ Ремчуков К. Хочет ли наше общество перемен? // Независимая газета. 09.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-09/2_9088_1427.html?ysclid=m1ouvv0945994401035

³⁹ О выборах как канале коммуникации // Независимая газета. 10.09.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-09-10/2_9090_red.html?ysclid=m1ov3swigc738886871

⁴⁰ Гармоненко Д. Партсписки для Госдумы-2026 сохраняют в политически необходимом объеме // Независимая газета. 17.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-17/1_9095_elections.html?ysclid=m1ow0bnrnr730662997 (мнение руководителя аналитического управления КПРФ С. Обухова).

⁴¹ Кынев А. ЛДПР, Новые люди и эсеры претендуют на один электорат // Федеральная экспертная сеть «Клуб регионов». 10.09.2024. URL: <http://club-rf.ru/detail/7425?ysclid=m1uf0lhmgga649045765>

«На выборах руководителей 20 регионов Российской Федерации победили 19 выдвиженцев «Единой России» и один самовыдвиженец – действующий глава Чувашской Республики Олег Николаев. Никто из победителей не набрал меньше 60% голосов. У восьми новоизбранных глав регионов, включая нового губернатора Курской области Александра Хинштейна, более 80% голосов...

Все это означает, что на выборах глав регионов была формальная конкуренция, но не было настоящей борьбы и какой-либо интриги. В стерильном внутривыборном пространстве это ожидаемо и нормально...

Победы кандидатов власти со столь явным преимуществом формально свидетельствуют о том, что в регионах все стабильно, нет даже повода для общественного недовольства, не говоря уже о протестных настроениях. Или же о том, что власть хорошо мониторит ситуацию на местах, вовремя убирает дискредитировавших себя руководителей, заменяет их другими, эффективными (как в той же Курской области). Другими словами, все делается так, чтобы выборы оставались почти ритуальной практикой утверждения в должности правильного кандидата.

Это непрозрачная среда... Это политика в тени, которую никак не подсвечивают выборы»⁴².

В 2025 году выборная кампания имела ряд особенностей, о которых следует сказать отдельно.

Во-первых, Единый день голосования – 2025 стал «генеральной репетицией для политической системы перед выборами в Государственную Думу 2026 года»⁴³. Это означает, что для политических партий это были «модельные» выборы... От того, как они покажут себя в предстоящий Единый день голосования, зависит расстановка сил перед выборами в Госдуму⁴⁴. Для общества же это означало проверку «демонстрации устойчивости»⁴⁵ как избирательного процесса, так и политической системы в целом.

Во-вторых, прошедшие выборы показали, что «процесс формирования новой элиты уже идет»⁴⁶. Как отметила председатель ЦИК РФ Э. Памфилова, «самое главное отличие, что в этом году у нас пошла волна на выборах участников специальной военной операции»⁴⁷.

Э. Памфилова: «...самое главное отличие, что в этом году у нас пошла волна на выборах участников специальной военной операции, да, и очень хорошие результаты...

У нас выдвигались 1663 кандидата – участники СВО, из них избраны 1035... «Единая Россия» – 882 человека, КПРФ – 23, ЛДПР, «Справедливая Россия – За правду» – 20, «Новые люди» – шесть, Партия пенсионеров – три. Республиканское общественное движение «Татарстан – новый век» – два, Партия роста – один, «Гражданская платформа» – один и 77 самовыдвиженцев.

Эта тенденция [возникла] и с учётом того, что Вы [Президент], собственно говоря, очень это важно, этот вектор наметили, что нужна новая волна в политике»⁴⁸.

⁴² О выборах глав регионов и об издержках вертикализации // Независимая газета. 16.09.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-09-16/2_9339_red.html

⁴³ Минченко консалтинг. XIX Рейтинг политической устойчивости глав регионов «Госсовет 2.0», март 2025. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Gossoviet_2025_9_marta_NEW.pdf

⁴⁴ Дарья Кислицына, руководитель департамента по работе с регионами ЭИСИ. URL: <https://vz.ru/news/2025/6/5/1336826.html?ysclid=mggi90nhwg519939165>

⁴⁵ ЕДГ-2025: контекст, ход кампаний, расстановка сил, повестки и прогнозы: аналитическая записка // Центр исследований политической культуры России. URL: <https://cipkr.ru/2025/09/04/edg-2025-kontekst-hod-kampanij-rasstanovka-sil-povestki-i-prognozy/>

⁴⁶ Исайченко О. Выборы открыли участникам СВО возможности в политике // Взгляд. 15.09.2025. URL: <https://vz.ru/politics/2025/9/15/1359732.html>

⁴⁷ Встреча Президента РФ В. Путина с председателем ЦИК РФ Э. Памфиловой 26.09.2025 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78076>

⁴⁸ Там же.

По оценкам депутата Госдумы О. Матвейчева, «на выборах разного уровня в этом году приняли участие свыше 1,6 тыс. человек, имеющих отношение к спецоперации... Не стоит забывать и о тех, кто оказывал различную помощь фронту. Эти люди также были представлены на выборах, завоевав доверие граждан... дух СВО будет ощущаться и на предстоящих выборах в Госдуму в 2026 году»⁴⁹.

В-третьих, «голосование показало способность России сохранять независимость и устойчивость избирательной системы в условиях внешнего давления»⁵⁰. Как подчеркнул политолог Н. Ляховецкий, «**электоральный суверенитет является одной из основ независимости России.** Речь идет о защищенности избирательной системы от любых форм внешнего вмешательства, к которым относятся информационные атаки, а также распространение фейков и вбросов, призванных подорвать доверие граждан к выборам... Особых усилий потребовала работа избирательных комиссий в приграничных регионах, находящихся под постоянными обстрелами — в Брянской, Курской, Ростовской областях и Краснодарском крае»⁵¹.

Что касается непосредственно изменений партийно-политической конфигурации, то незадолго до выборов многие эксперты прогнозировали, что ЛДПР впервые обойдет КПРФ и займет статус «главной оппозиционной партии» в стране.

Э. Памфилова: «Впервые мы запустили нашу, как обещали, цифровую платформу – аналог ГАС [Государственной автоматизированной системы] «Выборы»... уже без подстраховки она сработала на все 100 процентов, без сбоев, без ничего... Это абсолютно наше программное обеспечение, отечественное».

К. Костин: «Завершившаяся кампания, по сути, дала старт применению ИИ в избирательном процессе, что, с одной стороны, будет в дальнейшем делать его креативнее и интереснее, но в то же время сложнее и станет причиной новых вызовов и угроз для прозрачности и легитимности электоральных процедур»⁵².

Н. Ляховецкий: «За дни голосования портал ЦИК 290 тыс. раз подвергся хакерским атакам, еще свыше 300 атак пришлось на систему дистанционного электронного голосования (ДЭГ)».

О. Гармоненко: «ЛДПР открыто называют второй государственной партией...»⁵³

К. Калачев: «Ситуация объективно складывается в пользу ЛДПР. Партию знают и помнят в регионах, рейтинги растут, в отношении нее режим полного благоприятствования. Видимо, ЛДПР может рассчитывать на помощь власти, а кое-где – и административную... Власть явно намерена помогать ей как младшему партнеру ЕР; видимо, уже в этом году партию выводят на второе место в рамках подготовки к большой федеральной кампании. Было бы подозрительно, если бы в 2025-м ЛДПР была сплошь третьей, а на выборах в Госдуму вдруг стала второй»⁵⁴.

⁴⁹ Исайченко О. Выборы открыли участникам СВО возможности в политике // Взгляд. 15.09.2025. URL: <https://vz.ru/politics/2025/9/15/1359732.html>

⁵⁰ Костин К. Право и выбор // Известия. 14.09.2025. URL: <https://iz.ru/1954805/konstantin-kostin/pravo-i-vybor>

⁵¹ Исайченко О. Выборы открыли участникам СВО возможности в политике // Взгляд. 15.09.2025. URL: <https://vz.ru/politics/2025/9/15/1359732.html>

⁵² Костин К. Право и выбор // Известия. 14.09.2025. URL: <https://iz.ru/1954805/konstantin-kostin/pravo-i-vybor>

⁵³ Гармоненко Д. ЛДПР уже называют второй государственной партией // Независимая газета. 10.06.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-06-10/1_3_9271_ldpr.html?ysclid=mgj1hboh61970067801

⁵⁴ Там же (мнение главы Политической экспертной группы К. Калачева).

Однако по факту этот прогноз не оправдался. Как отметили эксперты, уже по итогам голосования «судьба второго места по-прежнему не предопределена... Если на выборах глав субъектов вторые места увереннее занимали коммунисты, то в парламентских кампаниях лучше себя проявили либерал-демократы»⁵⁵.

К. Костин: «Мы все говорили, что Единый день голосования позволит определить лидера этого противостояния, но нет. Есть лидер – ЕР, а ситуация в центре „турнирной таблицы“ уплотняется»⁵⁶.

Таким образом, в 2025 году Единый день голосования имел свои особенности, **но главное осталось неизменным:**

1. *«Запросы избирателей обусловлены общей политической повесткой, теми информационными потоками, которые транслируются на всю страну»*⁵⁷.

2. *«Консолидация общества, максимальное „объединение вокруг флага“ — современная политическая реальность, которая определяет результаты всех выборов»*⁵⁸.

3. *«Самое главное — граждане фактически, словно на референдуме, одобрили политику Владимира Путина, оказав доверие всем поддержанным им кандидатам на должности глав регионов и представителям партии «Единая Россия», которая выступает политическим инструментом курса развития страны, реализуемого президентом. Единый день голосования-2025 еще раз подтвердил и упрочил тренд на консолидацию российского общества вокруг главы государства»*⁵⁹.

Конкретные результаты прошедшей избирательной кампании (по выборам глав субъектов РФ и депутатов законодательных органов) в сравнении с предыдущими выборами, проходившими в 2020 и 2015 гг., представлены на вкладках 1–5.

Здесь же отметим самые общие тенденции по итогам выборов руководителей регионов в сравнении с предыдущими аналогичными выборами, прошедшими на этих же территориях в 2020–2022 гг.⁶⁰:

✓ во-первых, в сумме по всем субъектам РФ и их областным столицам увеличилась явка (на 1,6 млн чел. по регионам и на 0,2 млн чел. — по городам; табл. 10, вкладки 1, 3);

✓ во-вторых, за партию «Единая Россия» в сумме по регионам проголосовало на 1,5 млн человек больше, чем в 2020 году, а в сумме по областным столицам — больше на 0,4 млн чел.). Впрочем, можно сказать, что уровень поддержки партии власти по сравнению с прошлыми выборами фактически не изменился: в среднем по субъектам РФ он составил 74% голосов избирателей, принявших участие в голосовании; по городам — 69% (табл. 10, вкладки 2, 4);

✓ в-третьих, нельзя не отметить, что 69–75% голосов избирателей, полученных «Единой Россией» на выборах, — это результат волеизъявления лишь тех, кто принял участие в голосовании. В процентах от общего числа избирателей, проживающих на данных территориях (по официальным данным ЦИК), уровень поддержки партии власти существенно (почти в 2 раза) меньше — 40% в среднем по регионам и 29% — в среднем по областным столицам (табл. 10, вкладки 2, 4).

⁵⁵ Лейба Г. На второй-четвертый рассчитайся. Как итоги региональной кампании-2025 скажутся на результатах выборов в Госдуму // Коммерсант. 16.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8041559?ysclid=mgj0fzo0oq169180845>

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Политологи назвали главные ожидания избирателей: к чему готовиться партиям // Федерал-пресс. 08.10.2025 (мнение политтехнолога С. Маркелова). URL: <https://fedpress.ru/article/3405416>

⁵⁸ Замахина Т. «Объединение вокруг флага»: политологи изучили предвыборный расклад-2025 // Российская газета. 26.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/26/obedinenie-vokrug-flaga-politologi-izuchili-predvybornyj-rasklad-2025.html?ysclid=mgj1h9krpb340481599>

⁵⁹ Костин К. Право и выбор // Известия. 14.09.2025. URL: <https://iz.ru/1954805/konstantin-kostin/pravo-i-vybor>

⁶⁰ ЕДГ 2020 г. проходил в 15 из 20 анализируемых субъектов РФ предыдущие региональные выборы проходили в 2020 г., однако есть исключения: в Новгородской, Свердловской и Тамбовской областях предыдущие выборы глав регионов проходили в 2022 г.; в Курской и Оренбургской областях — в 2024 г.

Таблица 10. Итоги Единого дня голосования в 2025 г. по выборам на должность руководителей субъектов РФ в регионах и областных столицах

Показатель	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	
				2015 г.	2020 г.
Среднее по 20 субъектам РФ*					
Явка, млн чел.	13,11	13,80	15,41	+2,30	+1,61
Явка, %	42,72	46,91	52,43	+9,71	+5,52
Поддержка «Единой России», млн чел.	10,14	10,52	12,01	+1,87	+1,49
% от явки	72,32	74,89	74,37	+2,05	-0,52
% от числа избирателей	31,85	35,74	39,87	+8,02	+4,13
Среднее по 20 областным столицам**					
Явка, млн чел.	2,97	2,85	3,07	+0,10	+0,23
Явка, %	33,58	36,68	40,02	+6,44	+3,34
Поддержка «Единой России», млн чел.	2,13	1,93	2,28	+0,16	+0,35
% от явки	64,95	69,08	69,07	+4,12	-0,01
% от числа избирателей	22,83	25,68	28,87	+6,03	+3,19
* Республика Татарстан, Еврейская автономная обл., Краснодарский край, г. Севастополь, Ленинградская обл., Ростовская обл., Чувашская Республика – Чувашия, Брянская обл., Курская обл., Тамбовская обл., Оренбургская обл., Пермский край, Камчатский край, Калужская обл., Свердловская обл., Костромская обл., Республика Коми, Новгородская обл., Архангельская обл., Иркутская обл.					
** Биробиджан, Севастополь, Казань, Ростов-на-Дону, Брянск, Курск, Краснодар, Петропавловск-Камчатский, Тамбов, Оренбург, Великий Новгород, Пермь, Иркутск, Архангельск, Чебоксары, Калуга, Сыктывкар, Екатеринбург, Кострома.					
Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.					

Также отметим, что по сравнению с предыдущими выборами явка на выборы высших должностных лиц субъектов РФ, а также доля голосов, отданных за кандидатов от «Единой России», увеличилась в 16 из 20 регионов (вкладка 1, 2).

Чуть хуже (но по-прежнему убедительной для партии власти) выглядит ситуация по областным столицам: здесь явка на выборы руководителей субъектов РФ увеличилась в 11 из 20 административных центров (вкладка 3), а поддержка представителей «Единой России» — в 13 из 20 городов (вкладка 4).

Что касается выборов депутатов законодательных органов субъектов РФ, то во всех 11 регионах по сравнению с предыдущими выборами увеличилась и явка (с 4 до 5 млн чел, или в среднем с 36,5 до 44%), и поддержка представителей партии власти (с 2 до 3 млн чел., или в среднем с 47,7 до 60,5%; вкладка 5).

Таким образом, резюмируя итоги и ход Единого дня голосования 2025 года, эксперты в очередной раз констатировали, что «система политического представительства продемонстрировала свою зрелость и работоспособность, выработала навыки ответа на угрозы и умение функционировать в кризисных ситуациях, изменяясь в сторону обстоятельности и «взрослости», отвечая на запросы граждан и трека развития страны. Экзамен пройден достойно»⁶¹.

«По сути, мы увидели неформальный «референдум о доверии» политике президента – все поддержанные им врио глав регионов и действующие кандидаты победили в первом туре с достойными результатами»⁶².

«Прекрасный результат „Единой России“, которая является инструментом проведения политики президента, – это главный итог»⁶³.

⁶¹ Костин К. Право и выбор // Известия. 14.09.2025. URL: <https://iz.ru/1954805/konstantin-kostin/pravo-i-vybor>

⁶² Эксперты назвали главные итоги ЕДГ-2025 (оценка К. Костина) // Взгляд. 16.09.2025. URL: <https://vz.ru/news/2025/9/16/1360120.html?ysclid=mggfnxs8t6352419574>

⁶³ Ильина В. Маркер нормальности: эксперты обсудили итоги выборов-2025 // Российская газета. 16.09.2025. URL: <https://rg.ru/2025/09/16/marker-normalnosti-eksperty-obsudili-itogi-vyborov-2025.html?ysclid=mh21x3xntc738372756> (мнение К. Костина).

Вкладка 1

Выборы высших должностных лиц субъектов РФ (явка и общее число избирателей)*

Субъект РФ	Общее число избирателей, тыс. чел.				Изменение (+/-), 2025 г. к...				Явка, чел.				Изменение (+/-), 2025 г. к...				Явка, %				Изменение (+/-), 2025 г. к...			
	2015 г.		2020 г.		2015 г.		2020 г.		2015 г.		2020 г.		2015 г.		2020 г.		2015 г.		2020 г.		2015 г.		2020 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Республика Татарстан	2906,6	2945,3	2940,2	+33,6	+1,2	-5,1	-0,2	2456,8	2920,4	2230,2	-226,6	-9,2	-90,1	-3,9	84,5	78,8	75,9	-8,7	-2,9					
Чува- шья	944,1	921,4	908,7	-35,4	-3,7	-12,7	-1,4	553,3	511,4	531,6	-21,7	-3,9	+20,1	+3,9	58,6	55,5	58,5	-0,1	+3,0					
Оренбургская обл.	1557,4	1501,1	1506,8	-50,6	-3,2	+5,7	+0,4	616,1	789,4	744,0	+127,9	+20,8	-45,4	-5,8	39,6	52,6	49,4	+9,8	-3,2					
Пермский край	1971,9	1998,5	1972,7	+0,8	0,0	-25,8	-1,3	838,7	714,7	967,2	+128,5	+15,3	+252,5	+35,3	42,5	35,8	49,0	+6,5	+13,3					
Приволжский ФО	18450	18416	18321	-129	-0,7	-9,5	-0,5	11162	10840	11183	+20	+0,2	+34,3	+3,2	56,3	55,7	58,2	+1,9	+2,5					
Еврейская авт. обл.	131,5	126,6	117,0	-14,5	-11,0	-9,6	-7,6	41,9	92,5	86,9	+45,0	+107,3	-5,6	-6,1	31,9	73,0	74,2	+42,4	+1,2					
Камчатский край	239,2	227,1	231,7	-7,4	-3,1	+4,6	+2,0	76,2	84,4	107,8	+31,6	+41,4	+23,4	+27,8	31,9	37,2	46,5	+14,6	+9,4					
Дальневосточный ФО	185,3	176,9	174,4	-11,0	-5,9	-2,5	-1,4	59,1	88,4	97,3	+38,3	+64,8	+8,9	+10,1	31,9	55,1	60,4	+28,5	+5,3					
Краснодарский край	3933,2	4219,2	4469,6	+536,5	+13,6	+250,4	+5,9	1810,9	2895,6	3069,3	+1258,5	+69,5	+173,7	+6,0	46,0	68,6	68,7	+22,6	0,0					
г. Севастополь	318,6	327,9	357,8	+39,2	+12,3	+29,9	+9,1	109,0	158,3	239,6	+130,6	+119,9	+81,3	+51,3	34,2	48,3	67,0	+32,8	+18,7					
Ростовская обл.	3274,5	3196,9	3120,8	-153,7	-4,7	-76,2	-2,4	1590,0	1374,2	1902,2	+312,2	+19,6	+527,9	+38,4	48,6	43,0	61,0	+12,4	+18,0					
Южный ФО	2508,7	2581,4	2649,4	+140,7	+5,6	+68,0	+2,6	1169,9	1476,1	1737,0	+567,1	+48,5	+261,0	+17,7	42,9	53,3	65,5	+22,6	+12,2					
Ленинградская обл.	1296,5	1361,1	1431,5	+135,0	+10,4	+70,4	+5,2	577,1	701,2	899,5	+322,3	+55,8	+198,3	+28,3	44,5	51,5	62,8	+18,3	+11,3					
Республика Коми	691,3	658,3	617,9	-73,4	-10,6	-40,4	-6,1	281,1	193,5	233,3	-47,9	-17,0	+34,7	+17,5	40,7	30,2	37,8	-2,9	+7,6					
Новгородская обл.	505,4	477,2	467,5	-37,9	-7,5	-9,6	-2,0	143,3	156,6	176,3	+33,0	+23,0	+19,8	+12,6	28,4	32,8	37,7	+9,4	+4,9					
Архангельская обл.	979,7	924,2	886,1	-93,6	-9,5	-38,0	-4,1	205,7	301,8	321,8	+116,1	+56,4	+20,0	+6,6	21,0	32,7	36,3	+15,3	+3,7					
СЗФО	868,2	855,2	850,8	-17,5	-2,0	-4,4	-0,5	301,8	339,5	407,7	+105,9	+35,1	+68,2	+20,1	33,6	36,8	43,7	+10,0	+6,9					
Брянская обл.	1023,1	985,0	934,8	-88,3	-8,6	-50,1	-5,1	587,6	496,1	543,9	-43,7	-7,4	+47,8	+9,6	57,4	50,4	58,2	+0,8	+7,8					
Курская обл.	922,5	874,2	865,5	-57,0	-6,2	-8,7	-1,0	383,4	538,1	468,2	+84,8	+22,1	-69,9	-13,0	41,6	61,6	54,1	+12,5	-7,5					
Тамбовская обл.	835,1	809,7	780,9	-54,2	-6,5	-28,9	-3,6	539,5	468,7	421,7	-117,8	-21,8	-47,0	-10,0	64,6	57,9	54,0	-10,6	-3,9					
Калужская обл.	803,8	801,0	779,9	-23,9	-3,0	-21,1	-2,6	289,9	283,5	349,4	+59,5	+20,5	+65,9	+23,2	36,1	35,4	44,8	+8,7	+9,4					
Костромская обл.	545,4	523,4	496,6	-48,8	-8,9	-26,8	-5,1	195,2	167,4	197,6	+25,5	+1,3	+30,3	+18,1	35,8	32,0	39,8	+4,0	+7,8					
Центральный ФО	826,0	798,6	771,5	-54,5	-6,6	-27,1	-3,4	399,1	390,8	396,2	-3,0	-0,7	+5,4	+1,4	47,1	47,4	50,2	+3,1	+2,7					
Свердловская обл.	3401,7	3303,3	3295,3	-106,4	-3,1	-8,0	-0,2	1269,6	940,5	1315,2	+45,6	+3,6	+374,6	+39,8	37,3	28,5	39,9	+2,6	+11,4					
Уральский ФО	3401,7	3303,3	3295,3	-106,4	-3,1	-8,0	-0,2	1269,6	940,5	1315,2	+45,6	+3,6	+374,6	+39,8	37,3	28,5	39,9	+2,6	+11,4					
Иркутская обл.	1869,5	1864,9	1826,2	-43,2	-2,3	-38,7	-2,1	545,6	608,6	604,1	+58,5	+10,7	-4,5	-0,7	29,2	32,6	33,1	+3,9	+0,4					
Сибирский ФО	1869,5	1864,9	1826,2	-43,2	-2,3	-38,7	-2,1	545,6	608,6	604,1	+58,5	+10,7	-4,5	-0,7	29,2	32,6	33,1	+3,9	+0,4					
ИТОГО ПО РЕГИОНАМ**	14075	1402,3	1400,4	-5,2	-0,4	-1,9	-0,1	655,5	690,1	770,5	+114,9	+17,5	+80,4	+11,6	42,7	46,9	52,4	+9,7	+5,5					

Источник: база данных ЦИК РФ. Ранжировано: внутри каждого ФО по снижению явки в 2025 году (в %).

* Методический комментарий к вкладкам 1–2. Анализирувались результаты Единого дня голосования 2025 г. с итогами двух предшествующих выборов аналогичного уровня. В большинстве субъектов РФ они проходили в 2015 г. и 2020 г., однако есть исключения:

1) Единый день голосования 2015 г. проходил в 12 из 20 анализируемых территорий. В остальных 8 субъектах РФ – в другие годы:

в Республике Коми – в 2016 г.;

в Пермском крае, Новгородской и Свердловской области, а также в г. Севастополе – в 2017 г.;

в Курской области и Оренбургской области – в 2019 г.;

в Тамбовской области – в 2020 г.

2) Единый день голосования 2020 г. проходил в 15 из 20 анализируемых субъектов РФ. На остальных 5 территориях:

в Новгородской, Свердловской и Тамбовской областях – в 2022 г.;

в Курской и Оренбургской областях – в 2024 г.

** По абсолютным значениям (тыс. чел.) – сумма, по относительным показателям (%) – среднее.

Выборы высших должностных лиц субъектов РФ (поддержка избранных глав регионов)*

Субъект РФ	Общее число голосов избирателей, тыс. чел.			Изменение (+/-), 2025 г. к...			% от явки			Изменение (+/-), 2025 г. к...			% от числа избирателей			Изменение (+/-), 2025 г. к...	
	2015 г.	2020 г.	2025 г.	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	2015 г.	2020 г.
Республика Татарстан	2306,8	1930,4	1963,6	-343,2	-14,9	+33,2	+1,7	94,40	83,27	88,09	-6,31	-6,7	+4,82	+5,8	79,37	66,78	-12,59
Оренбургская обл.	406,2	616,6	622,0	+215,8	+53,1	+5,4	+0,9	65,94	78,14	83,85	+17,91	+27,2	+5,71	+7,3	26,08	41,07	+15,2
Пермский край	687,9	540,3	685,6	-2,3	-0,3	+145,3	+26,9	82,06	75,69	70,94	-11,12	-13,6	-4,75	-6,3	34,89	27,04	-0,14
Чувашская Респ. – Чувашия	362,3	386,4	356,0	-6,3	-1,7	-30,4	-7,9	65,54	75,61	67,06	+1,52	+2,3	-8,55	-11,3	38,38	41,94	+0,79
Приволжский ФО	940,8	868,425	3627,2	-34,0	+9,0	+38,4	+4,4	77,0	78,2	77,5	+0,5	+2,3	-0,7	-1,1	44,7	43,9	+0,8
Еврейская авт. обл.	31,6	76,3	72,1	+40,5	+128,2	-4,2	-5,5	75,42	82,50	83,02	+7,6	+10,1	+0,52	+0,6	24,02	60,23	+37,6
Камчатский край	57,5	67,9	67,8	+10,3	+17,9	-0,1	-0,1	75,48	80,51	62,97	-12,51	-16,6	-4,75	-5,9	24,05	29,90	+5,22
Дальневосточный ФО	44,6	72,1	70,0	+25,4	+73,0	-2,2	-3,0	75,5	81,5	73,0	-2,5	-3,2	-2,1	-2,6	24,0	45,1	+0,4
Краснодарский край	1512,2	2401,3	2551,6	+1039,4	+68,7	+150,3	+6,3	83,64	82,97	83,17	-0,47	-0,6	+0,2	+0,2	38,45	56,91	+18,64
г. Севастополь	77,4	135,1	195,0	+117,6	+151,9	+59,9	+44,3	71,05	85,72	81,73	+10,68	+15,0	-3,99	-4,7	24,30	41,21	+30,2
Ростовская обл.	1241,3	899,2	1544,5	+303,2	+24,4	+645,3	+71,8	78,21	65,53	81,25	+3,04	+3,9	+15,72	+24,0	37,91	28,13	+11,58
Южный ФО	943,6	1145,2	1430,4	+486,7	+51,6	+285,2	+40,8	77,6	78,1	82,1	+4,4	+6,1	+4,0	+6,5	33,6	42,1	+20,1
Ленинградская обл.	471,1	585,8	756,9	+285,8	+60,7	+171,1	+29,2	82,10	83,61	84,21	+2,11	+2,6	+0,6	+0,7	36,34	43,04	+16,53
Республика Коми	174,6	145,1	163,1	-11,5	-6,6	+18	+12,4	62,17	73,18	70,04	+7,87	+12,7	-3,14	-4,3	25,25	22,04	+1,14
Архангельская обл.	109,5	210,1	216,4	+106,9	+97,6	+6,3	+3,0	53,25	69,63	67,32	+14,07	+26,4	-2,31	-3,3	11,18	22,73	+13,24
Новгородская обл.	97,4	120,5	109,6	+12,2	+12,5	-10,9	-9,0	67,99	77,03	62,19	-5,8	-8,5	-14,84	-19,3	19,27	25,26	+4,17
СЗФО	213,2	265,4	311,5	+98,4	+46,1	+46,1	+8,9	66,4	75,9	70,9	+4,6	+8,3	-4,9	-6,5	23,0	28,3	+8,8
Курская обл.	310,6	351,0	406,3	+95,7	+30,8	+55,3	+15,8	81,07	65,28	86,92	+5,85	+7,2	+21,64	+33,1	33,67	40,16	+6,95
Брянская обл.	469,4	355,5	428,3	-41,1	-8,8	+72,8	+20,5	79,96	71,69	78,78	-1,18	-1,5	+7,09	+9,9	45,88	36,09	+13,28
Тамбовская обл.	427,3	398,1	311,0	-116,3	-27,2	-87,1	-21,9	79,30	84,95	73,84	-5,46	-6,9	-11,11	-13,1	51,17	49,16	-0,07
Калужская обл.	206,7	201,6	252,2	+45,5	+22,0	+50,6	+25,1	71,43	71,19	72,24	+0,81	+1,1	+1,05	+1,5	25,72	32,33	+6,61
Костромская обл.	128,0	108,1	133,5	+5,5	+4,3	+25,4	+23,5	65,62	64,65	67,63	+2,01	+3,1	+2,98	+4,6	23,47	20,66	+3,42
Центральный ФО	308,4	282,9	306,3	-2,1	-0,7	+23,4	+12,6	75,5	71,6	75,9	+0,4	+0,6	+4,3	+7,2	36,0	34,2	+2,4
Свердловская обл.	788,9	618,6	805,9	+16,9	+2,1	+187,3	+30,3	62,16	65,78	61,3	-0,86	-1,4	-4,48	-6,8	23,19	18,73	+1,26
Уральский ФО	788,9	618,6	805,9	+16,9	+2,1	+187,3	+30,3	62,16	65,78	61,3	-0,86	-1,4	-4,48	-6,8	23,19	18,73	+1,26
Иркутская обл.	270,5	369,8	367,1	+96,5	+35,7	-2,7	-0,7	49,60	60,79	60,79	+11,19	+22,6	0	0	14,47	19,83	+5,63
Сибирский ФО	270,5	369,8	367,1	+96,5	+35,7	-2,7	-0,7	49,60	60,79	60,79	+11,19	+22,6	0	0	14,47	19,83	+5,63
ИТОГО ПО РЕГИОНАМ**	10137,2	10517,7	12008,5	+1871,1	+32,5	+1490,8	+13,3	72,3	74,9	74,4	+41,0	+3,9	+2,4	+0,6	31,9	35,7	+8,0

Источник: база данных ЦИК РФ. Ранжировано: внутри каждого ФО по убыванию поддержки главы субъекта РФ в 2025 году (в % от явки).

* Методический комментарий. На всех выборах победили кандидаты от Единой России. Кроме глав Республики Коми, Чувашской Республики, Камчатского и Пермского края, а также Иркутской области в 2020 г., а также главы Чувашской Республики в 2025 году (самовыдвижение).

** По абсолютным значениям (тыс. чел.) – сумма, по относительным показателям (%) – среднее.

Выборы высших должностных лиц субъектов РФ по областным столицам (явка и общее число избирателей)*

Субъекты РФ по федеральным округам	Общее число избирателей, тыс. чел.				Явка, тыс. чел.				Явка, %			
	2020 г.		2025 г.		2020 г.		2025 г.		2020 г.		2025 г.	
	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	2015 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...
г. Биробиджан	58,2	-1,6	56,6	-0,8	15,9	36,3	39,8	+3,5	27,40	63,26	70,30	+42,90
г. Петропавловск-Камчатский	135,1	-2,9	132,2	-1,3	35,7	41,7	56,1	+14,4	26,40	31,25	42,40	+16,00
Дальневосточный ФО	193,3	-4,5	188,8	-2,1	51,6	78	95,9	+17,9	26,9	47,3	56,4	+29,5
г. Севастополь	318,6	+39,2	357,8	+29,9	109,0	158,3	239,6	+81,3	34,21	48,28	66,96	+32,75
г. Ростов-на-Дону	791,4	-45,3	746,1	-56,8	363,0	247,3	391,7	+144,4	45,86	30,80	52,49	+6,63
г. Краснодар	674,1	-167,6	506,5	-153,0	210,4	185,7	225,6	+39,9	31,22	28,16	44,54	+13,32
Южный ФО	1784,1	-173,7	1610,4	-179,9	682,4	591,3	856,9	+174,5	37,1	35,7	54,7	+17,6
г. Казань	913,9	+35,3	949,2	+18,8	657,4	578,7	532,0	-125,4	71,93	62,20	56,05	-15,88
г. Оренбург	424,5	+24	448,5	+10,6	141,4	179,4	164,7	+23,3	33,32	40,98	36,72	+3,40
г. Пермь	669,4	+34,5	703,9	+21,5	255,0	192,8	214,9	-40,1	38,09	28,25	30,53	-7,56
г. Чебоксары	368,9	-75,3	293,6	-79,6	172,2	161,7	81,4	-90,8	46,67	43,33	27,73	-18,94
Приволжский ФО	2376,7	+18,5	2395,2	-28,7	1226	1112,6	993	-233	47,5	43,7	37,8	-9,7
г. Брянск	358,3	-13,8	344,5	-5,8	180,2	149,6	169,8	-10,4	50,30	42,72	49,30	-1,00
г. Курск	351,2	-8,0	343,2	-40,9	114,2	156,0	168,2	+54,0	32,53	51,61	49,01	+16,48
г. Тамбов	245,3	+25,4	270,7	+27,7	82,7	78,2	112,5	+29,8	33,72	32,19	41,56	+7,84
г. Калуга	289,3	-21,7	267,7	-28,4	78,9	76,6	73,5	-5,4	27,27	25,88	27,48	+0,21
г. Кострома	218,7	-26,0	192,7	-94,0	11,9	28,0	48,6	+36,7	5,43	28,33	25,23	+19,80
Центральный ФО	1462,8	-44,1	1418,8	-128,4	467,9	488,4	572,6	+104,7	29,9	36,1	38,5	+8,7
г. Великий Новгород	178,4	-14,8	163,6	-5,5	43,9	44,6	50,4	+6,5	24,60	26,36	30,78	+6,18
г. Архангельск	280,3	-50,5	229,8	-30,8	52,6	79,6	63,8	+11,2	18,75	30,55	27,76	+9,01
г. Сыктывкар	150,0	-18,6	131,4	-16,9	60,6	40,7	34,7	-25,9	40,39	27,43	26,38	-14,01
Северо-Западный ФО	608,7	-83,9	524,8	-53,2	157,1	164,9	148,9	-8,2	27,9	28,1	28,3	+0,4
г. Иркутск	456,7	+8,1	464,8	+2,2	113,7	147,4	136,0	+22,3	24,90	31,87	29,26	+4,36
Сибирский ФО	456,7	-8,1	464,8	+2,2	113,7	147,4	136,0	+22,3	24,90	31,87	29,26	+4,36
г. Екатеринбург	1086,6	-46,7	1039,9	-85,4	271,6	264,1	269,7	-1,9	25,00	23,47	25,94	+0,94
Уральский ФО	1086,6	-46,7	1039,9	-85,4	271,6	264,1	269,7	-1,9	25,00	23,47	25,94	+0,94
ИТОГО ПО РЕГИОНАМ**	7968,9	-326,3	7642,7	-218,7	2970,3	2846,7	3073	+102,7	33,6	36,7	40,0	6,4

Источник: база данных ЦИК РФ.
* Ранжировано: внутри каждого ФО по убыванию поддержки главы субъекта РФ в 2025 году (в % от явки).
** По абсолютным значениям (тыс. чел.) – сумма, по относительным показателям (%) – среднее.

Выборы высших должностных лиц субъектов РФ по областным столицам (поддержка избранных глав регионов)*

Субъекты РФ по федеральным округам	Общее число голосов избирателей, тыс.				% от явки				% от числа избирателей						
	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	
				2015 г.	2020 г.				2015 г.	2020 г.				2015 г.	2020 г.
г. Курск	90,8	101,4	142,0	+51,2	+40,6	79,51	64,99	84,90	+5,39	+19,91	25,86	33,54	41,37	+15,51	+7,83
г. Брянск	146,9	106,0	133,0	-13,9	+27,0	81,53	70,81	78,25	-3,28	+7,44	41,00	30,25	38,61	-2,39	+8,36
г. Тамбов	32,9	61,6	73,3	+40,4	+11,7	39,81	78,81	65,45	+25,64	-13,36	13,42	25,36	27,09	+13,67	+1,73
г. Калуга	49,2	49,8	45,9	-3,3	-3,9	62,37	65,02	62,32	-0,05	-2,70	17,01	16,83	17,13	+0,12	+0,30
г. Кострома	8,0	16,9	29,1	+21,1	+12,2	67,19	60,34	60,00	-7,19	-0,34	3,65	17,10	15,10	+11,45	-2,00
Центральный ФО	327,8	335,7	423,3	+95,5	+87,6	66,1	68,0	70,2	+4,1	+2,2	20,2	24,6	27,9	+7,7	+3,2
г. Казань	605,0	417,6	448,7	-156,3	+31,1	92,04	72,16	84,39	-7,65	+12,23	66,20	44,88	47,27	-18,93	+2,39
г. Оренбург	90,5	129,1	133,7	+43,2	+4,6	63,99	71,93	80,21	+16,22	+8,28	21,32	29,48	29,81	+8,49	+0,33
г. Пермь	201,2	138,2	152,9	-48,3	+14,7	78,93	71,66	71,21	-7,72	-0,45	30,06	20,25	21,72	-8,34	+1,47
г. Чебоксары	95,2	104,0	38,5	-56,7	-65,5	55,29	64,34	47,32	-7,97	-17,02	25,81	27,88	13,11	-12,70	-14,77
Приволжский ФО	991,9	788,9	773,8	-218,1	-15,1	72,6	70,0	70,8	-1,8	+0,8	35,8	30,6	28,0	-7,9	-2,6
г. Ростов-на-Дону	272,1	139,9	328,8	+56,7	+188,9	74,97	56,58	83,46	+8,49	+26,88	34,39	17,43	44,07	+9,68	+26,64
г. Севастополь	77,4	135,1	195,0	+117,6	+59,9	71,03	85,35	81,73	+10,70	-3,62	24,30	41,21	54,50	+30,20	+13,29
г. Краснодар	169,7	118,1	168,9	-0,8	+50,8	80,66	63,61	74,61	-6,05	+11,00	25,18	17,91	33,35	+8,17	+15,44
Южный ФО	519,2	393,1	692,7	+173,5	+299,6	75,6	68,5	79,9	+4,4	+11,4	28,0	25,5	44,0	+16,0	+18,5
г. Биробиджан	11,5	27,8	31,1	+19,6	+3,3	72,13	76,52	78,05	+5,92	+1,53	19,76	48,41	54,87	+35,11	+6,46
г. Петропавловск-Камчатский	26,7	34,0	34,8	+8,1	+0,8	74,98	81,39	62,22	-12,76	-19,17	19,80	25,44	26,35	+6,55	+0,91
Дальневосточный ФО	38,2	61,8	65,9	+27,7	+4,1	73,6	79,0	70,1	-3,4	-8,8	19,8	36,9	40,6	+20,8	+3,7
г. Архангельск	21,7	59,1	46,4	+24,7	-12,7	41,35	74,22	70,95	+29,60	-3,27	7,75	22,67	20,20	+12,45	-2,47
г. Сыктывкар	35,7	26,9	21,1	-14,6	-5,8	58,91	66,18	61,01	+2,10	-5,17	23,79	18,15	16,08	-7,71	-2,07
г. Великий Новгород	26,9	34,3	26,7	-0,2	-7,6	61,25	77,09	53,07	-8,18	-24,02	15,07	20,32	16,33	+1,26	-3,99
Северо-Западный ФО	84,3	120,3	94,2	+9,9	-26,1	53,8	72,5	61,7	+7,8	-10,8	15,5	20,4	17,5	+2,0	-2,8
г. Иркутск	34,3	80,7	77,8	+43,5	-2,9	30,18	54,74	57,04	+26,86	+2,30	7,52	17,45	16,74	+9,22	-0,71
Сибирский ФО	34,3	80,7	77,8	+43,5	-2,9	30,18	54,74	57,04	+26,86	+2,30	7,52	17,45	16,74	+9,22	-0,71
г. Екатеринбург	130,1	150,1	154,0	+23,9	+3,9	47,90	56,84	56,11	+8,21	-0,73	11,97	13,34	14,81	+2,84	+1,47
Уральский ФО	130,1	150,1	154,0	+23,9	+3,9	47,90	56,84	56,11	+8,21	-0,73	11,97	13,34	14,81	+2,84	+1,47
ИТОГО по РЕГИОНАМ**	2125,8	1930,6	2281,7	+155,9	351,1	60,0	67,1	66,6	+6,6	-0,5	19,8	24,1	27,1	+7,2	+3,0

Источник: база данных ЦИК РФ.

* Ранжировано: внутри каждого ФО по убыванию поддержки главы субъекта РФ в 2025 году (в % от явки).

*** По абсолютным значениям (тыс. чел.) – сумма, по относительным показателям (%) – среднее.

ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РФ

Явка и общее число избирателей*

Субъекты РФ по федеральным округам	Общее число избирателей, тыс. чел.				Явка, тыс. чел.				Явка, %			
	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2025 г.
				2015 г.	2020 г.				2015 г.	2020 г.		
Белгородская обл.	1201,2	1229,2	1196,1	-5,1	-33,1	648,0	669,7	707,5	+59,5	+37,8	53,95	59,15
Воронежская обл.	1875,8	1845,2	1798,2	-77,6	-47,0	945,7	814,5	985,9	+40,2	+171,4	50,42	54,83
Рязанская обл.	942,8	903,1	869,0	-73,8	-34,1	352,8	293,4	394,8	+42,0	+101,4	37,42	45,43
Калужская обл.	803,8	800,9	779,0	-24,8	-21,9	289,7	283,2	348,5	+58,8	+65,3	36,05	44,74
Костромская обл.	546,5	523,4	496,4	-50,1	-27,0	195,3	167,3	197,4	+2,1	+30,1	35,74	39,77
Центральный ФО	5370,1	5301,8	5138,7	-231,4	-163,1	2431,5	2228,1	2634,1	+202,6	+406,0	42,7	48,8
Ямало-Ненецкий авт. округ	341,4	365,2	353,6	+12,2	-11,6	236,8	172,0	174,5	-62,3	+2,5	69,37	49,35
Челябинская обл.	2693,2	2600,4	2571,5	-121,7	-28,9	1114,4	880,7	1028,0	-86,4	+147,3	41,38	39,98
Курганская обл.	730,6	686,7	639,1	-91,5	-47,6	221,9	213,3	245,2	+23,3	+31,9	30,38	38,37
Уральский ФО	3765,2	3652,3	3564,2	-201,0	-88,1	1573,1	1266,0	1447,7	-125,4	+181,7	47,0	42,6
Магаданская обл.	108,1	97,8	96,4	-11,7	-1,4	36,4	32,4	40,2	+3,8	+7,8	33,62	41,71
Дальневосточный ФО	108,1	97,8	96,4	-11,7	-1,4	36,4	32,4	40,2	+3,8	+7,8	33,62	41,71
Республика Коми	691,3	658,0	617,9	-73,4	-40,1	352,1	198,3	232,7	-119,4	+34,4	50,93	37,66
Северо-Западный ФО	691,3	658,0	617,9	-73,4	-40,1	352,1	198,3	232,7	-119,4	+34,4	50,93	37,66
Новосибирская обл.	2138,0	2157,8	2189,9	+51,9	+32,1	656,7	609,6	723,8	+67,1	+114,2	30,71	33,05
Сибирский ФО	2138,0	2157,8	2189,9	+51,9	+32,1	656,7	609,6	723,8	+67,1	+114,2	30,71	33,05
ИТОГО ПО РЕГИОНАМ**	12072,7	11867,7	11607,1	-465,6	-260,6	5049,8	4334,4	5078,5	+28,7	+744,1	42,7	44,0

Поддержка партии «Единая Россия»*

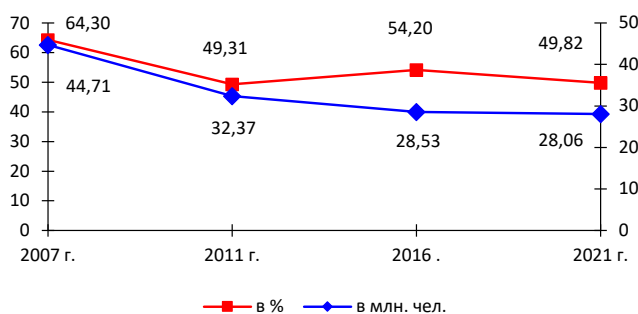
Субъект РФ	Общее число голосов избирателей, тыс.					% от явки				% от числа избирателей					
	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...		2015 г.	2020 г.	2025 г.	Изменение (+/-), 2025 г. к...	
				2015 г.	2020 г.				2015 г.	2020 г.					
Воронежская обл.	698,0	499,1	728,1	+30,1	+229,0	73,84	61,52	73,88	+0,04	+12,36	37,21	27,05	40,49	+3,28	+13,44
Белгородская обл.	404,0	428,1	515,4	+111,4	+87,3	62,36	63,95	72,98	+10,62	+9,03	33,63	34,83	43,09	+9,46	+8,26
Рязанская обл.	220,9	139,8	287,1	+66,2	+147,3	62,73	47,65	72,85	+10,12	+25,20	23,43	15,47	33,04	+9,61	+17,57
Калужская обл.	164,8	120,1	203,8	+39,0	+83,7	56,99	42,43	58,56	+1,57	+16,13	20,51	14,99	26,16	+5,65	+11,17
Костромская обл.	99,5	53,4	99,1	-0,4	+45,7	50,96	31,92	50,26	-0,70	+18,34	18,20	10,20	19,96	+1,76	+9,76
Центральный ФО	1587,2	1240,5	1833,5	+246,3	+593,0	61,40	49,50	65,70	+4,3	+16,2	26,6	20,5	32,5	+6,0	+12,0
Магаданская обл.	20,9	18,9	26,4	+5,5	+7,5	57,71	58,32	65,89	+8,18	+7,57	19,37	19,32	27,44	+8,07	+8,12
Дальневосточный ФО	20,9	18,9	26,4	+5,5	+7,5	57,71	58,32	65,89	+8,18	+7,57	19,37	19,32	27,44	+8,07	+8,12
Ямало-Ненецкий авт. округ	166,0	111,1	114,2	-51,8	+3,1	70,11	64,64	65,60	-4,51	+0,96	48,62	30,43	32,31	-16,31	+1,88
Курганская обл.	125,9	95,0	134,5	+8,6	+39,5	56,74	44,57	54,91	-1,83	+10,34	17,23	13,84	21,04	+3,81	+7,20
Челябинская обл.	624,9	374,3	558,9	-66	+184,6	56,16	42,58	54,48	-1,68	+11,90	23,20	14,39	21,74	-1,46	+7,35
Уральский ФО	916,8	580,4	807,6	-109,2	+227,2	61,0	50,6	58,30	-2,7	+7,7	29,7	19,6	25,0	-4,7	+5,5
Новосибирская обл.	291,7	231,7	375,4	+83,7	+143,7	44,56	38,13	51,91	+7,35	+13,78	13,65	10,74	17,14	+3,49	+6,40
Сибирский ФО	291,7	231,7	375,4	+83,7	+143,7	44,56	38,13	51,91	+7,35	+13,78	13,65	10,74	17,14	+3,49	+6,40
Республика Коми	204,0	56,6	103,3	-100,7	+46,7	58,05	28,61	44,50	-13,55	+15,89	29,51	8,60	16,71	-12,80	+8,11
Северо-Западный ФО	204,0	56,6	103,3	-100,7	+46,7	58,05	28,61	44,50	-13,55	+15,89	29,51	8,60	16,71	-12,80	+8,11
ИТОГО ПО РЕГИОНАМ**	3020,6	2128,1	3146,2	+125,6	+1018,1	59,1	47,7	60,5	+1,4	+12,9	25,9	18,2	27,2	+1,3	+9,0

Источник: база данных ЦИК РФ.

*Ранжировано: внутри каждого ФО по убыванию явки (в %) и поддержки главы субъекта РФ (в % от явки) в 2025 году.

** По абсолютным значениям (тыс. чел.) – сумма, по относительным показателям (%) – среднее.

Конечно, нельзя не отметить, что сам факт очередной спокойно проведенной избирательной кампании имеет ключевое значение в тех внешних политических условиях, в которых находится страна с момента начала СВО. Однако, как показывают результаты анализа всех данных мониторинга региональных и муниципальных выборов за период с 2018 по 2025 год, за фасадом относительно спокойного протекания избирательных кампаний на местном уровне (выражающемся прежде всего в безальтернативной поддержке партии власти со стороны избирателей) скрываются латентные достаточно настораживающие тенденции, которые, в частности, уже приводили к осязаемому снижению поддержки «Единой России» на федеральном уровне, когда она за 14 лет потеряла почти 17 млн голосов избирателей (с 45 до 28 млн; рисунок) по итогам выборов в Государственную Думу. Что, по сути, означает снижение уровня доверия общества к власти.

Динамика поддержки партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу за период 2007–2021 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.

И эмпирические данные, и экспертные оценки по итогам выборов как местного, так и федерального уровня говорят о том, что одновременно с очередным кредитом доверия, ежегодно выдаваемого российскими избирателями Президенту, партии власти, всему курсу национального развития, реализуемому главой государства, общество демонстрирует нарастающий запрос на качественное повышение эффективности государственного управления.

Причем это подтверждается не только по официальным результатам избирательных кампаний (например, когда убедительная победа «Единой России» происходит на фоне снижения явки; или когда общий рост явки в целом по стране достигается за счет незначительного количества регионов, а в большинстве субъектов РФ при этом явка снижается; или когда партия власти побеждает на всех территориях, но при этом во многих из них теряет голоса по сравнению с предыдущими выборами...), но и по итогам многолетних социологических опросов населения.

Результаты массовых опросов общественного мнения (причем как общероссийских, так и региональных) показывают, что они объективно отражают структуру партийно-политических предпочтений граждан, демонстрируемую по итогам распределения голосов на выборах: «Единая Россия» в этой структуре устойчиво занимает первое место, второе и третье делят КПРФ и ЛДПР, от них заметно отстают партии «Справедливая Россия» и «Новые люди» (вкладка 6). При этом за последние 25 лет (с 2000 по 2025 год) доля людей, считающих, что «Единая Россия» разделяет их интересы, существенно увеличилась:

✓ в целом по стране — на 20 п. п. (с 14 до 34%)⁶⁴;

✓ по Вологодской области — на 24 п. п. (с 18 до 42%; вкладка 6)⁶⁵.

В то же время результаты социологических исследований говорят о том, что уровень поддержки партии власти составляет всего 30–40% (что в большей степени соответствует итогам голосования от общего числа избирателей, а не от тех, кто реально принимал в нем участие). Это показатель, позволяющий «Единой России» комфортно чувствовать себя в конкурентной борьбе на выборах, но это не тот показатель, который свидетельствовал бы, что партия власти выражает точку зрения большинства граждан страны.

⁶⁴ Данные Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ РАН). Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с.

⁶⁵ Данные мониторинга общественного мнения Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН).

Более того, значительная часть россиян вообще не видит в парламенте ни одну из политических партий, которая бы отражала их интересы. В среднем за прошедшие месяцы V президентского срока В. Путина (с 2024 г. по настоящее время):

- ✓ по результатам общероссийских опросов ФНИСЦ РАН их доля составляет 53%;

- ✓ по данным опросов, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, 36%.

То есть, по сути, есть три достаточно весомые группы (по данным ВолНЦ РАН на 2024–2025 гг.; *вкладка б*):

- ✓ 42% поддерживающих «Единую Россию»,
- ✓ 23% тех, кто поддерживает другие партии,
- ✓ и 36% людей, которые вообще не видят в парламенте политических сил, выражающих их интересы.

«Мы живем в обществе трех третей. Где одна – всегда за власть, другая – политизирована и протестна, а последняя треть колеблется... хотя треть политизированных и протестных сократилась количественно, она всегда остается качественной группой»⁶⁶.

Таким образом, представленные на *вкладке б* данные говорят о том, что с точки зрения электоральной структуры политической системы «отрыв» «Единой России» от других партий колоссальный, **но с точки зрения задач, которые стоят перед «Единой Россией» как перед партией власти, партией большинства, пока что нет признаков того, что она консолидирует российское общество.**

Кроме того, есть конкретные факты, указывающие не просто на нарастающую потребность людей в повышении эффективности государственного управления, **а на объективную историческую необходимость в этом. Ведь фактически с февраля 2022 года относительно спокойные выборы и безальтернативная поддержка населением власти во многом определяются тем, что избирательные кампании проходят в форс-мажорных условиях, в условиях фактора действия «черных лебедей»:**

- ✓ в 2022 году таким «черным лебедем» стала сама СВО (начало боевых действий), а также отступление российских войск из Харьковской области⁶⁷;

- ✓ в 2023 году – вооруженный мятеж ЧВК «Вагнер»;

- ✓ в 2024 году – вторжение ВСУ на территорию Курской области, а также вскрытие массовых фактов коррупции в Министерстве обороны РФ⁶⁸;

- ✓ в 2025 году – вскрытие коррупционной схемы, связанной с деятельностью «Корпорации развития» Курской области (включая арест экс-губернатора А. Смирнова 15 апреля 2025 г.), ставшей причиной вторжения ВСУ на территорию Российской Федерации...

Каждый из этих факторов создавал прямую угрозу национальной безопасности, повышая тревожность избирателей и усиливая недоверие к органам власти, которые допустили появление этих «черных лебедей». Как отмечают эксперты, *«доверие общества к политической элите, призванной быть нравственным ориентиром, субъектом защиты суверенитета и консолидации общества, вызывает большие вопросы...»*

⁶⁶ Гармоненко Д. Социальную структуру общества деполитизируют под выборы // Независимая газета. 13.10.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-10-13/3_9358_parties.html (мнение руководителя аналитического управления КПРФ С. Обухова).

⁶⁷ Напомним, что Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», а также отступление Вооруженных сил РФ из Херсона 9 ноября 2022 г. – события, которые тоже можно отнести к разряду «черных лебедей», но они произошли уже после Единого дня голосования 11 сентября 2022 г.

⁶⁸ «Антикоррупционная кампания в Министерстве обороны РФ активизировалась после задержания замминистра Т. Иванова 24 апреля 2024 г. и отставки министра обороны С. Шойгу 12 мая 2024 г. По открытым данным всего за 2024 г. насчитывается 110 начальников, руководителей, мэров, заместителей, министров, депутатов, руководителей государственных предприятий и офицеров, ставших фигурантами уголовных дел из-за взяток» (источник: Смоленцев К. Год чисток. В 2024-м арестовали 110 чиновников, военных и силовиков // Современный портал Екатеринбурга «66.ru». 08.01.2025. URL: <https://66.ru/news/politic/278122>).

Уровень поддержки респондентами политических партий, движений
(данные ФНИСЦ РАН по Российской Федерации, % от числа опрошенных)

Партия	1999	I президент- ский срок В. Путина (2000–2003)	II президент- ский срок В. Путина (2004–2007)	Президент- ский срок Д. Медведева (2008–2011)	III президент- ский срок В. Путина (2012–2017)	IV президент- ский срок В. Путина (2018–2023)	V президент- ский срок В. Путина (2024 – н.в.)	IV президентский срок В. Путина (2018–2023) к 1 президентскому сроку В. Путина (2000–2003)	V президентский срок В. Путина (2024 – н.в.) к 1 президентскому сроку В. Путина (2000–2003)
Единая Россия	5,0	13,9	18,4	34,9	24,1	16,7	33,5	+3	+20
КПРФ	20,0	13,6	7,4	9,6	9,3	8,3	6,0	-5	-8
ЛДПР	3,0	4,3	6,9	7,5	7,3	7,8	3,5	+4	-1
Справедливая Россия – За правду			6,0	4,9	2,6	2,8	2,0	+3	+2
Новые люди						1,3	1,5	+1	+2
КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Новые люди, другая	23,0	17,9	20,3	22,0	19,3	20,1	13,0	+2	-5
Никакая		34,1	35,8	28,5	36,2	42,3	44,5	+8	+10
Затрудняюсь ответить	31,0	16,5	16,1	9,8	9,8	10,0	8,0	-7	-9
Никакая, затрудняюсь ответить	31,0	50,6	51,9	38,3	46,0	52,3	52,5	+2	+2

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с.

Какая партия выражает Ваши интересы? (данные ВолнЦ РАН по Вологодской области, % от числа опрошенных)

Партия	1999	I президент- ский срок В. Путина (2000–2003)	II президент- ский срок В. Путина (2004–2007)	Президент- ский срок Д. Медведева (2008–2011)	III президент- ский срок В. Путина (2012–2017)	IV президент- ский срок В. Путина (2018–2023)	V президент- ский срок В. Путина (2024 – н.в.)	IV президентский срок В. Путина (2018–2023) к 1 президентскому сроку В. Путина (2000–2003)	V президентский срок В. Путина (2024 – н.в.) к 1 президентскому сроку В. Путина (2000–2003)
Единая Россия	10,1	17,8	23,5	35,2	33,4	34,9	41,9	+17	+24
КПРФ	12,7	10,7	7,9	8,4	9,1	9,3	9,2	-1	-2
ЛДПР	4,6	6,8	8,1	7,3	8,4	8,6	7,7	+2	+1
Справедливая Россия – За правду			4,9	4,4	4,6	4,2	3,5		
Новые люди						1,9	2,2		
Другая	0,8	0,6	0,3	0,2	0,4	0,4	0,2	0	0
КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Новые люди, другая	18,1	18,0	18,7	20,2	22,4	23,4	22,7	+5	+5
Никакая	27,1	31,2	27,4	28,3	31,8	31,2	25,7	0	-6
Затрудняюсь ответить	33,4	20,0	18,1	12,8	11,7	10,8	10,0	-9	-10
Никакая, затрудняюсь ответить	60,5	51,2	45,5	41,1	43,5	42,0	35,6	-9	-16

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолнЦ РАН.

«Одним из эффектов проведения Специальной военной операции (неожиданным для Запада, но совершенно закономерным для России) стало сплочение общества. Более 70% россиян оказывают волонтерскую помощь фронту, на стабильно высоком уровне находится доверие граждан президенту России. **Вместе с тем доверие общества к политической элите, призванной быть нравственным ориентиром, субъектом защиты суверенитета и консолидации общества, вызывает большие вопросы...**

...к элите в России относят лиц прежде всего с высоким доходом, статусной родней и большой властью. А когда степень элитарности определяется уровнем дохода, — справедливо отмечал Юрий Соломин, — это «рождает расслоение, а с ним **одичание душ**». Именно одичание душ мы часто и наблюдаем в среде наших «элитариев». **Коррупция, хищения бюджетных средств, безответственность, приоритет собственных шкурных интересов, податливость внешнему влиянию, презрение к интересам народа («этих неудачников») и твердое намерение продолжать пир во время чумы — сюжеты, посвященные этим темам, на примере представителей политической, военной и культурной элиты, мы видим едва ли не в каждом выпуске новостей»⁶⁹.**

Даже при продолжении активной политики государства по организации внутренних правил жизни в стране в условиях СВО (вкладка 7), **сама система государственного управления по-прежнему наполнена людьми, в своей повседневной жизни ведущих себя таким образом, который полностью противоположен публичной повестке национального развития, декларируемой главой государства.**

Это подтверждают конкретные факты, представленные на *вкладках 8–9*.

Вкладка 8 отражает **качественную** сторону подобных эпизодов «одичания душ» отдельных представителей правящих элит. В ней представлены оценки экспертов, указывающие в том числе на то, что они встречаются среди представителей всех ключевых партий парламента.

Вкладка 9 представляет собой продолжение нашего мониторинга фактов арестов и задержаний представителей органов власти, и она, по большому счету, отражает **количественную сторону (высокую частоту)** подобных эпизодов в нашей стране, причем только тех, которые официально «вскрываются» в результате действий силовых ведомств.

По официальным данным МВД РФ за период с 2018 по 2025 г. (данные за январь – август):

✓ общее количество преступлений коррупционной направленности в России увеличилось с 22,7 до 32,3 тыс. (или с 1,4 до 15,1% от общего уровня преступности);

✓ количество преступлений, связанных со взяточничеством, увеличилось с 9,3 до 20,1 тыс. (или с 4,6 до 18,7%)⁷⁰.

Таким образом, результаты мониторинга избирательных кампаний за 2018–2025 гг., а также социологических измерений, экспертных оценок, фактических данных, характеризующих состояние системы государственного управления в России, позволяют говорить о том, что итоги выборов после февраля 2022 года, на которых российское общество ежегодно выдает «кредит доверия» власти и лично Президенту РФ, во многом основываются на потребности людей в стабильности в тех, безусловно, форс-мажорных обстоятельствах, которые сопровождают жизнь в стране на протяжении последних лет.

⁶⁹ Батчиков С. Время лучших // Изборский клуб. 14.08.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27211?ysclid=mgrm2zx2oc618569270>

⁷⁰ Источник: ежемесячные отчеты МВД РФ «Состояние преступности в России» // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/1/>

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 19 августа по 24 октября 2025 г.⁷¹

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ

18 сентября – **перечень поручений Президента по итогам состоявшегося 23 июля совещания с членами кабинета**. Правительству РФ поручено представить предложения по новому порядку предоставления в электронном виде мер социальной поддержки участникам СВО. Речь идет о помощи ветеранам боевых действий и членам их семей в субъектах РФ. Предоставлять в электронном виде меры социальной поддержки участникам СВО. Речь идет о предоставлении единого портала госуслуг и региональных порталов государственных и муниципальных услуг, в том числе в беззаявительном порядке или проактивном режиме.

29 сентября – **ФЗ № 364 «О внесении изменений в статьи 81 и 351 Трудового кодекса Российской Федерации»**. Трудовой договор не будет расторгнут после окончания службы – теперь он автоматически продлевается на время, необходимое для восстановления и реабилитации, даже если лечение затянется на период больше трех месяцев. Если участник СВО заболел после окончания службы, но еще не приступил к работе, больничный лист будет оплачен из средств Социального фонда России. Гарантируется защита от незаконного увольнения (новые правила помогут избежать ситуаций, когда работники, нуждающиеся в реабилитации, теряют свою работу). Таким образом, ранее действовавший трехмесячный срок для возвращения на работу теперь дополняется возможностью продления договора на весь период временной нетрудоспособности. Аналогичные изменения касаются и государственных гражданских служащих, участвующих в СВО.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

29 сентября – **ФЗ № 368 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“»**. Устанавливается, что дополнительное профессиональное образование лиц, не являющихся педагогическими работниками, и педагогических работников в целях занятия ими педагогической деятельностью по учебным предметам, курсам, дисциплинам (модулям), направленным на получение знаний об основах духовно-нравственной культуры народов РФ, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или по альтернативным им учебным предметам, курсам, дисциплинам (модулям) осуществляется в том числе в духовных образовательных организациях и частных образовательных организациях, учредителями которых являются централизованные религиозные организации.

6 октября – **Указ № 719 «Об образовании Совета по культуре и учреждении премии Президента за произведения и проекты для детей и юношества»**. Ранее существовавший Совет при президенте РФ по культуре и искусству упраздняется. Председателем совета, как и ранее, остается глава государства, заместителем Совета – глава киноконцерна «Мосфильм» К. Шахназаров, а секретарем – помощник президента РФ В. Мединский. Также устанавливается, что ежегодно будет присуждаться три премии президента, размер премии составит 5 млн рублей.

15 октября – **ФЗ № 378 «О внесении изменений в статью 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»**. Установлена уголовная ответственность за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах, совершённое лицом, привлечённым к административной ответственности за нарушение порядка деятельности иностранного агента или имеющим судимость за уклонение от исполнения таких обязанностей.

⁷¹ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Согласно новой редакции ст. 330.1 УК РФ, ответственность наступит за уклонение от предоставления документов для включения в реестр иноагентов или нарушение порядка их деятельности, если это деяние совершено: тем, кто был ранее подвергнут административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ст. 19.34 КоАП («Нарушение порядка деятельности иностранного агента»); имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 330.1 УК РФ. Сами уголовные наказания остаются прежними. Изменения касаются лишь того, как быстро наступает уголовная ответственность.

За уклонение от обязанностей иностранного агента предусмотрены следующие меры: штраф до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы/иного дохода осужденного за период до двух лет; обязательные работы на срок до 480 часов; исправительные работы на срок до двух лет; лишение свободы на срок до двух лет.

15 октября – Указ №738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». Главной целью миграционной политики Концепция провозглашает обеспечение баланса государственных, общественных и частных интересов. Основные направления деятельности органов государственной власти в области миграционной политики в ближайшие годы будут направлены на:

- ✓ повышение ответственности работодателей, привлекающих к труду иностранных граждан;
- ✓ снижение ответственности работодателей, привлекающих к труду иностранных граждан;
- ✓ решение вопроса о налогообложении иностранных граждан; недопущение территориального обособления иностранцев, приехавших в РФ на постоянное место жительства.

Также указано, что результатом миграционной политики должно стать следующее:

- ✓ выраженное снижение числа незаконных мигрантов и преступлений, совершаемых ими;
- ✓ власти будут ограничивать пребывание в стране не занятых работой или учебой иностранных граждан и членов их семей;
- ✓ создадут условия для возвращения в Россию жителей новых регионов, вынужденных уехать за границу из-за СВО;
- ✓ власти будут поддерживать переселение в Россию иностранных традиционных российских духовно-нравственные ценности;
- ✓ примут меры против формирования этнических анклавов.

Конкретные примеры «вопиющего»⁷² поведения отдельных представителей правящих элит

1. 24 июля 2025 г. задержан государственный советник Российской Федерации I класса М. Егоров. 04.10.2021 указом Президента РФ он был назначен врио губернатора Тамбовской области. Учился на четвёртом потоке «школы губернаторов». 10.12.2021 избран секретарём Тамбовского регионального отделения партии «Единая Россия». 19.09.2022 одержал победу на губернаторских выборах, набрав 84,95% голосов. Был отмечен почётными грамотами Президента РФ и Правительства РФ и т. д. В отношении Егорова возбуждено уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере). Как отметили эксперты, «с декабря [2024 г.] Егоров уже третий задержанный экс-губернатор в Центральном федеральном округе. В конце 2024 года был арестован бывший глава Рязанской области Николай Любимов, которого обвинили в получении взятки на сумму более 250 миллионов. А в апреле в СИЗО заехал бывший курский губернатор Алексей Смирнов — по уголовному делу о мошенничестве на 1 млрд рублей при строительстве фортификационных сооружений в приграничье»⁷³.	2. 11 октября был задержан глава Крымского района Краснодарского края С. Лесь. Его подозревают в присвоении более сотни земельных участков, стоимость которых достигает 2 миллиардов рублей. Задержание Леси связывают с самой большой природной катастрофой Краснодарского края в истории — с наводнением в 2012 г., в результате которого погибло 170 человек, десятки тысяч человек остались без крыши над головой. Следствие установило: если бы местные власти оперативно информировали жителей о наводнении, жертв могло бы быть меньше. Лесь уже тогда был замом главы. Но, когда мэра Крымска и главу района отправили в колонию, ему удалось остаться у власти... Спустя несколько лет Лесь стал претендовать на земли пострадавших⁷⁴. «Аргументы и факты»: «С момента страшного чрезвычайного происшествия прошло уже 13 лет, отголоски его до сих пор слышны — так, в 2023 году после недавнего ремонта моста снова разрушился мост через Адагум, его обещали сдать в 2025-м, но на момент публикации он ещё не был сдан в эксплуатацию. Интересно, что стоимость возведения моста чуть больше 600 млн рублей, а цена земельных участков, в хищении которых обвиняют главу района, превышает два миллиарда. Простая арифметика — три моста можно было построить за эти деньги»⁷⁵. До задержания С. Лесь являлся секретарём Крымского местного отделения партии «Единая Россия».	3. 29 июля 2025 г. был задержан лидер фракции КПРФ в законодательном собрании Ленинградской области И. Апостоловский. Политику вменяют пропаганду символики экстремистской организации. По данным РИА Новости, против него возбуждено административное дело из-за «размешенных в 2017 году и неудаленных публикаций в социальных сетях в поддержку [Алексея] Навального»*. 30 июля его приговорили к 7 суткам административного ареста»⁷⁶.
--	--	---

⁷² Бесогон ТВ. Бойся гнева терпеливых. Выпуск от 17.10.25. // Официальный сайт «Бесогон ТВ». URL: <https://besogontv.ru/videos/boysya-gneva-terpeliviykh/>

⁷³ Иванов А. Задержан экс-губернатор одного из российских регионов, бывший главгосжилинспектор РФ. URL: https://zavtra.ru/events/zaderzhan_eks-gubernator_odnogo_iz_rossijskih_regionov_bivshij_glavgoszhilinspektor_rf/?ysclid=mgtrk4hor5m745590504

⁷⁴ Почувствовал себя князьком: как чиновник Лесь провернул аферы с землей на 2 млрд // РЕН-ТВ. 13.120.2025. URL: <https://ren.tv/longread/1374368-pochuvstvovalsebia-kniazkom-kak-chinovnik-les-provernul-afery-s-zemlei-na-2-mlrd?ysclid=mgjnbdub475947652>

⁷⁵ Иванов А. На Кубани глава района пытался бежать от силовиков с золотыми костылями и ₽105 млн. URL: <https://www.livekuban.ru/news/zhizn/glava-krymskogo-rayona-kubani-les-za-reshetkoj-kto-zhdet-ego-doma-semya-i-lichnaya-zhizn-chinovnika-vota?ysclid=mgjn8207a192122244>

* Деятельность штабов Навального была признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁷⁶ Кондратьев А. «Понятно, что искала полиция»: в Липецком обкоме КПРФ прошли обыски // Газета.ру. 01.08.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/08/01/21462734.shtml?ysclid=mgqbeu5xr0655886184>

4. В сентябре 2024 г. «Генеральная прокуратура выявила нарушения антикоррупционного законодательства в действиях депутата Государственной Думы РФ Юрия Нансо. Установлено, что с 8 декабря 2007 года Юрий Нансо является депутатом. Он занимал различные должности, включая заместителя и первого заместителя председателя Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному законодательству, а также первого заместителя председателя комитета по государственному строительству и законодательству. Все эти должности требовали от него полного и точного декларирования своего имущества, а также отказа от предпринимательской деятельности. Однако проверка выявила, что Юрий Нансо, занимая государственные должности, также являлся владельцем и руководителем коммерческих организаций. Он участвовал в их деятельности и получал от них доход.... Незаконным путем приобрел дорогостоящие объекты недвижимости, сведения о чём не декларировал и не сообщал в контрольные органы... 03.04.2025 Госдума приняла постановление о досрочном прекращении его полномочий, так как парламентарий безвылазно находился в Дубае, где, по сведениям прессы, у него имеется элитная недвижимость. Комиссия по регламенту и обеспечению деятельности Государственной Думы выяснила, что начиная с апреля 2023 года Юрий Нансо периодически находился на больничных, а в дни между ними – отсутствовал на работе. В общей сложности он не был в стенах Государственной Думы около двух лет, более 200 дней из них – без уважительной причины... За лишение Нансо мандата проголосовал 321 депутат, однако фракция ЛДПР по постановлению не голосовала, воздержалась в полном составе, что нельзя расценивать иначе, как скоординированную позицию, исходящую от руководства фракции...Руководство ЛДПР наверняка знало о запрещённой законом деятельности Нансо, однако ничего с этим не делало»⁷⁷.	5. 23 сентября Прокуратура сообщила, что один из наиболее высокопоставленных судей России, Виктор Момотов, получал вознаграждение от ОПГ «Покровские». Момотов с 2010 года, будучи судьей, не соблюдал ограничения, предусмотренные антикоррупционным законодательством. Он занимал должности секретаря пленума Верховного суда (с 2013 года), члена президиума ВС (с 2019-го) и главы Совета судей России (переизбран в 2022 году), что, по данным надзора, обеспечивало ему неограниченное влияние на судебную практику и кадровую политику нижестоящих судов. Для развития и приумножения собственного гостиничного бизнеса Момотов сотрудничал с организаторами ОПГ «Покровские» А. Чебановым и А. Коровайко. Также Глава Совета судей помог владельцу сети отелей Marton А. Марченко легализовать 11 объектов недвижимости в судебном порядке. На Марченко и подконтрольных ему лиц были оформлены 44 земельных участка и 51 объект недвижимости, которые использовались для предоставления гостиничных услуг, размещения банных комплексов и кальянных. На основе этих активов Момотов и Марченко создали сеть бизнес-отелей Marton, состоящую из 40 комплексов на территории Краснодарского края, Ростовской области, Волгограда, Воронежа, Калининграда, Нижнего Новгорода, Вологды и Москвы. Их общая стоимость превышает 9 млрд руб. По данным Генпрокуратуры, Момотов использовал статус судьи для легализации недвижимости, защиты аффилированного бизнеса в судах и обхода контроля органов власти. Кроме того, по данным Генпрокуратуры, отдельным источником дохода Момотова и Марченко был уход от уплаты налогов – недоимка превышает 500 млн руб.⁷⁸
--	--

⁷⁷ Иванов А. Многолетний депутат Государственной Думы подозревают в изнасиловании юной помощницы // Завтра. 27.09.2025. URL: https://zavtra.ru/events/mnogoletnego_deputata_gosudarstvennoj_dumi_podozrevayut_v_iznasilovanii_yunoi_pomoshnici?ysclid=mgmbw658c102524228

⁷⁸ Пантелеев Д., Зыкина Т., Сарсания Н. «ОПГ и активы на 9 млрд. руб.»: что известно об иске к главе Совета судей // РБК. 23.09.2025. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/09/2025/68d26a509a79476cc45d7597>

Факты задержания и арестов представителей правящих элит (19 августа – 24 октября 2025 г.)⁷⁹

- 19 октября** — первому заместителю главы Нефтеюганска в Ханты-Мансийском автономном округе предъявлено обвинение в превышении полномочий.
- 19 октября** — в рамках расследования дела в отношении сотрудников администрации, обвиняемых в выводе нескольких миллионов рублей из бюджета, Задержан замглавы города Железногорска Р. Вычужанин.
- 18 октября** — задержан заместитель председателя комитета городского хозяйства и строительства администрации Калининграда. Его подозревают в мошенничестве.
- 11 октября** — задержан глава администрации Лужского муниципального района Ленинградской области. По данным следствия, в августе 2024 года он получил через посредника взятку в размере 1 млн рублей.
- 11 октября** — задержан глава Крымского района Краснодарского края С. Лесь. Он подозревается в хищении государственных земельных участков.
- 5 октября** — в Ставропольском крае задержана экс-министр здравоохранения Дагестана Т. Беляева. Она обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере, ущерб оценивается минимум в один миллион рублей. Беляева была министром здравоохранения Дагестана с февраля 2022 по август 2024 года.
- 30 сентября** — по делу о взятке в 13 млн рублей арестован исполняющий обязанности начальника отдела правового обеспечения, оценки и кадров территориального управления Росимущества в Ростовской области.
- 30 сентября** — по подозрению в получении взятки в 2 млн рублей задержан начальник ГУ МЧС России по Кабардино-Балкарии М. Надежин.
- 30 сентября** — бывшему вице-мэру Нижнего Новгорода И. Штокману предъявлено обвинение в получении взятки в особо крупном размере (55 млн руб.).
- 30 сентября** — А. Власов, который 29 сентября объявил, что отправляется на фронт и оставляет пост и. о. замгубернатора Краснодарского края, задержан по подозрению в крупном хищении гумпомощи для СВО.
- 29 сентября** — задержан бывший вице-губернатор Свердловской области О. Чemezov. Ему предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК России (мошенничество, совершённое организованной группой либо в особо крупном размере или повлёкшее лишение права гражданина на жилое помещение).
- 29 сентября** — задержан глава управления Роствадрии по Северной Осетии В. Голота. Проводятся следственные действия по уголовному делу о получении взятки.
- 22 сентября** — задержан бывший депутат Госдумы и экс-заместитель главы крымского правительства Р. Бальбек, ранее объявленный в федеральный розыск. В отношении него ведутся уголовные дела о неправомерном доступе к компьютерной информации и клевете. Фигурант заключён под стражу.
- 17 сентября** — в Татарстане задержан замглавы Зеленодольского района по подозрению во взяточничестве в особо крупном размере в виде права собственности на четыре земельных участка.
- 27 августа** — задержан мэр Владимира Д. Наумов. Его подозревают в мошенничестве в особо крупном размере. В этот же день Владимирское региональное отделение «Единой России» приостановило его членство в партии.
- 25 августа** — задержан врио замгубернатора Курской области В. Базаров. Ему предъявлено обвинение в растрате. Задержание Базарова связано с его работой на должности замгубернатора Белгородской области и касается строительства оборонительных сооружений.
- 25 августа** — задержаны должностные лица правительства Белгородской области и Управления капитального строительства Белгородской области по обвинению в хищениях денег, выделенных на оборонительные сооружения на границе с Украиной. По версии следствия, растрату совершили бывший начальник Управления капитального строительства области А. Сошников, его заместители А. Решетько и Л. Стрелецкая, а также заместитель министра строительства региона В. Губарев. «Они похитили более 251 млн рублей путём завышения стоимости и занижения технических характеристик оборонительных сооружений — тетраздров, установленных на границе с Украиной», — сообщает МВД. Все они заключены под стражу.
- 20 августа** — задержан бывший замгубернатора Челябинской области А. Уфимцев. По данным следствия, с 2009 по 2010 год Уфимцев совместно с тремя соучастниками путём обмана незаконно приобрёл право пользования лесным участком в охранной зоне памятника природы Челябинской области на озере Увильды.

⁷⁹ Источник: RT на русском. Последние новости о задержаниях. URL: <https://russian.rt.com/tag/zaderzhanie?ysclid=mdzkzlnmsn147444962>

Но, как справедливо отмечает Председатель Совета Федерации РФ В. Матвиенко, **«все нынешние конфликты, включая украинский, имеют шанс на урегулирование только в случае устранения их первопричин»⁸⁰**. Этот тезис часто звучит применительно к конфликтам международного уровня, но, как показывают результаты проведенного исследования, он вполне применим и к внутренней жизни в стране.

Необходимо понимать, что в условиях СВО все события, явления и процессы, происходящие внутри страны, следует рассматривать не только как часть внутренней повседневной жизни, но и в контексте их возможных внешних, геополитических последствий.

В этом смысле консолидирующая функция партии власти как «инструмента проведения политики президента»⁸¹ играет важнейшую роль в реализации одной из ключевых задач, стоящих перед страной, — формирование нового Общественного договора как «базового, но в то же время особого состояния взаимоотношений государства и народа, которое выражается в философии общей судьбы»⁸².

И хотя эта задача не формулируется напрямую главой государства, о нарастающей потребности российского социума в новом Общественном договоре свидетельствуют многочисленные оценки экспертов.

1. «Проведение СВО, активные и противоречивые процессы социокультурной турбулентности внутри России и в государствах Ближнего Зарубежья **требуют корректировки существующего общественного договора**»⁸³.

2. «В результате глобальной трансформации геополитической системы в 2022 году возникла проблема **кардинального пересмотра общественного договора...** Начавшиеся сдвиги знаменуют кардинальную смену режима управления страной - с зависимого (колониального) на независимый (суверенный)... **Уже сегодня назрела потребность в формировании качественно иного общественного договора между верховной властью России в лице ее президента (и одновременно лидера нации!) и населения**»⁸⁴.

3. «... в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в не малом числе случаев приводят к деформированным процессам и явлениям, которые не всегда олицетворяют равноправное единство народа и политической власти, что приводит к различным формам напряженности, **отражающим деформацию существующего Общественного договора**»⁸⁵.

4. «Уже многие годы в стране по нарастающей идёт дискуссия о необходимости создания и внедрения в общество общей идеологической платформы, которая должна была бы служить путеводной нитью государственного строительства...

На нынешнем цивилизационном переломе, который переживает мир, **нам такая путеводная нить необходима как никогда... Более или менее четкого абриса, тем более утверждённого на государственном уровне и целеустремлённо, но, естественно, творчески (через дискуссии и вероятные коррекции) предлагаемого широким кругам элиты и внедряемого в общественное сознание, пока нет...**

⁸⁰ Матвиенко: текущие конфликты можно решить только при устранении первопричин // ТАСС. 30.07.2025. URL: <https://tass.ru/politika/24664489?ysclid=mh0emyrcw3763429181>

⁸¹ Ильина В. Маркер нормальности: эксперты обсудили итоги выборов-2025 // Российская газета. 16.09.2025. URL: <https://rg.ru/2025/09/16/marker-normalnosti-eksperty-obsudili-itogi-vyborov-2025.html?ysclid=mh21x3xntc738372756> (мнение К. Костина).

⁸² Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социс. № 2. С. 6.

⁸³ Немировский В.Г. (2025). Общественный договор в современной России: реальность или иллюзия? Размышления социолога о монографии Ж.Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» // Уровень жизни населения регионов России. Т. 21. № 2. С. 303.

⁸⁴ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.

⁸⁵ Тощенко Ж.Т. (2025). Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? // Социологические исследования. № 2. С. 12.

В руководящем слое государства всё ещё преобладают экономисты-технократы, «политтехнологи». Они полезны для текущего управления, делают много нужного, но они не способны вести страну и народ к новым горизонтам, обеспечивать глубинное, идейное единение народа и власти в трудной судьбоносной борьбе, в которую вступила страна и мир... Сказанное – не призыв к смене верховной власти, особенно во время острого внешнеполитического кризиса, который продлится еще немало лет. Но обновление управляющих элит – обязательное условие успеха»⁸⁶.

Тем не менее, как показывают результаты исследования, безоговорочная победа партии власти (70–75%) на выборах регионального и муниципального уровней обеспечивается фактически лишь половиной (45–50%) всех избирателей, а остальная часть населения (судя по данным соц. опросов) поддерживает либо другие партии, либо в принципе скептически относится к политической системе страны. **Это решает тактическую задачу обеспечения стабильности политической системы в настоящем, но становится малоэффективным в контексте ответов страны на вызовы будущего.**

«Среди аналитиков, которые обычно работают как раз на власти, в последнее время стали преобладать тревожные настроения... суть заключается в том, что **в год предстоящих выборов в Госдуму ни народ, ни элиты, ни, видимо, сами политтехнологи не понимают будущего. И не могут знать и даже попытаться предсказать то, что в нем, возможно, произойдет**»⁸⁷.

Отсюда вывод – по-видимому, выборный процесс требует донастройки, поскольку он не совсем точно отражает реальную ситуацию в стране и взаимоотношения общества и власти.

«В последние годы вовсе не редкость случаи, когда губернаторы оказываются на скамье подсудимых. И вроде как бы получается не слишком красиво, если показавший сверхвысокий результат за 80% оказывается под следствием или на скамье подсудимых. Скажем, примерно так, как случилось с экс-губернатором Курской области Алексеем Смирновым, хотя в прошлом году он получил все-таки 65,3%. Но в итоге эта ситуация все равно выглядит политически неприемлемой»⁸⁸.

Причем следует отметить, что выборы, так же как и массовые социологические опросы общества, всего лишь индикатор, «лакмусовая бумажка», позволяющая периодически делать «срез» взаимоотношений между государством и обществом. **Реальные «первопричины», которые обуславливают тот факт, что в голосовании участвуют 50, 40, а то и 20% избирателей, гораздо глубже и требуют не просто «донастройки», а куда более решительных действий по изменению всей системы государственного управления и в целом жизни в стране:**

✓ **преодоления сохраняющегося высокого уровня неравенства и наиболее острых социальных противоречий;**

⁸⁶ Караганов С. Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке: доклад в рамках проекта «Российская идея-мечта и Кодекс россиянина в XXI веке» под эгидой Совета по внешней и оборонной политике и Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Июль 2025. С. 17.

⁸⁷ Родин И. Ситуацию в стране фракции рассмотрели с разных сторон // Независимая газета. 07.10.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-10-07/3_9354_fractions.html

⁸⁸ Гармоненко Д. В условиях СВО явка избирателей получила политическое значение // Независимая газета. 07.09.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-09-07/1_9332_elections.html?ysclid=mh4ko1wv2o202671700

«Список самых богатых людей планеты Forbes продолжает пополняться российскими миллиардерами. В 2025 году число россиян в рейтинге самых состоятельных людей увеличилось на 21 человека и дошло до 146 человек, причем за период проведения СВО каждый из них увеличил размер своего ежегодного дохода в 1,5–2 раза»⁸⁹.

«... когда на фронтах СВО гибнут наши бойцы и командиры, вопрос коррупции приобретает особый оттенок. Если в мирное время безбрежное воровство прикормленных кланов просто тормозило страну, то сейчас совсем другая история. Закон справедливости и закон возмездия требует за подобные преступления платить кровью»⁹².

✓ ликвидации фактов реального, «вопиющего» (как отметил Н. Михалков в своей авторской программе «Бесогон»⁹⁰), поведения элит как системного явления; как части обыденной, повседневной жизни;

✓ преодоления противоречий и разногласий (в экспертном сообществе, в оценках широких слоев населения) в трактовке курса национального развития и понимания Образа будущего России, что невозможно сделать без четкой, безапелляционной оценки событий прошлого и настоящего;

✓ не просто «донастройки», а создания механизма государственного управления, или такой системы, которая бы «отфильтровывала» людей, не способных эффективно выполнять свои служебные обязанности, находясь на «государевой службе»: либо не готовых к этому по своим профессиональным качествам, либо принципиально не разделяющих общий вектор национального развития, по которому Россия идет уже фактически четверть века.

Как пишет А. Школьников, «музыкантов много, виртуозов — единицы, но музыку чувствовать и слышать должны они все. Если чиновник не понимает этих принципов работы, значит он занимается не своим делом»⁹¹.

Таким образом, решительных действий (прежде всего со стороны главы государства) требуют все те проблемы, которые на протяжении фактически всего постсоветского периода оставались нерешенными, имели (и по-прежнему имеют) нарастающий характер, что, в том числе, привело к снижению эффективности функции выборов как диагностического инструмента.

А что происходит в условиях неработающих диагностических инструментов — вполне известно. Болезненный опыт вторжения ВСУ в Курскую область по причине банального (казалось бы) казнокрадства чиновников через очередную «Корпорацию развития» является в этом смысле более чем поучительным уроком, из которого нужно делать необходимые выводы... — Президенту, Государственной Думе, Правительству, субъектам системы государственного управления на всех уровнях власти: федеральной, региональной, муниципальной.

Этот тезис, на наш взгляд, во многом подтверждает экспертная оценка, приведенная в докладе Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР), подготовленного к 34-й годовщине путча ГКЧП 19 августа 2025 г:

⁸⁹ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперед идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 9–45.

⁹⁰ Бесогон ТВ. 17.10.2025. Бойся гнева терпеливых. URL: <https://besogontv.ru/videos/boysya-gneva-terpelivyykh/>

⁹¹ Школьников А. Природа чиновничьего алармизма // Завтра. 27.09.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/priroda_chinovnich_ego_alarmizma

⁹² Гончаров А. Дело Кехмана // Завтра. 14.08.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/delo_kehmana?ysclid=mgrpluzvv4841221682

«Надо отдавать себе отчет, что риски повторения трагедии августа 1991 года сегодня существуют. Современные риски значительны - история может повториться: спустя 30 лет угроза не исчезла. Западная концепция «деколонизации России» прямо ставит цель расчленения последнего крупного осколка исторической России – РФ. Как и в перестройку, часть элит видит спасение в сделке с Западом, надеясь вернуться к счастливым для них временам обмена ресурсов на «стеклянные бусы» западного сверхпотребления, как при «дедушке Ельцине». Но цена такой сделки сегодня – «деколонизация», то есть тотальное расчленение.

И существующие риски очередного элитного предательства могут вполне реализоваться при наложении трех «факторов».

Первый – «кризис доверия» к власти. Но он пока что купируется «сверхрейтингом» президента, однако бесконечно стабильность на одном «гвозде» висеть не может.

Второй – «компрадорская психология «элит», часть из которых надеется вернуться во времена счастливого обмена «стеклянных бус» западного «сверхпотребления» – на вывоз отечественных ресурсов, как это было при «дедушке Ельцине». Но надежды «замириться» с мировым «гегемоном», принявшим решение зачистить «раскормившуюся российскую олигархию», могут быть реализованы теперь только через условия «деколонизации» России, то есть, тотального ее расчленения.

И третий – «отсутствие суверенной идеологии», альтернативного цивилизационного «проекта». А это уже риск, что восставшая провинция глобального капитализма, в лице России, будет нейтрализована, не имея своей цивилизационной идентичности и «проекта».

Сегодня эти три угрозы блокируются жёсткой позицией силовиков и консолидацией общества вокруг целей СВО, включая «путинские заявления» – о невозможности «возврата России к ситуации до 2022 года», и что «капитализм исчерпал себя». **Однако «прагматичные силовики и технократы» уже не раз предавали историческую Россию – и в феврале 1917, и в августе 1991 года. Да, история не знает сслагательного наклонения. Однако требует изучать ее и извлекать необходимые уроки»⁹³.**

В заключение отметим, что 2 октября 2025 г., выступая на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», Президент РФ В. Путин дал всеобъемлющую оценку ситуации в стране и историческому моменту времени, который переживает сегодня Россия: **«Никому из нас не дано, конечно, в полной мере предвидеть будущее. Однако это не освобождает от обязанности быть готовыми ко всему, что может произойти. Практически,**

как показывает и время, и последние события, готовыми нужно быть к чему угодно. Ответственность каждого в такие периоды истории особенно велика за свою собственную судьбу, за судьбу страны и всего мира. И ставки чрезвычайно высоки»⁹⁴.

На наш взгляд, это не только оценка, но и руководство к действию, которое должно быть услышано и воспринято правящими элитами на всех уровнях власти.

⁹³ Обухов С.П. Перестройка, ГКЧП и третье разрушение исторической России: возможно ли повторение предательства элит? // Официальный сайт КППРФ. 19.08.20925. URL: <https://kprf-saratov.ru/2025/08/s-p-obuhov-perestrojka-gkchp-i-trete-razrushenie-istoricheskoy-rossii-vozmozhno-li-povtorenie-predatelstva-elit/>

⁹⁴ Выступление Президента РФ В. Путина на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 2 октября 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Single Voting Day 2025: Another Test Passed, but Public Trust in the Political Elite Causes Great Concern

Abstract. From September 12 to 14, 2025, Russia held its annual Single Voting Day, featuring elections at regional and municipal levels. This electoral campaign was widely seen as a “dress rehearsal” for the 2026 State Duma elections, and many experts concluded that this “test was passed successfully”. However, for several years now, some analysts have pointed out that local elections are increasingly becoming a formality, losing their potential as a tool for diagnosing the relationship between society and the authorities. This article presents the key findings of a long-term monitoring project of regional election campaigns, conducted since 2018 as part of the Editorial column, which includes a comparative analysis of sociological data on public attitudes towards the country’s main political parties. As a stage in this monitoring, an in-depth analysis of the 2025 Single Voting Day results is provided: using official data from the Russian Central Election Commission, voter turnout and support for United Russia across regions and regional capitals are analyzed; a review of expert opinions on the concluded campaign is presented; and its specific features in 2025 are examined, including in the context of the geopolitical and civilizational challenges Russia has faced throughout the 21st century and especially since the start of the special military operation. Furthermore, the article continues its monitoring of key managerial decisions made by the President, the State Duma, and the Government. Particular attention is paid to analyzing expert opinions, criminal statistics, and actual instances of detentions of representatives of the ruling “elites”, which indicates a persistent and growing problem of their disconnect from the publicly declared, nationally-oriented development agenda of the Russian Federation, as articulated by the head of state. The authors highlight expert views that public trust in the political elite continues to raise significant and substantial questions. Despite the importance of internal political stability amid a tense international situation and ongoing hostilities within the framework of the SMO, the political system is not yet effective enough in fulfilling its role to meet the public demand for forming a Vision of Russia’s Future and a new Social Contract that aligns with the President’s stated goals of strengthening traditional values and the core principles of a genuine social state.

Key words: Single Voting Day, regional elections, monitoring, government effectiveness, public opinion, Social Contract.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin — RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev — Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Тернистые пути современного российского высшего профессионального образования

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО**

Российский государственный гуманитарный университет
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемные ситуации на пути обретения профессий, требующих высшего профессионального образования. Основное внимание обращается на то, что в обществе реально сложился разрыв между личными (индивидуальными) целями при получении профессий высшей квалификации и социально-экономическими, социально-политическими и социально-культурными потребностями общества. В связи с этим анализируются реперные точки обретения и прохождения профессиональной социализации, которая, на взгляд автора, состоит из последовательного решения (алгоритма) взаимосвязанных задач: профессионального просвещения, профессиональной ориентации, профессионального отбора и профессиональной адаптации. Как эти задачи решаются, автором рассматривается с позиций: а) официальной государственной образовательной политики; б) действий и деятельности школ и вузов; в) поведения школьников и студентов; г) с учетом их региональных особенностей. При этом внимание обращается не столько на учебно-методические и организационные проблемы освоения профессий, сколько на социальные аспекты процесса подготовки и получения высшего образования.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, профессиональная социализация, профессиональное просвещение, профессиональная ориентация, профессиональный отбор, профессиональная адаптация.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. (2025). Тернистые пути современного российского высшего профессионального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 47–60. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.2

For citation: Toshchenko Zh.T. (2025). Thorny paths of modern Russian higher professional education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 47–60. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.2

Постановка проблемы

Социальное значение высшего образования характеризуется в первую очередь такими показателями, как официальные решения по его развитию и совершенствованию, количество высших учебных заведений, численность студентов, профессорско-преподавательского состава и обслуживающего персонала, а также состояние материально-технической базы.

Напомню, что в настоящее время (2025 год) в России действуют 724 вуза (университетов, институтов, академий, в том числе 242 частных) и 532 филиала (427 государственных и 105 частных), в которых учатся 4,33 млн юношей и девушек. Из них 89,2% обучались в государственных и муниципальных организациях, 10,4% — в частных учебных заведениях. Распределение студентов по специальностям выглядит следующим образом: 31,65% — инженерное дело, технологии и технические науки, 28,85% — науки об обществе, 12% — здравоохранение и медицинские науки, 9,3% — образование и педагогические науки, 5,96% — математические и естественные науки, 5,21% — гуманитарные науки, 3,79% — сельскохозяйственные науки, 3,25% — искусство и культура¹.

Их обучали в 2024 году 216,5 тыс. штатных педагогических работников — преподавателей, ассистентов. Ещё 74,9 тысячи были внешними совместителями. Около 58 тысяч педагогов работали по договорам гражданско-правового характера². Численность штатных преподавателей значительно сократилась по сравнению с 2008/2009 учебным годом, когда их насчитывалось 341,1 тыс. человек.

По данным Высшей школы экономики, 32,4% россиян в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование. Для сравнения: в Италии — 19,9%, в Японии — 34,2%, в США — 39,5%, в Великобритании — 41,3%. Вместе с тем состояние высшего образования вызывает обоснованную тревогу, озабоченность и неудовлетворенность его результатами.

¹ МИРЭА — Российский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования (дата обращения 26.05.2025).

² Образование в цифрах: 2023: краткий стат. сб. / Т.А. Вапланова, Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ. 2023.

Противоречивая политика в области высшего профессионального образования привела к резкому *снижению качества* подготовки специалистов в результате непродуманных и поспешных реформ. Развал образования прошел в новой России через несколько этапов. В начале 1990-х годов внимание было сосредоточено на многочисленных вариациях организации высшего образования на основе демонтажа советской системы, на ее отрицании, на отказе от всего, что было достоянием не только советского, но всего отечественного опыта по подготовке специалистов высшей квалификации. Затем последовали шаги по превращению образования в сферу услуг с внедрением мер по коммерциализации вузов. В этот период произошло массовое увеличение количества высших учебных заведений, когда нередко даже в крупных селах создавались филиалы вузов (так, в 2008/2009 учебном году функционировали 1134 вуза и порядка 2 тысяч филиалов)³. На следующем этапе была осуществлена политика по переходу на модель «настоящего образования», под которой подразумевалась болонская модель образования. Ее апологеты — бывшие ректоры Высшей школы экономики Я. Кузьминов, Российской академии народного хозяйства и государственной службы В. Мау совместно с министром образования РФ Д. Ливановым с пристрастием и большим рвением пропагандировали это «западное достижение» и добились его внедрения. Стоит отметить, что основным их аргументом было то, что бакалавр и магистр могут свободно и беспрепятственно претендовать на работу во всех европейских странах. Более того, Я. Кузьминов в 2021 году заявлял, что в зависимости от вуза и научного направления за рубеж уезжают от 20 до 85% студентов, в среднем больше 50%. Однако социологические опросы Российского государственного гуманитарного университета показали, что такое намерение (даже еще не действие) высказывают от 1,4 до 8,3% работников в зависимости от отрасли экономики и культуры (Жизненный мир работников..., 2024, с. 436). В ответ на критику апологеты болон-

³ Российский статистический ежегодник. 2010 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва: Статистика России, 2010.

ского процесса постоянно изобретали новые предложения вроде двух ступеней бакалавриата, делили вузы на категории — достойные поддержки или третьестепенные (в число которых попадали многие региональные вузы). Вместе с А. Чубайсом предлагали сделать всё высшее образование платным, что *вело к формированию еще одной грани социального неравенства — образовательного*. Нужно отметить, что эти меры вызвали протест и несогласие большинства вузовской интеллигенции, но к ее голосу не прислушивались. Практически все предложения сторонников болонщины приобретали характер обязательного внедрения, без учета особенностей вузов, их региональной и национальной специфики. В результате происходила «кукуризация» образования (по типу хрущевской инициативы сеять кукурузу везде — от северных приполярных районов до пустынь), когда однообразие было признано нормой для всех без исключения.

Одновременно возникали и множились другие проблемные ситуации. Назову некоторые из них. В 2024 году по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры было выпущено 823 тыс. человек⁴), из которых 31% составляли юристы и экономисты (35% в 2020 году). Число выпускников, окончивших вузы по экономическим и юридическим направлениям, в 4 раза превышает кадровую потребность. Очевидно, что при всей важности этих профессий такая явная диспропорция не соответствовала объективным потребностям общества, хотя коррелировала с личными устремлениями молодежи и их родителей. Появилась и весьма странная специальность «менеджер», которая не привязана ни к какой конкретной сфере трудовой деятельности, в результате чего готовятся специалисты, которые могут управлять всем, что поручат — от ЖКХ до предприятия или учреждения культуры. В то же время произошло резкое снижение внимания к подготовке инженеров, их спустя некоторое время стало катастрофически не хватать. В результате сложился дисбаланс на рынке труда. По данным Минтруда РФ, в 2023 году на одного инжене-

ра приходилось 12 вакансий, но 1 вакансия на подготовленных 7–8 юристов и экономистов в зависимости от региона.

Вызывает сомнения внешне благополучная, но в то же время лукавая цифра: по официальным данным от 80 до 90% выпускников трудоустраиваются после окончания учебного заведения. Однако более глубокий анализ показывает, что по полученной специальности (или смежной) начинают работать в зависимости от вуза и/или специальности от 40 до 60% выпускников⁵. Но можно ли считать их трудоустроенными по специальности, исходя из таких примеров? Так, подготовка ветеринара для работы в сельскохозяйственных предприятиях завершается устройством его на работу по обслуживанию домашних животных в том городе, где он учился. Или можно ли считать трудоустройством по специальности лечебное дело молодого врача при его уходе на работу в косметологи, или учителя, устроившегося на работу на государственную или другую управленческую службу по подготовке повседневного документооборота или по сбору текущих сведений?

Немаловажно, что на сферу образования в стране уходит всего 3,7% ВВП. Россия по этому показателю занимает 125 место в мире. Для сравнения: в Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии — от 7 до 8% ВВП, США — 6,1%, Канаде — 5,5%, Франции — 5,4%⁶.

Одновременно произошли старение и феминизация преподавательского состава, удвоение нагрузки при низкой оплате труда преподавателей, студенты получают символические стипендии. Сдерживают качественную подготовку специалистов также устаревшая материально-техническая база и многие издержки экономико-финансового плана.

К этому следует добавить ущербную общественно-культурную позицию средств массовой информации, которые не устают пропагандировать и рекламировать формы занятости, представленные преуспевающими лицами эстрады и спорта, маркетологами, бизнесменами всех

⁴ Выпуск юристов и экономистов в России сократился за три года на 15%. URL: 4ege.ru/novosti-vuzov/71965-vypusk-juristov-i-...

⁵ Росстат: треть выпускников российских вузов не работают по специальности // Вселух.ru. URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/rosstat-tret-vypusknikov-rossiyskikh-vuzov-ne-rabotayut-po-spetsialnosti_342862

⁶ URL: <https://gtmarket.ru> (дата обращения 10.10.2025).

рангов и профилей при практически полном игнорировании производственных профессий. А такая политика в немалой степени сказывается на предпочтениях молодежи.

К 2020-м годам стало очевидно, что бездумное копирование чужого опыта при полном игнорировании отечественных, в том числе советских, достижений без учета мнения основной массы преподавательского состава привело к реальному отставанию от мировых показателей и снижению качества подготовки квалифицированных специалистов. Поэтому не удивительно, что в настоящее время Россия по уровню образования занимает 34 место в мире, потеряв то первенство, которым обладал Советский Союз.

В настоящее время на официальном уровне провозглашен не только отказ от осложнивших деятельность вузов болонских принципов, но и необходимость осуществить коренные изменения в сложившейся структуре высшего образования, которые, как надеются в Минобрнауки РФ, позволят полностью перейти на новую структуру обучения в 2027 году. В рамках новой стратегии предполагается включить накопленный за последние два века опыт развития и функционирования отечественного образования и удовлетворить реальные потребности наступающей Пятой промышленной революции.

Исходя из обзора состояния высшего образования в России, в статье осуществлено исследование всех этапов профессиональной социализации, которая включает *профессиональное просвещение, профессиональную ориентацию, профессиональный отбор и профессиональную адаптацию*.

Эмпирической базой исследования стали 118 сайтов университетов, отражающих их включенность в осуществление всех этапов профессиональной социализации молодых людей. Кроме того, в марте – июне 2023 года методом онлайн-анкетирования (CAWI) посредством платформы Google.Forms проведен онлайн-опрос «Роль профориентации в выборе профессии». Объектом исследования стали старшеклассники, абитуриенты, студенты и выпускники. Объем выборочной совокупности: N = 769. Тип выборки: целевая, нерепрезентативная. Метод отбора респондентов: по одному из целевых признаков – статус ученика старших классов, статус обучающегося по про-

граммам высшего образования или статус выпускника. Также использовались данные исследования ФНИСЦ РАН 2023 года, содержащие результаты опроса 4 тысяч молодых специалистов (Горшков и др., 2023), ВЦИОМ-2024⁷. Привлекались данные социологических центров (ВШЭ, ФОМ), научные публикации по этой теме за 2015–2024 гг. При исследовании отдельных групп, таких как врачи, преподаватели, архитекторы проводились глубинные интервью с экспертами, молодыми специалистами и студентами. При анализе поставленных проблем использовался успешный опыт работы в Татарстане, Свердловской и Ростовской областях.

Однако совершенствование высшего образования предполагает изменения не только в нем самом, но и на подготовительных стадиях, на которых базируется его реализация. Именно исходя из этого мы рассматриваем как довузовские, так и университетские и постуниверситетские этапы его развития и функционирования.

Таким образом, осуществлен замысел рассмотреть путь в профессию в более широком контексте, начиная с первых попыток профессионального самоопределения до первых шагов по реальному применению полученных знаний и компетенций непосредственно на производстве.

Рассмотрим каждый из этих этапов, обращая особое внимание на то, что препятствует их эффективному осуществлению, в том числе на такую специфическую проблему, как функциональная неграмотность (Тощенко, 2025).

Профессиональное просвещение как исходная база для социально-профессионального самоопределения

В жизни каждого молодого человека наступает момент, когда приходится решать, как и какую выбрать профессию, как определиться с будущей трудовой деятельностью, т. е. практически предположить траекторию своего жизненного пути. Согласно Конституции РФ, каждому молодому человеку предоставлено право на выбор профессии, род занятий и работы.

⁷ Подробно методология описана в: Профориентация: хорошо, но мало! // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения 11.09.2024).

Однако это право, как показывает практика, порой не просто реализовать — не хватает знаний о профессиях, о тех требованиях, которые они предъявляют к личности работающего и умению оценить их, в особенности о которых молодые люди осведомлены понаслышке. Немалое значение приобретает знание о потребностях общества в тех или иных профессиях. К этому стоит добавить влияние общественного восприятия, той или иной оценки имеющихся или желаемых профессий, когда именно ориентация на некоторые из них определяется не потребностями экономики и культуры, а личностными, семейными или групповыми предпочтениями⁸.

В связи с этим остро стоит вопрос об осуществлении последовательных, логически непротиворечивых действий по *органичному соединению объективных потребностей и субъективных ориентаций молодежи*. Тем более что в большинстве случаев процесс вхождения в взрослую жизнь для молодых людей ограничивается рассмотрением профориентации, зачастую с учетом только местных интересов. Но, как показывает реальная жизнь, это ограниченный по своей целостности процесс, упускающий многие аспекты приобретения профессий, закрепления молодежи в их профессиональном выборе, подготовки к производительному труду и сохранению верности избранному трудовому пути.

На наш взгляд, говоря о профессиональном просвещении, следует говорить о таких двух его важных компонентах, как *профессиональная информация и профессиональная пропаганда*. Но именно на этом этапе допускается часто встречающаяся ошибка — вместо распространения всесторонней информации о всех возможных профессиях и их востребованности в экономике и культуре обычно переходят к профориентации, которая непосредственно связана с имеющимися в данном регионе производственными организациями и высшими учебными заведениями.

Работа по профпросвещению предполагает ее проведение с большим педагогическим тактом. Ориентируя учащихся на профессии, в которых страна (регион) испытывает потребность,

необходимо соблюдать такой важнейший принцип, как связь с жизнью, избегая всякого рода нажимов, давления на сознание молодого человека, купирование порывов моды на те или иные профессии. В свое время это блестяще продемонстрировал в своих представительных исследованиях о профессиональных ориентациях школьников В. Шубкин. Он убедительно показал и доказал, что в 1960—1970-е годы желание и устремления молодежи и потребности народного хозяйства в кадрах представляли собой взаимоисключающие пирамиды: образно говоря, число желающих стать космонавтами, артистами в сотни-тысячи раз превышало количество желающих работать на производстве (Шубкин, 1970).

Но реальная жизнь демонстрировала несоответствие поведения молодежи с нуждами общества. Эту неадекватную ситуацию можно охарактеризовать как расхождение между мечтами (пусть даже искренними) и дальнейшим выбором трудового пути, что неминуемо приводило к деформированной социальной реакции на отношение к труду, к разочарованиям, к снижению гражданской активности и, соответственно, к тому, что заложенный природой и обучением потенциал не использовался ни во благо общества, ни во благо самого человека.

В реализации информированности первое место, конечно, принадлежит школе. Но эта деятельность часто ограничивается рассказом и встречами с представителями тех профессий, которые «под рукой», т. е. используется то, что имеется в данном городе, в конкретном регионе. Усилия школ нередко дополняются работой домов детского творчества (бывших дворцов пионеров), которые предлагают знакомство с широким кругом профессиональных направлений, включая технические, художественные, естественно-научные, физкультурно-спортивные и социально-педагогические. Отметим, что если в 1957 году в СССР функционировали 2153 дворца и дома пионеров, то по экспертным подсчетам (официальной статистики нет) в России их сохранилось около 500.

Не в лучшую сторону изменилось участие детской и школьной периодики в информировании и пропаганде профессий. Вместо потерявших привлекательность и массовость журналов, таких как «Юный техник», «Юный натуралист», «Квант», «Химия и жизнь» и дру-

⁸ Савицкая Н. (2025). Что ждать от очередной образовательной реформы // Независимая газета. 22 мая.

гих познавательных изданий, ориентированных на подрастающее поколение, появились в большей степени развлекательные журналы типа «Юный эрудит», «Тошка и компания», «Майнкрафт» или направленных на развитие интереса к бизнесу и предпринимательству («Думай» и «Думай Кидс»), а также на формирование лидерских качеств и финансовой грамотности (журнал от бизнес-школы Lovely Beetle и программа «Я в деле»). В результате из информационного поля выпали массовые профессии, связанные с участием в производственном труде в большинстве отраслей национального хозяйства и культуры. Справедливости ради нужно сказать, что в настоящее время осуществляются интенсивные попытки перестроить эти трудовые ориентации, что, например, выразилось в резко возросшем внимании к инженерно-техническим специальностям: в наборе в 2025 году на бюджетные места в вузах им отведено 41% мест от общего количества поступающих.

Таким образом, перестройка профессионального просвещения является существенной предпосылкой для достижения общегосударственных целей, заложенных в национальных программах и проектах и направленных на рост производственного труда.

Пока же можно сделать вывод, что профпросвещение нуждается в коренной перестройке на всех уровнях работы с молодежью, как в школе, так и в каждом регионе, и в целом в стране, в политике Минобрнауки и Минпросвещения РФ.

Профориентация как процесс формирования профессиональных установок

Основная цель профориентации — подготовка молодежи к *осознанному выбору будущей профессии*. Иначе говоря, на базе профпросвещения после ознакомления с существующими и, возможно, новыми профессиями школьнику предстоит предварительно сформировать свой интерес к вариантам будущей трудовой деятельности. Предполагается, что на этом этапе он сосредоточивает внимание на более обстоятельном усвоении сути и функций желаемой профессии, необходимых для нее навыках и способностях, ее социальной оценке, а также получении сведений об учебных заведениях, в которых готовят соответствующие кадры (Апостолов, 2011, с. 61). Иногда школьники получают профессиональное консультирование;

проходят диагностику — чаще всего это тестирование; получают психологическую поддержку (подробнее см.: Пряжникова, 2010). Однако эта структура в 1990-е годы была разрушена.

Сейчас эта деятельность возрождается. В настоящее время достаточно широко в школе стали использоваться такие формы, как встречи с представителями тех профессий, которые намерены выбрать молодые люди, специализированные кружки по избранной специальности, а в ряде случаев специализированные (инженерные, медицинские, педагогические, экономические) классы. В вузах организуются такие новые формы взаимодействия со школьниками, как предуниверсарии, олимпиады и конкурсы; создаются учебно-практические ячейки. В последние годы к осуществлению программ профориентации подключились социальные сети, которые не только информируют, но и организуют занятия по тем или иным специальностям. Однако, как показывает проведенный анализ, многие из этих форм работы распространены достаточно слабо, охватывают не всех участников, нередко проводятся формально. В этой ситуации из многих форм воздействия исключены школьники и их сверстники в малых городах. Да и такие формы, как специализированные классы, имеют свою специфику, так как организуются по желанию родителей и/или учеников, а не исходя из потребностей экономики и культуры. Так, по состоянию на 2023 год школьники обучались всего в 131 инженерном классе, что, на наш взгляд, явно недостаточно, в то же время массово представлены экономические, юридические и медицинские классы (Анисимов, 2024). Такая форма, как предуниверсарии, существует только в крупных городах, численность их тоже незначительна.

На пути профориентации, помимо названных институциональных усилий, лежат серьезные противоречия социально-психологического характера, время профессионального самоопределения, выбора той профессии или того направления будущей деятельности, которые составят основы жизненной стратегии (Леонтьев, Шелобанова, 2001).

Реальная жизнь показала, что на пути профориентации продолжают существовать значительные расхождения между указаниями, рекомендациями и мерами, сформулированными в официальных документах, и тем, на что ори-

ентируется молодежь перед поступлением в университет. По данным Института социологии ФНИСЦ РАН (опрос 4000 молодых специалистов 207 предприятий и учреждений в 41 субъекте Российской Федерации в 2021 году), содержательные (идеальные) *устремления молодежи имеют ярко выраженную социальную значимость*: 57% сказали, что они нацелены на желание получить избранную специальность; 40,5% привлекает высокий спрос на специальность, 30,6% — престижность избранной профессии; 29% — ее общественная значимость; 27,4 % — высокая оплата труда; 26,4 % — перспективы карьерного роста. Стоит обратить внимание на показатель «семейная традиция», о которой упоминают 14,2% опрошенных. Но в реальности при выборе места обучения нередко преобладают другие ориентации, которые тормозят социальную значимость выбранной подготовки. Эти *инструментальные средства обучения* в избранном вузе включают наличие бюджетных мест (50,5% опрошенных) и невысокий конкурс (17%). Хотя есть рациональные и приемлемые ориентации: 37,3% сказали об имидже университета и 10,6% — о гарантии трудоустройства, немалое значение приобретают практические соображения, нередко связанные с финансовым положением семьи: 18,1% респондентов важна близость к дому и еще 17% — наличие общежития (Горшков и др., 2023, с. 83–84, 87).

Сравнение этих данных показывает, что при окончательном выборе вуза, где хочет учиться школьник, *содержательные (идеальные) цели и ориентации нередко уходят на второй план*, а на первый выходит практическая целесообразность, которая может не совпадать с предыдущими намерениями. Здесь, на наш взгляд, заложена одна из причин расхождения между первоначальной убежденностью в преимуществах желаемой профессии и реальным решением избрать ту специальность, на которую по ряду обстоятельств пришлось согласиться. Молодой человек может так и не привыкнуть к реально выбранной специальности, не говоря о том, чтобы ее полюбить, сделать смыслом, основой своей профессиональной деятельности. Отсюда возникает разочарование, недовольство, сомнение или пассивное следование избранному пути, что реально грозит превратить человека в будущем в «серого»

представителя некачественного труда (подробнее см.: Тощенко, 2023).

Также нельзя сбрасывать со счетов эгоистические и даже приспособленческие предпочтения молодых людей при выборе профессии, которые нередко складываются под влиянием обстоятельств внешнего характера: мода на специальности, как в случае с юристами, экономистами и менеджерами, а также учеба ради получения диплома⁹.

Профотбор в процессе обучения

Прежде всего отметим, что в литературе имеются самые различные трактовки профотбора — от предельно расширительной (в нее включаются профинформация, профориентация, профподготовка и даже трудоустройство) до более узкого и, на наш взгляд, более определенного его толкования как начала реального вхождения в будущую профессиональную деятельность и закрепления в ней в своей трудовой жизни. Именно с этих позиций мы рассмотрим данный феномен.

Итак, молодой человек стал студентом, т. е. из массы возможных профессиональных предложений и намерений он(а) избрал ту профессию, которую предстоит освоить, и ему следует начать готовиться к будущей трудовой деятельности именно по этому избранному пути.

Первый признак, который говорит об успешности овладения будущей профессией — *это успеваемость*. Именно четкая ориентированность на достижение положительных оценок говорит об устойчивой сформированности мотивации на получение знаний по будущей профессии, а также о намерении работать именно по этой специальности. И даже в том случае, когда по тем или иным причинам молодой человек переключается на другую профессию (как правило, после получения второго образования или специальных курсов переподготовки), подтверждается его ориентированность на достижение новых результатов на базе основательного научно-обоснованного образования. Как правило, контингент студентов, четко ориентированный на получение избранной профессии, регулярно пополняет свои знания, расширяет свои компетенции не только в процессе

⁹ Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaya-zarplata-ili-rabota-po-speczialnosti>

обучения, но и за счет участия в научных мероприятиях, олимпиадах и других соревнованиях, выполнении грантов, в различного рода мероприятиях, связанных с увеличением интеллектуального багажа по избранной специальности. Даже вынужденная или сознательно осуществляемая занятость во время учебы, связанная с будущим трудом, закрепляет в нем уверенность в правильности избранной профессиональной деятельности.

Итак, *первым и часто решающим звеном профотбора является организация учебного процесса*. Ей отводится ведущая роль. Рационально и эффективно сформированный процесс образования при постоянном его обновлении и совершенствовании помогает обучающемуся накапливать знания так, чтобы наиболее успешно применять их в будущей практической жизни. Однако «современная система обучения в высшей школе весьма низкая. Наблюдается большая потеря времени, и это при наличии перегрузки, недостатка времени. Далеко не так эффективно, как это возможно, используется время, которое студент проводит в аудиториях»¹⁰.

Иначе говоря, перед учебным процессом в университетах в условиях происходящей промышленной революции стоят принципиально новые задачи. Сейчас жизнь выдвигает иные требования к подготовке специалистов. Вуз, прежде всего университет, ориентируясь на освоение наукоемких технологий, призван «давать молодому человеку не только прочные фундаментальные знания, но и возможность чувствовать себя участником реальных процессов, уметь быстро ориентироваться в потоке информации. Важно, чтобы человек оказался вооруженным не тысячами готовых рецептов, среди которых может и не оказаться нужного, а методом их получения, как известным, так и новым» (Карелина, 2003, с. 3).

Традиционная форма организации образовательного процесса может быть охарактеризована как контактное, сообщающее обучение, целенаправленно управляемое, построенное по дисциплинарно-предметному принципу и дополняемое такими формами повышения ка-

чества обучения будущего специалиста, как участие в различных научно-практических мероприятиях, конкурсах, включенность в выполнение исследований, практическая деятельность по внедрению новаторских идей непосредственно на производстве. Эта деятельность закрепляет профессиональные качества уже в процессе обучения и повышает вероятность окончательного закрепления студента за избранной специальностью.

Но реальный процесс обучения не всегда происходит или завершается успешно. Как по статистическим, так и по социологическим данным, учебу в вузе не заканчивают от 15 до 25% и даже 30% студентов в зависимости от вуза и профиля избранной профессии, особенно в инженерных, сельскохозяйственных и педагогических университетах. За этим скрывается немало причин, начиная от «необучаемых» студентов, разочаровавшихся в избранной профессии, до финансовых затруднений для продолжения учебы (подробнее см.: Зиятдинова, 1999; Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015; Буланова, 2018).

Но особое значение в процессе профотбора приобретает *производственная практика* как критерий качества профотбора, в связи с тем что одной из острых проблем современного российского высшего образования становится неподготовленность (и неспособность) выпускников вузов к полноценному включению в производственный процесс после окончания учебного заведения.

Эта проблема отражается в том, что работодатели постоянно и в течение многих лет выражали(ют) претензии к качеству подготовки большинства выпускников вузов, отсутствию у них изначальных навыков полноценно включиться в работу на производстве (Антонова, 2020). Критически к уровню подготовки молодых специалистов для практической деятельности относятся и рабочие, о чем свидетельствуют данные социологических исследований (Арискин и др., 2015).

Эти данные коррелируют с мнением 38,7% студентов о том, что плохо соблюдается один из основных трендов в современном образовании — сочетание обучения с практикой, один из ключевых моментов в необходимом совершенствовании их подготовки к будущей профессиональной жизни (Тощенко, 2023).

¹⁰ Подробнее см.: Зимняя И.А. (2002). Педагогическая психология: учебник для вузов. Изд. 2-е, доп., испр., перераб. Москва: Логос. 384 с. С. 3.

Такое положение с профессиональной и трудовой подготовкой выпускников вузов во многом упирается в нерешенность важнейшей задачи — организации производственной практики.

Конечно, имеются примеры ее достойной организации, которые заслуживают не только одобрения, но и максимально расширенного применения. Так, «Роснефть» обеспечила организацию регулярной деятельности преподавателей вузов и постоянной и непрерывной практики студентов, что, как показывает опыт, является одним из эффективных способов развития ответственности и формирования профессиональных компетенций¹¹. Университет ИТМО (бывший Ленинградский институт точной механики и оптики) объявил о трансформации университета в научно-образовательную корпорацию, среди целей которой — создание уникальной среды для самореализации.

Но данные примеры похожи на известные в советское время «маяки» — высокоэффективные предприятия (заводы, фабрики, совхозы и колхозы), а также на выдающиеся достижения отдельных работников, которые упорно не желали становиться реальностью для подобных организаций или соответствующих профессий во всех отраслях и сферах экономики и культуры.

Эффективность и действенность подготовки выпускников вузов к производственной деятельности эксперты, преподаватели и студенты оценивают весьма критично. Если внимательно проанализировать их аргументы, то мы выйдем на необходимость говорить не только о принципах ее организации, но и о таких ее сторонах, как предварительное планирование, реальное осуществление и ее эффективность с точки зрения подготовки студента к производительному труду. Анализ показывает, что сложилась весьма странная и даже парадоксальная ситуация: в настоящее время, с одной стороны, много говорят о совершенствовании собственно учебного процесса, о различных формах передачи и усвоения информации,

с другой, недостаточно обсуждают проблемы, с которыми сталкивается молодой специалист, когда ему придется приступать к выполнению производственных заданий. В связи с этим *нет ответа на вопрос, что соединяет или должно соединять два процесса — учебную деятельность и подготовку к будущей работе*, чтобы максимально сократить коллизии при переходе студента от учебы к профессиональной деятельности. Здесь возникает вопрос о производственной практике, которую можно и нужно, на наш взгляд, рассматривать как критерий оптимального вхождения молодого специалиста в полноценную трудовую жизнь. Об этом говорят и сами студенты. Опрос студентов Оренбургского государственного университета показал, что они на третье место по значимости в построении карьеры поставили возможность прохождения практики в известной компании (42%), второе место (48%) отвели практике, в процессе которой, по их мнению, можно получить дополнительные компетенции (Мирошников и др., 2022, с. 104–105).

Таким образом, анализ состояния производственной практики приводит к неутешительному выводу: эта форма подготовки будущих специалистов нуждается в коренном пересмотре и принципиально ином подходе к ее организации и осуществлению (подробнее см.: Тощенко, 2024).

Анализ практики свидетельствует о наличии многих причин, порождающих претензии студентов (очень разных в зависимости от профиля вуза). Но их объединяет одно — пока *производственной практике присущ порок, который можно назвать словом имитация*. Ее преодоление — один из важнейших показателей, который должен быть учтен в грядущей реформе высшего образования, если общество, экономика и культура хотят получить высококвалифицированных специалистов.

Итак, мы пришли к выводу о том, что состояние дел с производственной практикой нуждается в ее существенной перенастройке, избавлении ее от таких пороков, как приукрашивание отдельных ее результатов, уменьшение значимости негативных аспектов, замалчивание по тем или иным причинам нежелательных для организаторов сведений (Федорова, 2013).

¹¹ Крапчатова Е. (2023). «Роснефть» помогает обеспечить отрасль молодыми профессионалами // Независимая газета. 16 января.

Профессиональная адаптация: состоится ли реализация целей образования

Данные социологических исследований (Институт социологии ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ, РГГУ, УрГУ и др.) показывают, что в настоящее время переход от учебы к работе является во многом стихийным процессом. Это дополняется и тем, что профессиональная подготовка многих выпускников не соответствует потребностям конкретного рынка труда, в результате чего выпускники не готовы к реальным вызовам, с которыми они сталкиваются, приступая к работе. В результате картина трудоустройства выглядит следующим образом. В настоящее время, по информации Минобрнауки, чаще всего работу по специальности находят выпускники инженерных направлений подготовки: 97% из числа вышедших на работу сразу после выпуска трудоустраиваются в отраслях, прямо или косвенно связанных с решением инженерных задач. На втором месте — медики: 74% из них находят работу в сфере здравоохранения. На третьем месте — представители педагогических специальностей: 60% трудоустраиваются по своему профилю, при этом еще 17% заняты в сферах, косвенно связанных с образованием¹².

Социологические опросы показывают, что 29% выпускников устроились на работу при помощи знакомых, 23% пользовались информацией из интернета и СМИ, 22% помогли родные (Горшков и др., 2023).

Организованная помощь незначительна — на содействие службы трудоустройства университета (центров карьеры) указали 8% выпускников, 2% — на поддержку городских и районных служб по трудоустройству. Около 2% сказали, что они пытались открыть свое дело, стать индивидуальными предпринимателями (Горшков и др., 2023). Отметим новый аспект трудоустройства — участие рекрутинговых фирм. В настоящее время контакты с ними установили 162 вуза. Такое состояние позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, трудоустройство выпускников происходит в соответствии с законами рыночной экономики, достаточно стихийно, с другой стороны, приводит к нерациональному использова-

нию интеллектуального потенциала молодых специалистов в силу влияния на этот процесс значительного числа ситуационных и случайных факторов. В особенно неблагоприятных условиях оказываются выпускники провинциальных вузов, у которых таких возможностей значительно меньше, чем у их сверстников в столичных и крупных промышленных и социально-культурных центрах (подробнее см.: Дружинина, 2023).

Остается противоречивой позиция работодателей. Требуя подготовленных и квалифицированных специалистов, большинство работодателей реально не участвуют в их подготовке, отделившись пожеланиями и рекомендациями. Даже такая форма участия, как целевой набор, в вузах характеризуется достаточно неоднозначно и нуждается в существенных изменениях.

Но и эти пути трудоустройства имеют негативную сторону, которую можно обозначить вопросом: а как встретили выпускников вузов при поступлении на работу, так как работодатели сетуют на слабую подготовленность выпускников вузов к полноценному выполнению обязанностей в рамках должности, на которую претендуют. Поэтому, по данным Российского технологического университета (МИРЭА), большая часть руководителей (56,8%) обращает больше внимания на наличие у соискателя опыта работы. Только 27,9% руководителей учитывают соответствие специальности в дипломе предлагаемой вакансии. Это лишний раз подчеркивает, что само по себе образование даже при соответствии предлагаемой работе играет незначительную роль¹³. О недоверии диплому говорит и то, что соискателю нередко предлагают менее квалифицированную работу при обещании в будущем рассмотреть вопрос о переводе на претендуемую должность после успешного прохождения испытательного срока. При этом следует отметить, что 52% руководителей фирм, по данным Superjob, организуют переобучение или дополнительное обучение молодых специалистов в связи с тем, что многие из них не знают последних достижений в технике/технологиях и/или методах принятия решений (Арискин и др., 2015).

¹² URL: <https://media.foxford.ru/news/prof-vypuskniki-kakih-vuzov-chasche-rabotaut-po-specialnosti>

¹³ Башкатова А. (2024). До высшего образования надо еще доработать // Независимая газета. 17 мая.

При трудоустройстве, первых шагах по адаптации к производственной атмосфере имеются существенные различия во взглядах трех групп, причастных к этому процессу: работодателей, преподавателей и студентов. По данным НИУ ВШЭ, выпускники и начинающие специалисты оценивались по 11 критериям. Мнение всех этих групп совпало только по пяти над-профессиональным компетенциям: «партнерство/сотрудничество», «анализ информации и выработка решений», «коммуникативная грамотность», «планирование и организация», «саморазвитие». При этом по ряду важнейших компетенций для работодателей: «клиентоориентированность», «ориентация на результат», «следование правилам и процедурам» — мнения преподавателей и студентов не совпали. Такие компетенции, как «стрессоустойчивость», «лидерство», «оказание влияния», «стратегическое мышление», оказались значительно переоцененными студентами и/или преподавателями при сопоставлении с мнением работодателей. Хотя по ряду компетенций преподаватели и студенты единодушны с работодателями, однако есть компетенции, которые они переоценивают или недооценивают, что создает опасное для рынка труда расхождение между тем, какие требования к молодым специалистам предъявляют работодатели, и тем, развитию каких непрофессиональных навыков уделяют внимание университеты и студенты (подробнее см.: Степашкина и др., 2022, с. 20).

Наконец, для профессиональной адаптации очень важно такое социально-психологическое обстоятельство — насколько ясны и очевидны перспективы служебного роста, возможности построения карьеры в будущей трудовой жизни.

Заключение

Подводя итоги анализа всех этапов подготовки будущих специалистов к производительному труду: профпросвещение, профориентация, профотбор и профадаптация, на наш взгляд, можно утверждать, что все предложения и суждения, высказанные как экспертами, так и студентами и молодыми специалистами, показывают, что каждый из названных этапов нуждается в существенном, а иногда кардинальном совершенствовании.

Профессиональное просвещение нужно рассматривать как самостоятельное, отдельное звено подготовки молодежи к выбору не просто

профессии, а соотнесенной с потребностями общества, его экономики и культуры. На наш взгляд, пока на это недостаточно обращает внимание и Министерство просвещения РФ, которое в своем приказе от 18 мая 2023 года № 370 об утверждении Федеральной образовательной программы основного общего образования не разделяет профпросвещение и профориентацию, но, чувствуя это противоречие, вводит понятие «ранняя профориентация». Пока же можно констатировать, что не выстроена система информирования, которая бы позволила сопоставить личные потребности и устремления молодых людей с нуждами как страны, так и региона, в котором они живут. Эти требования касаются не только самой школы, но и более широкого информирования — от усилий местных и региональных органов власти до систематической пропаганды и разъяснения в средствах массовой информации потребностей сфер жизнедеятельности, наиболее значимых и актуальных для рационального сочетания личных и общественных интересов.

Этап профориентации не менее значим для большей конкретизации намерений молодежи и предварительного, а нередко окончательного выбора профессии. Здесь большое значение имеет организация специализированной сети по дополнительному приобретению знаний именно по избранной профессии, по более глубокому представлению о ее специфике и пониманию ее сущности, а также тех усилий, которые предстоит предпринять на пути к ее освоению. В реализации этой цели важны три фактора: а) организация вузами различных форм разъяснения и ознакомления, в том числе посредством социальных сетей, с избранной формой обучения и последующей трудовой деятельности; б) работа внешкольных детских организаций, таких как дома детского творчества, добровольные профессиональные сообщества, периодические издания, ориентированные на молодежь; в) регулярные встречи с представителями избираемой профессии вкупе с посещением мест их работы. Последний фактор особенно значим для тех, кто ориентируется на региональные и местные интересы. Особо следует отметить, что в последнее время обострился региональный аспект этой проблемы. Усилиями клевретов болонского процесса «одеяло» набора студентов тянули на себя

столичные и перспективные вузы, оголяя возможности образовательного поля многих республик, краев и областей. Поэтому вполне закономерно, что этот перекося был осознан — доля студентов региональных вузов достигла 73% от общего объема принятых на первый курс¹⁴.

Особенно сложные задачи стоят на этапе профотбора, когда окончательно определяется, насколько избранная профессия становится делом будущей трудовой деятельности. Основные усилия по реализации этой цели сосредоточены в организации учебного процесса. В том, что обучение в вузе является ключевым в определении будущей профессии, практически никто не сомневается. Сомнения возникают по поводу того, как это осуществляется. В настоящее время началось комплексное реформирование всех уровней образования, в том числе высшего. При этом все возрастающее значение приобретает фундаментальность образования в сочетании с практикоориентированностью. И поэтому остро стоит вопрос, как в процессе предстоящих преобразований осуществить отбор тех ресурсов и резервов, которые есть в российском обществе, но до сих пор не реализованы в должной мере. Особо отметим, что неоднозначно оценивается широко используе-

мое платное образование — экономические результаты его очевидны, чего не скажешь о его социальных и культурных издержках. В стране имеются многие заслуживающие внимания начинания, но они остаются уделом отдельных конкретных вузов.

Наконец, *нуждается в достижении определенной стройности и последовательности работа, которая относится к профессиональной адаптации.* Пока вхождение в трудовую жизнь осуществляется самотеком, часто стихийно, исходя из особенностей и традиций той организации, в которой начинает работать молодой человек. Необходимость такого согласованного и научно-обоснованного вхождения в круг своих профессиональных и в то же время четко определенных обязанностей в зависимости от требований конкретной организации подтверждается данными: от 20 до 40% сменивших профессию и место работы — молодые специалисты в первые три года работы.

Все это позволяет сделать вывод, что только последовательное обеспечение всех этапов вхождения молодого специалиста в трудовую жизнь гарантирует его полноценную профессиональную социализацию, обеспечивает желаемое взаимодействие с реальными потребностями экономики и культуры.

Литература

- Анисимов Р.И. (2024). Профессиональный отбор в вузе как средство повышения качества подготовки инженеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 24 (1). С. 204–216.
- Антонова Г.В., Мирзабалаева Ф.И., Бондарчук А.Г. (2020). Проблемы трудоустройства выпускников образовательных организаций в условиях пандемии коронавируса // Экономика труда. Т. 7. № 12. С. 1247–1268. DOI: 10.18334/et7.12.111230
- Арискин М.В., Медведева Л.М., Немова Е.Ю. (2015). Выпускники вузов и работодатели: социологический аспект // Молодой ученый. № 9 (89). С. 981–983. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18228/> (дата обращения 05.09.2023).
- Апостолов О.П. (2011). Профессиональная ориентация в России (опыт, проблемы, перспективы). Москва: Изд. ИП Татаринов М.В. 183 с.
- Буланова М.Б. (2018). НЕЕТ-молодежь: опыт международной диагностики // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 3 (13). С. 54–62.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. (2023). Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. Москва: ФНИСЦ РАН. 383 с.
- Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О. (2015). Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. № 9. С. 86–93.

¹⁴ Поиск. 2025. № 26.

- Дружинина Е.С. (2023). Трудоустройство выпускников вузов как индикатор соответствия уровня их подготовки потребностям рынка труда // Труд и социальные отношения. № 6. С. 67–77.
- Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность (2024): коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир». 462 с.
- Зиятдинова Ф.Г. (1999). Социальные проблемы образования. М.: РГГУ. 288 с.
- Карелина И.Г. (2003). Образование как процесс: способы его организации в вузе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. № 2. С. 47–53.
- Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. (2001). Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. № 1. С. 57–65.
- Мирошников С.А., Нотова С.В., Никулина Ю.Н. (2022). Кадровое сотрудничество вуза и промышленных партнеров в контексте карьерного развития молодежи // Высшее образование в России. Т. 1. № 8-9. С. 99–115.
- Пряжникова Е.Ю. (2010). ПрофорIENTATION. Москва: Академия. 484 с.
- Степашкина Е.А., Суходоев А.К., Гужеля Д.Ю. (2022). Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. Москва: НИУ ВШЭ. 32 с.
- Тощенко Ж.Т. (2024). Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 24. № 1. С. 28–42.
- Тощенко Ж.Т. (2023). Производственная практика: имитация? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 3. С. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-3-67-75>
- Тощенко Ж.Т. (2025). Функциональная неграмотность как проблема современного образования // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций: XXII Международные Лихачевские научные чтения. 12-13 апреля 2024 г. СПб.: СПбГУП. С. 173–176.
- Федорова А.В. (2013). Вопросы управления знаниями при интеграции вузов и инновационных предприятий // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 12. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2013/12/3598> (дата обращения 17.03.2025).
- Шубкин В.Н. (1970). Социологические опыты: Методологические вопросы социологических исследований. Москва: Мысль. 285 с.

Сведения об авторе

Жан Терентьевич Тощенко — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, научный руководитель социологического факультета, Институт социально-экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125047, Миусская пл., д. 6); главный научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Toshchenko Zh.T.

Thorny Paths of Modern Russian Higher Professional Education

Abstract. The article analyzes problem situations on the way to acquiring professions that require higher professional education. The main attention is paid to the fact that in society there is a real gap between personal (individual) goals in obtaining highly qualified professions and the socio-economic, socio-political and socio-cultural needs of society. In this regard, the reference points of acquiring and passing professional socialization are analyzed, which, in the author's opinion, consists of a consistent solution (algorithm) of interconnected, consistently implemented tasks — professional education, professional orientation, professional selection and professional adaptation. The author examines how these tasks are solved from the standpoint of: a) official state educational policy; b) actions and activities of schools and

universities; c) behavior of schoolchildren and students; and d) their regional characteristics. Moreover, attention is paid not so much to the educational, methodological and organizational problems of mastering professions, as to the social aspects of the process of training and obtaining higher education.

Key words: higher professional education, professional socialization, professional enlightenment, professional orientation, professional selection, professional adaptation.

Information about the Author

Zhan T. Toshchenko – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, scientific director, Sociology Department, Institute of Social and Economic Sciences, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation); Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS (5, building 1, Bolshaya Andronevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Статья поступила 02.07.2025.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.3

УДК 338.24.021.8, ББК 65.050.113

© Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В.

Экономические реформы, модернизация и идеология особого пути в России

Вячеслав Витальевич

ВОЛЬЧИК

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012

Елена Владимировна

ФУРСА

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: efursa@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-7295-9876; ResearcherID: F-9101-2018

Елена Васильевна

МАСЛЮКОВА

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-9918-3040; ResearcherID: K-7143-2016

Для цитирования: Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В. (2025). Экономические реформы, модернизация и идеология особого пути в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 61–78. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.3

For citation: Volchik V.V., Fursa E.V., Maslyukova E.V. (2025). Economic reforms, modernization and the “special path” ideology in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 61–78. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.3

Аннотация. В статье исследуется идеология особого пути как значимый фактор экономической модернизации и развития России в конструктивном контексте. Концепт особого пути рассматривается в перспективе эволюции экономической науки, подчеркивая его отличие от радикального отрицания универсальных законов. Особый путь, тесно связанный с суверенитетом и национальными интересами, представлен как стратегия адаптации институтов и политики к уникальным национальным и историческим условиям страны. Методы исследования основаны на использовании двунаправленной нейросети LSTM для классификации текстов научных статей по признаку их идеологической окрашенности и представленности биграмм в публикациях, отнесенных к группе «Особый путь» с помощью программного продукта Лекта. Авторы обосновывают четыре базовые характеристики особого пути: экономический суверенитет, историзм, адаптивность и прагматизм. Особый путь рассматривается не как отрицание универсальных законов, а как способ адаптации институциональной структуры к национальным особенностям. Исследование подчеркивает важность учета исторического контекста и практического опыта при формировании экономической политики и определяет как несостоятельные попытки механического заимствования зарубежных моделей без учета национальной специфики. Идеология особого пути не отрицает достижения науки или опыт реформ в других странах, но акцентирует необходимость их адаптации к специфическим условиям России (историческим, институциональным, геополитическим). Синергия суверенитета, историзма, адаптивности и прагматизма рассматривается как основа для разработки стратегии модернизации, способной обеспечить устойчивое развитие в условиях неопределенности. Успешный опыт Китая демонстрирует практическую реализуемость такого подхода.

Ключевые слова: экономическая идеология, особый путь, суверенитет, адаптивность, историзм, прагматизм, институты.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

В России периодически возникают интеллектуальные течения, которые связаны с осмыслением «новой модернизации», затрагивающей все сферы общественной жизни. В таких проектах значимая, если не центральная роль отводится модернизации экономики. В данной статье мы показываем, как идеология «особого пути» связана с развитием отечественной экономической науки и как ее концепты могут способствовать современному поступательному экономическому развитию.

Экономическая наука достигла очень значительных успехов за последнее столетие. Иногда встречаются суждения, что среди общественных наук именно экономика стала самой влиятельной, представляя собой деидеологизированный и политически нейтральный научный метод, который позволяет нам ясно мыслить и приходить к правильным ответам

(Rodrik, 2015, p. 197). Экономический кризис 2008 года стал поводом для сомнений в научной достоверности современной экономической теории (Krugman, 2009). Безусловно, и до «великой рецессии» периодически выходили работы о кризисе в экономической науке, но именно это событие привлекло значительное внимание к тому, что «научный метод», который используют экономисты, не всегда является валидным. Более того, стало очевидным, что универсальные рецепты современной экономической теории плохо работают для обеспечения экономического благополучия во многих странах. Поэтому всё большую актуальность и значимость приобретают теории, которые рассматривают экономические системы как неэргодические (North, 2005) и в которых особая роль отводится специфическим институтам и траекториям развития (Райнерт, 2016).

Что такое особый путь как экономическая идеология?

Исследования идеологических течений в экономической науке сопряжены с трудностями неоднозначной трактовки самого концепта «идеология». В рамках данного исследования мы используем подход, объединяющий шумпетерианскую традицию, трактовую идеологию как «донаучный когнитивный акт» (Шумпетер, 2012), и нортговскую концепцию «совокупности ментальных моделей» (North, 1994). Поэтому мы следуем научной традиции, развивающей подходы Й. Шумпетера и Д. Норта, которая наиболее лаконично представлена в трактовке В. Тамбовцевым идеологии как «видения экономики при построении моделей» (Тамбовцев, 2024, с. 15–18). В дальнейшем мы по умолчанию используем следующее определение: «Идеология — это общие ментальные модели, разделяемые группами индивидов. С помощью этих моделей группы индивидов объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами проводимой политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (научные школы, политические организации) и их действия по установлению и продвижению предполагаемой или реальной связи между средствами и результатами» (Вольчик, 2024, с. 28).

В предыдущих статьях в рамках данного проекта мы исследовали идеальные типы идеологий, такие как неолиберализм и социализм (Вольчик, Ширяев, 2024) и экологизм (Маскаев и др., 2024). В данной работе мы акцентируем внимание на идеологии особого пути для того, чтобы показать возможности и направления конструктивного использования этого концепта в современной экономической науке.

В истории экономической науки существуют и эволюционируют школы, которые акцентируют внимание на национальных особенностях развития хозяйственных порядков. Наиболее влиятельной можно считать Немецкую историческую школу. Знаменитый «спор о методах» между Г. Шмоллером и К. Менгером в контексте соперничества универсалистского и национально ориентированного подходов сохраняет в современных условиях значимость и актуальность (Ефимов, 2007; Шмоллер, 2011).

Идеология особого пути в экономике имеет свою специфику и безусловные отличия от подобных политических или социологических кон-

цептов. И здесь очень хорошим примером может служить особый путь развития экономики Китайской народной республики. Ведь именно создание концепта «социалистической рыночной экономики» позволило сформировать «созвездие» теоретических нарративов, моделей и мер экономической политики, которые способствовали грандиозному экономическому прогрессу.

Идеология особого пути не всегда является радикальным отрицанием универсальных экономических законов и теорий. Особый путь можно рассматривать как способ адаптации институциональной структуры хозяйственного порядка к национальным и историческим особенностям.

Идеология особого пути может сочетать или дополнять другие идеологические установки. Но именно «особый путь» является тем идеологическим направлением, в котором в наибольшей степени отражается институциональная специфика и подчеркивается важность национальных интересов.

Необходимо также учитывать, что универсальные сущности, связанные с «экономическими законами» и «широко признанными моделями», могут соответствовать или не соответствовать национальным интересам. Поэтому идеология особого пути тесно сопряжена с такими концептами, как суверенитет, национальные интересы.

Идеологии особого пути: эмпирическая база исследования для России

В российском общественном дискурсе идеология особого пути получила значительное распространение. Косвенно значимость концепта особого пути для населения Российской Федерации показывают данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?»¹. Согласно 54-му этапу мониторинга в четвертом квартале 2024 года 51% опрошенных на вопрос «Какой путь экономического развития наиболее приемлем для России?» выбрали ответ «У России должен быть свой особый путь развития». Необходимо отметить, что вторым по популярности стал ответ «Экономика с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая» (19%; табл. 1).

¹ «Как живешь, Россия?» (2024). Экспресс-информация. 54-й этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: бюллетень / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. Москва. С. 57.

Таблица 1. Мнение респондентов о том, какой путь экономического развития наиболее приемлем для России, % от числа опрошенных

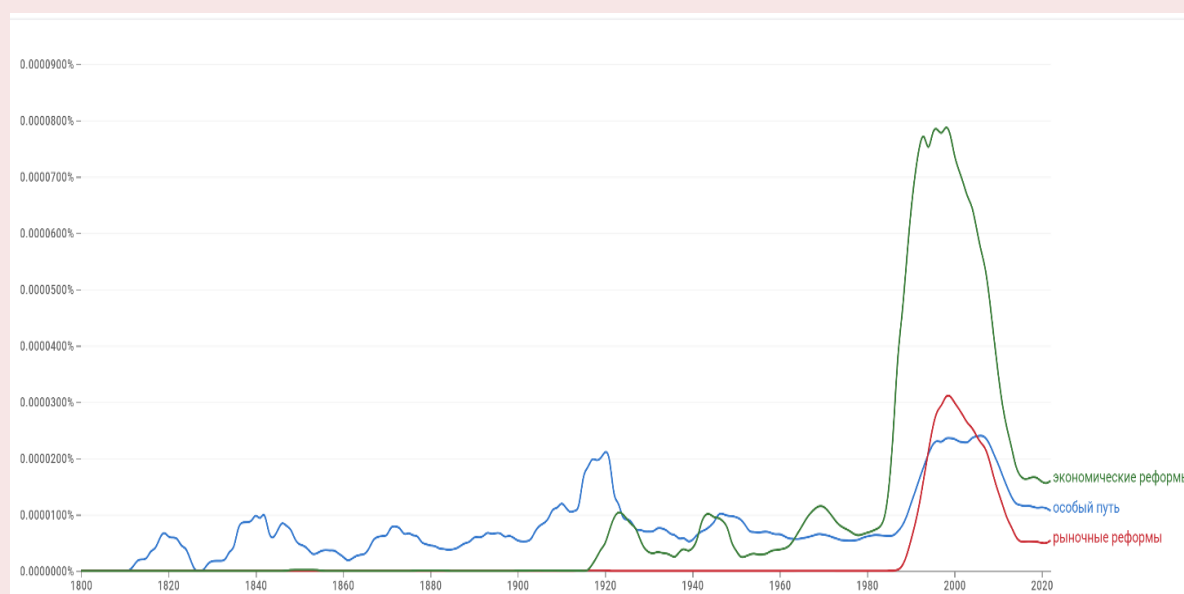
Вариант ответа	1992, VIII	1996, V	2004, VII	2009, VI	2010, XII	2011, VI	2017, VI	2020, XII	2023, VI	2024, IV
У России должен быть свой особый путь развития	52	53	44	48	45	45	42	33	52	51
Социально-ориентированная экономика наподобие Швеции	8	11	14	13	12	16	13	17	10	13
Свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции	11	7	9	11	12	8	9	9	4	4
Экономика с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая	5	8	9	11	10	11	10	11	15	19
Затруднились ответить	24	21	24	18	21	20	26	30	18	13

Источник: «Как живешь, Россия?» (2024). Экспресс-информация. 54-й этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: бюллетень / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. Москва. С. 57.

Важной иллюстрацией значимости концепта «особого пути» могут служить данные Google Ngram (рис. 1, 2). Согласно им, в текстах книг и статей, опубликованных на русском языке, изменение частоты упоминания «особого пути» коррелирует с изменениями частоты использования составных лексем «экономические реформы» и «рыночные реформы». Рост использования словосочетаний «особый путь России»

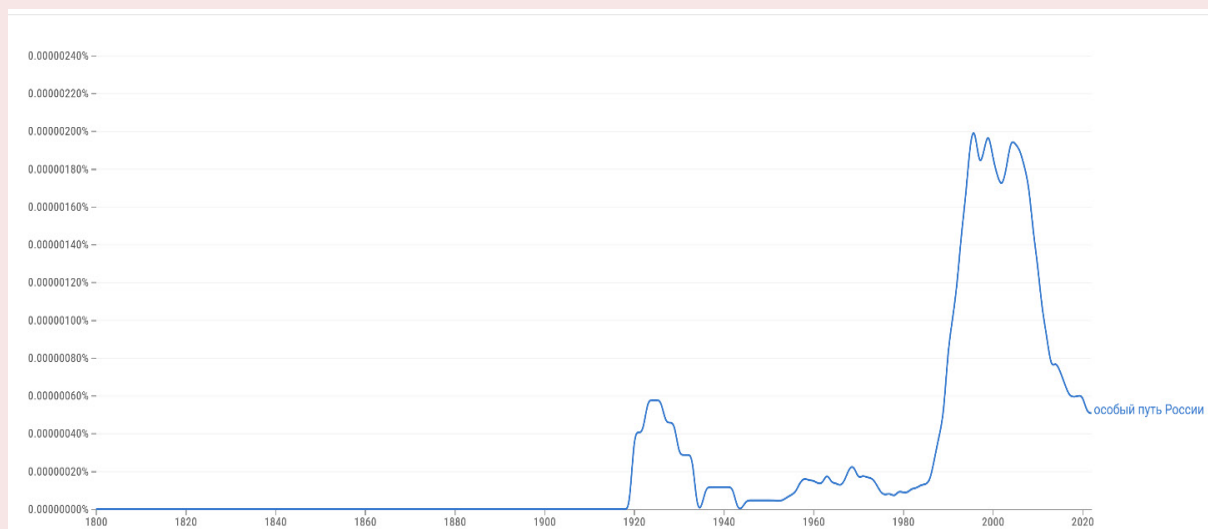
или просто «особый путь» начинается с конца 1980-х — начала 1990-х гг., а пик приходится на первое десятилетие XXI века (2004–2006 гг.). Эти данные показывают, что при осмыслении экономических реформ важное место занимает проблематика, связанная с пониманием важности уникальных исторических, институциональных и культурных особенностей российского хозяйственного порядка.

Рис. 1. Анализ встречаемости биграмм «особый путь», «рыночные реформы», «экономические реформы»

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Анализ встречаемости словосочетания «особый путь России»

Источник: составлено авторами.

В рамках нашей работы основным источником данных для исследования эволюции идеологий в российской экономической науке стали материалы статей. Эмпирической базой выступали 134 124 научных публикации из 165 журналов, охватывающих период 1992–2023 гг. Для исследования идеологической окрашенности экспертным путем было выделено пять категорий: неолиберализм, дирижизм, социализм, особый путь, экологизм, а также сформирована обучающая выборка из 1487 статей (5% данных). Первоначально осуществлялась векторизация с использованием модели SciRus-tiny, затем для классификации текстов по признаку их идеологической окрашенности применялась двунаправленная нейросеть LSTM (32 блока на слой + Softmax). Распределение статей на группы в

зависимости от их идеологической окрашенности представлено в *таблице 2*.

Таблица 2. Распределение статей по идеологической направленности

Идеология	Количество статей	Доля, %
Неолиберализм	19489	14,53
Социализм	16312	12,16
Дирижизм	40045	29,86
Особый путь	22264	16,60
Экологизм	25283	18,85
Не определена	10731	8,00
Всего	134124	100

Источник: получено авторами в ходе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик и др., 2024, с. 49).

Распределение статей по идеологиям по временным периодам отражено в *таблице 3*.

Таблица 3. Распределения статей по идеологиям по временным периодам, %

Период	Неолиберализм	Социализм	Дирижизм	Особый путь	Экологизм	Не определена
1992–1997	26,63	20,20	14,69	19,83	8,26	10,38
1998–2002	28,53	14,59	16,28	19,69	9,27	11,64
2003–2007	19,54	12,11	33,81	14,89	10,81	8,85
2008–2012	15,07	12,32	35,39	17,16	11,69	8,36
2013–2017	12,35	11,60	32,34	17,10	18,80	7,80
2018–2023	13,39	12,23	23,97	16,09	26,91	7,40

Источник: получено авторами в процессе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик, 2025).

После предобработки текстов (удаление кириллических символов, токенизация, лемматизация с использованием библиотек *re, PyMystem3*) был произведен частотный анализ представленности различных *n*-грамм в каждой идеологии с помощью программного продукта Лекта. Для содержательного анализа экспертным путем все *n*-граммы были разделены на «общие» (частотные, но нейтральные) и «характерные» (идеологически значимые).

Анализ представленности биграмм в публикациях, отнесенных к группе «Особый путь», позволил выделить основные научные проблемы, обсуждаемые в каждом временном периоде (табл. 4).

Публикации 1992–1997 гг. сконцентрированы на трансформации экономики России после распада СССР. В этот период наиболее частотное словосочетание — «бывший СССР», которое соответствует историческому контексту, и

многие публикации начинались с отсылки к прошлому. Далее идет большой блок экономической лексики, связанной с рыночными преобразованиями экономики: «экономический рост», «экономическая безопасность», «ценные бумаги», «Центральный банк», «рыночная экономика». Значительную долю занимают биграммы, связанные с темой государственного управления и роли государства: «государственное регулирование», «федеральный бюджет», «промышленная политика». Также часто встречаются такие биграммы, как «коммерческие банки» и «частная собственность», что свидетельствует о повышении внимания к развитию негосударственного сектора, а словосочетания «денежная масса» и «курс рубля» напоминают о гиперинфляции тех лет. Следует обратить внимание на термины переходного периода — «структурная перестройка», «переходная экономика» (63). Социальные аспекты представ-

Таблица 4. Топ-20 биграмм по статьям, отнесенным к идеологии «Особый путь»

Период	Биграммы
1992–1997 гг.	«Бывший СССР»; «экономический рост»; «экономическая безопасность»; «ценные бумаги»; «Центральный банк»; «денежная масса»; «российская экономика»; «экономика России»; «рыночная экономика»; «структурная перестройка»; «иностраннные инвестиции»; «экономическая политика»; «народное хозяйство»; «реформирование экономики»; «коммерческие банки»; «государственное регулирование»; «промышленная политика»; «внешняя политика»; «федеральный бюджет»; «Стратегия реформирования»
1998–2002 гг.	«Ценные бумаги»; «экономический рост»; «валютный курс»; «реальный сектор»; «Центральный банк»; «коммерческие банки»; «российская экономика»; «банковская система»; «экономическая политика»; «денежная масса»; «курс рубля»; «процентная ставка»; «развитые страны»; «экономическое развитие»; «иностраннные инвестиции»; «темп роста»; «страны СНГ»; «денежно-кредитная политика»; «мировая экономика»; «Западная Европа»
2003–2007 гг.	«Экономический рост»; «российская экономика»; «развитые страны»; «экономическое развитие»; «денежная масса»; «иностраннные инвестиции»; «федеральный бюджет»; «Банк России»; «мировой рынок»; «ценные бумаги»; «основной капитал»; «заработная плата»; «Центральный банк»; «высшее образование»; «развитие экономики»; «социально-экономическое развитие»; «валютный курс»; «банковская система»; «процентная ставка»; «инвестиционная политика»
2008–2012 гг.	«Экономический рост»; «российская экономика»; «глобальный кризис»; «мировая экономика»; «экономическое развитие»; «банковская система»; «финансовый рынок»; «ценные бумаги»; «Банк России»; «инновационное развитие»; «социально-экономическое развитие»; «финансовый кризис»; «мировой рынок»; «инновационная деятельность»; «высшее образование»; «развитие экономики»; «иностраннные инвестиции»; «процентная ставка»; «национальная экономика»; «Центральный банк»
2013–2017 гг.	«Экономический рост»; «российская экономика»; «мировая экономика»; «экономическое развитие»; «инновационное развитие»; «Банк России»; «социально-экономическое развитие»; «оценка качества»; «федеральный бюджет»; «Центральный банк»; «развитые страны»; «развитие экономики»; «национальная экономика»; «международные отношения»; «заработная плата»; «экономическая политика»; «финансовый рынок»; «ценные бумаги»; «развивающиеся страны»; «социальная ответственность»
2018–2023 гг.	«Мировая экономика»; «экономический рост»; «экономическое развитие»; «Банк России»; «развитые страны»; «человеческий капитал»; «государственное управление»; «Центральный банк»; «высшее образование»; «социально-экономическое развитие»; «финансовый рынок»; «российская экономика»; «развивающиеся страны»; «электронная коммерция»; «инновационное развитие»; «рынок труда»; «национальная экономика»; «процентная ставка»; «федеральный бюджет»; «государственная политика»
Источник: составлено авторами.	

лены достаточно слабо: в топ-50 попали только словосочетания «зарботная плата» и «гражданское общество».

В период 1998–2002 гг. доминирует финансовая тематика как реакция на финансовые потрясения второй половины 1990-х гг. — гиперинфляцию и обрушение рубля: «ценные бумаги», «валютный курс», «процентная ставка», «денежно-кредитная политика». Биграмма «экономическая безопасность», которая входила в топ-3 предыдущего периода, не вошла даже в топ-100 словосочетаний, при этом в топ-50 появляются словосочетания «естественные монополии» и «Налоговый кодекс», что свидетельствует об интересе к системному регулированию. Также отмечено внимание к роли человеческого капитала, о чем свидетельствуют попавшие в топ-20 биграммы «профессиональное образование», «высшее образование». В это время впервые появляется биграмма «информационные технологии» (на 60-м месте). Для данного периода характерны снижение частотности терминов реформ и появление биграмм «мировая экономика», «развитые страны», «страны СНГ» и «Европейский союз», что говорит о тренде на глобализацию исследовательской тематики.

Доминирующая тематика периода 2003–2007 гг. — экономический рост и экономическое развитие в национальном («российская экономика», «развитие экономики», «национальная экономика») и глобальном («развитые страны», «мировая экономика», «развивающиеся страны») контексте. Также популярны словосочетания, отражающие интерес к региональному развитию («развитие регионов», «региональное развитие»), финансовой системе, инвестициям («иностранные инвестиции», «инвестиционная политика», «инвестиционный проект»), государственному регулированию («государственная поддержка», «государственное регулирование», «государственная политика»), социальной сфере и человеческому капиталу («уровень жизни», «доходы населения», «социально-экономическое развитие», «социальная политика», «качество жизни»). Также следует обратить внимание на усиление роли государства в регулировании (бюджет, налоги, поддержка), появление новых приоритетов: инновации, высокие технологии, модернизация промышленности, расширение глобальной по-

вестки — не только СНГ и Европа, но и Азия («Восточная Азия»), мировые рынки.

В следующем временном периоде (2008–2012 гг.) тема экономического роста, источников роста, устойчивого развития также остается доминирующей. Следует отметить появление новых терминов, связанных с глобальным кризисом: «глобальный кризис», «финансовый кризис», «антикризисные меры»; усиление темы инноваций, сопровождающееся резким ростом количества соответствующих терминов («инновационное развитие», «инновационная деятельность», «инновационная система»), популярность социальной тематики («человеческий капитал», «качество жизни», «зарботная плата»), а также повышение внимания к интеграционным процессам и внешнеэкономической ориентации («таможенный союз», «страны СНГ», «Европейский союз»). В целом уделяется большое внимание роли государства, при этом акценты смещаются от создания институтов (1990-е гг.) к стратегическому управлению (2000-е гг.) и антикризисному регулированию (2008–2012 гг.). Социальная сфера из второстепенной темы в 1990-е гг. выходит в первый ряд в 2008–2012 гг. («человеческий капитал», «образование», «качество жизни»).

Период 2013–2017 гг. характеризуется усилением интереса к макроэкономическим процессам и роли России в глобальном контексте. Явно выделяются тематические блоки макроэкономики («экономический рост», «экономическое развитие», «развитие экономики», «национальная экономика», «рост ВВП»), финансового сектора («финансовый кризис», «экономический кризис», «устойчивое развитие»), социальной сферы («качество жизни», «социальная политика», «уровень жизни», «высшее образование», «человеческий капитал», «научные исследования», «охрана здоровья»), внешнеэкономических связей («мировая экономика», «международные отношения», «внешняя торговля», «международное сотрудничество», «экономическая интеграция», «внешнеэкономическая деятельность»), государственного управления и региональной экономики («государственная политика», «налоговая система», «государственное регулирование»), инноваций и технологий («инновационное развитие», «новые технологии», «инновационная инфраструктура»).

В публикациях 2018–2023 гг. основной тематический кластер по-прежнему связан с тематикой экономического роста и развития, однако появляются новые биграммы, связанные с пандемией COVID-19, санкциями, цифровизацией, развитием искусственного интеллекта (например, «пандемия коронавируса», «цифровая трансформация», «антироссийские санкции» и т. д.), которые отсутствовали в предыдущих периодах. Также актуальна тематика, связанная с исследованием финансовой системы и банковского сектора («Банк России», «центральный банк», «ключевая ставка», «финансовый рынок») и переоценкой человеческого капитала с новыми акцентами на психологические аспекты и развитие цифровых навыков («качество жизни», «дистанционное обучение», «уровень доверия», «эмоциональный интеллект», «психологическое здоровье», «цифровая грамотность», «профессиональные компетенции»). Следует отметить фокусирование внимания на азиатском направлении (снижение частоты упоминаний «Европейский союз» при росте биграмм «страны БРИКС», «страны ЕАЭС», «китайские инвестиции», «китайская экономика»).

Проведенный анализ биграмм ярко отражает эволюцию российской экономической мысли в анализируемых публикациях. Концепт суверенитета эволюционировал от защиты в переходный период через временное ослабление к актуализации в последнее десятилетие на фоне геополитических напряжений. Историзм был крайне значим только в самом начале переходного периода (1992–1997 гг.) как основа для понимания текущих трансформаций. В дальнейшем фокус исследований сместился на текущие вызовы и будущее развитие, а не на осмысление советского прошлого. Сквозным и усиливающимся концептом выступает адаптивность. В публикациях четко отражается реакция на внутренние кризисы, глобальные потрясения (финансовый кризис, пандемия, санкции) и технологические тренды. Фокус исследований постепенно перестраивается («антикризисные меры», «инновации», «цифровизация»). Также доминирующим концептом на протяжении всего периода является прагматизм. Работы последовательно фокусируются на решении актуальных практических задач: построение ры-

ночных институтов, преодоление кризисов, стимулирование роста, привлечение инвестиций, внедрение технологий, повышение эффективности госуправления и развитие конкретных компетенций.

Использование данной эмпирической базы в статье помогло проследить эволюцию исследовательских интересов и проблемного поля внутри той совокупности текстов, которая была идентифицирована как относящаяся к «особому пути». Это позволило проанализировать, на какие вызовы и проблемы данная идеологическая парадигма реагировала в разные периоды (распад СССР, финансовые кризисы, санкции). Следует уточнить, что специфика особого пути развития раскрывается не через частоту слов, а через их контекст и смысловые связи: как интерпретируются одни и те же явления, какие причинно-следственные связи выстраиваются, какие политические меры предлагаются.

Суверенитет, историзм, адаптивность и прагматизм в контексте идеологии особого пути

В условиях обострения геополитической обстановки, масштабных санкций и экономической изоляции российская экономика испытывает сильнейшее внешнее давление и претерпевает значительную трансформацию традиционной рыночной системы управления. Разочарование от опыта реформирования российской экономики, внедрение путем заимствования успешных институтов из развитых стран без учета особенностей национальной институциональной структуры, которая была сформирована на протяжении длительного периода, способствовали развитию дискуссии о поиске альтернативных путей модернизации экономики (Плискевич, 2019, с. 44–45). Такой альтернативой в российской экономической науке стал особый путь экономического развития, основанный на национальной идентичности и интересах при разработке новой стратегии, направленной на модернизацию российской экономики в условиях геополитической турбулентности.

Особый путь экономического развития должен учитывать исторические, экономические, географические, социальные и другие характеристики развития страны, а также обеспечивать баланс и воспроизводство фундаментальных условий развития экономики (экономическая

Рис. 3. Базовые характеристики «особого пути» развития

Источник: составлено авторами.

устойчивость, предпринимательская инициатива, возрастающая отдача) (Вольчик, 2022). В современных реалиях для достижения этих целей особый путь экономического развития должен опираться на четыре базовые характеристики: суверенитет, историзм, адаптивность и прагматизм (рис. 3).

Достижение и сохранение суверенитета является фундаментом при реализации особого пути экономического развития страны и ее дальнейшей модернизации. Как отмечает Е.В. Балацкий, учет суверенитета может стать первым шагом «в построении обновленного социального знания, которое способно системно объяснить события нынешнего и будущего времени. Игнорирование категории суверенитета в экономических исследованиях не позволяет релевантно описать и оценить большинство современных процессов в мирохозяйственной системе» (Балацкий, 2025, с. 63).

Особенно важно учитывать фактор суверенитета в долгосрочном периоде, так как «эффективность управления внутренними процессами в стране напрямую зависит от свободы правительства в принятии соответствующих решений. Внешнее влияние со стороны других

государств может ограничить многие варианты эффективной внутренней политики» (Балацкий, 2025, с. 61). Так, отсутствие суверенитета более 30 лет привело к тому, что Россия представляла собой «классический пример страны с управляемым развитием с явно выраженным вектором на сдерживание» (Балацкий, 2024, с. 55).

Термин «экономический суверенитет, который обозначает способность национального правительства принимать решения независимо от решений, принимаемых правительствами других стран, также часто используется в политическом и общественном дискурсе при обсуждении темы экономического патриотизма» (Сапир, 2020, с. 3). По мнению Е.В. Балацкого, экономический патриотизм отражает «всплеск патриотических и квазипатриотических чувств у народов государств, испытывающих давление со стороны страны-гегемона, в том числе в форме экономических санкций» (Балацкий, 2025, с. 60). Согласно данным ВЦИОМ, в 2024 году 94% россиян считали себя патриотами, из них 62% — безусловными патриотами. Этот показатель увеличился по сравнению с 2014 годом (84%) на 10 п. п. и является максимальным за

весь период наблюдений, отражая тем самым всплеск патриотических настроений российского населения².

В условиях геополитической турбулентности и масштабного санкционного давления на российскую экономику исследования, касающиеся достижения и сохранения суверенитета, приобрели особую актуальность и значимость в российской экономической науке. Этому вопросу посвящены различные работы начиная от трудов экономистов-неоклассиков, рассматривающих понятие суверенитета как фактор вмешательства в оптимизационный процесс, к которому невозможно применить инструменты стандартной макроэкономической политики в традиционных теориях экономического роста, до институционалистов, которые, наоборот, подчеркивают важность суверенитета в экономических исследованиях (Сапир, 2020, с. 5). Так, например, представитель оригинального институционализма Дж. Коммонс в работе «Правовые основы капитализма» выделял три вида суверенитета: государственный суверенитет (основан на страхе перед физической властью), суверенитет корпораций или бизнеса (основан на страхе перед экономической властью) и суверенитет религиозных и моральных институтов (основан на страхе общественного мнения) (Коммонс, 2011, с. 77; Сапир, 2020, с. 5).

В настоящее время в российской экономической науке можно выделить различные направления исследований экономического суверенитета. Так, например, М.Н. Дудин, С.В. Шкодинский, И.А. Продченко проанализировали четыре подхода к рассмотрению экономического суверенитета: «с позиции юридических прав и самостоятельности государства как политического и экономического актора (Н. Макиавелли, Т. Гоббс и Ж. Бовден), с позиции реализации прав граждан собственности на национальное богатство государства (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Сэндлер), с позиции осуществления рыночных прав влияния на международные экономические отношения (С. Шмитт, Дж. Бордо, Д. Розенберг),

с позиции устойчивости социально-экономической системы к внешним вызовам и угрозам политического и экономического характера (Дж. Вестерман, В. Дхар, Дж. Перрит, Дж. Раухоуфер, Ц. Бовден)» (Дудин и др., 2022, с. 61–63).

С.А. Афонцев проанализировал четыре направления исследований экономического суверенитета: «1) вклад экономических факторов в обеспечение национального суверенитета; 2) автономия национальной экономической политики; 3) высокая самостоятельность в достижении целей экономического развития («суверенное развитие»); 4) возможность успешного противостояния негативным внешним шокам» (Афонцев, 2024). В то же время, по мнению С.А. Афонцева, в настоящее время отсутствует «теоретический базис» для анализа экономического суверенитета, что может послужить импульсом для дальнейших исследований в этой области.

После распада СССР в процессе радикальных экономических реформ были разрушены различные наукоемкие отрасли в сфере науки и промышленности, такие как машиностроение, микроэлектроника, приборостроение, судостроение, фармацевтика и др. Это привело к потере технологического суверенитета в российской экономике, проблема которого особенно обострилась после 2022 года. Вопросы, связанные с технологическим суверенитетом, стали активно обсуждаться в российских экономических исследованиях. Так, Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова отмечают важность достижения технологического суверенитета как «способности обеспечивать в тесном взаимодействии с поступательным развитием человеческого потенциала создание на своей территории собственных технологий и инфраструктуры» (Балацкий, Екимова, 2023).

Следует учитывать также, что для достижения технологического суверенитета в России «недостаточно уделять внимание только новейшим технологиям. Отношения между старыми и новыми отраслями не сводятся к конкуренции за ресурсы. Необходимо фиксировать узкие места в развитии не только новейших технологий широкого применения, но и в основывающихся на ранее освоенных технологиях традиционных отраслях, определяющих

² О современном патриотизме. 29.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения 24.05.2025).

экономический потенциал страны. Об эффективности российской стратегии развития цифровых технологий, и искусственного интеллекта в частности, можно будет говорить, если ее реализация позволит на равных сотрудничать с зарубежными партнерами в глобальных цепочках создания стоимости, реально претендовать на инновационную ренту» (Дементьев, 2023, с. 16).

В качестве примера страны, которая, несмотря на длительное международное давление и многочисленные санкции, смогла сохранить свой суверенитет и добиться значительных успехов в плане развития национальной инновационной системы, можно отметить Иран (Вольчик и др., 2023). Поэтому так важно в условиях глобализации и растущей зависимости государств друг от друга сохранять национальный суверенитет для стран, реализующих особый путь экономического развития.

Таким образом, в современных условиях очень важно, чтобы правительство могло принимать решения, ориентируясь на национальные интересы и экономический патриотизм, что не отменяет международного сотрудничества, но ограничивает те направления, которые явно в среднесрочном периоде могут быть связаны с негативными последствиями для экономического развития.

Одной из главных ценностей, на которой базируется идеология особого пути, является национальная идентичность, напрямую связанная с историзмом, представляющим собой методологический подход, основанный на историческом опыте каждой страны в формировании национальных институтов. Данный опыт во многом определяет специфику институциональной структуры хозяйственного порядка. И здесь важно понимать, что осмысление уникального собственного опыта, с одной стороны, и учет общих закономерностей развития экономических систем — с другой, являются важным условием разработки и реализации экономической политики, способствующей достижению национальных интересов. Хорошим примером в осмыслении особенностей социально-экономического развития может служить Китай: «Общественно-политическая система Китая представляет собой уникальное сочетание двухтысячелетних традиций с револю-

ционным наследием Коммунистической партии — модель, которую невозможно повторить где-либо еще. Китайское руководство и элиты прекрасно понимают: их система, при всей её эффективности внутри страны, не подлежит экспорту. Более того, сама эта система требует от Китая сосредоточиться на решении внутренних задач, добиваясь при этом уважительного отношения со стороны международного сообщества» (Ли, 2025, с. 15).

При формировании особого пути экономического развития необходимо учитывать различные исторические процессы, события, которые сформировали определенный национальный код, имеющий особую институциональную структуру, менталитет населения, традиции и ценности. Прошлые неудачи и успехи, особенности социально-экономического и политического уклада страны являются основой для разработки будущей экономической политики, направленной на модернизацию экономики. В то же время игнорирование исторического контекста может повлечь за собой серьезные ошибки планирования долгосрочной стратегии экономического развития. Например, при переходе в 1990-е годы от социалистической экономики к рыночной в России следовало учесть сильные традиции государственного регулирования экономики и можно было выбрать траекторию развития, близкую к дирижистской идеологии, которая включает механизмы государственного контроля, планирования и партнёрства. Учет данного исторического контекста позволил бы избежать прошлых ошибок и выработать новые приоритетные направления развития, учитывающие сильные и слабые стороны российской экономики на тот момент. Д. Норт отмечает: «История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития. Интегрировать понятие «институты» в экономическую теорию и экономическую историю — значит сделать важный шаг в развитии этой теории и истории» (Норт, 1997, с. 12).

Использование историзма как методологического подхода при реализации особого пути развития связано с таким понятием в экономической науке, как «path dependence», или терминами «зависимость от предшествующего развития», «эффект колеи», которые приняты в отечественной литературе. Данная теория отражает зависимость будущего развития от выбора, который был сделан гораздо раньше. Так, П. Дэвид, одним из первых указавший на эту зависимость на примере QWERTY-клавиатуры, дал следующую характеристику «path dependence»: «последовательность экономических изменений является примером того, как отдаленные во времени события, включая ситуации, вызванные скорее случайным стечением обстоятельств, нежели действием системных сил, могут оказывать существенное воздействие на окончательный результат» (Дэвид, 2007, с. 139).

В то же время зависимость от предшествующего развития может проявляться на двух уровнях: отдельных институтов (например, правовых, политических, экономических, организационных) и институциональных систем, т. е. национальных экономических систем (Нуреев, 2010, с. 27).

Именно анализ исторического контекста в идеологии особого пути развития позволяет выявить влияние как формальных (законы, правила), так и неформальных институтов (обычаи, традиции) на современное экономическое развитие, что дает возможность проанализировать альтернативные издержки предшествующего развития и сделать выбор в пользу более эффективной стратегии с учетом национальных особенностей. Попытки внедрить институты, которые успешно функционируют в других странах, не принимая во внимание исторический контекст, могут вызвать институциональную несовместимость (внедрение институтов приводит к дестабилизации и неэффективности экономической системы), социальное сопротивление (новые институты противоречат национальным интересам, ценностям и традициям), зависимость от развитых стран (утрата суверенитета) и в дальнейшем потерпеть неудачи.

Таким образом, оценка эффективности экономических стратегий предшествующего развития позволяет избежать повторения ошибок прошлого и адаптировать современные успешные практики в национальной экономике.

В условиях геополитической нестабильности, глобальных вызовов, экономических кризисов, быстрых технологических трансформаций, экологических проблем адаптивность становится одним из главных условий успешности особого пути развития. Важность адаптивности, которая наиболее сильно проявляется именно в экономической деятельности, отмечал в своих работах Ф. Хайек: «Структура человеческой деятельности постоянно адаптируется (и функционирует путем адаптации) к миллионам фактов, которые в своей совокупности не известны никому. Значение этого процесса наиболее очевидно в области экономической жизни, где на него впервые и обратили внимание» (Хайек, 2006, с. 32).

Адаптивность как свойство, присущее всем экономическим системам, может варьировать в зависимости от возможностей, способностей и скорости реагирования на внешние и внутренние трансформации через выработку особого механизма, благодаря которому хозяйственная система сможет приобрести новые характеристики и в дальнейшем быть устойчивой, эффективно развиваться (Марковская, 2013, с. 7–8).

Экономическая сущность адаптивности, подразумевающая приспособление хозяйственной системы к различным изменениям, очень хорошо вписывается в концепцию адаптивной эффективности Д. Норта, который связывает ее с институциональными особенностями и определяет как «способность некоторых обществ справляться с потрясениями, гибко приспосабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с измененной реальностью» (Норт, 2010, с. 21). Он отмечает также, что институты должны соответствовать определенным принципам, в соответствии с которыми политический порядок будет сохраняться, несмотря ни на какие экономические изменения (Норт, 2010, с. 155). Д. Норт рассматривает адаптивную эффективность также как правило, которое формирует направление развития всей экономической системы во времени и «связано со стремлением общества к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, к риску и разнообразным видам творческой деятельности, а также к решению проблем и расширению «узких мест», мешающих развитию общества» (Норт, 1997, с. 106).

Именно инновации и эксперименты являются адаптивно эффективными, поэтому экономика и общество должны их развивать и содействовать их распространению. Инновации и эксперименты как стимулы, встроенные в институциональную систему, способствуют «развитию совокупности знаний, которые подталкивают индивидов, принимающих решения, к постепенному изменению системы по сравнению с тем состоянием системы, с которым они (индивиды) имели дело первоначально» (Норт, 1997, с. 106). Таким образом, согласно концепции Д. Норта, при реализации идеологии особого пути в экономике необходимо развивать адаптивную эффективность хозяйственной системы, так как она «создает стимулы для развития процесса децентрализованного принятия решений, который позволяет обществам максимизировать усилия в направлении возможных альтернативных путей решения проблем и извлекать уроки из ошибок и неудач» (Норт, 1997, с. 106–107).

Таким образом, в условиях неопределенности и быстрого изменения глобальных тенденций для успешной реализации особого пути развития хозяйственная система, чтобы избежать экономической стагнации, социальной и политической нестабильности, потери суверенитета, должна оперативно реагировать и адаптироваться к новым вызовам и возможностям через гибкость экономической политики, институциональной структуры, а также развитие инноваций и технологий. Так, например, ярким примером высокой степени адаптивности хозяйственной системы является Китай, который через реформы смог построить элементы рынка в социалистическую экономику.

Адаптивность хозяйственных систем к внешним и внутренним изменениям в современном мире продиктована прежде всего прагматичностью действий правительств разных стран для сохранения устойчивости экономической и политической системы государства, а также для обеспечения дальнейшего экономического роста. Страны, которые основывались не только на институте частной собственности, но и руководствовались прагматическим подходом, добились большего успеха, чем Россия, которая опиралась на неоклассические принципы построения национальной экономики (Пороховский, 2017, с. 100–101).

Концепт прагматизма является одним из важнейших в оригинальной институциональной экономической теории. Прагматизм как философское и методологическое течение основывается на практическом применении знаний, ориентированных на достижение конкретных результатов и целей. Он подчеркивает важность практического опыта и способности адаптироваться к изменениям и предлагает альтернативный взгляд на экономические теории и их применение.

Основы прагматизма как философского направления и его дальнейшее теоретическое развитие отражены в работах У. Джеймса, Ч. Пирса, Д. Дьюи и др. В дальнейшем принципы прагматизма были связаны с постмодернизмом в работах Р. Рорти.

В настоящее время в российском экономическом сообществе очень редко исследуются вопросы, связанные с прагматизмом, более того «исследовательские принципы прагматистов были вытеснены из экономической дисциплины» (Курышева, 2022, с. 98). Однако преимущественно в институциональной экономике прагматизм традиционно сохраняется как методологический принцип: «Прагматизм уже многократно приходил на выручку экономистам. Прагматическую окраску имел даже синтез А. Маршалла, который заложил основы мейнстрима, имеющие теоретически-прикладной характер. А. Смит, Дж. Миль и Дж. Кейнс также с уважением относились к практике и решению различных конкретных задач» (Олейник, 2021, с. 47).

В научном дискурсе существует также концепция «нового прагматизма» Г. Колодко, который отмечает, что экономическая наука и политика должны быть ориентированы на практический результат, а также использовать междисциплинарный подход к анализу экономических процессов (Kolodko, 2015). Это иллюстрирует тот факт, что концепт прагматизма используется представителями различных научных школ и идеологий применительно к проведению экономических реформ. И здесь очень важно отметить, что прагматизм, о котором говорит Г. Колодко, противостоит идеологии неолиберализма, использующей простые и привлекательные экономические концепты. Однако неолиберализм, использующий «достижения мировой экономической мысли» это:

«... не только экономическое доктринерство и идеологический догматизм. Это прежде всего эффективный метод обогащения немногих за счет большинства. В этом его суть» (Колодко, 2016, с. 167). Новый прагматизм, таким образом, представляет собой адаптивную стратегию, которая учитывает культурные, исторические и институциональные особенности при системной трансформации экономики (Колодко, 2016, с. 170).

При анализе российских экономических реформ также важно сохранять прагматизм, который учитывает специфические институциональные особенности и долгосрочную траекторию развития. Например, французский экономист Э. Клеман-Питьо отмечает, что в основе долгосрочной стратегии развития российской экономики должны быть положены новые теоретические подходы, такие как жизнеспособность и прагматизм, которые смогут «обеспечить возможность аутентичной формализации динамичных процессов в экономике с учетом внешних обстоятельств и вызовов» (Клеман-Питьо, 2014, с. 16). Именно «прагматичная концепция делает акцент на том, что простое, но адекватное и принятое вовремя решение предпочтительнее, чем оптимальное решение, но принятое без учета фактора времени» (Клеман-Питьо, 2014, с. 6). Для модернизации экономики необходимо предлагать и реализовывать прагматичные решения для поддержки малых и средних предприятий в различных секторах российской экономики (Клеман-Питьо, 2014, с. 24). Применение прагматического подхода при реализации политики, направленной на модернизацию экономики, позволяет также хозяйственной системе быстро адаптироваться, принимая во внимание особенности национальных институтов, что в дальнейшем способствует устойчивому экономическому развитию страны.

Прагматизм занимает важное место в идеологии особого пути развития, так как основан на поиске практических решений и достижении конкретных результатов в условиях изменчивости и неопределенности экономической среды. В настоящий момент ярко выраженный прагматический подход при реализации экономической политики демонстрирует КНР. Так, одним из направлений экономической политики Китая является принцип «Поиск истины в

фактах» (ориентация на практическую эффективность), который был изначально выдвинут Мао Цзэдуном, а впоследствии стал одним из главных тезисов идеологии китайского социализма благодаря Дэн Сяопину (Сянпин, 2017, с. 54–55). Этот принцип подразумевает, что экономические решения должны основываться не на абстрактных теориях и догмах, а на анализе эмпирических данных и реальных условий функционирования экономической системы. В то же время китайская экономическая политика является гибкой и быстро адаптируется к меняющимся условиям, не боится признавать ошибки, исправлять их, используя при этом различные пилотные проекты и эксперименты для оценки эффективности реализуемых экономических мер и механизмов. В национальном научном дискурсе отмечается влияние прагматизма на теорию при реализации экономической политики: «Дух прагматизма требует, чтобы теории, особенно связанные с модернизацией, были укоренены в социальной реальности. Когда возникает расхождение между теорией и реальностью, нет сомнений, что теория должна соответствовать реальности, а не наоборот. Любая теория, которая оторвана от реальности, не может использоваться для управления реальным процессом модернизации, поскольку это неизбежно приведет к серьезным ошибкам» (Wu, 2025, с. 304).

Принципы особого пути в китайской практике реализуются через выработку суверенной экономической политики, которая учитывает реальные специфические условия страны: «Вывод Дэн Сяопина о необходимости «раскрепостить сознание, мыслить самостоятельно и разрабатывать политику с учетом собственных реальных условий» (Дэн, 1994, с. 328) достоин похвалы. Системы и стратегии, наиболее благоприятные для развития, необходимо выработать в ходе испытаний, практики и исследований, субъективные обоснования доводов недопустимы. Это один из важнейших опытов экономической реформы Китая» (Ли, 2024). Такая политика реформ является и адаптивной, и прагматичной. Адаптивность китайской экономической политики при проведении реформ в полной мере проявилась при постепенном переходе к рыночной экономике, что позволило избежать шоковой терапии (Weber, 2021).

Особый путь — это не двигаться по колее, например, «вашингтонского консенсуса» к построению нормальной страны, а, адаптируясь к экономическим реалиям, прагматично выбирать не какой-то «капитализм» из предложенного меню, а, например, строить специфический эффективный экономический порядок — «социалистическую рыночную экономику», как в Китае (Shleifer, Treisman, 2004). Безусловно, любой «особый путь» связан со сложным набором различных факторов, влияющих на развитие. Но именно взятые в совокупности четыре характеристики позволяют увидеть в концепции «особого пути» не только «тупики развития» и «туземную науку», но и реиндустриализацию, зеленую экономику и продвинутую национальную инновационную систему.

По отношению к особому пути в научной литературе существует два противоположных подхода. Один условно опирается на суверенитет как отправную точку особого пути (Балацкий, Екимова, 2022). Второй апеллирует к универсализму и универсальным ценностям, которые на основе «истинно научного подхода» ведут к торжеству прогресса. Второй подход к анализу концепта «особого пути» имеет сильные отрицательные коннотации (Мамедов, 2011; Травин, 2018). В данной статье реализована попытка уйти от однозначно отрицательных коннотаций относительно концепта «особого пути». Поэтому мы предлагаем конструктивный подход к анализу «особого пути», который концентрирует внимание на четырех базовых характеристиках: суверенитете, историзме, адаптивности и прагматизме. Комплексный анализ особого пути через призму этих характеристик является как новым, так и конструктивным, направленным на определение источников и возможностей поступательного и сбалансированного экономического развития в современном мире.

Заключение

Любая экономическая идеология может рассматриваться с двух точек зрения: во-первых, как донаучный когнитивный акт или видение экономических процессов для построения теорий; во-вторых, как совокупность самих теорий, которые вписываются в ту или

иную «фундаментальную научную парадигму» (Samuels, 1992, p. 239). В данной работе мы анализируем идеологию особого пути в контексте большого нарратива, основанного на простых принципах, которые могут привести к прогрессивным изменениям в ходе реформ. Такой нарратив особого пути связан с концептами суверенитета при разработке и проведении реформ, историзма, адаптивности и прагматизма. Негативные коннотации, которые обычно связываются с идеологией особого пути, затрудняют понимание того факта, что проведение модернизации в странах, претендующих на суверенитет и являющихся самобытными цивилизациями (например, Россия, Китай), сопряжено именно с созданием и постепенным продвижением концепции уникального пути развития. Однако идеология особого пути не означает, что не нужно учитывать достижения социальных наук и опыт других стран при проведении модернизации.

В современных условиях экономическое и инновационное развитие сопряжено с выполнением трех фундаментальных условий: политической стабильности, предпринимательской инициативы и возрастающей отдачи (Вольчик, 2022). Однако достижение каждого условия возможно в различных формах: например, политическая устойчивость может достигаться посредством механизмов либеральной демократии (Запад) и демократического централизма (Китай), предпринимательская инициатива может успешно реализовываться в рамках либерального капитализма (Запад) или социалистической рыночной экономики (Китай). Поэтому идеология особого пути акцентирует внимание на тех особенностях, которые необходимо учитывать, чтобы обеспечить предпосылки для динамичного роста в ходе реформ.

Рассмотренные выше четыре базовые характеристики идеологии особого пути экономического развития, такие как суверенитет, историзм, адаптивность и прагматизм, не только дополняют друг друга при реализации экономической политики, но и создают синергетический эффект, который будет способствовать успешному экономическому развитию России в условиях изменчивости и неопределенности.

Литература

- Афонцев С.А. (2024). Теоретическое измерение экономического суверенитета // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (64). С. 218–224. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_218-224
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации // Journal of Applied Economic Research. Т. 21. № 3. С. 604–636. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.3.021
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2023). Проблема технологического суверенитета и новая миссия центрального научного ведомства России // Экономика. Налоги. Право. Т. 16. № 2. С. 28–36. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-28-36
- Балацкий Е.В. (2024). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2
- Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 46–65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2
- Вольчик В.В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики // Journal of Economic Regulation. Т. 13. № 2. С. 6–21. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021
- Вольчик В.В. (2024). Идеология и нарративная экономика // Terra Economicus. Т. 22. № 3. С. 21–33. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33
- Вольчик В.В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке // Journal of Institutional Studies. № 17 (2). С. 133–145. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Марьян П.А., Скрябин М.В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке // Journal of Institutional Studies. Т. 16. № 4. С. 42–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059
- Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. (2023). Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 284–301. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.15
- Вольчик В.В., Ширяев И.М. (2024). Идеологические нарративы либерализма и социализма в экономической науке // Russian Journal of Economics and Law. № 18 (3). С. 577–592. URL: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.577-592>
- Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. Т. 21 № 1. С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21- 1-6-18
- Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Продченко И.А. (2022). Экономические и инфраструктурные инструменты обеспечения государственного экономического суверенитета в цифровой экономике: опыт Российской Федерации и мира // Вопросы инновационной экономики. Т. 12. № 1. С. 57–80. DOI: 10.18334/voprosy.12.1.114254
- Дэвид П. (2007). Клио и экономическая теория QWERTY. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 536 с.
- Ефимов В.М. (2007). Спор о методах и институциональная экономика // Terra Economicus. Т. 5. № 3. С. 18–36.
- Клеман-Питьо Э. (2014). Долгосрочная стратегия развития российской экономики: выбор в пользу прагматизма? // Записки Аналитического центра Обсерво. № 6. С. 8–38.
- Колодко Г.В. (2016). 25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматичному росту. Москва: Магистр.
- Коммонс Дж.Р. (2011). Правовые основания капитализма. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 416 с.
- Курышева А.А. (2022). Исследовательская традиция исследовательской школы и прагматистский подход // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 89–101.
- Ли Д. (2025). Китайский взгляд на мир. Развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта. Ереван: Fortis Press. 266 с.
- Мамедов О.Ю. (2011). Три императива цивилизованной экономики // Terra Economicus. № 9 (4). С. 5–8.

- Марковская Е.И. (2013). Теоретические и практические аспекты адаптации моделей поведения экономических субъектов // Вестник Балтийской педагогической академии. № 111. С. 6–16.
- Маскаев А.И., Ширяев И.М., Цыганков С.С., Грищенко И.В. (2024). Экологизм как экономическая идеология: от Мальтуса до устойчивого развития // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. № 68. С. 40–61.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 256 с.
- Нуреев Р.М. (2010). Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи // Экономика и институты. Санкт-Петербург: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Олейник А.Н. (2021). О возможных методологических основаниях прагматической экономической теории: Т. Байес и Дж. Дьюи // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 34–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_34_51
- Плискевич Н.М. (2019). «Особый путь»: мифы, реальность, поиски выхода // Мир России. Т. 28. № 2. С. 42–62. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-42-62
- Пороховский А.А. (2017). Системное перестроение российской экономики: возможности «рыночной колеи» // Философия хозяйства. № 1 (109). С. 93–100.
- Райнерт Э.С. (2016). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Москва: Издательство дом Высшей школы экономики. 384 с.
- Сапир Ж. (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации // Проблемы прогнозирования. № 2 (179). С. 3–12.
- Сянпин Ш. (2017). Мировоззренческий универсум Дэн Сяопина // Свободная мысль. № 4 (1664). С. 41–64.
- Тамбовцев В.Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия // Вопросы экономики. № 10. С. 5–27. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-10-5-27>
- Травин Д.Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 224 с.
- Хайек Ф.А. фон (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва: ИРИСЭН. 642 с.
- Шмоллер Г. (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук // Terra economicus. Т. 9. № 3. С. 31–49.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология // Философия экономики. Антология /под. ред. Дэниела Хаусмана. Москва: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Kolodko G. (2015). The pragmatism or the economy of the future. *Finance: Theory and Practice*, 1, 69–82. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2015-0-1-69-82>
- Krugman P.R. (2009). How did economics get it so wrong? *New York Times Magazine*, 9 September, 36–44.
- North D. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review*, 84(3), 359–368.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How to Tell the Difference*. New York: Oxford University Press.
- Samuels W.J. (1992). *Ideology in Economics. Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. London: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-12371-1_12
- Shleifer A., Treisman D. (2004). A normal country. *Foreign Affairs*, 84(2), 20–38.
- Weber I.M. (2021). *How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate*. London and New York: Routledge.
- Wu Z. (2025). *The Theory of Chinese Modernization*. Singapore: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-981-97-8066-2

Сведения об авторах

Вячеслав Витальевич Вольчик — доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Елена Владимировна Фурса — кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: efursa@sfedu.ru)

Елена Васильевна Маслюкова — кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

Volchik V.V., Fursa E.V., Maslyukova E.V.

Economic Reforms, Modernization and the “Special Path” Ideology in Russia

Abstract. The article explores the “special path” ideology as a significant factor in Russia’s economic modernization and development in the constructive context. The concept of the special path is considered within the perspective of the evolution of economics, emphasizing its differences from radical denial of universal laws. The special path is presented as a strategy for adapting institutions and policies to unique national and historical conditions, closely related to sovereignty and national interests. Research methods are based on the use of bidirectional LSTM neural networks for classifying texts of scientific articles by their ideological color and analyzing representation of bigrams in publications categorized as “special path” with the Lekta software product. The authors substantiate four main characteristics of the special path: economic sovereignty, historicism, adaptability and pragmatism. The special path is not considered to be a denial of universal laws, but rather as a way to adapt the institutional structure to national particularities. The study emphasizes the importance of considering historical context and practical experience when shaping economic policy, while criticizing attempts to mechanically adopt foreign models without consideration of national specifics. The “special path” ideology does not reject the achievements of science or the experience of reforms in other countries, but instead emphasizes the need to adapt them to the specific circumstances of Russia, including historical, institutional, and geopolitical factors. The synergy of sovereignty, historicism, flexibility, and pragmatism is seen as the foundation for developing a strategy for modernization that can ensure sustainable development in an uncertain world. China’s success in implementing this approach demonstrates its feasibility.

Key words: economic ideology, special path, sovereignty, adaptability, historicism, pragmatism, institutions.

Information about the Authors

Vyacheslav V. Volchik — Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Elena V. Fursa — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: efursa@sfedu.ru)

Elena V. Maslyukova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

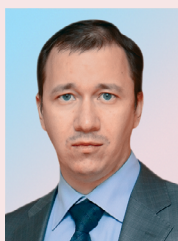
Статья поступила 01.08.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.4

УДК 519.876.5; 004.942; 332.144; 614.4, ББК 32.972; 60.8; 51.9

© Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Отмахова Ю.С., Сушко Е.Д.

Агент-ориентированные модели эпидемий: международные тренды и реализация в российской практике

Альберт Рауфович БАХТИЗИН

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9649-0168; ResearcherID: S-6203-2016

Валерий Леонидович МАКАРОВ

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: makarov@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0002-2802-2100; ResearcherID: I-9022-2016

Юлия Сергеевна ОТМАХОВА

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: otmakhovajs@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8157-0029; ResearcherID: AAD-8988-2019

Елена Давидовна СУШКО

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: sushko_e@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3565-5210; ResearcherID: E-4911-2015

Для цитирования: Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Отмахова Ю.С., Сушко Е.Д. (2025). Агент-ориентированные модели эпидемий: международные тренды и реализация в российской практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 79–97. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.4

For citation: Bakhtizin A.R., Makarov V.L., Otmakhova Yu.S., Sushko E.D. (2025). Agent-based epidemic models: International trends and implementation in Russian practice. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 79–97. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.4

Аннотация. В статье представлен анализ разработок в области моделирования эпидемиологических процессов, выполненный в первую очередь с помощью современного метода построения научного ландшафта. Авторами определены основные мировые центры и исследовательские группы, активно работавшие в данной области в последние годы, а также выявлены ключевые подходы, применяемые при моделировании эпидемиологических процессов, апробированные на практике и показавшие свою адекватность. Отмечено, что наряду с классическими компартментными моделями, описывающими эпидемиологическую динамику как переход части населения из одной категории, связанной с определенным этапом инфекционного заболевания, в другую, все большее распространение получают агент-ориентированные модели, в которых имитируются процессы передачи инфекции от человека к человеку. Преимуществами агент-ориентированного подхода являются способность воспроизвести в искусственном обществе неоднородность населения, которая существенно влияет на процессы распространения инфекции, а также имитировать прямые и обратные связи между различными процессами, в том числе способность агентов к изменению поведения с учетом текущей эпидемиологической обстановки. В работе представлена концепция агент-ориентированной эпидемиологической модели России, предназначенной для апробации и оценки эффективности планируемых противоэпидемических мер. Концепция предусматривает имитацию распространения эпидемии через взаимодействие агентов: на популяции агентов воспроизводится реальная социально-демографическая структура населения, учитывающая все индивидуальные характеристики, которые влияют на участие людей в распространении инфекции, включая их социальные связи, пространственное распределение и региональные особенности; в соответствии с особенностями вызвавшего эпидемию инфекционного заболевания имитируется прохождение каждым агентом всех его этапов; воспроизводится реалистичная картина перемещения людских потоков по транспортной инфраструктуре России, представленной в виде графа, вершинами которого являются транспортные узлы, а ребрами — связывающие их участки.

Ключевые слова: моделирование эпидемий, научный ландшафт, агент-ориентированные модели, воссоздание в искусственном обществе социальной и пространственной структуры, поведение, передача вируса, вычислительные эксперименты на моделях социальных процессов, информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2024-525 от 23.04.2024.

Введение

Современные вызовы, связанные с глобализацией, урбанизацией и постоянной изменчивостью патогенов, распространяющихся в человеческом сообществе, требуют принципиально новых подходов к прогнозированию эпидемий. В этих условиях на национальном уровне необходим современный инструментарий для моделирования сценариев пандемий с учётом мобильности населения, позволяющий прогнозировать динамику нагрузки на систему здравоохранения, а также предварительно оценивать в ходе компьютерных экспериментов эффективность планируемых мер сдерживания (карантин, вакцинация и т. д.). При разработке подобного инструментария следует учитывать

достижения мировых лидеров в области создания моделей по распространению инфекций, а также наиболее удачные примеры практического применения современных подходов в этой области для снижения масштабов эпидемических вспышек и вызванных ими негативных социальных и экономических последствий.

Целью нашего исследования является разработка современного инструментария для практического использования в системе подготовки принятия решений в контексте возможного возникновения новых глобальных биологических угроз с учетом передового опыта и мировых трендов в создании эпидемиологических моделей. Задачи исследования:

на основе метода построения научного ландшафта выявление современных подходов и моделей, применяемых при моделировании эпидемиологических процессов; определение мировых центров, исследовательских групп и ведущих специалистов в области моделирования эпидемий; разработка модели на основе выявленных наиболее перспективных методов моделирования эпидемий, которая обеспечит гибкую настройку на различные (как существующие, так и новые) виды инфекций, прозрачность влияния управляющих параметров модели на результаты моделирования; удобство постановки модельных экспериментов для пользователя.

В мировой и отечественной практике для прогнозирования процессов распространения вирусных эпидемий, а также для оценки их последствий с учетом пространственных и временных взаимосвязей широко используются методы математического моделирования, которые постоянно совершенствуются и развиваются. Основные вызовы, стоящие перед разработчиками крупномасштабных моделей по распространению инфекций, в первую очередь связаны с подбором адекватного математического аппарата, позволяющего учитывать множество разнородных факторов, влияющих как на скорость распространения инфекций и тяжесть последствий заболевания отдельных людей, так и на социальные и социально-экономические последствия эпидемии для общества в целом и отдельных его групп. Для этого при моделировании должны быть учтены гетерогенность населения на основе возрастных, социальных и географических различий, а также особенности передачи вирусов в различных средах (домохозяйства, транспорт, работа). Отдельный круг проблем, которые должны решать разработчики, — это обеспечение модели информационной базой, необходимой для ее отладки, верификации и калибровки, при том что полные эмпирические данные по различным причинам могут отсутствовать. Наконец, сложной технической задачей является создание программного обеспечения для реализации разработанной математической модели, так как для ее масштабирования на уровень страны, макрорегионов, состоящих из множества стран, или даже на глобальный уровень требуется не только решение задач интеграции региональных данных, но и оптимизация вычислительных алгоритмов, включая переход к

параллельным вычислениям с использованием суперкомпьютеров.

Решение подобного междисциплинарного комплекса теоретических и практических задач происходит, как правило, в рамках больших научных центров и/или больших научных проектов, которые определяют основные актуальные тенденции в сфере моделирования эпидемиологических процессов, а представление об этих тенденциях позволяют получить методы формирования научного ландшафта.

Построение и анализ научного ландшафта в сфере моделирования эпидемиологических процессов

Процесс сбора научно-технических документов по тематике «Моделирование распространения инфекций» выполнялся в несколько этапов. На первом этапе был сформирован набор ключевой лексики на русском и английском языках для формирования запросов. Для составления набора ключевой лексики был проведен семантический поиск научно-технических документов по названию и ключевым словам анализируемых эпидемиологических моделей и методов моделирования распространения инфекций от человека к человеку, далее для найденных в базах данных релевантных документов построены списки ключевой лексики.

На втором этапе авторами исследования определены базы данных, пригодные для анализа в современных условиях ограничения доступа к международным базам публикаций Web of Science и Scopus для российских научных организаций. Анализировались все доступные базы данных публикаций с учетом таких характеристик, как наличие полнотекстовых коллекций зарубежных медицинских журналов открытого доступа и журналов в области исследований «компьютерные науки» (computer science), наборы фильтров для формирования запросов к базам данных, ограничения по количеству строк при экспорте результатов поиска, а также особенности форматов выгрузки найденных данных.

На третьем этапе поисковый запрос формировался на основе выделенной ключевой лексики, в рамках коллекций документов учитывались два типа научно-технических документов: научные статьи и научный обзор. Полученная выборка проверялась экспертным образом по соответствию названия, ключевых слов и аннотаций статей.

Для научных статей и обзоров авторами использовалась база данных публикаций The Lens¹, флагманский проект социального предприятия Cambia, построенный на открытой веб-платформе Lens.org и включающий 272 миллиона научных публикаций различного типа, а также глобальные публичные ресурсы типа PubMed, Microsoft Academic, CrossRef, ORCID, OpenAlex и другие.

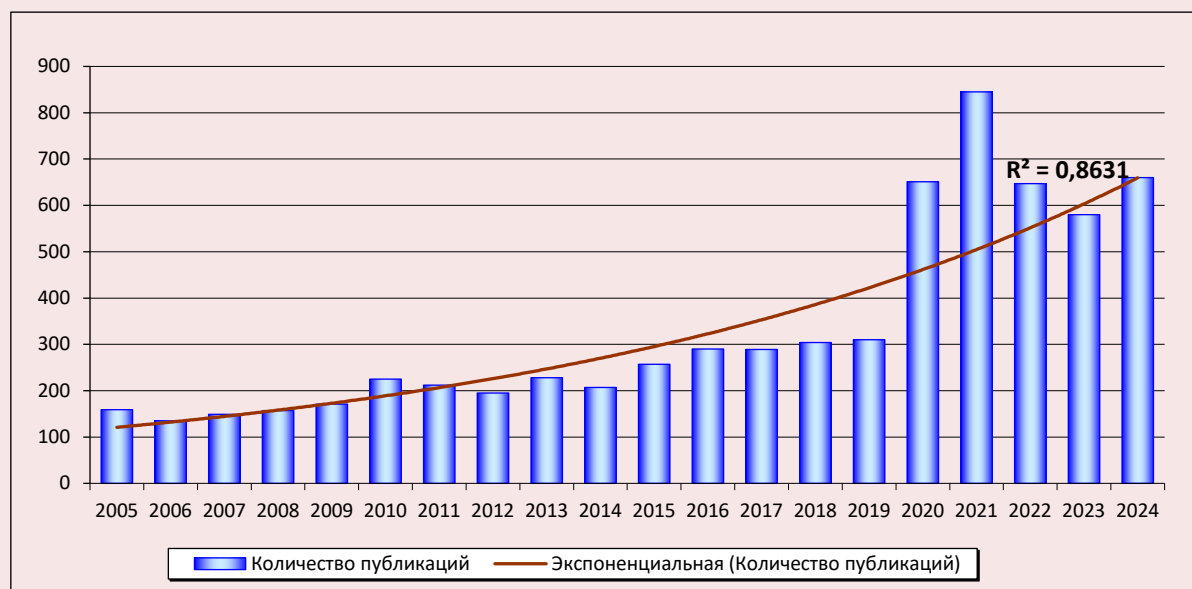
При формировании поискового запроса после многочисленных прогонов выборки научно-технических документов была определена следующая комбинация: *epidemic, model, agent, virus, transmission*, что позволило выделить обозримое количество релевантных научных документов. Период исследования включал 2005–2024 гг.

В результате применения приведенной выше методики авторами исследования сформирована информационная база документов на английском языке по тематике «Моделирование распространения инфекций», которая включала 7021 научно-технический документ, в том числе 6997 научных статей и 24 научных обзора. В информационную базу данных

на русском языке вошли коллекции открытых полнотекстовых документов российских научных журналов, в том числе медицинской тематики, сформированные с применением российской интеллектуальной цифровой платформы агрегации и анализа научно-технической информации SciApp² (использовалась для выделения научных заделов организаций-лидеров в области эпидемиологического моделирования с учетом реально созданных моделей).

За исследуемый период наблюдается близкий к экспоненциальному рост числа публикаций, относящихся к методам и моделям эпидемиологического моделирования, что свидетельствует о возрастающем интересе со стороны мирового научного сообщества к изучению данной тематики исследований. На рисунке 1 отчетливо виден всплеск публикационной активности в 2020–2021 гг., связанный с пандемией COVID-19, при этом и далее методы моделирования эпидемий и их последствий находятся в постоянном совершенствовании и развитии, что объясняет значительное количество публикаций по тематике в 2023–2025 гг.

Рис. 1. Динамика публикационной активности по тематике «моделирование эпидемий» за 2005–2024 гг., количество публикаций

Составлено по: данные базы публикаций The Lens, данные актуальны на 15.07.2025.

¹ The Lens. Available at: <https://www.lens.org> (accessed: 17.07.2025).

² Интеллектуальная цифровая платформа агрегации и анализа научно-технической информации. URL: <https://sciapp.ru> (дата обращения 17.07.2025).

Для определения стран, в которых развернуты наиболее активные исследования по тематике моделирования эпидемий, авторами были выполнены анализ структуры и сравнение объемов национальных публикационных портфелей за 2005–2025 гг. Согласно проведенному анализу, по данной тематике совокупный вклад таких стран, как США, Великобритания, Китай, Франция, Германия, Индия, Италия, Канада и Австралия, составил более 73% мирового объема публикаций. При этом США демонстрируют наивысший уровень публикационной активности и самый большой вклад в изучение данной тематики (29% мирового объема публикаций; *рис. 2*).

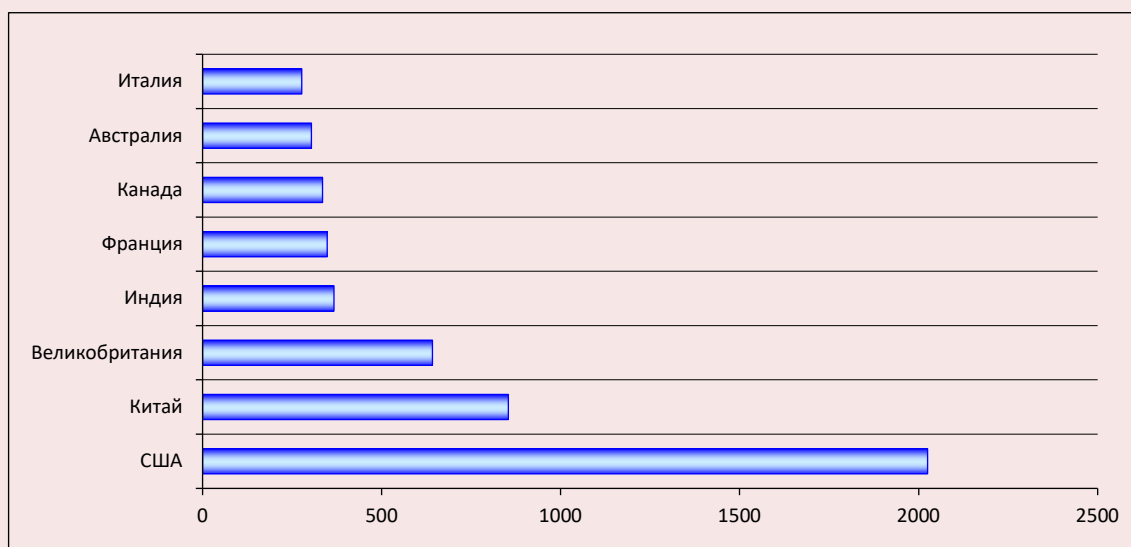
Анализ аффилиаций авторов публикаций с мировыми центрами компетенций позволил выявить ведущие университеты и научно-исследовательские центры США, Китая, Великобритании и Франции, являющиеся флагманами по количеству публикаций в области моделирования распространения инфекций: Национальный институт здоровья (National Institutes of Health), США; Центр контроля и предотвращения заболеваний (Centers of Disease Control and Prevention), США; Гарвардский университет (Harvard University), США; Китайская академия наук (Chinese Academy of Science), Китай;

Французский институт здоровья и медицинских исследований (French Institute of Health and Medical Research), Франция; Университет Джона Хопкинса (Johns Hopkins University), США; Оксфордский университет (University of Oxford), Великобритания; Лондонский Имперский колледж (Imperial College London), Великобритания; Лондонский университет (University of London), Великобритания; Университет Вашингтона (University of Washington), США. Результаты анализа публикационной активности выявленных организаций представлены на *рисунке 3*.

Анализ показал, что внушительная доля высокоцитируемых публикаций по тематике моделирования эпидемий (особенно по пандемии COVID-19) включает значительное количество авторов (11–83 чел.), а количество аффилиаций авторов может достигать 49, как, например, в статье (Howerton et al., 2023) в престижном журнале «Nature communications».

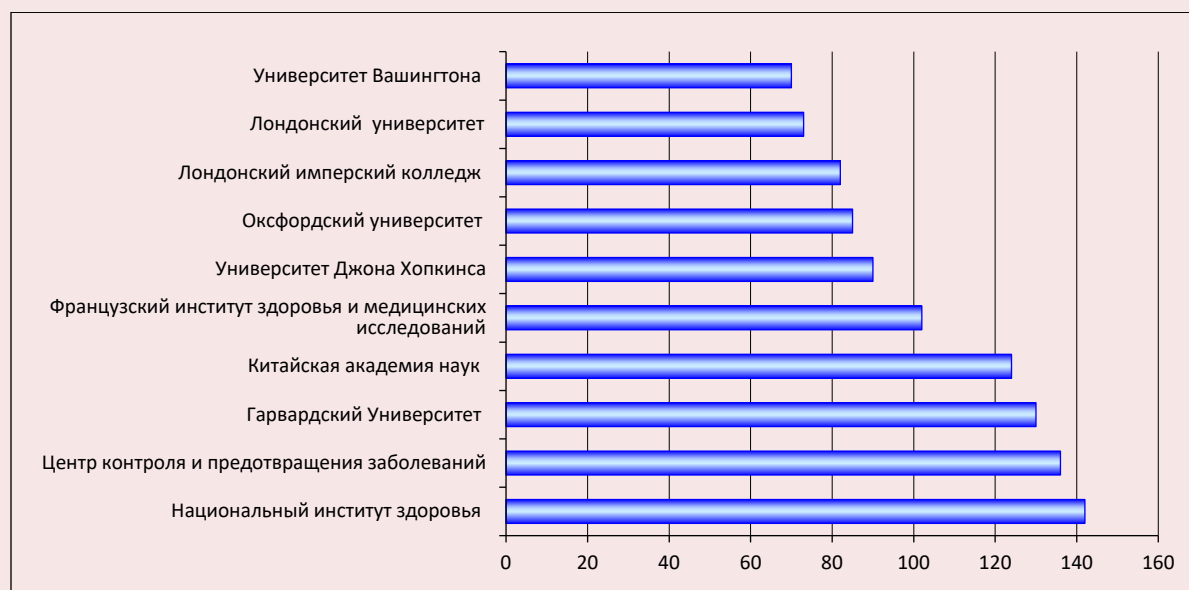
Отчетливо прослеживается усилившийся интерес к применению агентного подхода при разработке моделей распространения различных вирусов начиная с 2009 года, например вируса Денге (Kang, Aldstadt, 2019); вируса кори (Perez, Dragicevic, 2009); вируса COVID-19 (Silva et al., 2020; Truszkowska et al., 2021; Zhu et al., 2024).

Рис. 2. Объемы национальных публикационных портфелей стран – лидеров исследований по тематике моделирования эпидемий за 2005–2025 гг., количество публикаций

Составлено по: данные базы публикаций The Lens, данные актуальны на 15.07.2025.

Рис. 3. Топ-10 организаций – лидеров публикаций по тематике моделирования эпидемий за 2005–2025 гг., количество публикаций

Составлено по: данные базы публикаций The Lens, данные актуальны на 15.07.2025.

Перспективы использования возможностей компьютерного моделирования в прогнозировании распространения инфекций обсуждаются в журналах-лидерах мировой науки издательства «Nature» (Syrowatka et al., 2021).

Публикации российских авторов также представлены в полученной выборке статей, что свидетельствует о включенности анализируемого направления в национальную исследовательскую повестку России. В выборке с российской аффилиацией из базы данных The Lens выделяется наивысшим уровнем цитирования совместная статья российских исследователей из Института вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения Российской академии наук и Новосибирского государственного университета в коллаборации с учеными из США и Великобритании «Агент-ориентированное моделирование вспышек COVID-19 в штате Нью-Йорк и Великобритании: алгоритм идентификации параметров» (Krivorotko et al., 2022), в которой для оценки и разработки сценариев распространения эпидемии авторами использовалась агент-ориентированная модель Covasim.

Для выявления российских научных коллективов, имеющих компетенции в данной те-

матической области, кроме массива отечественных работ, проиндексированных в The Lens, дополнительно учитывались данные национального индекса научного цитирования (РИНЦ) и базы данных российских журналов медицинской тематики (678 научных статей) с применением российской интеллектуальной цифровой платформы агрегации и анализа научно-технической информации SciApp.

На базе анализа публикаций зарубежных и российских журналов методом аффилиаций авторов с учетом контекстного поиска полнотекстовых публикаций и ключевых слов за период 2005–2025 гг. нами были выявлены основные исследовательские центры, которые разрабатывают модели распространения инфекций. Для детального рассмотрения подобного опыта с учетом особенностей распространения инфекций в России определен достаточно широкий круг отечественных исследовательских коллективов. Принимая во внимание комплексный анализ релевантности полученных результатов контекстного поиска, уровень цитирования статей и журналов, качество моделей, мы выделили три зарубежных и пять российских исследовательских групп.

В результате определились организации-лидеры в области моделирования эпидемий, ведущие исследователи и наиболее интересные работы:

1) Imperial College London (Великобритания), Neil Ferguson, методы агент-ориентированного моделирования (Ferguson et al., 2006; Kraemer et al., 2025);

2) Johns Hopkins University (США), Joshua M. Epstein, методы агент-ориентированного моделирования (Parker, Epstein, 2011; McCabe et al., 2021; Bedson et al., 2021; Epstein, 2023);

3) University of Oxford (Великобритания), Christophe Fraser, методы агент-ориентированного моделирования, проект OpenABM-Covid19 (Pellis et al., 2020; Hinch et al., 2021; Ferretti et al., 2024).

Среди российских организаций лидерами в области эпидемиологического моделирования с учетом реально созданных моделей передачи вируса от человека к человеку можно назвать:

1) Институт проблем передачи информации РАН (ИППИ РАН) и Сколковский институт науки и технологий (Сколтех), Г.А. Базыкин, методы геномной эпидемиологии (Komissarov et al., 2021; Matsvay et al., 2023);

2) Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики (РФЯЦ-ВНИИТФ), В.В. Власов, О.В. Зацепин, С.Н. Лебедев, методы агент-ориентированного моделирования (Власов и др., 2023; Тараник и др., 2023);

3) Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН), А.Р. Бахтизин, В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко, методы агент-ориентированного моделирования (Макаров и др., 2020);

4) Институт вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения Российской академии наук и Новосибирский государственный университет, О.И. Криворотко, С.Н. Кабанихин, методы агент-ориентированного моделирования (Krivorotko et al., 2022; Krivorotko, Kabanikhin, 2024);

5) Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН и Институт прикладной физики РАН (ИПФ РАН), В.И. Балута, В.П. Осипов, методы агент-ориентированного моделирования (Балута и др., 2020; Балута и др., 2022).

Как отмечено выше, в последние годы при разработке моделей распространения различных вирусов усилился интерес к применению агент-ориентированного подхода, поэтому рассмотрим преимущества этого подхода, способствующие росту его популярности.

Анализ применения агент-ориентированного подхода при моделировании эпидемиологических процессов

В классических компартментных эпидемиологических моделях, базирующихся на модели SIR (Susceptible – Infected – Recovered), А. Маккендрика и У. Кермака (Kermack, McKendrick, 1927), в которой население делится на соответствующие группы («восприимчивых», «инфицированных» и «выздоровевших»), используется математический аппарат дифференциальных уравнений для описания того, как происходят изменения данных групп. И это подразумевает однородность населения с точки зрения его участия в распространении эпидемий. Для учета реально существующей неоднородности населения и повышения реалистичности этих моделей (и получаемых с их помощью оценок развития эпидемиологических процессов) разработчикам практически используемых моделей приходится разделять население на группы (например, по возрастным категориям) (Noll et al., 2020). В отличие от классических в агент-ориентированных эпидемиологических моделях (АОМ) процессы развития эпидемий моделируются «снизу вверх» путем имитации в искусственном обществе перемещения отдельных людей, их контактов с больными, заражения и последующего течения болезни у заболевших как смены состояний в течение времени. Таким образом, агент-ориентированный подход позволяет создавать адекватные модели эпидемиологических процессов, опираясь на знания экспертов о протекании того или иного заболевания и способах его передачи даже в отсутствие достоверных данных о динамике состояний общества в целом, что, например, наблюдалось в периоды эпидемий, вызванных распространением новой инфекции, в частности в период пандемии COVID-19.

Время в АОМ используется дискретное, и имитация изменений, происходящих с каждым агентом-человеком, осуществляется поэтапно (пошагово), где длительность шага соответству-

ет выбранной единице модельного времени. По окончании шага имитации фиксируются изменения состояний агентов и производится сбор статистики по популяции агентов аналогично тому, как она собирается в реальной жизни, что и отражает динамику эпидемиологических показателей на уровне популяции в целом и на уровне отдельных ее групп. Такой подход позволяет естественным образом учитывать все аспекты дифференциации населения на группы в зависимости от любых сочетаний свойств, влияющих на эпидемиологические процессы, вплоть до учета индивидуальных особенностей отдельных людей.

В силу преимуществ агент-ориентированного подхода закономерен рост его популярности в моделировании многих процессов, которые формируются на индивидуальном уровне, таких, например, как естественное движение населения, миграция, распространение инфекции. Поэтому число эпидемиологических АОМ и представляющих их публикаций в последнее время растет в геометрической прогрессии, особенно бурный рост вызвала пандемия COVID-19. Одновременно увеличивается число публикаций, посвященных обзору этих моделей, особенностей их конструкций и сфер применения. Так, в работе (Hunter et al., 2017) перечислены основные конструктивные блоки, которые должны быть реализованы в АОМ для имитации развития эпидемий (возможно, с разной степенью детализации):

- имитация передачи инфекции и смены этапов протекания у агентов заболевания, вызванного инфекцией;
- имитация популяции агентов (общества), в том числе воссоздание структуры этого общества;
- имитация перемещения агентов в пространстве с учетом транспортной составляющей;
- имитация окружающей среды как пространства взаимодействия агентов.

Из наиболее удачных обзорных работ следует в первую очередь отметить публикацию в ведущем журнале по моделированию искусственных обществ — *Journal of Artificial Societies and Social Simulation (JASSS)* (Lorig et al., 2021). В ней представлено масштабное и подробное исследование 126 агент-ориентированных моделей, посвященных эпидемии COVID-19 и

опубликованных в разгар эпидемии. К достоинствам выборки данных моделей следует отнести то, что они были отфильтрованы специалистами из более чем 500 найденных поисковиком COVIDScholar.org АОМ, в которых моделируется распространение инфекции через взаимодействие агентов (запрос на поиск включал слова «симуляция», «агент» и «передача»). При отборе учитывалось как качество самих моделей, так и качество их представления по следующим критериям:

- работы опубликованы в журнале или сборнике статей или доступны в виде препринта в признанном архиве (например, PubMed³, arXiv⁴, medRxiv⁵);
- в работе используется подход Agent-based Sosial Simulation (ABSS), что позволяет исследовать распространение COVID-19, то есть модель микроуровня, в которой можно отслеживать личность и статус каждого человека на протяжении всего периода моделирования;
- в работе описываются реализованные механизмы имитации процессов передачи инфекции и протекания заболевания.

В то же время выборка существенно ограничена такими условиями, которые не позволяют считать ее вполне репрезентативной с точки зрения оценки участия в развитии этого направления научных центров из разных стран, так как рассматривались работы, опубликованные только на английском языке и только до 1 октября 2020 года. Последнее обстоятельство также влияет на репрезентативность выборки моделей, что связано с трудоемкостью разработки агент-ориентированных моделей. Фактически успеть создать подобные модели, апробировать их и тем более опубликовать результаты в такие сроки могли в основном научные коллективы, обладавшие разработанными ранее эпидемиологическими АОМ, которые можно

³ PubMed® содержит более 38 миллионов ссылок на биомедицинскую литературу из MEDLINE, журналов по естественным наукам и онлайн-книг (URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov>).

⁴ arXiv — это электронный архив с открытым доступом для научных статей и препринтов по физике, математике, астрономии, информатике, биологии, электротехнике, статистике, финансовой математике и экономике (URL: <https://arxiv.org>).

⁵ medRxiv — это архив бесплатно распространяемых статей в области медицины и клинических исследований (URL: <https://www.medrxiv.org>).

было адаптировать к особенностям протекания новой эпидемии. Однако именно это обстоятельство обеспечило достаточно высокое качество выбранных для обзора моделей, хотя есть как минимум одно досадное исключение: АОМ, разработанная под руководством эпидемиолога и профессора математической биологии из Имперского колледжа Лондона Нила Фергюсона (Ferguson et al., 2020), подвергнутая впоследствии жесткой критике со стороны специалистов⁶. Правда, критика относилась в основном к программной реализации модели и полученным в результате расчетов завышенным оценкам последствий эпидемии⁷, а не к содержательной части постановки задачи, которая в модели Фергюсона достаточно реалистична. Несмотря на ограничения выборки АОМ, мы, как и авторы работы (Lorig et al., 2021), считаем, что данное исследование дает общее представление о существующих подходах к моделированию эпидемиологических процессов через имитацию социальных взаимодействий.

В представленном исследовании подробно рассматривались назначение каждой модели, управляемые параметры (включая медикаментозные и немедикаментозные меры воздействия), исходные и выходные данные, механизмы имитации передачи инфекции от агента к агенту, механизмы имитации смены состояний (стадий заболевания) зараженного агента и т. д. — всего было выделено 72 атрибута, которые и анализировались для каждой модели, что позволило классифицировать модели выборки с точки зрения подходов к реализации основных перечисленных выше блоков эпидемиологических АОМ.

Общая цель всех моделей выборки — оценить распространение COVID-19 с течением времени и влияние на этот процесс принимаемых мер воздействия. При этом подавляющее большинство моделей учитывали один или два

вида немедикаментозных мер (119,9%), к которым отнесены карантин (в 60% статей), изоляция (потенциально) инфицированных лиц (47,6%), социальное дистанцирование (44,4%), закрытие различных объектов, таких как школы, рабочие места, места отдыха и магазины (в 25% статей анализируется закрытие как минимум одного из типов таких объектов).

Рассмотрим классификацию АОМ выборки с точки зрения способов реализации в них основных конструктивных блоков.

1. Имитация передачи инфекции и смены этапов протекания у агентов заболевания, вызванного инфекцией. В агент-ориентированном моделировании для имитации заражения агентов используются вероятности. В 29,4% моделей выборки либо используется единая вероятность, равная для всех людей и контактов, либо же этот механизм не описан. В остальных моделях для расчёта индивидуальных вероятностей передачи инфекции могут учитываться личные характеристики или обстоятельства, такие как состояние здоровья реципиента (27%), его возраст (17,5%), плотность населения (13,5%) и др. Кроме того, большинство моделей имитируют социальные связи людей или места сбора людей для моделирования взаимодействия между ними.

Для моделирования протекания болезни на уровне агентов имитируется переход каждого агента из одного связанного с рассматриваемой инфекцией состояния в другое, причем перечень состояний в подавляющем большинстве моделей соответствует классической модели SIR. Однако встречаются и различные расширения классической модели дополнительными состояниями, которые позволяют более детально представить развитие болезни. Например, в 63,5% моделей учитывают инкубационный период после контакта с вирусом (стадия E — Exposed); в 23% моделей — критическое состояние больных пациентов, нуждающихся в лечении в больнице или в отделении интенсивной терапии (C — Critical ill); в 40,5% моделей — отдельное состояние для умерших (D — Dead).

2. Имитация популяции агентов (общества), в том числе воссоздание структуры этого общества.

В 43,7% моделей выборки используются реальные статистические данные для создания искусственного общества, социально-демогра-

⁶ Magness P. The failure of imperial college modeling is far worse than we knew. Available at: <https://thedailyeconomy.org/article/the-failure-of-imperial-college-modeling-is-far-worse-than-we-knew/>.

⁷ Chalmers V., May L. Computer code for Prof Lockdown's model which predicted 500,000 would die from Covid-19 and inspired Britain's 'Stay Home' plan is a 'mess which would get you fired in private industry' say data experts. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8327641/Coronavirus-modelling-Professor-Neil-Ferguson-branded-mess-experts.html>.

фические характеристики которого соответствуют характеристикам населения моделируемого региона или страны.

Чтобы сделать более реалистичной популяцию агентов, в моделях им чаще всего придают следующие индивидуальные характеристики: возраст или возрастная группа (44,4%); принадлежность к домохозяйству (42,1%); место работы (35,7%); текущее местоположение человека (35,7%). Некоторые модели определяют конкретные множества других людей, с которыми агент может или будет иметь контакты (39,7%), иногда подразделяемые на контакты в семье, на работе или случайные встречи.

Подходы к моделированию поведения агентов сильно различаются — начиная от однородных моделей реактивного поведения, основанных на правилах, до сложных процессов принятия решений, основанных на индивидуальных потребностях или предполагаемой полезности возможных действий (Russell, Norvig, 2020), хотя таких в выборке менее 5%. В большинстве моделей (75,4%) для моделирования индивидуального поведения используются либо социальные сети (37,3%), либо пространственные сети (16,7%), либо и те, и другие (7,1%), то есть агенты могут заражать других людей только при встрече в рамках социальных отношений.

Другим элементом поведения агента является его подчинение или неподчинение различным мерам воздействия — как медикаментозным, так и немедикаментозным. В большинстве симуляций предполагается, что все без исключения люди будут подчиняться любому заданному управлению.

Следует также отметить как удачные более поздние разработки, посвященные пандемии COVID-19, но не вошедшие в рассмотренный обзор. Так, в публикации (Kerr et al., 2021) детально представлена упомянутая выше АОМ Covasim, которая включает демографическую информацию по возрастному составу и численности населения, реалистичные сети передачи инфекции в различных социальных группах, включая домохозяйства, школы, рабочие места и др., возрастные особенности течения болезни, а также динамику вируса внутри организма, включая восприятие инфекции в зависимости от вирусной нагрузки. Covasim также поддерживает широкий спектр мер: немедикаментозные, такие как физическое дистанциро-

вание и использование средств защиты, медикаментозные меры, в том числе вакцинацию, а также тестирование (при наличии симптомов и без них), изоляцию, отслеживание контактов и карантин. Работа (Zhang et al., 2025) интересна для нас тем, что в ней представлена имитация связи между эпидемиологической ситуацией, индивидуальной оценкой рисков людьми и активностью взаимодействия людей. В этой модели агенты-люди могут менять свои решения о передвижениях в густонаселенном городе в зависимости от воспринимаемых рисков, которые связаны с вероятностью заражения или смерти.

Из отечественных разработок наибольший интерес для нас представляют отмеченные выше (Власов и др., 2023; Тараник и др., 2023) и (Балута и др., 2022).

Анализ авторского опыта в общем контексте агент-ориентированного моделирования эпидемиологических процессов

Авторы настоящего исследования также имеют опыт разработки агент-ориентированной эпидемиологической модели на примере развития эпидемии COVID-19 в Москве (Макаров и др., 2020). Целью моделирования являлось создание инструмента прогнозирования эпидемиологической динамики в городе в зависимости от карантинных мер с оценкой пиковых нагрузок на систему здравоохранения на основе правдоподобной имитации процессов инфицирования отдельных людей и прохождения ими стадий заболевания. Для дальнейшего развития этого направления было важно сопоставить использованный нами подход с выявленными тенденциями развития агент-ориентированного моделирования в применении к эпидемиологическим процессам вообще и к пандемии COVID-19 в частности.

Отметим основные конструктивные особенности данной модели:

— параметры модели: стартовая численность инфицированных; начальное репродуктивное число R_0 ; доля заболевших с легкой формой болезни; минимальная и максимальная длительность инкубационного периода; минимальная и максимальная продолжительность болезни; два сценария ограничительных мер: а) самоизоляция агентов в возрасте старше 65 в течение заданного периода; б) дополнительная самоизоляция остальных агентов, а также стро-

гость соблюдения ограничительных режимов агентами соответствующих возрастных групп;

- в модели на основе официальных статистических данных на популяции агентов-людей воссоздается реальная возрастно-половая структура населения моделируемого города; характеристики агентов: возраст, пол, состояние здоровья, семейные связи, стадия заболевания, тяжесть заболевания, число возможных заражений (зависит от репродуктивного числа R_0 для этой инфекции);

- передача инфекции от инфицированного агента, не находящегося в изоляции, который не заразил еще заданного числа агентов, происходит случайным образом любому другому здоровому агенту (кроме членов его семьи) с вероятностью, равной отношению числа возможных заражений к длине периода, в течение которого он считается заразным;

- формирование семей (домохозяйств), а также учет семейных связей в механизме имитации передачи инфекции в виде повышения вероятности заражения;

- в модели имитируется прохождение каждым агентом всех этапов заболевания по схеме SEIRD в соответствии с индивидуальным планом развития болезни, который формируется вероятностным способом в момент заражения; этот план включает степень тяжести заболевания (в том числе потребность в госпитализации) и его исход (выздоровление или смерть), а также график перехода от одной стадии к другой в днях; шаг имитации соответствует одному дню;

- реализация механизма зависимости тяжести протекания заболевания от базового состояния здоровья агента, а также механизм ухудшения общего состояния здоровья с увеличением возраста;

- в ходе экспериментов на каждом шаге оценивались следующие показатели: численность групп агентов, находящихся на разных стадиях заболевания, число необходимых койко-мест в больницах, в том числе в реанимации, численность умерших.

Таким образом, можно отметить, что использованный нами при разработке модели эпидемии COVID-19 в Москве подход в целом соответствует мейнстриму. Что же касается верификации модели, то для ее проведения на тот

момент не было достаточно данных. Однако это можно сделать сейчас. Так, эксперименты с двумя сценариями введения ограничительных мер свидетельствуют, что модель адекватно имитирует реакцию эпидемиологической ситуации, демонстрируя эффект снижения значений всех выходных показателей. В то же время полученные абсолютные значения численности тяжело заболевших и нуждающихся в госпитализации, а также численности умерших явно завышены, что связано с преувеличенными оценками опасности заболевания, которые давали на тот момент специалисты-медики⁸ и которые в модели использовались для расчета вероятностей.

С тех пор ситуация существенно изменилась, что позволяет не только вернуться к моделированию эпидемии COVID-19 на новом уровне наших знаний, но и верифицировать и откалибровать модель на основе использования большого массива накопленной за эти годы информации о воздействии этой инфекции на организм человека, о протекании эпидемии и ее последствиях. Например, как теперь известно, переболевшие коронавирусной инфекцией получают на какое-то время иммунитет, но потом могут заболеть повторно, что увеличивает численность потенциально восприимчивых к инфекции людей. Кроме того, появилось множество исследований о возможных долговременных последствиях для переболевших этой инфекцией в виде повышения риска появления или обострения серьезных хронических заболеваний, таких как гипертония (Goldhaber-Fiebert et al., 2025), диабет (Goldhaber-Fiebert et al., 2025), когнитивные нарушения (Amer et al., 2025), постковидный синдром (Lewnard et al., 2025), причем риск развития тяжелых осложнений повышается при тяжелом течении болезни. Наконец, в работе (Gaudet et al., 2025) систематизированы проведенные к настоящему моменту исследования на тему оценки последствий SARS-CoV-2 для здоровья переболевших.

⁸ Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), версия 5 (08.04.2020): временные методические рекомендации Минздрава России / Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2020. С. 122. URL: https://xn--80aesfpebagmfbcl0a.xn--p1ai/ai/doc/114/attach/vremennie_mr_COVID-19_versiya_5.pdf

Здесь уместно отметить еще одно преимущество агент-ориентированных моделей, которое может сыграть существенную роль в моделировании именно этой ситуации, — способность имитировать как прямые, так и обратные связи между различными процессами, происходящими в реальной действительности (Marshall, Galea, 2015). Это возможно благодаря тому, что связи в АОМ реализуются через конкретных акторов модели, участвующих в нескольких процессах, а пошаговая имитация позволяет учитывать в действиях агентов сложившиеся на предыдущем шаге состояния самого агента и всего его окружения, включая систему в целом. В реальной жизни процессы, происходящие как в обществе, так и в жизни отдельных людей, в частности все, что касается распространения инфекционных заболеваний, взаимосвязаны. Например, подверженность человека заражению той или иной инфекцией возрастает при наличии у него проблем со здоровьем, а также при увеличении числа его контактов с другими людьми и/или при его активном перемещении в пространстве, что может быть связано в том числе с его профессией. А наличие в обществе высокого уровня коллективного иммунитета — естественного (при росте доли переболевших данной инфекцией) или искусственного (вследствие вакцинации) — снижает вероятность заражения при тех же свойствах самой инфекции и том же стиле жизни людей. Результаты упомянутых выше исследований о повышении риска последующих нарушений здоровья у переболевших свидетельствуют о наличии не только прямой, но и обратной связи между состоянием здоровья человека до заражения, тяжестью протекания болезни и общим состоянием его здоровья после выздоровления, что также может имитироваться в агент-ориентированной модели на уровне отдельных людей.

Резюмируя вышеизложенное, определим как цель настоящего исследования разработку концепции агент-ориентированной эпидемиологической модели России, которая будет настроена на имитацию процессов, происходящих в условиях эпидемии на уровне общества в целом, на уровне различных его групп, а также отдельных членов с учетом их пространственного (регионального) распределения, а также с учетом прямых и обратных связей между различными процессами.

Концепция агент-ориентированной эпидемиологической модели России как инструмента поддержки принятия решений для ведомственных и региональных ситуационных центров

При разработке концепции учтен опыт апробации эпидемиологической АОМ города Москвы (Макаров и др., 2020), и некоторые конструкции этой модели станут частью новой модели, а функционал каждого из основных блоков будет расширен.

Сформулируем концептуальные положения, на основе которых будет разработана большая агент-ориентированная эпидемиологическая модель СПЕКТР (Система Прогноза и Эпидемиологического Контроля Территорий России).

Назначение и общие характеристики модели СПЕКТР

1. АОМ будет достаточно универсальной, чтобы можно было использовать ее для моделирования развития эпидемий, вызванных различными видами инфекций, передающихся от человека к человеку воздушно-капельным путем. Для этого будет создана база данных подобных видов инфекций, включающая информацию обо всех характеризующих каждую инфекцию свойствах, важных для имитации ее распространения, хода вызываемой ею болезни и ее исхода для заболевшего агента, включая возможные дальнейшие осложнения.

2. Модель будет обеспечивать возможность использования в ходе компьютерных экспериментов широкого набора противоэпидемических управляющих воздействий как медикаментозного (например, вакцинацию), так и немедикаментозного (например, карантин) характера для предварительной оценки целесообразности их применения на практике.

3. Конструкция модели будет воспроизводить все функциональные связи между заданными параметрами модели, текущим состоянием среды агентов и состоянием и действиями агентов популяции, на основе чего формируются отслеживаемые результаты моделирования, что и позволит наблюдать эффект от выбора параметров модели.

4. Результаты моделирования будут отражать агрегированную информацию о пошаговом изменении состояния популяции агентов как по России в целом, так и в разрезе регио-

нов, включая уровень коллективного иммунитета, показатели заболеваемости, смертности и показатели нагрузки на систему здравоохранения. Выходные показатели будут экспортироваться во внешние файлы для последующей статистической обработки, визуализации и анализа.

5. Модель будет реализована в виде пользовательского программного продукта, обладающего развитым интерфейсом, который в части управления экспериментами позволит задавать момент появления инфицированных, их численность и пространственное распределение, а также уровень коллективного иммунитета; выбирать из базы данных вид инфекции, а также управляющие воздействия и их сочетания с указанием критериев выбора агентов, на которых каждая мера распространяется, и с указанием начала и окончания каждого воздействия в течение прогнозного периода; обеспечит наглядное представление результатов моделирования в каждый момент времени и в динамике в течение периода имитации, в том числе, с выводом результирующих показателей на карту России в разрезе ее регионов.

Основные конструктивные блоки модели СПЕКТР

1. Имитация передачи инфекции от агента к агенту и смены этапов протекания у агентов заболевания.

Основные характеристики агентов модели: возраст, пол, состояние здоровья; место жительства; семейные связи; место работы/учебы; расписание поездки; план заболевания, возможное число заражений; лояльность (готовность выполнять требования вводимых противоэпидемических мер). Передача инфекции происходит случайным образом от инфицированного агента к здоровому и не обладающему иммунитетом, если они не находятся в изоляции. Вероятность заражения агента-реципиента при контакте зависит от возможного числа заражений инфицированного агента (что связано со свойствами инфекции) и варьируется в зависимости от того, к какой категории принадлежит реципиент: член семьи, коллега по работе, просто земляк, — или же их встреча происходит на транспортном узле. Агенты проходят все стадии заболевания по схеме TSEIHCURD в соответствии с индивидуальным планом развития болезни, где добавлены Т — период действия

временного иммунитета (Transient); Н — период госпитализации (Hospitalized); С — период нахождения в критическом состоянии (Critical ill); U — последующие осложнения (Unhealthy). План развития болезни формируется вероятностным способом в момент заражения и включает степень тяжести заболевания (в том числе потребность в госпитализации) и его исход (в том числе будущее ухудшение здоровья или смерть), а также график перехода от одной стадии к другой в днях. Степень тяжести протекания заболевания зависит от текущего уровня здоровья агента: лояльность агента зависит от его информированности о степени опасности заболевания (она возрастает при увеличении числа тяжело переболевших агентов в его окружении). Таким образом, имитируется сложное поведение агентов, динамически оценивающих риски. Шаг имитации соответствует одному дню.

2. Имитация популяции агентов (общества), в том числе воссоздание структуры этого общества.

На основе официальных статистических данных на популяции агентов-людей воссоздается реальная возрастная-половая структура населения России в разрезе регионов в стартовый момент времени, а на основе данных о распределении занятых по отраслям — структура занятости. Семьи формируются на основе использования данных о распределении рождений по возрасту матери. Первоначально вероятность наличия иммунитета рассчитывается на основе данных о коллективном иммунитете в стартовый момент. Дифференциация агентов по состоянию здоровья (наличию хронических заболеваний) осуществляется на основе данных о фактической распространенности серьезных хронических заболеваний среди населения разных возрастных когорт, подобно модели (Megiddo et al., 2014). Лояльность агентов в стартовый момент времени распределяется случайным образом, а затем пересчитывается на каждом шаге имитации. Также на каждом шаге проверяется таймер, который отмеряет время, отведенное на текущую стадию заболевания, что позволяет в нужный момент имитировать переход к следующей стадии.

3. Имитация перемещения агентов в пространстве с учетом транспортной составляющей.

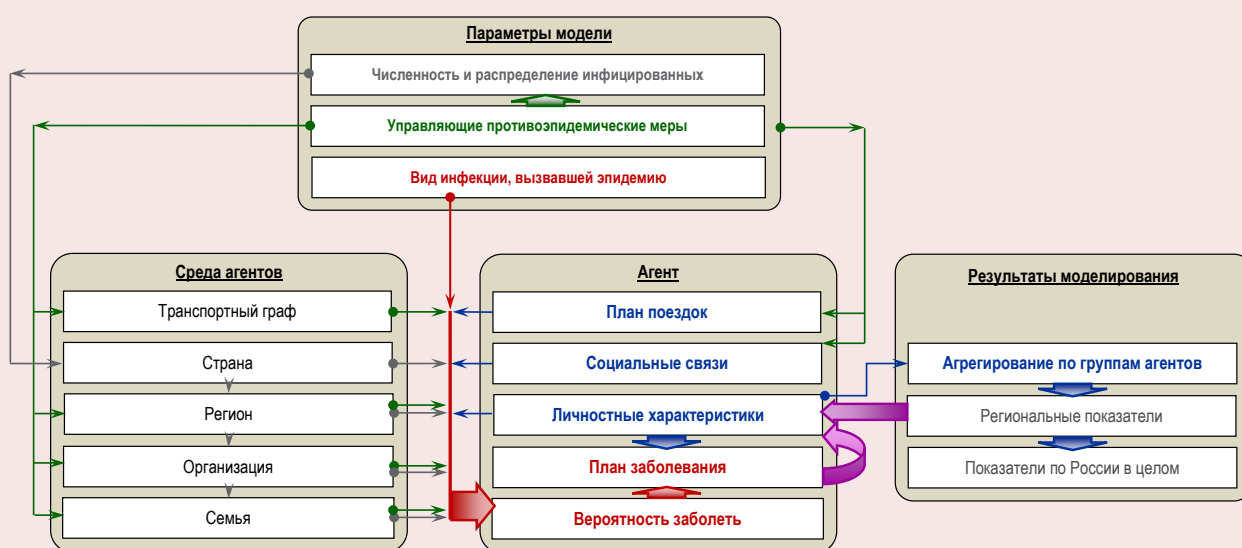
Учитывая огромный масштаб территории России, в модели для имитации распространения инфекции необходимо в явном виде имитировать перемещения агентов в пространстве. Поездка от места проживания агента в другой регион выпадает агенту случайным образом на основе данных о межрегиональном пассажиропотоке, после чего формируется расписание поездки, включающее: дату начала поездки; вид транспорта и маршрут; список членов семьи агента, которые поедут вместе с ним; а также даты прибытия в пункт назначения с учетом необходимого для прохождения маршрута времени в днях и даты возвращения. Далее на основе этих расписаний поездок имитируется перемещение агентов, определяются их временные группы, оказавшиеся на каждом транспортном узле в один день, что соответствует отдельной категории с точки зрения вероятности инфицирования.

4. Имитация окружающей среды как пространства взаимодействия агентов.

В начальный момент времени в модели воспроизводится не только структура общества, но и структура транспортной сети России в виде графа, связывающего регионы через транспортные узлы (вершины графа) и перегоны между

ними (ребра графа). Сеть характеризуется перечнем видов транспорта для каждого узла, а для каждого вида транспорта в узле — перечнем соседних вершин (то есть вершин, с которыми есть прямая связь), пропускной способностью отдельных узлов и участков, а также временем, необходимым для передвижения от одного узла до другого. Для имитации распространения эпидемии через взаимодействие людей важно обеспечить реалистичную картину прохождения людских потоков по ребрам транспортного графа к его вершинам — населенным пунктам. Транспортная сеть России не является закрытой — инфекция может поступать извне (что и наблюдалось, например, в пандемию COVID-19). Среди жителей самих населенных пунктов инфекция будет распространяться внутри групп общения агентов. Такой двухуровневый подход аналогичен подходу, реализованному в глобальной модели, разработанной для имитации пандемий (Ajelli et al., 2010), где использовались данные импорта зараженных из международных поездок. На рисунке 4 представлена обобщенная схема выстроенных в концепции модели СПЕКТР функциональных связей между заданными параметрами модели, текущим состоянием среды агентов, состоянием и

Рис. 4. Обобщенная схема прямых и обратных функциональных связей, обеспечивающих влияние параметров агент-ориентированной эпидемиологической модели СПЕКТР на имитируемые процессы и выходные показатели

Источник: составлено авторами.

действиями агентов популяции и отслеживаемыми результатами моделирования, которые обеспечивают имитацию эффекта от выбранных в эксперименте противоэпидемических мер при заданных условиях. Широкими фиолетовыми стрелками на рисунке 4 обозначены обратные связи — влияние течения заболевания на последующее общее состояние здоровья агента, а также влияние информации о текущей эпидемиологической обстановке на лояльность агента к принимаемым управляющим мерам.

Технические характеристики модели СПЕКТР

Воссоздание в АОМ социальной структуры общества, а также имитация поведения агентов как отдельных членов этого общества основаны на использовании вероятностных процессов, в силу чего для устойчивой работы агент-ориентированной модели с таким большим количеством параметров и сложной организацией самих агентов их численность должна быть как можно большей, желательный вариант — создание полномасштабной АОМ, численность агентов которой равна численности населения России. Здесь для нас служат образцом АОМ, разработанные под руководством Джошуа Эпштейна: модель глобального масштаба GSAM с 6,5 млрд агентов и ее национальная подмодель для США с 300 млн агентов (Epstein, 2009; Parker, Epstein, 2011). Поэтому программная реализация представленной агент-ориентированной эпидемиологической модели СПЕКТР будет осуществляться на основе созданной авторами ранее суперкомпьютерной демографической модели России, включающей 146 млн агентов-людей и подробно имитирующей демографические процессы (в том числе образование семей) с учетом пространственного распределения населения и региональных особенностей (Макаров и др., 2022). Апробация модели предполагается на примере имитации эпидемии COVID-19 в период 2020 года с шагом имитации один день, что позволяет учитывать особенности протекания заболевания.

Заключение

Анализ публикаций по тематике моделирования эпидемий показал, что современные модели эволюционируют в сторону междисциплинарных платформ, которые могут объединять такие области, как эпидемиология, поведен-

ческие науки и компьютерное моделирование. Так, авторами статьи, помимо уже ставших привычными агент-ориентированных моделей, были выделены следующие тренды, наблюдавшиеся в период 2005–2025 гг.: гибридные АОМ с машинным обучением (Machine Learning); модели на основе искусственного интеллекта (AI) (с использованием методов глубокого обучения (Reinforcement Learning) и трансформеры (Transformer)); мультимасштабные модели с совмещением данных на различных территориальных уровнях (город, регион, страна, континент); модели-платформы, работающие в режиме реального времени для мгновенного обновления параметров на основе данных интеграции с интернетом вещей (IoT-интеграции); модели, оценивающие влияние социально-экономических факторов на соблюдение мероприятий карантина. Применение каждого из этих методов может быть перспективным при решении задач управления эпидемиологической ситуацией.

При разработке собственного подхода к формированию концепции полномасштабной агент-ориентированной эпидемиологической модели России авторы опирались на использование передового научного знания и перспективных моделей распространения инфекций через взаимодействие людей, а также исходили из соображений «разумной достаточности». Поскольку создание подобных моделей требует решения комплекса не только методологических, но и технологических задач, важно учитывать имеющиеся ограничения информационной базы и доступных вычислительных мощностей. На наш взгляд, степень необходимой детализации имитируемых процессов в основном зависит от масштаба моделируемого объекта и определяется итеративно на основе валидации модели, так как главный критерий — это адекватность модели поставленной задаче. Это относится и к сложности реализации модели: она должна определяться как минимальная, обеспечивающая адекватность.

В связи с напряженной эпидемиологической обстановкой в мире при формировании национальной исследовательской повестки, на наш взгляд, следует активнее использовать выявленные в рамках исследования фронтиры глобальной науки для создания российскими

исследователями наиболее адекватного инструментария моделирования эпидемий на базе агент-ориентированного подхода. Полученные результаты могут стать основой социально-экономической мультиагентной модели для принятия обоснованных решений в области общественного здравоохранения и последующего внедрения в ситуационных центрах страны в целях повышения готовности России к потенциальным пандемическим угрозам.

Литература

- Балута В.И., Берберова М.А., Судаков В.А., Милаев А.В. (2022). Вариант мультиагентной модели городской среды для исследования эпидемических процессов // *Цифровая экономика*. № 3 (19). С. 77–87. DOI: 10.34706/DE-2022-03-10
- Балута В.И., Осипов В.П., Сивакова Т.В. (2020). Технология комплексного моделирования эпидемиологической обстановки // *Научный сервис в сети Интернет*. Т. 22. С. 68–79. DOI: 10.20948/abrau-2020-51
- Власов В.В., Дерябин А.М., Зацепин О.В. (2023). Математическое моделирование заболеваемости COVID-19 в Москве с применением агентной модели // *Дискретный анализ и исследование операций*. Т. 30. № 2. С. 15–47. DOI: 10.33048/daio.2023.30.761
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. (2020). Моделирование эпидемии COVID-19 – преимущества агент-ориентированного подхода // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 4. С. 58–73. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сушко Г.Б. (2022). Создание суперкомпьютерной имитации общества с активными агентами разных типов и её апробация // *Вестник Российской академии наук*. Т. 92. № 5. С. 458–466. DOI: 10.31857/S0869587322050115
- Тараник А.В. [и др.] (2023). Прогноз развития эпидемической ситуации COVID-19 в Москве в 2022–2023 годах // *International Journal of Open Information Technologies*. Т. 11. № 2. С. 8–15.
- Ajelli M. et al. (2010). Comparing large-scale computational approaches to epidemic modeling: Agent-based versus structured metapopulation models. *BMC Infectious Diseases*, 10(1), 190. DOI:10.1186/1471-2334-10-190
- Amer H.M. et al. (2025). AI-based decoding of long COVID cognitive impairments in mice using automated behavioral system and comparative transcriptomic analysis. *BioRxiv*, 2025-05. DOI: 10.1101/2025.05.14.654036
- Bedson J. et al. (2021). A review and agenda for integrated disease models including social and behavioural factors. *Nature Human Behaviour*, 5(7), 834–846. DOI: 10.1038/s41562-021-01136-2
- Epstein J.M. (2009). Modelling to contain pandemics. *Nature*, 460(7256), 687–687. DOI:10.1038/460687a
- Epstein J.M. (2023). Inverse generative social science: Backward to the future. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation: JASSS*, 26(2), 9. DOI: 10.18564/jasss.5083
- Ferguson N. et al. (2020). Impact of non-pharmaceutical interventions (NPIs) to reduce COVID-19 mortality and healthcare demand. Imperial College London, 2020. *The International Arabic Journal of Antimicrobial Agents*. DOI: 10.25561/77482
- Ferguson N.M. et al. (2006). Strategies for mitigating an influenza pandemic. *Nature*, 442(7101), 448–452. DOI: 10.1038/nature04795
- Ferretti L. et al. 2024. Digital measurement of SARS-CoV-2 transmission risk from 7 million contacts. *Nature*, 626(7997), 145–150. DOI: 10.1038/s41586-023-06952-2
- Gaudet L.A. et al. (2025). Risk of new diagnoses and exacerbations of chronic conditions after SARS-CoV-2 infection: A systematic review update. *MedRxiv*, 2025-05. DOI: 10.1101/2025.05.13.25326692.
- Goldhaber-Fiebert J.D. et al. (2025). COVID-19 increases the rate of incident hypertension: A case-control cohort time-to-event study. *MedRxiv*, 2025-06. DOI: 10.1101/2025.06.09.25329275
- Goldhaber-Fiebert J.D. et al. (2025). COVID-19 increases the rate of incident diabetes: A case-control cohort time-to-event study. *MedRxiv*, 2025-06. DOI:10.1101/2025.06.09.25329289
- Hinch R. et al. (2021). OpenABM-Covid19 – An agent-based model for non-pharmaceutical interventions against COVID-19 including contact tracing. *PLoS Computational Biology*, 17(7), e1009146. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1009146

- Howerton E. et al. (2023). Evaluation of the US COVID-19 Scenario Modeling Hub for informing pandemic response under uncertainty. *Nature Communications*, 14(1), 7260. DOI: 10.1038/s41467-023-42680-x
- Hunter E., Mac Namee B., Kelleher J.D. (2017). A taxonomy for agent-based models in human infectious disease epidemiology. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 20(3). DOI: 10.18564/jasss.3414
- Kang J. Y., Aldstadt J. (2019). Using multiple scale space-time patterns in variance-based global sensitivity analysis for spatially explicit agent-based models. *Computers, Environment and Urban Systems*, 75, 170–183. DOI: 10.1016/j.compenvurbsys.2019.02.006
- Kermack W.O., McKendrick A.G. (1927). A contribution to the mathematical theory of epidemics. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A, Containing papers of a Mathematical and Physical Character*, 115(772), 700–721. DOI: 10.1098/rspa.1927.0118
- Kerr C.C. et al. (2021). Covasim: An agent-based model of COVID-19 dynamics and interventions. *PLOS Computational Biology*, 17(7), e1009149. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1009149
- Komissarov A. B. et al. (2021). Genomic epidemiology of the early stages of the SARS-CoV-2 outbreak in Russia. *Nature Communications*, 12(1), 649. DOI 10.1038/s41467-020-20880-z
- Kraemer M.U. et al. (2025). Artificial intelligence for modelling infectious disease epidemics. *Nature*, 638(8051), 623–635. DOI: 10.1038/s41586-024-08564-w
- Krivorotko O. et al. (2022). Agent-based modeling of COVID-19 outbreaks for New York state and UK: Parameter identification algorithm. *Infectious Disease Modelling*, 7(1), 30–44. DOI: 10.1016/j.idm.2021.11.004
- Krivorotko O., Kabanikhin S. (2024). Artificial intelligence for COVID-19 spread modeling. *Journal of Inverse and Ill-posed Problems*, 32(2), 297–332. DOI 10.1515/jiip-2024-0013
- Lewnard J.A. et al. (2025). Long-term risk of post-acute sequelae among adults following SARS-CoV-2 or influenza virus infection: A retrospective cohort study in a large, integrated healthcare system. *MedRxiv*, 2025-05. DOI: 10.1101/2025.05.30.25328674
- Lorig F., Johansson E., Davidsson P. (2021). Agent-based social simulation of the COVID-19 pandemic: A systematic review. *JASSS: Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 24(3). DOI: 10.18564/jasss.4601
- Marshall B.D., Galea S. (2015). Formalizing the role of agent-based modeling in causal inference and epidemiology. *American Journal of Epidemiology*, 181(2), 92–99. DOI: 0.1093/aje/kwu274
- Matsvay A. et al. (2023). Genomic epidemiology of SARS-CoV-2 in Russia reveals recurring cross-border transmission throughout 2020. *Plos One*, 18(5), e0285664. DOI 10.1371/journal.pone.0285664
- McCabe R. et al. (2021). Communicating uncertainty in epidemic models. *Epidemics*, 37, 100520. DOI: 10.1016/j.epidem.2021.100520
- Megiddo I. et al. (2014). Analysis of the Universal Immunization Programme and introduction of a rotavirus vaccine in India with IndiaSim. *Vaccine*, 32, A151–A161. DOI: 10.1016/j.vaccine.2014.04.080
- Noll N.B. et al. (2020). COVID-19 Scenarios: An interactive tool to explore the spread and associated morbidity and mortality of SARS-CoV-2. *MedRxiv*, 2020–05. DOI: 10.1101/2020.05.05.20091363
- Parker J., Epstein J.M. (2011). A distributed platform for global-scale agent-based models of disease transmission. *ACM Transactions on Modeling and Computer Simulation (TOMACS)*, 22(1), 1–25. DOI: 10.1145/2043635.2043637
- Pellis L., Cauchemez S., Ferguson N.M., Fraser C. (2020). Systematic selection between age and household structure for models aimed at emerging epidemic predictions. *Nature Communications*, 11(1), 906. DOI: 10.1038/s41467-019-14229-4
- Perez L., Dragicevic S. (2009). An agent-based approach for modeling dynamics of contagious disease spread. *International Journal of Health Geographics*, 8(1), 50. DOI: 10.1186/1476-072X-8-50
- Russell S.J., Norvig P. (2020). *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. 4th edition. Prentice Hall.
- Silva P. C. et al. (2020). COVID-ABS: An agent-based model of COVID-19 epidemic to simulate health and economic effects of social distancing interventions. *Chaos, Solitons & Fractals*, 139, 110088. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110088
- Syrowatka A. et al. (2021). Leveraging artificial intelligence for pandemic preparedness and response: a scoping review to identify key use cases. *NPJ Digital Medicine*, 4(1), 96. DOI: 10.1038/s41746-021-00459-8
- Truszkowska A. et al. (2021). High-resolution agent-based modeling of COVID-19 spreading in a small town. *Advanced Theory and Simulations*, 4(3), 2000277. DOI: 10.1002/adts.202000277

- Zhang Z., Jalali M.S., Ghaffarzadegan N. (2025). Behavioral dynamics of epidemic trajectories and vaccination strategies: A simulation-based analysis. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 28(1). DOI: 10.18564/jasss.5583
- Zhu K. et al. (2024). Generating synthetic population for simulating the spatiotemporal dynamics of epidemics. *PLOS Computational Biology*, 20(2), p.e1011810. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1011810

Сведения об авторах

Альберт Рауфович Бахтизин — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Валерий Леонидович Макаров — доктор физико-математических наук, академик РАН, научный руководитель, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Юлия Сергеевна Отмахова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

Елена Давидовна Сушко — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Bakhtizin A.R., Makarov V.L., Otmakhova Yu.S., Sushko E.D.

Agent-Based Epidemic Models: International Trends and Implementation in Russian Practice

Abstract. The article presents an analysis of developments in the modeling of epidemiological processes, primarily conducted using a modern mapping the scientific research landscape. The authors identify the world's leading research centers and groups that have been actively working in this field in recent years, as well as the key approaches used in modeling epidemiological processes that have been tested in practice and proven their adequacy. It is noted that alongside classical compartmental models, which describe epidemiological dynamics as the transition of a population segment from one category (associated with a specific stage of an infectious disease) to another, agent-based models are becoming increasingly widespread. These models simulate the processes of person-to-person infection transmission. The advantages of the agent-based approach include the ability to reproduce population heterogeneity within an artificial society, which significantly influences infection spread processes, and to simulate direct and feedback loops between various processes, including the agents' capacity to adapt their behavior based on the current epidemiological situation. The paper presents the concept of an agent-based epidemiological model for Russia, designed for testing and evaluating the effectiveness of planned anti-epidemic measures. The concept involves simulating the spread of an epidemic through agent interactions: the population of agents replicates the real socio-demographic structure of the population, accounting for all individual characteristics that influence people's involvement in infection spread, including their social connections, spatial distribution, and regional specifics; the progression of each agent through all stages of the disease is simulated according to the features of the infectious disease causing the epidemic; a realistic picture of population movement across Russia's transport infrastructure is reproduced, represented as a graph where vertices are transport hubs and edges are the connecting routes.

Key words: epidemic modeling, scientific landscape, agent-based models, recreation of social and spatial structure in an artificial society, behavior, virus transmission, computational experiments on social process models, intelligent decision support information technologies.

Information about the Authors

Albert R. Bakhtizin – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, director, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Valery L. Makarov – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Academician RAS, scientific director, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Yulia S. Otmakhova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

Elena D. Sushko – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Статья поступила 26.07.2025.

Институты развития малых и средних городов Северо-Западного федерального округа

Ирина Анатольевна

СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. В современных реалиях формирование институтов развития является одним из инструментов обеспечения стабильного социально-экономического развития регионов и муниципальных образований. Деятельность таких институтов направлена не только на повышение конкурентоспособности территорий, но и на улучшение жизни населения, и без их эффективной работы достижение устойчивого продвижения в этом направлении в условиях глобальной неопределенности представляется крайне сложным. Цель исследования — оценка наличия и масштабов распространения институтов развития экономики и социальной сферы в малых и средних городах Северо-Западного федерального округа. Рассмотрены теоретико-методологические основы формирования и функционирования институтов развития территорий, предложен методический подход к проведению их типологии. Проанализированы экономические институты развития, функционирующие в малых и средних городах Северо-Западного федерального округа. Установлено, что в настоящее время их деятельность в большей степени нацелена на поддержку населенных пунктов с монопрофильной экономикой. Статус моногорода в округе имеют 26 городов из 138, однако к территориям опережающего социально-экономического развития относятся лишь семь из них. Индустриальные и промышленные парки представлены только в четырёх малых и средних городах двух областей (Ленинградской и Вологодской), а особые экономические зоны — лишь в Калининградской области. Также установлено, что в семи малых и средних городах Северо-Западного федерального округа открыты центры поддержки предпри-

Для цитирования: Секушина И.А. (2025). Институты развития малых и средних городов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 98–113. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.5

For citation: Sekushina I.A. (2025). Development institutions in small and medium-sized cities of the Northwestern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 98–113. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.5

нимательства «Мой бизнес». Среди институтов развития жилищной сферы и благоустройства городов рассмотрена деятельность фонда ДОМ.РФ, об эффективности работы которого свидетельствует рост индекса качества городской среды во всех малых и средних городах федерального округа. Помимо этого, исследованы такие институты развития социальной сферы, как территориальное общественное самоуправление и некоммерческие организации.

Ключевые слова: малые и средние города, институты развития, Северо-Западный федеральный округ, моногород, территория опережающего социально-экономического развития, особая экономическая зона, территориальное самоуправление, некоммерческие организации.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

В условиях геополитической турбулентности и нестабильности мировой экономики обеспечение устойчивого социально-экономического развития территорий становится одной из наиболее актуальных задач любого государства. Среди ключевых инструментов достижения этой цели выделяются институты развития — специализированные организации, призванные стимулировать прогресс на всех уровнях: от муниципального до национального. Институты развития являются катализатором комплексного преобразования экономической и социальной сферы, активно участвуют в развитии общественной инфраструктуры, включая улучшение функционирования энергетических систем, модернизацию транспортных сетей, совершенствование жилищно-коммунального хозяйства, расширение доступа к качественному образованию и здравоохранению, т. к. без эффективной инфраструктуры невозможно говорить о динамичном экономическом развитии и повышении качества жизни населения. Кроме того, институты развития играют важную роль в стимулировании инновационной деятельности, создавая благоприятную среду для внедрения новых технологий и развития наукоемких отраслей. Более того, они активно работают над устранением дисбалансов в экономике, способствуя её диверсификации и снижению зависимости от отдельных отраслей. Это позволяет сделать экономику более устойчивой к внешним шокам и изменениям рыночной конъюнктуры.

В современной научной литературе представлено большое количество работ, посвященных исследованию институтов развития территорий. Вместе с тем в большинстве из них рассматриваются вопросы функционирования институтов федерального или регионального уровня, ориентированных, как правило, на крупные территории, что вполне объяснимо более широкой представленностью и высоким значением их в развитии национальной и региональной экономики.

Проблематике формирования и функционирования институтов развития на территориях меньшего масштаба в научном сообществе уделяется не так много внимания, в особенности это касается малых и средних городов. Вместе с тем к данной категории поселений относится 85% российских городов, каждый пятый россиянин проживает в малом или среднем городе (Ускова, Секушина, 2021). Данные населенные пункты являются важными элементами территориальной структуры государства, поскольку во многом именно они формируют опорный каркас расселения и обеспечивают территориальную целостность страны. Малые и средние города выступают связующим звеном между крупными городскими агломерациями и сельскими поселениями (Растворцева, Манаева, 2022; Servillo et al., 2017). Устойчивое развитие таких городов способствует созданию условий для равномерного развития регионов, сохранения культурно-исторического наследия, обеспечения доступности социальных услуг для населения, в том числе прилегающих сельских

территорий (Секушина, Ворошилов, 2020; Vaz, Leeuwen, 2013).

С учетом непростой демографической ситуации, которая складывается в большинстве российских малых и средних городов, а также целого ряда имеющихся социально-экономических проблем оценка институциональной среды как одного из ключевых факторов устойчивого развития данных населенных пунктов представляет актуальную в современных реалиях задачу. Научная проблема заключается в отсутствии целостного представления об институтах развития социально-экономической сферы, функционирующих в малых и средних городах, что создает серьезные препятствия для эффективного управления территориальным развитием.

В связи с этим целью работы является оценка наличия и масштабов распространения институтов развития экономики и социальной сферы в малых и средних городах Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

Для ее достижения решались следующие задачи: 1) изучение теоретико-методологических основ формирования и функционирования институтов развития; 2) разработка методического подхода к проведению типологии институтов развития малых и средних городов; 3) анализ институтов социально-экономического развития, функционирующих в малых и средних городах СЗФО; 4) выявление проблем и направлений развития институциональной среды в малых и средних городах.

В качестве объекта исследования выбраны малые и средние города Северо-Западного федерального округа. Предмет исследования — институты развития, функционирующие в данных населенных пунктах. Новизна работы заключается в проведении типологии институтов развития малых и средних городов, а также диагностике институционального поля управления развитием этих населенных пунктов и выявлении существующих в данной сфере проблем.

Теоретико-методологические основы исследования

Расцвет институционализма как направления экономической мысли тесно связан с развитием экономической теории в США в 20-е годы XX века. Ведущими учеными и основоположниками данного научного направления

являлись Торстейн Веблен, Джон Коммонс и Уэсли К. Митчелл, чьи работы, по сути, и заложили фундамент для дальнейшего развития институционального подхода. При этом в мировой экономической науке сам термин «институт» трактуется по-разному. Т. Веблен рассматривал институты как, с одной стороны, «привычный образ мышления, которым руководствуются люди в своей повседневной жизни», с другой — как специфические способы существования общества, формирующие особую систему общественных отношений, определяющие структуру и функционирование общества в целом (Veblen, 1919). Дж. Коммонс трактовал институт как коллективное действие, призванное контролировать индивидуальную деятельность (Commons, 1970).

Современный институционализм, представленный такими фигурами, как Дуглас Норт, акцентирует внимание на способности институтов создавать «базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добивались порядка и снижали степень своей неуверенности» (Норт, 1993). Институты в данном контексте рассматриваются как правила игры, определяющие стимулы и ограничения для экономической деятельности.

В целом можно заключить, что институты представляют собой сложную систему норм и правил, регулирующих общественные отношения в конкретных секторах экономики. Проблема их регулирования затрагивает множество смежных областей знания, включая теорию организации промышленности, экономику общественного сектора, теорию государственного управления и многие другие дисциплины (Ергунова и др., 2017).

В отечественной науке данной проблематике посвящены исследования Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2004), В.М. Полтеровича (Полтерович, 2016), А.И. Татаркина (Татаркин, Котлярова, 2013) и других ученых. Теоретические основы институционального развития строятся на понимании двух ключевых аспектов: институтов как норм и правил, а также институтов как организаций. Первые представляют собой совокупность формальных и неформальных правил, определяющих взаимодействие экономических агентов, тогда как вторые — уже конкретные структуры, являющиеся субъектами экономической деятельности и влияющие

на формирование и изменение институциональной среды. Связь между ними носит двусторонний характер: институциональная среда создает условия для развития организаций, а те, в свою очередь, становятся катализаторами институциональных изменений, способствуя совершенствованию правил и норм в соответствии с потребностями социально-экономического развития.

В настоящее время существует большое многообразие подходов к классификации институтов развития. В качестве ключевых критериев выступают характер регламентации (формальные и неформальные институты); область применения (экономические, социальные, политические и экологические); географический охват (определение масштаба действия на уровне предприятия, отрасли или целой страны); территориальная принадлежность (муниципальный, региональный, национальный или международный уровень); отраслевая специфика (транспорт, энергетика, ЖКХ, социальная сфера); характер влияния (сдерживающие и стимулирующие институты; оказывающие прямое или косвенное воздействие) (Семячков, 2020). Выбор конкретных критериев для проведения типологии институтов развития определяется целями каждого отдельного исследования. Рассмотрим некоторые из них.

Ученые Института экономики РАН выделяют в сложившейся совокупности институтов развития четыре уровня: федеральный, региональные отделения федеральных институтов, региональные и муниципальные институты¹. Особое внимание исследователи обращают на типологию федеральных институтов развития. Так, выделяются институты общеэкономической (Внешэкономбанк, Государственные корпорации и т. п.) направленности, отраслевой (федеральные наукограды, федеральные ОЭЗ, Фонд развития промышленности и т. п.) и территориальной (ТОСЭР, Фонд развития Дальнего Востока и т. п.). В работе Е.М. Бухвальда и А.В. Виленского представлен ретроспективный анализ формирования институтов развития территорий в российской практике еще с

конца 1980-х гг. Авторы рассматривают институты развития прежде всего в качестве инструментов федеральной политики регионального развития и регулирования пространственной структуры российской экономики (Бухвальд, Виленский, 2017).

Исследователи Вологодского научного центра РАН акцентируют внимание на изучении территориального общественного самоуправления и межмуниципального сотрудничества как институтов развития территорий (Чекавинский и др., 2017). Интерес представляют предложенные авторами методологические подходы к оценке их вклада в социально-экономическое развитие региона или муниципалитета.

Среди современных работ широко представлены исследования, посвященные изучению институтов регионального развития (Ергунова и др., 2017; Екимова, 2020; Идзиев, 2021; Малкина, Виноградова, 2024), в том числе анализу региональных стратегий (Вольчик и др., 2022), институтам кластерной политики (Фролов и др., 2021; Hsu et al., 2013; Argüelles et al., 2014), функционированию особых экономических зон (Караваева, 2024; Schweinberger, 2003). В работе (Екимова, 2020) рассмотрен зарубежный опыт функционирования агентств регионального развития на материалах трех регионов Великобритании (Англии, Уэльса и Шотландии). Ключевой вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что использование подобных институтов развития требует тщательного анализа региональных особенностей, поскольку их эффективность существенно различается в зависимости от территории.

Исследованию институтов городского развития также уделяется заметное внимание, однако преимущественно это касается крупных городов. В частности, работа ученых Института экономики Уральского отделения РАН (Попов и др., 2019) посвящена вопросам оценки институционального обеспечения социально-инновационной деятельности крупных городов.

И.А. Бондаренко использует проблемный подход: институты развития российских городов рассматриваются с точки зрения актуальных для конкретных населенных пунктов проблем. При этом акцентируется внимание на важности развития социальной, экономической, институциональной, интеллектуальной и природной инфраструктуры города (Бондаренко, 2020).

¹ Институты развития как инструмент региональной политики: научный доклад. 2015. Москва. URL: https://inecon.org/docs/Vilensky_paper_20151222.pdf?ysclid=md8ib2vui4893141869 (дата обращения 10.06.2025).

В научной литературе представлено не так много работ, посвященных изучению институтов развития именно малых или средних городов. В одном из исследований проанализированы институциональные факторы, определяющие эффективность инструментов развития экономики и социальной сферы малых городов (Бондарская, 2013).

В статье М.С. Оборина и соавторов изучается формирование институтов поддержки инновационного развития малых городов, в том числе монопрофильных. Авторами проведена оценка институционального обеспечения инновационной деятельности на примере трех российских регионов. В частности, рассматриваются такие институты, как технопарки, бизнес-инкубаторы, индустриальные парки, а также Фонд развития моногородов, который в настоящее время уже не функционирует (Оборин и др., 2018).

Ю.Г. Лаврикова и С.Г. Пьянкова фокусируют внимание на проблематике развития моногородов и предлагают ввести понятие «институт стратегического развития монопрофильных территорий», а также механизм их формирования (Лаврикова, Пьянкова, 2014).

В работе А.М. Турабаевой в качестве одного из факторов развития малых городов назван институт социального предпринимательства. Исследователем представлена первичная классификация формальных институтов поддержки социального предпринимательства, при этом выделено несколько уровней: 1) международные институты; 2) федеральное законодательство и государственные программы; 3) государственные и квазигосударственные институты, а также частные фонды и акселераторы. На наш взгляд, данное направление действительно представляет интерес, поскольку социальная сфера большинства российских малых

и средних городов характеризуется наличием целого ряда проблем, вариантом решения которых может выступать развитие социального предпринимательства (Турабаева, 2022).

Исследователи Института демографических исследований РАН справедливо отмечают, что в настоящее время для многих малых городов актуальна проблема зависимости муниципалитетов от решений органов государственной власти страны и региона. В условиях, когда заметная часть значимых налогов находится в ведении федерального уровня, а распределение бюджетных трансфертов контролируется государством, малые и средние города, по сути, лишаются каких-либо экономических и политических инструментов для качественного раскрытия своего экономического потенциала (Смирнов, Безвербный, 2022).

В таком контексте важно, чтобы политика развития данных населенных пунктов была нацелена на стимулирование самостоятельного развития и осуществления деятельности преимущественно на основе собственных возможностей. Решению этого вопроса как раз и может способствовать формирование институтов развития в малых и средних городах.

На наш взгляд, условно все институты развития малых и средних городов можно разделить на экономические и неэкономические (табл. 1). Деятельность первых направлена главным образом на развитие экономики населенного пункта, тогда как задачи вторых — поддержка функционирования социальной и жилищно-коммунальной сфер, а также формирование комфортной городской среды.

Второй важный критерий для типологизации институтов развития — это управленческий уровень. В соответствии с ним все институты можно условно поделить на федеральные, региональные и муниципальные.

Таблица 1. Типология институтов развития малых и средних городов

Уровень управления	Направление деятельности	
	Экономическое	Неэкономическое
Федеральный	Индустриальные парки, промышленные парки, ТОСЭР, ОЭЗ, ВЭБ и т. п.	АО «ДОМ.РФ», публично-правовая компания «Фонд развития территорий», ФАУ «Главгосэкспертиза России»
Региональный	Центры «Мой бизнес», Корпорация развития, бизнес-инкубаторы и т. п.	Фонд капитального ремонта многоквартирных домов
Муниципальный	Инвестиционные уполномоченные в городских администрациях	НКО, ТОСы, социальное предпринимательство
Источник: составлено автором.		

Безусловно, перечень названных в таблице 1 институтов развития малых и средних городов не является исчерпывающим, в особенности это касается регионального и муниципального уровней. Вместе с тем приведенные нами институты наиболее широко представлены в большей части российских малых и средних городов. В рамках настоящей работы в соответствии с этой типологией были проанализированы институты развития малых и средних городов регионов Северо-Западного федерального округа.

Результаты исследования и обсуждение

На территории Северо-Западного федерального округа расположено 138 малых и средних городов (исключая города, находящиеся на территории города федерального значения Санкт-Петербурга), при этом большинство из них сконцентрировано на юго-западе округа, в то время как северная часть характеризуется более рассеянным их размещением.

Большинство рассматриваемых населенных пунктов в постсоветский период столкнулось с массовым миграционным оттоком населения, преимущественно трудоспособного возраста. В настоящее время не менее серьезную проблему представляет естественная убыль населения. Вкупе это приводит к сокращению социальной инфраструктуры – закрытию школ, больниц, уменьшению количества рабочих мест, что, естественно, влечет за собой снижение налоговых поступлений в местные бюджеты. Недостаток финансирования, в свою очередь, ограничивает возможности инвестиций в развитие и модернизацию транспортной и инженерной инфраструктуры, что создает замкнутый круг, усугубляющий и без того сложную ситуацию.

Для успешного развития малых и средних городов СЗФО необходимы комплексные меры государственной поддержки, направленные на создание новых рабочих мест, стимулирование притока инвестиций и формирование привлекательных условий для жизни и работы населения. Одним из инструментов решения обозначенных проблем выступают институты развития экономики, социальной и жилищно-коммунальной сфер малых и средних городов.

Институты развития экономики малых и средних городов СЗФО

Проблема монопрофильности экономики актуальна для многих малых и средних городов СЗФО. Безусловно, это несет в себе риски, в

числе которых высокая уязвимость к экономическим кризисам и изменениям рыночной конъюнктуры, ограниченные возможности трудоустройства населения, снижение инвестиционной привлекательности города, что влечет за собой появление социальных проблем, таких как отток молодежи и специалистов, рост социальной напряженности, снижение качества жизни, деградация городской среды.

Вопросы поддержки монопрофильных городов неоднократно рассматривались на государственном уровне. В 2014 году по поручению Президента РФ был создан «Фонд развития моногородов», а в 2016 году принята программа «Комплексное развитие моногородов». Однако данные инструменты нельзя в полной мере называть результативными. Так, Программа была признана Счетной палатой РФ неэффективной и закончена досрочно в 2019 году, Фонд ликвидирован в 2021 году, а его полномочия переданы в госкорпорацию ВЭБ.РФ.

В СЗФО 26 малых и средних городов имеют статус моногорода (табл. 2). Лидерами по их количеству являются Республика Карелия (7 городов) и Мурманская область (5 городов). В Республике Коми, Архангельской и Ленинградской областях расположено по три моногорода, в Вологодской и Новгородской – по два, Псковской – один. На территории Калининградской области и Ненецкого автономного округа нет малых и средних городов, имеющих данный статус.

Соответственно, потенциально важнейшим институтом развития моногородов выступает ВЭБ.РФ. В настоящее время госкорпорация реализует как финансовые, так и нефинансовые меры поддержки. Среди финансовых инструментов ключевым является предоставление заемного финансирования на реализацию инвестиционного проекта в городе как под гарантию Корпорации «МСП» и/или банковскую гарантию (от 5 млн до 1 млрд руб. под 1% годовых сроком на 15 лет), так и под иное обеспечение в соответствии с требованиями ВЭБ.РФ (от 250 млн до 1 млрд руб. под 5% годовых сроком до 15 лет). Также организация предоставляет специальные продукты для моногородов с режимом чрезвычайной ситуации федерального характера².

² Официальный сайт ВЭБ.РФ. URL: <https://вэб.рф/podderzhka-monogorodov/finansovaya-podderzhka/> (дата обращения 14.07.2025).

Таблица 2. Институты экономического развития в малых и средних городах СЗФО

Субъект РФ	Статус моногорода	ТОСЭР	Индустриальные и промышленные парки	ОЭЗ	Центры «Мой бизнес»
Республика Карелия	Кондопога Пудож Суоярви Питкяранта Костомукша Лахденпохья Сегежа	Кондопога Костомукша	нет	нет	нет
Республика Коми	Воркута Инта Емва	Емва	нет	нет	Воркута
Архангельская область	Онега Новодвинск Коряжма	Онега	нет	нет	Котлас
Ненецкий автономный округ	нет	нет	нет	нет	Нарьян-Мар
Вологодская область	Красавино Сокол	нет	нет	нет	нет
Мурманская область	Кировск Ковдор Оленегорск Мончегорск Заполярный	Кировск	нет	нет	Кандалакша
Ленинградская область	Пикалево Сясьстрой Сланцы	Пикалево	Кириши (ИП Левобережный) Гатчина (Северо-Западный нанотехнологический центр) Пикалево (ИП Пикалево)	нет	Выборг
Новгородская область	Пестово Боровичи	Боровичи	нет	нет	нет
Псковская область	Печоры	нет	нет	нет	нет
Калининградская область	нет	нет	нет	Все города области (Калининградская ОЭЗ)	Советск Балтийск
Источник: составлено автором.					

Нефинансовые меры поддержки ВЭБ.РФ включают различные направления: обучающие семинары для органов местного самоуправления, организация фестивалей и спортивных мероприятий, разработка концепций создания в моногородах событийных центров.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует отметить некоторые нюансы. Во-первых, далеко не все муниципальные образования, включенные в Перечень моногородов, в реальности имеют монопрофильную экономику (Секушина, 2024). Во-вторых, исходя из представленных в открытых источниках данных о реализованных ВЭБ.РФ мероприятиях, направленных на развитие моногородов, сложно оценить, какое

финансирование было выделено на реализацию проектов именно в малых и средних городах, в частности регионов Северо-Западного федерального округа.

Еще одним институтом развития выступают территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – экономические зоны с особым правовым режимом ведения бизнеса и льготными налоговыми условиями. ТОСЭРы главным образом ориентированы на поддержку монопрофильных территорий, поскольку создаются в моногородах сроком на 10 лет с возможностью продления по решению Правительства РФ на 5 лет, а также в ЗАТО – сроком на 70 лет.

Ключевой задачей данного института является создание благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и формирования комфортных условий жизнедеятельности населения. В частности, организациям, функционирующим на ТОСЭР, предоставляются налоговые льготы на прибыль (в федеральный бюджет — 0% на 5 лет, в региональный бюджет — не более 5% на 5 лет, на следующие 5 лет в региональный бюджет — не менее 10%), на имущество и землю (0% на 5 лет).

Среди малых и средних городов СЗФО, отнесенных к категории монопрофильных, лишь семь поселений имеют статус ТОСЭР: Кондопога, Костомукша (Республика Карелия), Емва (Республика Коми), Онега (Архангельская область), Кировск (Мурманская область), Пикалево (Ленинградская область), Боровичи (Новгородская область)³.

Практика создания индустриальных и промышленных парков как института экономического развития территорий применяется в Ленинградской, Новгородской, Калининградской, Вологодской областях и Республике Коми. При этом именно в малых или средних городах данные институты развития функционируют лишь в Ленинградской (индустриальные парки Пикалево, г. Пикалево; Левобережный, г. Кириши; Северо-Западный нанотехнологический центр, г. Гатчина)⁴ и Вологодской (индустриальный парк «Сокол», г. Сокол) областях.

Особые экономические зоны (ОЭЗ) как институт развития также редко создаются на территории малых и средних городов. Здесь можно отметить лишь Калининградскую область, вся территория которой имеет статус ОЭЗ. По состоянию на конец июня 2025 года на ее территории зарегистрировано 327 резидентов, из них 100 юридически функционируют в малых и средних городах. Лидером по их количеству являются города Светлый, Черняховск и Гусев — 24, 17 и 10 резидентов соответственно. Однако в регионе есть города, где не зарегистрирова-

но ни одного (Неман, Приморск) или только один (Краснознаменск, Озерск, Полесск) резидент ОЭЗ⁵.

При этом, на наш взгляд, даже если город не расположен на территории ОЭЗ, но находится в непосредственной близости от нее, то положительные эффекты для его развития все равно будут. В частности, в Ленинградской области создана промышленно-производственная ОЭЗ Усть-Луга, расположенная в часовой доступности на автомобильном транспорте от города Кингисепп (50 км).

В Новгородской и Псковской областях созданы особые экономические зоны промышленно-производственного типа «Новгородская» и «Моглино» соответственно. Однако территориально они расположены вблизи крупных городов — Великого Новгорода и Пскова, на расстоянии от малых и средних городов. Также в 2025 году в Вологодской области в 17 км от административного центра (г. Вологда) была открыта ОЭЗ «Вологодская».

Центры оказания услуг «Мой бизнес» являются еще одним институтом экономического развития территорий. В настоящее время они функционируют в 88 субъектах РФ⁶. Главным образом они нацелены на оказание помощи субъектам малого и среднего предпринимательства, а также самозанятым в открытии и развитии своего дела. Как правило, данные институты развития открываются в административных центрах регионов, однако есть примеры их функционирования в малых и средних городах. Так, в СЗФО центры «Мой бизнес» открыты в Воркуте, Котласе, Кандалакше, Выборге, Советске, Балтийске и Нарьян-Маре, который относится к категории малых городов и является региональной столицей.

Институты развития социальной и жилищно-коммунальной сферы малых и средних городов СЗФО

Институты развития неэкономической сферы малых и средних городов представлены в небольшом количестве. Одним из основных институтов развития жилищно-коммунального хозяйства российских городов в настоящее вре-

³ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <https://invest.economy.gov.ru/territorii-operezhayushchego-socialno-ehkonomicheskogo-razvitiya/main> (дата обращения 14.07.2025).

⁴ Реестр индустриальных (промышленных) парков // ГИСП. URL: https://gisip.gov.ru/gisip/reg_ind_parks (дата обращения 14.06.2025).

⁵ Администрация Особой экономической зоны в Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru/reestr> (дата обращения 14.07.2025).

⁶ Мойбизнес.РФ. URL: <https://мойбизнес.рф/about/?ysclid=md4jb4ujvz678898450> (дата обращения 14.07.2025).

мя является фонд ДОМ.РФ, который был создан в 2016 году на основании директив Правительства РФ в целях реализации программ, направленных на формирование благоприятной среды жизнедеятельности человека и общества. В настоящее время Фондом реализовано около 400 проектов по развитию городской среды. Его ключевыми задачами являются разработка концепций развития городов, создание мастер-планов, разработка дизайн-кодов городской среды и др. Помимо этого, Фонд реализует масштабные проекты по благоустройству общественных пространств и созданию социально-культурных объектов.

Об эффективности работы данного института развития городов можно в определенной степени судить на основе результатов анализа динамики индекса качества городской среды (ИКГС) в малых и средних городах СЗФО, рассчитываемого ежегодно Минстроем РФ.

Одной из положительных тенденций является улучшение их благоустройства. В настоящее время в 112 из 138 малых и средних городов городская среда признана благоприятной. В период с 2018 по 2024 год особенно заметные изменения произошли в Новгородской, Калининградской и Ленинградской областях: среднее значение ИКГС в малых и средних городах данных регионов выросло на 73, 61 и 57 баллов соответственно. Лидерами по качеству городской среды являются малые города Зеленоградск (291 балл, Калининградская область), Кудрово (285 баллов, Ленинградская область) и Старая Русса (278 баллов, Новгородская область). Значения ИКГС в данных населенных пунктах даже превышают показатели крупных городов СЗФО.

По результатам анализа данных в разрезе субъектов СЗФО можно заключить, что лучше всего ситуация с качеством городской среды обстоит в Новгородской области, где средний ИКГС в малых и средних городах составляет 247 баллов. Это самый высокий показатель среди регионов СЗФО. Темпы роста данного индикатора также самые высокие: ИКГС вырос за 2018–2024 гг. на 73 балла. По данным за 2024 год, самый высокий ИКГС в городах Старая Русса (278 баллов), Боровичи (260 баллов) и Валдай (259 баллов), что, тем не менее, ниже показателей административного центра — г. Великий Новгород (288 баллов).

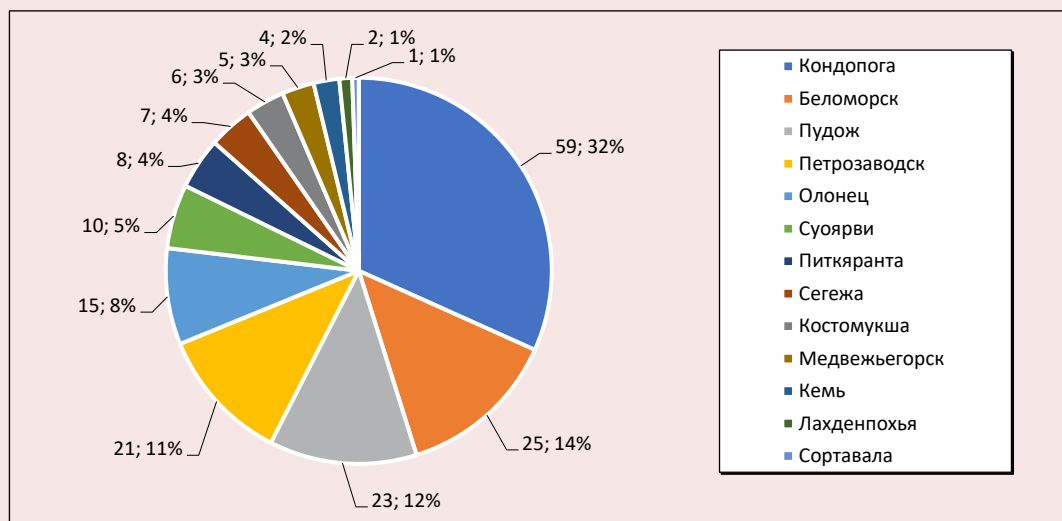
Вместе с тем проблема неблагоприятной городской среды по-прежнему актуальна для малых и средних городов Вологодской и Архангельской областей. В городах Бабаево, Красавино, Никольск, Вельск, Каргополь, Няндомы, Онега, Сольвычегодск значения ИКГС составляют менее 180 баллов.

Институт территориального общественного самоуправления (ТОС) хотя и не является формальным инструментом развития территорий, однако, по нашему мнению, играет важную роль в решении вопросов благоустройства города. Важно отметить, что, к сожалению, в настоящее время отсутствует четко выстроенная система учета работы ТОСов. Это значительно усложняет проведение анализа степени распространенности данного института и оценку его эффективности. В Архангельской, Калининградской и Новгородской областях перечни действующих ТОСов имеются в открытом доступе, однако информация в них представлена лишь в разрезе городских округов или муниципальных районов, что не позволяет проанализировать данные об их количестве конкретно в малых и средних городах. Среди всех рассматриваемых субъектов СЗФО наиболее полная информация представлена только по одному региону — Республике Карелии.

По данным на начало июня 2025 года, в регионе функционирует 601 ТОС, при этом менее 1/3 (186 ед.) в городах (рисунк). Этот институт развития территорий в большей степени распространен в малых городах, а не в региональном центре — г. Петрозаводске. Лидером по количеству ТОСов является Кондопога, где в настоящее время создано 59 таких организаций. Также активно ТОС используется в Беломорске (25 ед.) и Пудожье (23 ед.), однако в городах Сортавала (1 ед.) и Лахденпохья (2 ед.), напротив, его популярность крайне низка.

Анализ эффективности результатов работы ТОСов выходит за рамки настоящего исследования, к тому же информация об их деятельности представлена фрагментарно. Действительно, затруднительно оценить вклад территориального общественного самоуправления в социально-экономическое развитие города. Существующие методики оценки эффективности работы государственных и муниципальных структур попросту не приспособлены для анализа деятельности таких организаций,

Количество ТОСов, функционирующих в городах Республики Карелии в 2025 году

Источник: Реестр территориальных общественных самоуправлений Республики Карелии по состоянию на 06.06.2025. URL: <https://xn----7sbbupjidsxf1p.xn--p1ai/tos/reestr/?ysclid=md5piowcxw229608522>

как ТОСы. В отличие от предприятий, чья эффективность легко оценивается финансовыми показателями, успех ТОСа измеряется более сложными и качественными характеристиками. Трудно определить, насколько эффективно тот или иной ТОС решает такие проблемы, как ремонт дорог, благоустройство детских площадок, озеленение территорий, обеспечение безопасности и доступности социальных услуг. Все эти факторы сложно измерить количественно, но они критически важны для оценки реального влияния ТОС.

Вместе с тем, на наш взгляд, в целом деятельность ТОС как института развития городов можно оценить положительно, главным образом благодаря использованию такого инструмента, как инициативное бюджетирование.

Еще одним институтом развития локальных территорий выступают некоммерческие организации (НКО). В рамках исследования нами был проведен анализ количества НКО, зарегистрированных в малых и средних городах СЗФО (табл. 3). Закономерно, что лидером по данному показателю является Ленинградская область, в которой почти половина организаций (1154 ед.) функционирует в малых или средних городах, т. к. в регионе есть лишь один большой город — Мурино.

Второе место занимает Калининградская область — в ней в рассматриваемых населенных пунктах зарегистрировано 470 некоммерческих организаций. Однако по показателю доли общего количества НКО региона она уступает Мурманской области, в которой 395 из 1063 НКО (37%) созданы в малых и средних городах. Меньше всего НКО в Новгородской и Вологодской областях — 128 ед. (14,8% от общего значения в регионе) и 190 ед. (11,5%) соответственно, что в первую очередь обусловлено большей долей сельского населения по сравнению, например, с Мурманской областью.

Вполне логично, что в разрезе рассматриваемых городов лидерами являются средние города — Гатчина (184 ед.), Ухта (144 ед.), Выборг (123 ед.), Всеволожск (96 ед.), Великие Луки (93 ед.), поскольку они больше и по территории, и по численности населения, и по количеству организаций. Также отметим, что практически во всех регионах имеются города, в которых потенциал НКО как института развития практически не используется: в Приморске, Кадникове, Красавино, Любани, Сясьстрое, Высоцке, Колтушах, Заозерске, Островном, Сольвычегодске, Сольцах, Малой Вишере, Холме, Гдове, Пустошке, Новоржеве зарегистрировано менее пяти таких организаций.

Таблица 3. Количество НКО, зарегистрированных в малых и средних городах СЗФО

Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе, %	Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе	Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе, %
Калининградская область	2048	100	Ленинградская область	2433	100	Архангельская область	1730	100
Черняховск	59	2,88	Гатчина	184	7,56	Котлас	83	4,80
Советск	46	2,25	Выборг	123	5,06	Новодвинск	46	2,66
Светлый	39	1,90	Всеволожск	96	3,95	Коряжма	38	2,20
Светлогорск	36	1,76	Сосновый Бор	74	3,04	Вельск	36	2,08
Гусев	35	1,71	Кингисепп	64	2,63	Няндомы	23	1,33
Балтийск	34	1,66	Тосно	58	2,38	Мирный	22	1,27
Зеленоградск	32	1,56	Кириши	57	2,34	Каргополь	17	0,98
Гурьевск	30	1,46	Тихвин	51	2,10	Онега	11	0,64
Пионерский	25	1,22	Луга	48	1,97	Шенкурск	7	0,40
Гвардейск	21	1,03	Волхов	45	1,85	Мезень	5	0,29
Неман	16	0,78	Кудрово	33	1,36	Сольвычегодск	3	0,17
Мамоново	15	0,73	Кировск	30	1,23	Всего НКО в МСГ	291	16,82
Нестеров	14	0,68	Сертолово	28	1,15	НАО	81	100
Озерск	14	0,68	Приозерск	26	1,07	Нарьян-Мар	60	74,07
Правдинск	13	0,63	Сланцы	23	0,95	Новгородская область	863	100
Багратионовск	9	0,44	Подпорожье	22	0,90	Боровичи	50	5,79
Полесск	9	0,44	Никольское	21	0,86	Старая Русса	20	2,32
Славск	9	0,44	Лодейное Поле	20	0,82	Валдай	16	1,85
Ладушкин	8	0,39	Бокситогорск	18	0,74	Пестово	15	1,74
Краснознаменск	5	0,24	Волосово	18	0,74	Чудово	11	1,27
Приморск	1	0,05	Коммунар	18	0,74	Окуловка	8	0,93
Всего НКО в МСГ	470	22,95	Отрадное	16	0,66	Сольцы	4	0,46
Вологодская область	1649	100	Пикалёво	15	0,62	Малая Вишера	3	0,35
Великий Устюг	30	1,82	Ивангород	14	0,58	Холм	1	0,12
Сокол	29	1,76	Шлиссельбург	14	0,58	Всего НКО в МСГ	128	14,83
Тотьма	26	1,58	Светогорск	10	0,41	Псковская область	1117	100
Белозерск	18	1,09	Новая Ладога	7	0,29	Великие Луки	93	8,33
Грязовец	18	1,09	Каменногорск	6	0,25	Остров	23	2,06
Устюжна	15	0,91	Приморск	5	0,21	Печоры	19	1,70
Бабаево	14	0,85	Любань	4	0,16	Невель	14	1,25
Кириллов	12	0,73	Сясьстрой	3	0,12	Порхов	14	1,25
Никольск	11	0,67	Высоцк	2	0,08	Дно	12	1,07
Харовск	7	0,42	Колтуши	1	0,04	Опочка	12	1,07
Вытегра	5	0,30	Всего НКО в МСГ	1154	47,4	Себеж	10	0,90
Кадников	3	0,18	Мурманская область	1063	100	Новосокольники	7	0,63
Красавино	2	0,12	Мончегорск	75	7,06	Пыталово	6	0,54
Всего НКО в МСГ	190	11,52	Апатиты	58	5,46	Гдов	4	0,36
Республика Карелия	1322	100	Североморск	58	5,46	Пустошка	4	0,36
Сортавала	52	3,93	Полярные Зори	34	3,20	Новоржев	3	0,27
Костомукша	40	3,03	Кандалакша	32	3,01	Всего НКО в МСГ	221	19,79

Окончание таблицы 3

Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе, %	Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе	Город	Кол-во НКО, ед.	Доля от кол-ва НКО в регионе, %
Кондопога	33	2,50	Кировск	30	2,82	Республика Коми	1280	100
Сегежа	26	1,97	Кола	23	2,16	Ухта	144	11,25
Олонец	21	1,59	Оленегорск	18	1,69	Воркута	74	5,78
Лахденпохья	19	1,44	Заполярный	17	1,60	Усинск	47	3,67
Беломорск	18	1,36	Ковдор	15	1,41	Печора	35	2,73
Медвежьегорск	13	0,98	Снежногорск	15	1,41	Сосногорск	30	2,34
Пудож	12	0,91	Полярный	10	0,94	Инта	19	1,48
Питкяранта	11	0,83	Гаджиево	5	0,47	Емва	10	0,78
Суоярви	7	0,53	Заозерск	4	0,38	Микунь	8	0,63
Кемь	6	0,45	Островной	1	0,09	Вуктыл	5	0,39
Всего НКО в МСГ	258	19,52	Всего НКО в МСГ	395	37,16	Всего НКО в МСГ	372	29,06
Примечание: МСГ – малые и средние города. Составлено по: данные Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij (дата обращения 10.07.2025).								

В целом, на наш взгляд, в настоящее время некоммерческие организации для малых и средних городов могут рассматриваться не только как элемент гражданского общества, но и как институт развития. НКО обладают значительным потенциалом для реализации тех проектов, на которые у органов местного самоуправления нет ни финансовых, ни кадровых ресурсов. Деятельность НКО в большей степени направлена на решение проблем в социальной сфере, в первую очередь за счет возможности получения грантового финансирования из федерального, регионального бюджета или частных фондов. Ввиду ограниченности бюджетов органов местного самоуправления в малых и средних городах это является порой чуть ли не единственной возможностью реализации проектов в сфере образования, культуры, туризма и спорта.

Однако на основе результатов проведенного анализа можно заключить, что степень распространенности НКО как института развития в малых и средних городах СЗФО неодинакова. К тому же наличие зарегистрированных НКО и эффективность их работы для развития города – это разные понятия. Последнее требует более глубокого анализа, что может стать предметом дальнейших исследований по данной тематике.

Выводы

Таким образом, по результатам исследования можно сделать ряд выводов о наличии и деятельности институтов развития в малых и средних городах СЗФО.

1. В настоящее время имеется дисбаланс в системе экономических институтов развития малых и средних городов СЗФО, поскольку большая их часть нацелена на поддержку населенных пунктов с монопрофильной экономикой. Если муниципальное образование формально не входит в перечень моногородов, то потенциально оно не может получить поддержку ВЭБ.РФ, кроме того, на его территории не может быть создана ТОСЭР. Вместе с тем статус моногорода дает целый ряд экономических преимуществ, касающихся привлечения инвестиций, развития новых производств и, как следствие, создания новых рабочих мест, снижения уровня безработицы, а в долгосрочной перспективе – роста налоговых поступлений. Кроме того, появлению новых предприятий сопутствует целый ряд социальных эффектов: сокращение оттока молодежи благодаря новым возможностям трудоустройства, повышение благосостояния населения, модернизация местной инфраструктуры в случае реализации проектов муниципально-частного партнерства.

2. Особые экономические зоны, промышленные парки как институты экономического развития редко встречаются в малых и средних городах СЗФО. При этом наличие особого статуса у города не всегда привлекает бизнес, о чем, например, свидетельствует тот факт, что в некоторых малых и средних городах Калининградской области зарегистрировано крайне мало резидентов ОЭЗ либо они отсутствуют.

3. Центры «Мой бизнес» как институт поддержки предпринимательства открыты в шести средних городах СЗФО (Воркута, Котлас, Кандакша, Выборг, Советск, Балтийск). В целом их деятельность способствует формированию благоприятной среды для развития малого и среднего бизнеса путем оказания консультационной помощи потенциальным предпринимателям в вопросах регистрации бизнеса, налогообложения, продвижения товаров и услуг на рынке и т. д. Вместе с тем сложно дать точную оценку результативности работы этого института развития, основываясь, например, только на сведениях о количестве зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, поскольку на данный показатель оказывают влияние и более весомые факторы: экономическая ситуация, состояние конкурентной среды, наличие мер господдержки и т. д.

4. Среди институтов развития социальной и жилищно-коммунальной сферы в качестве одного из наиболее эффективных можно выделить фонд ДОМ.РФ, о чем свидетельствует рост индекса качества городской среды во всех малых и средних городах СЗФО. Помимо этого, в некоторых городах (Зеленоградск, Кудрово, Старая Русса) уровень комфортности проживания в настоящее время даже выше, чем в региональных центрах.

5. Деятельность ТОСов также направлена на решение вопросов благоустройства городов. Вместе с тем сложно оценить эффективность работы данного института, поскольку в настоящее время отсутствует четко выстроенная система мониторинга деятельности ТОСов. При этом, на наш взгляд, важно учитывать не только количественные показатели, такие как число реализованных проектов или сумма привлеченных инвестиций, но и качественные

аспекты, связанные с уровнем гражданской активности, степенью удовлетворенности населения условиями жизни, эффективностью решения местных проблем и общим улучшением социальной среды. Разработка подобной системы мониторинга является сложной, но крайне необходимой задачей. Без адекватной оценки трудно планировать дальнейшее финансирование и поддержку ТОСов, а также стимулировать их более эффективную работу на благо населения.

6. Некоммерческие организации также могут рассматриваться как один из немногих институтов развития социальной сферы в малых и средних городах. Они способны эффективно решать задачи по улучшению качества жизни населения, развитию инфраструктуры и привлечению инвестиций. Однако проведенный анализ показал, что в некоторых малых и средних городах СЗФО возможности НКО практически не используются в связи с недостаточным финансированием и избыточными административными барьерами. Решение проблемы видится в разработке инструментария стимулирования деятельности НКО, развитии механизмов частно-государственного партнерства, расширении возможностей привлечения частных инвестиций.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в расширении и систематизации научных знаний о механизмах функционирования и взаимодействия институтов, обеспечивающих развитие малых и средних городов, что способствует формированию более полной теоретической базы в области урбанистики и регионального развития. Полученные в процессе работы результаты формируют основу для дальнейших эмпирических исследований и практических рекомендаций по развитию институциональной среды в малых и средних городах.

С практической точки зрения итоги исследования могут быть использованы представителями как государственной власти субъектов РФ, так и органов местного самоуправления малых и средних городов при совершенствовании реализуемой политики в отношении институтов развития экономики и социальной сферы муниципальных образований.

Литература

- Бондаренко И.А. (2020). Институты развития российских городов в контексте их экономических проблем // Естественнo-гуманитарные исследования. № 28 (2). С. 75–79. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10079
- Бондарская О.В. (2013). Институциональные факторы совершенствования инструментария социально-экономического развития малых городов // Социально-экономические явления и процессы. № 10 (56). С. 21–27.
- Бухвальд Е.М., Виленский А.В. (2017). Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. № 1 (15). С. 77–86. DOI: 10.15688/re.volsu.2017.1.8
- Вольчик В.В., Пантеева С.А., Ширяев И.М. (2022). Институт региональных стратегий в российской инновационной системе // Journal of Institutional Studies. № 14 (3). С. 6–30. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.006-030
- Екимова Н.А. (2020). Институты регионального развития: Опыт Великобритании // Journal of Institutional Studies. № 12 (3). С. 42–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.042-059
- Ергунова О.Т., Плахин А.Е., Фоминых К.А. (2017). Институты регионального развития и их роль в модернизации экономики субъектов РФ // Вопросы инновационной экономики. № 7 (4). С. 323–338. DOI: 10.18334/vinec.7.4.38567
- Идзиев Г.И. (2021). Институты развития как инструмент модернизации экономики региона // Региональные проблемы преобразования экономики. № 2. С. 75–82. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-2-75-82
- Караваева Т.И. (2024). Особые экономические зоны: межрегиональные и межмуниципальные аспекты // Региональная экономика. Юг России. № 3. С. 53–61. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.3.6
- Клейнер Г.Б. (2004). Эволюция институциональных систем. Москва: Наука. 240 с.
- Лаврикова Ю.Г., Пьянкова С.Г. (2014). Институты стратегического развития монопрофильной территории // Экономические стратегии. № 6–7. С. 92–101.
- Малкина М.Ю., Виноградова А.В. (2024). Эффективность институтов государственной поддержки экономики России и ее регионов // Journal of Institutional Studies. № 16 (4). С. 97–112. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.097-112
- Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. № 2. С. 69–93.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванова С.А. (2018). Анализ институтов поддержки инновационного развития малых и моногородов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). № (2). С. 3–31.
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47
- Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Сафронова А.А. (2019). Институциональное обеспечение социально-инновационной деятельности крупного города // Terra Economicus. № 17 (3). С. 48–63. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-48-63
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2022). Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6
- Секушина И.А. (2024). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4
- Секушина И.А., Ворошилов Н.В. (2020). Взаимодействие малых и средних городов и сельских территорий в пространстве региона // Проблемы развития территории. № 6 (110). С. 121–137. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.8
- Семячков К.А. (2020). Институциональный механизм формирования умных городов // Креативная экономика. № 8. С. 1607–1624. DOI: 10.18334/ce.14.8.110685
- Смирнов О.О., Безвербный В.А. (2022). Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. № 1 (91). С. 62–74. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74
- Татаркин А.И., Котлярова С.Н. (2013). Региональные институты развития как фактор экономического роста // Экономика региона. № 3. С. 9–18.

- Турабаева А.М. (2022). Институт социального предпринимательства как фактор развития малых городов // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 2. С. 74–83. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(2).74-83
- Ускова Т.В., Секушина И.А. (2021). Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (14). С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5
- Фролов Д.П., Дмитриев А.С., Елсуков Л.А. (2021). Роль институтов кластерной политики в трансформации социально-экономической среды старопромышленного региона // Теоретическая экономика. № 10 (82). С. 117–124. DOI: 10.52957/22213260_2021_10_117
- Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2017). Институты развития на местном уровне. Вологда: ИСЭРТ РАН. 200 с.
- Argüelles M., Benavides C., Fernández I. (2014). A new approach to the identification of regional clusters: hierarchical clustering on principal components. *Applied Economics*, 46(21), 2511–2519.
- Commons J. (1970). *The Economics of Collective Action Madison*. University of Wisconsin Press.
- Hsu M.-S., Lai Y.-L., Lin F.-J. (2013). Effects of industry clusters on company competitiveness: Special economic zones in Taiwan. *Review of Pacific Basin Financial Markets and Policies*, 16(3). DOI: <https://doi.org/10.1142/S0219091513500173>
- Schweinberger A.G. (2003). Special economic zones and quotas on imported intermediate goods: A policy proposal. *Oxford Economic Papers*, 4, 696–715.
- Servillo L., Atkinson R., Hamdouch A. (2017). Small and medium-sized towns in Europe: Conceptual, methodological and policy issues. *Tijds. voor econ. en soc. geog.*, 108, 365–379. DOI: <https://doi.org/10.1111/tesg.12252>
- Vaz T.D.N., Leeuwen E.V. (2013). *Towns in a Rural World (1st Ed.)*. Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315550466>
- Veblen T. (1919). *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. Available at: <https://archive.org/details/placeofsciencein00vebl/page/n5/mode/2up>

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Секушина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Sekushina I.A.

Development Institutions in Small and Medium-Sized Cities of the Northwestern Federal District

Abstract. In current realities, the formation of development institutions is one of the tools for ensuring stable socio-economic development of regions and municipalities. The activities of such institutions are aimed not only at enhancing the competitiveness of territories but also at improving the quality of life of the population. Without their effective operation, achieving sustainable progress in this direction under conditions of global uncertainty seems extremely difficult. The study aims to assess the presence and scale of development institutions for the economy and social sphere in small and medium-sized cities of the Northwestern Federal District. The paper discusses theoretical and methodological foundations of the formation and functioning of territorial development institutions and proposes a methodological approach for their typology. The study analyzes economic development institutions operating in small and medium-sized cities of the Northwestern Federal District. It was found that their activities are currently primarily focused on supporting settlements with a mono-profile economy. Twenty-six out of 138 cities in the district have the status of a single-industry town (monogorod), yet only seven of them are

classified as territories of advanced socio-economic development (TOR). Industrial and technology parks are present in only four small and medium-sized cities across two regions (Leningrad and Vologda), and special economic zones are found only in the Kaliningrad Region. It was also found that entrepreneurship support centers “My Business” (Moy Biznes) are open in seven small and medium-sized cities of the Northwestern Federal District. Among the institutions for housing and urban development, the activities of the DOM.RF Fund were examined, whose effectiveness is evidenced by the growth of the urban environment quality index in all small and medium-sized cities of the federal district. Furthermore, the study explores social development institutions such as territorial public self-government and non-profit organizations.

Key words: small and medium-sized cities, development institutions, Northwestern Federal District, single-industry town, territory of advanced socio-economic development (TOR), special economic zone, territorial self-government, non-profit organizations.

Information about the Author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Статья поступила 07.08.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.6

УДК 338.48, ББК 65.433

© Леонидова Е.Г.

Туризм как возможный фактор роста экономики региона: оценка мультипликативных эффектов и сценарное моделирование

Екатерина Георгиевна
ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: eg_leonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Аннотация. Стабильное развитие туризма в России нуждается в расширении предложения и наращивании объектов туристической инфраструктуры в регионах страны. Многие субъекты РФ обладают значительным, но нереализованным туристическим потенциалом. К числу таковых относится Вологодская область, для которой туризм является перспективной экономической специализацией. Генерируемые туристической отраслью мультипликативные эффекты требуют соответствующего измерения для национальной и региональной экономик. В связи с этим актуальны оценка экономических эффектов от развития туризма в регионе и обоснование его роли как фактора роста региональной экономики, что потребовало разработки методического инструментария для определения перспективных проектов, расчета эффектов для региональной экономики от их реализации, формирования практических рекомендаций по итогам проведенной оценки. В качестве методологической основы исследования был использован инструментарий межотраслевого баланса, включающий разработку авторских таблиц «затраты – выпуск». Информационную базу составили данные официальной статистики Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы, профильные аналитические и экспертные материалы, а также промежуточные таблицы ресурсов и использования российской экономики. В качестве теоретической основы исследования выступили научные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам развития туристической инфраструктуры, методологии ее оценки, сценарного моделирования и прогнозирования экономических процессов. Научная новизна работы заключается в развитии методического подхода, интегрирующего инструментарий межотраслевого баланса и сценарного моделирования, адаптированного

Для цитирования: Леонидова Е.Г. (2025). Туризм как возможный фактор роста экономики региона: оценка мультипликативных эффектов и сценарное моделирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 114–128. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.6

For citation: Leonidova E.G. (2025). Tourism as a potential driver of regional economic growth: Assessment of multiplier effects and scenario modeling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 114–128. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.6

к современным условиям российской статистики, к оценке мультипликативных эффектов туризма для экономики региона. С использованием мультипликаторов проведена оценка мультипликативных эффектов от реализации ресурсного потенциала туристической отрасли, предложены способы раскрытия ее потенциала.

Ключевые слова: туризм, инвестиции, мультипликативный эффект, сценарное моделирование, регион.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Введение

Туризм в Российской Федерации продолжает активно развиваться и рассматривается государством как перспективный фактор роста экономики: национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» продлен до 2030 года.

В стратегических документах социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года поставлены амбициозные задачи по трансформации туристической индустрии¹ в значимый сектор национальной экономики, включая увеличение доли туризма в ВВП страны до 5% (с 2,8% в 2023 году) и трехкратный рост экспорта туристических услуг². Эти целевые показатели подчеркивают признание туризма в качестве одного из ключевых драйверов диверсификации экономики и импортозамещения в сфере услуг. Туристическая отрасль, в отличие от традиционных сырьевых отраслей: нефтегазового сектора, добычи полезных ископаемых, которые имеют ограниченное влияние на смежные отрасли и зачастую функционируют по принципу «точечной» экономической отдачи, обладает высоким мультипликативным эффектом (Artal-Tur et al., 2020). Под ним в исследовании понимается прирост одного из макроэкономических показателей: валового выпуска, ВВП, доходов бюджета, который обусловлен распространением по системе

межотраслевых связей первоначального импульса — увеличения выпуска в одном из секторов (Ксенофонтов и др., 2018). Исследователи выделяют несколько типов мультипликативных эффектов:

- прямые эффекты: прирост выпуска в отрасли, в которой происходит первоначальный импульс (прирост конечного спроса);
- косвенные эффекты: прирост выпуска в сопряженных секторах в результате прироста текущего спроса в исходной отрасли;
- индуцированные эффекты: прирост выпуска в экономике в результате дополнительного прироста конечного спроса на отечественную продукцию вследствие расходования дополнительных доходов, полученных в виде оплаты труда, налогов и прибыли.

Мультипликативный эффект проявляется в создании рабочих мест, развитии сопутствующей инфраструктуры (Dogru et al., 2020), стимулировании инноваций и снижении зависимости от экспорта ресурсов (Khalil et al., 2007; Kruja et al., 2012), что делает туристическую отрасль одним из стабильных источников роста экономики. Кроме того, туризм (особенно внутренний) менее подвержен внешним кризисам, и даже в условиях санкционных ограничений спрос на туристические услуги внутри страны остается стабильным. Так, по данным Росстата, за 2023–2024 гг. число россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения страны, увеличилось на 9,8%, составив 81,3 млн человек. Туристическая индустрия создаёт цепочку добавленной стоимости, которая распространяется далеко за пределы непосредственно туристических услуг, затрагивая гости-

¹ В данном исследовании понятия «туризм» и «туристическая отрасль», «туриндустрия» использованы как синонимичные.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

нический бизнес, транспортную инфраструктуру, общественное питание, розничную торговлю, культурные учреждения и местные производства сувенирной продукции. Туризм стимулирует локальные производственные и креативные индустрии, создавая значительную добавленную стоимость на основе производимых ими товаров и услуг. Через организацию уникального досуга и производство аутентичных местных товаров туристическая отрасль стимулирует развитие малого бизнеса и ремесел. В результате чем интереснее и уникальнее становится местное туристическое предложение, тем больше туристов оно привлекает, что, в свою очередь, поддерживает и развивает местную экономику. Например, местный сыр, изготовленный по старинному рецепту, или пиво из местной пивоварни, мед с определенного высокогорья — всё это становится не просто едой, а частью путешествия. Их ценность повышается благодаря их уникальности и истории, которую производитель передает покупателю. Турист готов платить больше за такой товар, потому что он несет в себе память о месте и отражает специфику территории.

Таким образом, интеграция локальных производств в цепочку стоимости туризма способствует диверсификации туристского предложения, стимулирует развитие малых и средних предприятий и формирует устойчивую связь между туристическим потреблением и региональной экономикой, где каждый продукт выступает в роли «амбассадора» дестинации.

Многие регионы России обладают значительным, но нереализованным туристическим потенциалом. Инвестиции в туристическую инфраструктуру могут стать катализатором роста территорий, создавая новые рабочие места и привлекая частные инвестиции. В отличие от нефтегазового сектора, где большая часть добавленной стоимости формируется за счет добычи и экспорта, туризм распределяет доходы по всей цепочке, вовлекая малый и средний бизнес. Согласно данным Минэкономразвития РФ, в 2024 году в сфере гостиничного бизнеса и туризма зарегистрировано 74,8 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства³.

³ МСП в туризме за девять месяцев получили 30 млрд рублей в рамках господдержки. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/11/15/1075377-mssp-poluchili?from=copy_text

В туризме (гостиницы, туроператоры, транспорт) на одно рабочее место приходится 1,5 рабочих места в смежных отраслях (строительство, сельское хозяйство, розничная торговля и др.)⁴. Таким образом, генерируемые туристической отраслью мультипликативные эффекты требуют соответствующего измерения для национальной и региональной экономик. В последнее время в России развиваются новые форматы отдыха (глэмпинги, модульные гостиницы, многофункциональные дорожные сервисы и т. д.), которые являются объектами инвестирования. Недостаточная изученность воздействия туризма на развитие территорий РФ ведет к недооценке его роли как фактора роста экономики. По мнению исследователей, причинами этого являются сложный компонентный состав отрасли, а также несовершенство статистической базы. Проведенный анализ публикаций позволил выявить дефицит работ, посвященных оценке мультипликативных эффектов от развития туризма в регионах Российской Федерации, а также недостаточную изученность вопросов прогнозирования экономических эффектов от реализации профильных инвестиционных проектов.

Вышесказанное обусловило цель исследования, которая состоит в оценке мультипликативных эффектов от развития туризма в регионе и обосновании его роли как фактора роста региональной экономики, что потребовало решения следующих задач: разработка методического подхода к выявлению перспективных инвестиционных туристических проектов в регионе, анализ ключевых трендов, определяющих развитие отрасли на глобальном и российском уровне, прогнозирование и определение сценариев производства туристической продукции и ее влияния на региональную экономику.

Объектом исследования выступает Вологодская область — регион, в котором развитию туризма уделяется пристальное внимание со стороны органов власти. Кроме того, туризм в Вологодской области входит в число перспективных экономических специализаций (ПЭС), способных активизировать рост экономики региона в долгосрочной перспективе (Румянцев, 2023).

⁴ International Tourism Highlights, 2019 Edition. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284421152>

Информационной базой исследования использованы данные официальной статистики Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), профильные аналитические и экспертные материалы, а также промежуточные таблицы ресурсов и использования российской экономики. Теоретическую основу работы составили научные труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам развития туристической инфраструктуры, методологии ее оценки, сценарного моделирования и прогнозирования экономических процессов. Научная новизна работы состоит в развитии методического подхода к оценке мультипликативных эффектов туризма для экономики региона, интегрирующего инструментарий межотраслевого баланса и сценарного моделирования, адаптированного к современным условиям российской статистики.

Теоретические аспекты исследования

Туризм играет значительную роль в экономике многих территорий (Khalil et al., 2007), выступая катализатором роста занятости (Dogru et al., 2020), развития инфраструктуры (Hadzik, Grabara, 2014; Nguyen, 2021) и увеличения доходов бюджета. Его влияние на региональную экономику может быть прямым (через расходы туристов), косвенным (через мультипликативный эффект в смежных отраслях) и индуцированным (через рост доходов населения). Дополнительное внимание в работах российских (Леонидова, 2021; Донскова и др., 2022) и зарубежных (Jones, Comfort, 2020; Wu et al., 2022) ученых уделяется внутреннему туризму, особенно в период пандемии коронавирусной инфекции, поскольку он внес значительный вклад в восстановление как отрасли, так и экономической динамики в целом.

Развитие туризма базируется на туристической инфраструктуре, инвестиции в которую способствуют увеличению туристического потока в регион и обеспечивают долгосрочную динамику развития отрасли, удовлетворяя потребности людей в качественном отдыхе (Nguyen, 2021). В работах ученых выявлена особая роль в этом процессе гостиничного сектора. Вложения в него представляют собой ключевой компонент в процессе создания стоимости в отрасли (Mitchell et al., 2015). Эмпирически установлено, что увеличение инве-

стиций в гостиничный сектор влечет за собой рост занятости не только в данной отрасли, но и в смежных секторах экономики (Dogru et al., 2020), а также помогает решать социальные проблемы территории путем создания рабочих мест, роста доходов населения благодаря увеличению туристического потока как внутри страны, так и из-за рубежа (Nikolskaya et al., 2019). Исследователями отмечается, что развитие туристической инфраструктуры дает комплексный эффект, выгодный всем участникам процесса. В научных работах (Степанова, 2015) обосновано, что, помимо удовлетворения потребностей туристов, новые гостиницы, транспортные маршруты и рекреационные зоны способствуют модернизации городской инфраструктуры, повышают привлекательность региона для инвестиций, улучшают качество услуг, доступных местным жителям.

Таким образом, можно сделать заключение, что вопросы влияния туризма на экономику территорий находятся в фокусе внимания российских и зарубежных ученых, которые сосредоточены на необходимости решения прежде всего инфраструктурных проблем для раскрытия полного потенциала отрасли. В то же время подходы к выявлению перспективных для реализации объектов туристической инфраструктуры, а также вопросы количественного измерения их влияния в перспективе на экономику остаются недостаточно исследованными. Это обуславливает важность дополнительного изучения этого аспекта для углубления и исследования экономического вклада туризма. Анализ научных работ показал, что межотраслевой баланс (МОБ) является эффективным инструментом для оценки экономических последствий изменений в туристическом спросе, что подтверждено анализом научных работ (Artal-Tur et al., 2020; Kronenberg, Fuchs, 2021; Pratt, 2015; Wu et al., 2022). Так, в работе (Artal-Tur et al., 2020) выявлены значительные различия в величине рассчитанных экономических эффектов при использовании странового и регионального подходов на основе МОБ. Другими авторами инструментарий межотраслевого баланса использовался для оценки влияния туризма на занятость и доходы в конкретных профессиональных сообществах Швеции (Kronenberg, Fuchs, 2021).

На основе МОБ изучался экономический вклад туризма в провинциях Китая (Pratt, 2015), определено, что из-за более высокого мультипликативного эффекта экономически развитые провинции получают больше выгод от дальнейшего развития туризма. С использованием МОБ учеными определялось влияние вспышки COVID-19 на экономический вклад внутреннего туризма (Wu et al., 2022).

Таким образом, широкое применение этого метода наблюдается за рубежом, особенно в странах, активно разрабатывающих таблицы «затраты — выпуск», например в Испании, Швеции, Индонезии и Китае. В России МОБ редко используется для оценки влияния роста отдельных отраслей из-за отсутствия региональных таблиц. Однако доступные данные Росстата позволяют проводить макроструктурный анализ межотраслевых связей (Широв, 2024). Исследования указывают на необходимость адаптации методологии «затраты — выпуск» к специфике российской туристической отрасли, что подчеркивает потенциал этого инструмента (Леонидова, Сидоров, 2023). Таким образом, использование методологии МОБ позволяет проводить сценарное моделирование мультипликативных эффектов от развития туристической отрасли для экономики региона и выполнять прогнозные расчеты.

Среди российских исследований, посвященных оценке влияния туризма на экономику территорий, отмечен недостаток работ, в которых предлагается методический подход к оценке мультипликативных эффектов развития туризма для экономики региона с использованием инструментария межотраслевого баланса и сценарного моделирования, адаптированного к условиям российской статистики, учитывающего особенности отраслевой структуры экономики региона и уточняющего значимость туристической отрасли для российской экономики.

Методологические аспекты исследования

На первом этапе исследования проводится сценарное моделирование производственно-ресурсного потенциала Вологодской области на основе гипотез о перспективной динамике ключевых сфер региональной экономики, которые имеют определяющее значение для насыщения внутреннего рынка и реализации экспортного потенциала. Прогнозы по выпу-

ску продукции рассчитывались в зависимости от сценария на основе экстраполяции ретроспективных трендов 2017–2023 гг. Прогнозные оценки даны до 2040 года, что соответствует стратегическим планам региональных органов власти Вологодской области.

В рамках инерционного сценария темпы роста ключевых отраслей перспективной экономической специализации Вологодской области стагнируют, динамика экономики ухудшается, увеличивается производство продукции с низкой добавленной стоимостью.

В рамках целевого сценария закладывается динамичное развитие экономики — ускоренные темпы развития ключевых отраслей перспективной экономической специализации Вологодской области, основанные на мощном инвестиционном рывке (до 15–20% роста инвестиций в год).

Прогнозирование эффектов от поддержки туризма как перспективного вида экономической деятельности (ВЭД) осуществляется с использованием региональной межотраслевой модели, включающей экономические параметры по 32 отраслям экономики (Леонидова, Сидоров, 2019). Основу модели составляет межотраслевой баланс производства и распределения продукции в экономике Вологодской области, который не разрабатывается официальными статистическими органами⁵. Авторская методика позволяет формировать региональные балансы на основе данных официальной статистики и иных источников путем регионализации страновых таблиц «затраты — выпуск» с опорой на анализ структуры производственных затрат.

Определение объема туристического выпуска в Российской Федерации осуществлялось на основе алгоритма, который был апробирован в работах исследователей (Леонидова, Румянцев, 2023) и доказал свою пригодность для решения исследовательских задач. Одним из ограничений данного подхода является то, что при проведении расчетов не учитывается доля затрат туристов, которые размещаются в индивидуальных средствах размещения, в т. ч. в арендных квартирах и апартаментах.

⁵ Межотраслевой баланс производства и распределения продукции Вологодской области. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621875.

Затем на основе таблиц «затраты — выпуск» и теории производственных мультипликаторов (Ксенофонтов и др., 2018) рассчитывались удельные и абсолютные полные эффекты на валовой выпуск и ВРП Вологодской области от развития производства в отрасли туризма.

Далее проводился анализ ключевых структурных и циклических трендов, определяющих развитие отрасли на глобальном и российском уровне в среднесрочной перспективе, что важно для дальнейшего обоснования развития перспективных туристических проектов в регионе. Критериями их отбора служат способность достройки и развития региональных цепочек создания стоимости в соответствии со стратегическими планами государства и крупных игроков в отрасли, наличие ресурсного потенциала и быстрорастущего рынка продукции, а также возможностей подготовки кадров для отрасли в регионе. Эти задачи были реализованы ранее при осуществлении приоритизации и проработки проектных инициатив в рамках стратегических сессий, в которых приняли участие в качестве экспертов представители туристической индустрии, отраслевых департаментов и министерств региона (Структурно-технологические драйверы..., 2025).

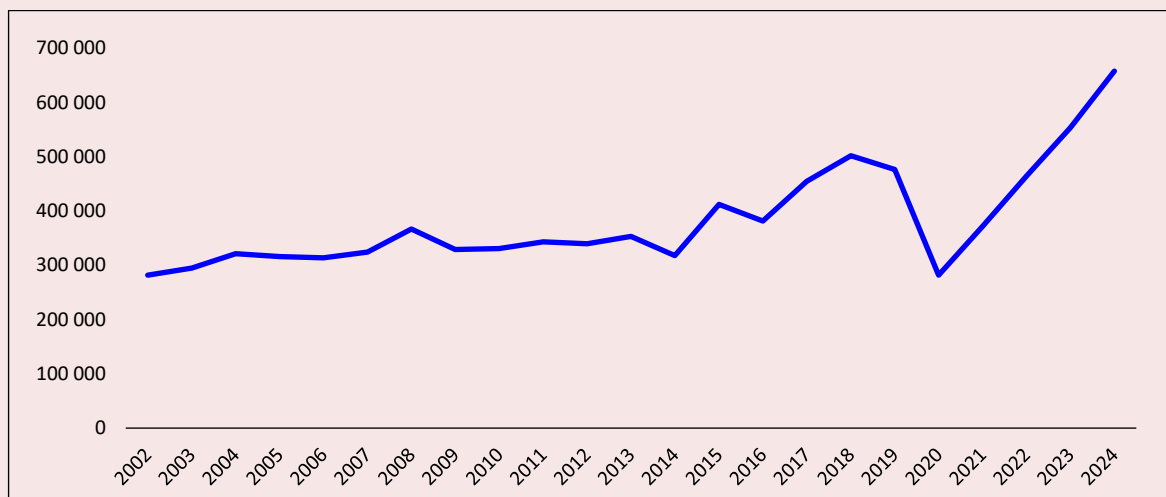
Данный методический подход, в отличие от имеющихся, позволяет проводить оценку макроэкономических эффектов от реализации ресурсного потенциала туризма региона на основе адаптированного инструментария межотраслевого баланса для построения региональных таблиц «затраты — выпуск», сценарного моделирования мультипликативных эффектов и критериального отбора перспективных инвестиционных проектов, что позволяет более полно и объективно определить вклад туризма в экономику региона в условиях отсутствия необходимой статистики МОБ.

Основные результаты исследования

Сценарное моделирование и расчет мультипликативных эффектов туризма для экономики Вологодской области

В настоящее время Вологодская область не является ключевым туристическим регионом России. В национальном туристическом рейтинге⁶ по итогам 2024 года область заняла 43-е место, опустившись за год на 5 позиций. В 2024 году коллективные средства размещения региона приняли 658 тыс. человек, что больше, чем в 2023 году (554 тыс. человек; рисунок). В целом за 2002–2024 гг. отмечен устойчивый тренд роста турпотока: показатель увеличился в два раза.

Динамика туристического потока Вологодской области в 2002–2024 гг., чел.

Источник: данные Росстата.

⁶ Национальный туристический рейтинг (итоги 2024 года). URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-itoqi-2024-goda>

Туризм в регионе активно начал развиваться с 1998 года, что связано с реализацией федерального туристического проекта «Великий Устюг — родина Деда Мороза». С тех пор отрасль рассматривается региональными органами власти как одно из приоритетных направлений экономики. Вологодская область привлекательна для создания разнообразных туристических продуктов и значима для российского, а в перспективе и глобального туристического рынка. Регион входит в межрегиональный историко-культурный и туристский проект «Серебряное ожерелье России», который объединяет все субъекты Северо-Западного федерального округа. На его территории действует национальный маршрут «Жемчужины Русского Севера» (соединяет города Вологду и Кириллов), отвечающий высоким стандартам обслуживания, предъявляемым федеральными экспертами. В 2024 году Вологодская область вошла в национальный туристский проект «Императорский маршрут», объединяющий места, связанные с династией Романовых, став 30-м регионом-участником.

Согласно Росстату, по состоянию на 2023 год⁷ доля валовой добавленной стоимости (ВДС) туристской индустрии в валовом региональном продукте (ВРП) Вологодской области составляла 1,9% (для сравнения: показатель для Республики Карелии — 3,7%). В то же время оцениваемый показатель не отражает реальный вклад отрасли в экономику из-за особенностей подсчета и не учитывает ее мультипликативных эффектов.

На основе подхода, опирающегося на методологию межотраслевого баланса и теорию производственных мультипликаторов, проведены

сценарное моделирование и расчет мультипликативных эффектов туризма для экономики Вологодской области.

Расчет темпов роста выпуска туризма Вологодской области представлен в *таблице 1*. В целевом сценарии предполагается активный рост туристического потока и выпуска продукции туристического комплекса, виды экономической деятельности которого обладают одними из наиболее высоких значений производственных мультипликаторов ВРП для отраслей экономики Вологодской области (для ВЭД «Транспортировка и хранение» значение показателя составляет 1,055; для ВЭД «Предоставление прочих видов персональных услуг» — 1,0164; для ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» — 0,898) (Лукин, 2025).

В рамках инерционного сценария темпы роста туризма как отрасли перспективной экономической специализации Вологодской области стагнируют, динамика экономики ухудшается.

Инвестиции в основной капитал, которые необходимы для обеспечения прироста производства продукции туристического комплекса, могут быть рассчитаны на основе оценок прироста физических объемов внутреннего производства продукции в инерционном и целевом сценариях, а также средней капиталоемкости выпуска в отраслях экономики. Для обеспечения прогнозного прироста производства требуется привлечь 28 млрд рублей инвестиций в основной капитал в период 2025–2030 гг. и 60 млрд рублей в период 2031–2040 гг. по инерционному сценарию и, соответственно, 31 и 78 млрд рублей — по целевому сценарию (*табл. 2*).

Таблица 1. Прогноз производства отраслей туристического комплекса как перспективной экономической специализации Вологодской области (в ценах 2023 года), млрд руб.

Туристический комплекс	2023	2030	2040	2030 к 2023, %	2040 к 2023, %
Инерционный сценарий	11	13	18	125	172
Целевой сценарий	11	15	25	142	235
Источник: расчеты автора.					

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал, требуемые для обеспечения прогнозного роста производства в Вологодской области (в ценах 2023 года), млрд рублей

Туристический комплекс	2025	2030	2040	2025–2030	2031–2040
Инерционный сценарий	4	5	7	28	60
Целевой сценарий	5	6	10	31	78
Источник: расчеты автора.					

⁷ Данные не обновлялись Росстатом с 2023 года.

Реализация новых инвестпроектов и обусловленные этим доходы бизнеса, государства и населения порождают дополнительные эффекты для сферы услуг, производства потребительской и инвестиционной продукции, инфраструктурных секторов, равно как и для сопряженных с ними секторов. Одним из наиболее удобных и широко применяемых подходов к оценке таких макроэкономических эффектов является подход, опирающийся на методологию межотраслевого баланса и теорию производственных мультипликаторов.

Расчёт производственных мультипликаторов для отраслей туристического комплекса Вологодской области представлен в *таблице 3*.

Расчеты показывают, что каждый рубль валового выпуска в сфере услуг размещения и общественного питания генерирует дополнительный экономический эффект в размере 2,032 рубля валового выпуска по всей региональной экономике, а также способствует росту валовой добавленной стоимости на 0,893 рубля. Наибольший вклад в создание валовой добавленной стоимости наблюдается в транспортном секторе (2,301 рубля валового выпуска и 1,042 рубль ВДС на каждый вложенный рубль). Аналогичные показатели для сферы прочих персональных услуг составляют 1,967 рубля ВДС при коэффициенте валового выпуска 1,006 рубля на каждый инвестированный рубль.

Эти данные наглядно демонстрируют мультипликативный потенциал туристического комплекса, причем наиболее выраженный эффект наблюдается в сегментах, непосредствен-

но связанных со сферой транспорта. Полученные значения коэффициентов свидетельствуют о том, что инвестиции в развитие туристической инфраструктуры обладают стимулирующим воздействием на экономику региона в целом, создавая синергетический эффект за счет межотраслевых связей и вторичного потребления. Особенно важно отметить, что максимальный вклад в валовую добавленную стоимость обеспечивают именно услуги, непосредственно ориентированные на конечного потребителя, что подчеркивает важность развития качественной сервисной составляющей туристического продукта.

Проведенные расчеты абсолютных полных экономических эффектов на ВРП Вологодской области демонстрируют влияние прогнозируемого прироста производства в отраслях туристического сектора в долгосрочной перспективе. Согласно полученным данным, абсолютные полные эффекты на ВРП от развития туристического комплекса в перспективе до 2040 года варьируются от 3 млрд рублей в инерционном сценарии и до 6 млрд рублей в целевом сценарии (*табл. 4*).

Таблица 4. Полные абсолютные эффекты на ВРП от развития производства в туристическом комплексе Вологодской области (в ценах 2023 года), млрд рублей

Туристический комплекс	2023–2030	2031–2040	2023–2040
Инерционный сценарий	1	2	3
Целевой сценарий	2	4	6
Источник: расчеты автора.			

Таблица 3. Производственные мультипликаторы для отраслей туристического комплекса Вологодской области в 2020 году

Показатель	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Транспортировка и хранение	Предоставление прочих видов персональных услуг
Прямой эффект на валовой выпуск	1,000	1,000	1,000
Косвенный эффект на валовой выпуск	0,568	0,758	0,411
Индукционный эффект на валовой выпуск	0,464	0,543	0,556
Полный эффект на валовой выпуск	2,032	2,301	1,967
Прямой эффект на ВРП	0,415	0,432	0,525
Косвенный эффект на ВРП	0,249	0,343	0,201
Индукционный эффект на ВРП	0,229	0,267	0,280
Полный эффект на ВРП	0,893	1,042	1,006
Примечание: значения мультипликаторов получены в предположении о наличии необходимого объема незагруженных производственных мощностей.			
Рассчитано по: данные таблицы «затраты – выпуск» Вологодской области за 2020 год.			

Результаты исследования подтверждают необходимость активной политики развития туристической инфраструктуры и стратегии импортозамещения для стимулирования положительной экономической динамики.

Перспективные для реализации в Вологодской области инвестиционные проекты в туризме

Аналитические отчеты и экспертные материалы позволили сделать вывод, что на развитие мирового туристического рынка будут оказывать влияние следующие тренды.

Определяющим трендом в ближайшем будущем станет *рост туристических расходов*, который к 2033 году более чем вдвое превысит уровень 2019 года. Его драйвером станет рост числа платежеспособных домохозяйств в Китае, Индии и Индонезии, а также в странах Персидского залива⁸. *Климатические изменения* окажут значимое влияние на развитие мировой и российской туриндустрии. Поскольку в будущем экстремальные погодные условия станут более вероятными, традиционный выбор времени и мест для путешествий также изменится. Экспертами уязвимость сектора туризма в России к влиянию трансформации климата оценивается как высокая⁹. Исследования показывают, что к середине XXI века летние виды рекреации будут развиваться в тех регионах, которые традиционно рассматривались как климатически дискомфортные для летнего туризма. Это вызовет географическое перераспределение туристического спроса и потребует адаптации как для курортов, которые могут потерять туристическую привлекательность, так и для тех, кто, как ожидается, получит возможности для развития туризма¹⁰.

Набирает силу тренд на *иммерсивность* — форму путешествия, которая позволяет полностью окунуться в местную культуру, историю и атмосферу. Так, в Китае иммерсивные туристические объекты получают приоритетное развитие в рамках государственных программ «умного туризма». Выделяют 5 типов таких объектов:

световые шоу, ночные туры, VR-объекты, аттракционы и иммерсивные театральные представления. Для успешного проекта требуются оригинальная идея, техническое оснащение, сценарий, работа с аудиторией и визуальная эффектность.

В результате влияния глобальной пандемии коронавирусной инфекции туризм пережил период изменений, включая рост интереса к устойчивым формам путешествий, что обусловило тренд на *устойчивый туризм*. Он заключается в том, что туристы осознают роль туризма в социально-экономической жизни местного сообщества и все чаще выбирают поездки природной направленности. Туристическая индустрия наблюдает рост популярности экологически ориентированных форм путешествий, таких как экотуризм, велопутешествия, пешие походы и поездки на природу. Эти формы отдыха не только способствуют сохранению окружающей среды, но и позволяют туристам более глубоко погрузиться в культурную среду и природный ландшафт посещаемых стран.

Спрос на уникальные, не имеющие аналогов впечатления будет расти. Путешественники всё чаще будут искать уникальные впечатления в местах назначения по всему миру, тратя на них больше средств. Это может создать новые возможности для виртуальной и дополненной реальности, поскольку физические впечатления улучшаются благодаря технологиям, что также может спровоцировать новый спрос со стороны потребителей¹¹.

На развитие российского туристического рынка будут оказывать влияние следующие тренды.

Тренд на самостоятельные путешествия фиксируется после пандемийного 2020 года. Опыт таких путешествий в 2024 году имеется практически у каждого второго жителя России (48%), причем большинство предпочитают покупать билеты и бронировать отели исключительно самостоятельно (39%), а каждый десятый чередует самостоятельную организацию путешествия с покупкой туров (9%)¹².

⁸ WTM Global Travel Report. URL: <https://www.wtm.com/content/dam/sitebuilder/rxuk/wtmkt/documents/WTM-Global-Travel-Report-v4.pdf>

⁹ Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации / под ред. В. М. Катцова; Росгидромет. Санкт-Петербург: Научные технологии. 2022. 676 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ WTM Global Travel Report. URL: <https://www.wtm.com/content/dam/sitebuilder/rxuk/wtmkt/documents/WTM-Global-Travel-Report-v4.pdf>

¹² Тренд на самостоятельные путешествия заметно усилился за пять лет. URL: <https://nafi.ru/analytics/trend-na-samostoyatelnye-puteshestviya-zametno-usilisya-za-pyat-let>

В динамике за 2019–2024 гг. доля самостоятельных путешественников выросла на 11 п. п., тогда как в 2019 году о таком опыте заявляло чуть больше трети населения (37%). Чаще самостоятельные путешественники встречаются среди женщин, россиян старше 35 лет, жителей сельской местности, не работающих и обладающих средним и низким уровнем дохода граждан.

Тренд на короткие путешествия выходного дня обусловлен относительной дешевизной в сравнении с более дорогим длительным отпуском. В 2023 году спрос на туры выходного дня вырос на 15–20% по сравнению с предыдущим годом¹³. Динамика продаж коротких туров растет быстрее, чем длительных экскурсионных программ. Короткие поездки россияне предпочитают совершать в пределах своего региона на расстояние не более 300 км на срок 1–2 суток¹⁴.

Тренд на bleisure-туризм подразумевает под собой совмещение деловых поездок с отдыхом (business – бизнес и leisure – досуг). В 2023 году 36% заказов в бизнес-путешествиях учитывали выходные дни. Средняя длительность пребывания туристов составила 4 суток, что больше обычных командировочных (2 суток¹⁵). Направления bleisure-путешествий отличаются от обычных бизнес-поездок (Москва, Санкт-Петербург), чаще всего это побережье Черного моря, г. Сочи, а также Японское море, г. Владивосток.

Становятся популярными *автомобильные путешествия по России*. Согласно данным социологических опросов¹⁶, в течение 2023 года треть россиян (32%) совершали туристические поездки по стране на своем или арендованном автомобиле. Интерес к автотуризму декларирует каждый второй россиянин («не ездил, но хотел бы» – 48%), что косвенно свидетельствует о высоком потенциале подобного формата путе-

шествий в стране. У каждого пятого опрошенного отсутствует не только опыт такого отдыха, но и желание его приобрести (20%). В последнее время среди россиян фиксируется тренд на многоформатность автопутешествий¹⁷: две трети наших сограждан, отправляясь в туристическую поездку на авто, выбрали бы сочетание природного и городского отдыха (68%). Поэтому как большинство туристов предпочитает комбинированные маршруты, регионам следует предлагать пакеты услуг или специальные предложения, которые включают экскурсии и мероприятия как в городе, так и на природе, в связи с чем необходимо сотрудничество с местными туроператорами и гидами. Около половины россиян хотят видеть в автопутешествии высокоразвитую придорожную инфраструктуру: многофункциональные заправки с местами для ночевки и питания, автосервисы, медпункты (46%). Треть опрошенных устроил бы средний уровень инфраструктуры: заправки с туалетами, точки питания и отдыха (32%). Менее притязательными оказались 15%, готовые довольствоваться минимальным числом объектов дорожного сервиса (заправки, туалеты). В связи с этим в регионах следует обратить внимание на то, как улучшить доступность туристических объектов для автомобилей, включая наличие достаточного количества парковочных мест, зарядных станций для электромобилей, а также сотрудничество с местными автосервисами и заправками для предоставления скидок или бонусов. Знание предпочтений автотуристов позволяет точнее таргетировать рекламу. Использование социальных сетей, туристических сайтов и приложений для продвижения услуг среди автопутешественников может значительно увеличить поток будущих клиентов.

Отмечен *интерес россиян к путешествиям, основанным на ценностях здорового образа жизни, таких как спорт, велнес и экотуризм*. Оборот рынка санаторно-курортных услуг в России в 2023 году составил всего 186,4 млрд рублей¹⁸. В 2024 году эксперты исследовательской ком-

¹³ Туры выходного дня: топ-5 самых бронируемых направлений в России. URL: <https://www.atorus.ru/node/53250>

¹⁴ Эксперты: россияне стали чаще путешествовать по регионам и ездить в короткие поездки. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15310225>

¹⁵ Названо число россиян, которые совмещают командировки с туризмом. URL: <https://ria.ru/20240427/puteshestviya-1942498096.html>

¹⁶ Автотуризм – 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-2024>

¹⁷ Идеальное автопутешествие. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-avtoputeshestvie>

¹⁸ Данные Росстата.

пании BusinesStat¹⁹ ожидали, что показатель вырастет до 221,7 млрд рублей, в 2027 — до 254,1 млрд рублей. Прогнозируемый слабый рост объясняется тем, что из 1743 санаториев на территории РФ только 28 имеют современную инфраструктуру, но при ее модернизации у этого направления есть большой потенциал в дальнейшем развитии туристического рынка.

Исходя из рассмотренных трендов и приведенных ранее критериев к приоритизации, в качестве наиболее перспективных инвестиционных туристическими проектами для реализации на территории Вологодской области могут рассматриваться следующие.

1. Высокотехнологичный придорожный сервис, предусматривающий строительство придорожных комплексов с сервисами самообслуживания, включающими гостиницу, супермаркет, пункты питания и досуга, автомойку с СТО, аптеку, а также модульных заправочных станций с самообслуживанием.

На российских дорогах наблюдается нехватка мест для отдыха, мотелей и зарядных станций для электромобилей, а также автозаправочных станций и туалетов, которые в настоящий момент расположены на значительном расстоянии друг от друга. Вологодская область не является исключением. Перспективными территориями для реализации проекта выступают федеральные и региональные автодороги М-8, А-119, А-114, которые характеризуются значительным автотранспортным потоком, в том числе за счет водителей грузовых автомобилей. Размещение модульных станций для снижения времени обслуживания клиентов и увеличения потока потребителей наиболее эффективно в крупных городах, таких как Вологда и Череповец. Целесообразна реализация проектов на дорогах местного назначения, где поток автомобилей небольшой, но наличие станции выполняет важную социальную функцию для жителей сельских поселений. Также расширение географии размещения станций повысит транспортную доступность объектов придорожного сервиса для автотуристов и активизирует развитие автотуризма в муниципалитетах.

¹⁹ Анализ рынка санаторно-курортных услуг в России в 2019–2023 гг. URL: <https://businessstat.ru/catalog/id1966>

2. Высокотехнологичный парк развлечения и отдыха в г. Вологде.

В связи с растущим спросом и свободной рыночной нишей видится перспективным создание детского тематического парка развлечений и отдыха в г. Вологде. Размещение парка обусловлено тем, что город расположен на пересечении туристических и логистических потоков области, что позволит обеспечивать проект наибольшим количеством туристов. В России отсутствуют примеры крупных высокотехнологичных парков с VR- и AR-технологиями, поэтому Вологодская область может занять первенство в этой нише. Разработка виртуальных гор, экскурсий, игр в тематике быта русских богатырей, русских сказок, мультфильмов и т. п. способна заинтересовать современных детей. Подобные технологии могут быть адаптированы для образовательных программ. Разработка крытых зон с VR-аттракционами позволяет парку функционировать круглый год независимо от погодных условий. Это может значительно увеличить посещаемость в холодные сезоны. Технологии могут помочь в сборе данных о посетителях, их предпочтениях и поведении, что дает возможность лучше управлять парком и предлагать актуальные услуги.

Оценка потенциального спроса на туристические услуги Вологодской области оптимистична: согласно реалистичному сценарию²⁰, прирост количества внутренних поездок к 2035 году составит 954 тыс., что выше уровня 2021 года на 60%. Прирост количества въездных поездок к 2035 году прогнозируется не менее чем на 2,8 тыс., что составит 7,2 тыс. единиц. При этом наиболее используемым путешественниками видом транспорта станет автомобиль.

Объем инвестиций на реализацию предлагаемых проектных инициатив оценивается в 5,2 млрд рублей. Удельный вес предлагаемых проектов в общем требуемом для обеспечения прогнозного прироста производства объеме инвестиций составит только 16,7% за 2025–2030 гг., что обуславливает важность регулярной системной работы по обоснованию проектов в отраслях ПЭС региона и привлечению инвестиционных ресурсов.

²⁰ Данные Федеральной туристической межрегиональной схемы территориально-пространственного планирования Российской Федерации. URL: <https://вэб.пф/туристические-skhemы>

Возможными источниками финансирования указанных проектов могут выступить как частный бизнес (например, компании «Татнефть» и «Газпром нефть», с которыми региональными органами власти проведены переговоры о расширении рынка придорожного сервиса, торговли, заправок, общественного питания и т. п.), так и областной и федеральный бюджет (например, в рамках участия в программах выдачи льготных кредитов на реализацию инвестиционных объектов туристической инфраструктуры по нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимства»).

В настоящее время в Великоустюгском округе Вологодской области создается особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Тематический парк Деда Мороза». Ожидается, что по завершении проекта Великий Устюг станет флагманом туристического развития страны с турпотоком около 1 млн человек в год. Одним из крупных инвесторов проекта является компания АФК «Система», которая занимается реконструкцией вотчины Деда Мороза, строительством новых гостиниц и благоустройством центра Великого Устюга.

Таким образом, были разработаны перспективные инвестиционные проекты развития туристической инфраструктуры региона, которые позволят задействовать туристско-рекреационный потенциал Вологодской области, а также нарастить объемы туристического потребления. Они соответствуют рассмотренным выше трендам отрасли и критериям, отражающим способность достройки и развития региональных цепочек создания стоимости туризма.

Выводы

Полученные оценки экономических эффектов, возникших в результате увеличения потребления в сфере туризма, свидетельствуют о значимости отрасли для региональной экономики. Вологодская область имеет все предпосылки для превращения в один из ведущих туристических регионов Северо-Запада. Реализация инвестиционных проектов потребует комплексного подхода, включающего развитие инфраструктуры, маркетинг и государственную поддержку. Успешная реализация инициатив позволит не только увеличить турпоток, но и диверсифицировать экономику области.

Для достижения целевого сценария к 2040 году следует учесть риски, к числу которых относится рост инфляции, поскольку высокая стоимость жизни может вынудить путешественников отказаться от планов совершать туристические поездки. Недостаток туристической и транспортной инфраструктуры сильно снижает использование туристического потенциала региона. Особую озабоченность вызывает зависимость инвестиционной активности от кредитной политики Центробанка: повышение ставок делает действующие механизмы субсидирования строительства отелей чрезмерно затратными для бюджета²¹.

Реализация спроса на рынке туризма будет зависеть от наличия трудовых ресурсов. Дефицит кадров по некоторым оценкам достигает 30–40%, что обусловлено низким престижем профессий в сфере обслуживания, высокой долей неквалифицированного труда, отсутствием образовательных центров и низким уровнем зарплат²². Прогнозируется, что к 2030 году туристической отрасли понадобится не менее 400 тысяч новых сотрудников (что соотносится с нашими оценками). В частности, только для инвестиционных проектов, реализуемых Корпорацией «Туризм.РФ», к этому времени потребуется более 20 тысяч подготовленных кадров²³.

Одним из ключевых рисков является сезонность туристического потока. Большая часть туристов посещает регион в летний период и во время новогодних праздников, что создает дисбаланс в загрузке инфраструктуры и доходности проектов. Внедрение круглогодичных туристических программ и развитие событийного туризма могут частично нивелировать эту проблему, однако потребуют дополнительных маркетинговых усилий и инвестиций.

²¹ Гостиничный бум в режиме «подвиг». URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/09/gostinichniy-bum-v-rezhime-podvig>

²² Поисковый разброс: почему в России не хватает туристических кадров. URL: <https://iz.ru/1676562/kseniia-nabatkina-valeriiia-mishina/poiskovyi-razbros-pochemu-v-rossii-ne-khvataet-turisticheskikh-kadrov>

²³ К 2030 году в туротрасли РФ будут востребованы 400 тысяч новых сотрудников. URL: <https://regnum.ru/news/3835417>

Осуществление указанных мероприятий даст толчок к достижению запланированных результатов в развитии туризма в Вологодской области, что будет способствовать увеличению прибыльности отрасли и благодаря мультипликативному эффекту стимулировать экономику страны в целом.

Результаты исследования представляют практическую ценность для органов государ-

ственного управления. Они позволяют количественно оценить вклад туристической отрасли в экономический рост через призму потребительского спроса населения, что особенно важно при разработке мер государственной поддержки и стимулирования внутреннего туризма. В перспективе планируется комплексное изучение факторов, способных обеспечить устойчивый рост внутреннего туристического потока.

Литература

- Александрова А.Ю. (2017). Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия: Экономика. № 1. С. 41–61. URL: <https://doi.org/10.38050/01300105201713>
- Донскова Л.И., Баранников А.Л., Маковецкий М.Ю. (2022). Состояние внутреннего туризма в России в современный период: количественный и качественный анализ // Вестник академии знаний. № 52 (5). С. 127–136.
- Ксенофонтов М.Ю., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янговский А.А. (2018). Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 2 (167). С. 3–13.
- Леонидова Е.Г. (2021). Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
- Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. (2023). Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.2
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2023). Оценка и прогноз внутреннего туристического потребления в России // Проблемы прогнозирования. № 1 (196). С. 193–205. DOI: 10.47711/0868-6351-196-193-205
- Лукин Е.В. (2025). Структурная перестройка региональной экономики в условиях развития национальных цепочек создания стоимости // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 70–84. DOI: 10.47711/0868-6351-211-70-84
- Румянцев Н.М. (2023). Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.4
- Степанова С.В. (2015). Развитие туристской инфраструктуры в северных приграничных регионах России // Проблемы развития территории. № 6. С. 214–225.
- Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона (2025): монография / под ред. С.Ю. Глазьева, В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. Москва: Проспект. 368 с.
- Широв А.А. (2024). Потребление домашних хозяйств в зеркале таблиц «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 3 (204). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-204-6-17
- Artal-Tur A., Navarro-Azorín J.M., Ramos-Parreño J.M. (2020). Measuring the economic contribution of tourism to destinations within an input-output framework: Some methodological issues. *Portuguese Economic Journal*, 19, 243–265. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10258-019-00167-y>
- Dogru T., McGinley S., Kim W.G. (2020). The effect of hotel investments on employment in the tourism, leisure and hospitality industries. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 32(5), 1941–1965. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJCHM-11-2019-0913>

- Hadzik A., Grabara M. (2014). Investments in recreational and sports infrastructure as a basis for the development of sports tourism on the example of spa municipalities. *Polish Journal of Sport and Tourism*, 21(2), 97–106. DOI: <https://doi.org/10.2478/pjst-2014-0010>
- Jones P., Comfort D. (2020). The COVID-19 crisis and sustainability in the hospitality industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 32(10), 3037–3050. DOI: 10.1108/IJCHM-04-2020-0357
- Khalil S., Kakar M.K., Malik A. (2007). Role of tourism in economic growth: Empirical evidence from Pakistan economy. *The Pakistan Development Review*, 46(4), 985–995.
- Kronenberg K., Fuchs M. (2021). The socio-economic impact of regional tourism: An occupation-based modelling perspective from Sweden. *Journal of Sustainable Tourism*, 30(12), 2785–2805. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1924757>
- Kruja D., Lufi M., Kruja I. (2012). The role of tourism in developing countries: The case of Albania. *European Scientific Journal*, 8(19), 129–141.
- Mitchell J. et al. (2015). What is the impact of hotels on local economic development? Applying value chain analysis to individual businesses. *Anatolia*, 26, 347–358.
- Nguyen Q.H. (2021). Impact of investment in tourism infrastructure development on attracting international visitors: A nonlinear panel ARDL approach using Vietnam's data. *Economies*, 9(3), 131. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies9030131>
- Nikolskaya E., Pasko O., Anikina E., Dekhtyar G., Lebedev K. (2019). The hotel sector as an important component of regional economic infrastructure. *Journal of Environmental Management and Tourism*, 9(6), 1178–1182. DOI: 10.14505/jemt.v9.6(30).06
- Pratt S. (2015). Potential economic contribution of regional tourism development in China: A comparative analysis. *International Journal of Tourism Research*, 17(3), 303–312.
- Widaningrum, D.L., Surjandari, I., Sudiana, D., (2020). Analyzing Land-Use Changes in Tourism Development Area: A Case Study of Cultural World Heritage Sites in Java Island, Indonesia. *International Journal of Technology*, Volume 11(4), 688–697.
- Wu D.C., Cao C., Liu W., & Chen J.L. (2022). Impact of domestic tourism on economy under COVID-19: The perspective of tourism satellite accounts. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3(2), 100055. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annale.2022.100055>

Сведения об авторе

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

Tourism as a Potential Driver of Regional Economic Growth: Assessment of Multiplier Effects and Scenario Modeling

Abstract. The sustainable development of tourism in Russia requires expanding the supply and increasing tourism infrastructure facilities in the country's regions. Many constituent entities of the Russian Federation have significant but unrealized tourism potential. The Vologda Region is among them, where tourism is a promising economic specialization. The multiplier effects generated by the tourism industry require appropriate measurement for national and regional economies. In this regard, assessing the economic effects of tourism development in the region and substantiating its role as a factor in regional economic growth become relevant. This necessitated the development of methodological tools for identifying promising projects, calculating their effects on the regional economy, and formulating practical recommendations based on the assessment. The methodological basis of the research was the input-output balance toolkit, including the development of authorial input-output tables. The information base

consisted of official data from Rosstat and the Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS), relevant analytical and expert materials, as well as intermediate tables of resources and uses of the Russian economy. The theoretical foundation included scientific works by domestic and foreign authors on tourism infrastructure development, assessment methodology, scenario modeling, and forecasting of economic processes. The scientific novelty of the work lies in the development of a methodological approach that integrates input-output analysis and scenario modeling, adapted to the modern conditions of Russian statistics, for assessing the multiplier effects of tourism on the regional economy. Using multipliers, the multiplicative effects of realizing the resource potential of the tourism industry were assessed, and ways to unlock this potential are proposed.

Key words: tourism, investments, multiplicative effect, scenario modeling, region.

Information about the Author

Ekaterina G. Leonidova – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Статья поступила 08.07.2025.

Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России

Елена Валерьевна

ОДИНЦОВА

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: odin_ev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7906-8520; ResearcherID: U-7061-2019

Аннотация. Уровень и качество занятости в домохозяйствах с детьми рассматриваются в данной работе в рамках оценивания их трудового положения, фактические оценки и динамика которого анализируются на новом этапе развития России после 2022 г. Информационная база сформирована данными специально организованного опроса, проведенного в 2024 году среди представителей домохозяйств с детьми методом телефонных интервью. В ходе исследования были выявлены фактические характеристики домохозяйств с детьми, составляющие его социально-демографический и трудовой потенциал, определяющие трудовое положение домохозяйств и его (не)устойчивость, «задают» объективные ограничения для уровня и качества занятости в домохозяйствах, часть лиц в которых находится за рамками экономической активности и трудоспособного возраста. Проведена идентификация домохозяйств с детьми, относящихся к разным группам по мере снижения устойчивости их трудового положения, на основе комплексного оценивания. Для идентификации были задействованы критерии (I) реализации трудового потенциала домохозяйства, (II) стабильности, устойчивости занятости в домохозяйстве, (III) потенциала занятости для обеспечения экономической устойчивости домохозяйства. Определены масштабы данных групп среди домохозяйств с детьми в целом и по их типам (по состоянию на 2024 год) — с устойчивым, с относительно устойчивым, с частично неустойчивым и с неустойчивым трудовым положением. Выявлено, что масштабы групп среди домохозяйств с детьми нарастают по мере «перехода» от устойчивого к неустойчивому трудовому положению. Показано, что

Для цитирования: Одинцова Е.В. (2025). Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.7

For citation: Odintsova E.V. (2025). Level and quality of employment of households with children: (Non-)sustainability and dynamics in the new conditions of Russia's development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.7

распространенность устойчивого трудового положения наиболее высоких значений достигает среди однодетных домохозяйств (4,6%), неустойчивого трудового положения – среди многодетных домохозяйств (78,8%).

Ключевые слова: домохозяйства с детьми, трудовое положение домохозяйств, устойчивость трудового положения домохозяйств, уровень занятости, качество занятости, доходы от занятости, экономическая устойчивость домохозяйств.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук.

Введение

Повышение благополучия семей с детьми, относящихся к числу уязвимых категорий населения, является одним из приоритетов национальной повестки. С 2025 года реализуется национальный проект «Семья», включающий пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры»¹. В декабре 2024 года создан Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики². В марте 2025 года утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, нацеленная, в частности, на обеспечение поддержки и защиты семей как фундаментальной основы российского общества³.

Положение домохозяйств с детьми является следствием воздействия комплекса факторов, среди которых одни из ключевых концентрируются в сфере занятости. Уровень и качество занятости в домохозяйстве определяют материальное положение домохозяйств, возможности самообеспечения без привлечения инструментов социальной поддержки (Ржаницына, 2019; Gulyugina, Odintsova, 2024; и др.). Уровень занятости в домохозяйстве определяется различ-

ными обстоятельствами, в том числе наличием объективных ограничений для занятости у членов домохозяйства (например, состояние здоровья, получение образования), сочетанием семейных и рабочих обязанностей и выстраиванием приоритетов между ними, распределением семейных обязанностей между членами домохозяйства, трудностями возвращения женщин в сферу занятости после перерыва (отпуска по уходу за ребенком) (Пишняк, Надеждина, 2020; Odintsova et al., 2023; Черных и др., 2023).

Появление ребенка влияет на уровень занятости, трансформирует стратегии участия в занятости родителей (Cools et al., 2017; Aguilar-Gomez et al., 2019; и др.), может приводить к снижению качества занятости (снижение заработной платы, переход к неофициальной занятости и пр.) (Berniell et al., 2023; Eberhard et al., 2023). Более уязвимыми с точки зрения положения в сфере занятости являются женщины (Querejeta, Bucheli, 2021), многодетные родители (Шахматова, 2013; Смолева, 2019; Гришина, 2024). Участие в занятости родителей также имеет особенности с точки зрения возраста детей (ситуация хуже в семьях с детьми до 7 лет) и состава домохозяйства (наличие родственников матери/отца, их возраст) (Chen et al., 2023).

Особенности занятости не могут не сказываться на материальном положении домохозяйств, которое является результатом «усилий» членов домохозяйства, обусловливается особенностями их занятости и уровнем доходов от нее⁴ (Синица, 2019; Темницкий, 2020;

¹ Национальный проект «Семья» / Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/nasproekt_semya (дата обращения 12.05.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 09 декабря 2024 года № 1047. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51398> (дата обращения 12.05.2025).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года № 615-п. URL: <http://government.ru/docs/54573> (дата обращения 12.05.2025).

⁴ Аптекарь П. Рост заработной платы – это задача, на которую должны работать все министерства нашей страны // HSEdaily. URL: <https://daily.hse.ru/post/rost-zarabotnoi-platy-eto-zadaca-na-kotoruyu-dolzhny-rabotat-vse-ministerstva-nasei-strany> (дата обращения 05.05.2025).

Odintsova et al., 2023; и др.). В домохозяйствах с безработными выше риски монетарной бедности или депривации (de Graaf-Zijl, Nolan, 2011; Корчагина, Прокофьева, 2023). Также негативные последствия для положения домохозяйств несут нестабильная и временная занятость, неустойчивая занятость (Lewchuk et al., 2015; Auguste et al., 2023; Mussida, Sciulli, 2024; Pérez-Corral et al., 2024). Более уязвимое положение у семей, в которых основным работником является женщина, в том числе неполных (Calegari et al., 2024; McErlean, Glass, 2024).

Нами особенности вовлеченности в занятость и ее качества рассматриваются в рамках интегральной оценки ситуации на уровне домохозяйств с детьми. Ракурс исследования, выбранный в данной работе при оценивании трудового положения домохозяйств с детьми, сопряжен с проблематикой устойчивости. В современных исследованиях она прорабатывается преимущественно в одном из «тематических» направлений: экономическая устойчивость (Ржаницына, 2019; Бобков, 2019a; Gulyugina, Odintsova, 2024), финансовая устойчивость⁵, жилищная неустойчивость (Debrunner et al., 2024), неустойчивость занятости (Бобков, 2019b; От прекарной..., 2022) и др. Данная работа позволяет сформировать более комплексный взгляд на проблему устойчивости положения домохозяйств с детьми, которая оценивается с учетом (не)устойчивости занятости в домохозяйствах и их экономической (не) устойчивости.

Объектом исследования выступают домохозяйства с ребенком или детьми (далее — домохозяйства с детьми, домохозяйства). Предмет исследования — трудовое положение домохозяйств с детьми. Цель — выявление (не)устойчивости трудового положения российских домохозяйств с детьми и его динамики относительно 2022 года, определившего начало нового этапа развития России.

⁵ См., например: Clark R., Mitchell O.S. Financial Fragility, Financial Resilience, and Pension Distributions. TIAA Institute Research Paper Series Forthcoming. 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=4811266> (accessed: 22.08.2025); Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Методики измерения и оценка масштабов финансовой (не)устойчивости домохозяйств в России: доклад // НИУ ВШЭ. URL: <https://daily.hse.ru/post/bednyi-ne-znait-finansovo-neustoiiviyi> (дата обращения 22.08.2025).

Научная новизна работы связана с рассмотрением трудового положения как интегральной характеристики домохозяйств в парадигме «устойчивость — неустойчивость», качественной и количественной идентификацией групп домохозяйств с детьми, различающихся устойчивостью трудового положения.

Значимость исследования заключается в выявлении критериальных оснований формирования (не)устойчивости трудового положения домохозяйств с детьми в целом и в зависимости от числа детей. Результаты характеризуются практической значимостью в контексте развития государственной политики, направленной на улучшение положения семей с детьми, в сфере занятости и повышения реальных доходов населения.

Теоретико-методологические основы исследования

Трудовое положение домохозяйства с детьми рассматривалось в данной работе в качестве интегральной, обобщающей характеристики, отражающей ситуацию с участием в занятости и ее качеством для лиц, составляющих домохозяйство. Трудовое положение оценивалось в парадигме «устойчивость — неустойчивость».

Проблематика устойчивости в отношении ситуации с занятостью наиболее проработана в части выявления неустойчивой (прекаризованной) занятости (Бобков, 2019b; От прекарной..., 2022; Kreshpaj et al., 2020; Padrosa et al., 2021; и др.), ее идентификация базируется на проведении оценивания на индивидуальном уровне. Тема (не)устойчивости также исследуется в аспекте материального положения (Gulyugina, Odintsova, 2024), условий проживания (доступность, надежность жилья и пр.) (Clair et al., 2019; Debrunner et al., 2024; и др.), при этом измерение проводится на уровне домохозяйств или населения. В данном исследовании проблематика (не)устойчивости рассматривалась на уровне домохозяйств с детьми в рамках оценивания их трудового положения, результирующего «вклад» в него всех членов домохозяйства.

(Не)устойчивость трудового положения домохозяйства свидетельствует о (не)возможности обеспечить в нем устойчивость экономического положения за счет сферы занятости с учетом особенностей вовлеченности в нее экономически активных лиц в домохозяйстве и

иждивенческой нагрузки на занятых. Оценка трудового положения домохозяйства на (не)устойчивость проводилось на основе следующих критериев.

I. Реализация трудового потенциала домохозяйства. Данный критерий позволяет учесть важный аспект, связанный с вовлеченностью членов домохозяйства в занятость. В других исследованиях он может рассматриваться, например, через интенсивность занятости — как много все члены домохозяйства трудоспособного возраста в реальности работали по сравнению с их потенциалом⁶. В нашем исследовании ситуация рассматривалась более детализированно. При оценивании на основе данного критерия учитывалось соотношение числа работающих и неработающих в домохозяйстве среди лиц в возрасте 15 лет и старше, наличие работающих с недоиспользованным трудовым потенциалом (например, с неполным рабочим днем, с избыточной квалификацией для рабочего места), наличие неработающих лиц в возрасте 15 лет и старше с недоиспользованным трудовым потенциалом и/или с объективными ограничениями занятости (постоянного/временного характера)⁷.

II. Стабильность, устойчивость занятости в домохозяйстве. Данный критерий отражает качество занятости в домохозяйстве, что также может сказываться на положении домохозяйств (Lewchuk et al., 2015; Pérez-Corral et al., 2024; и др.). При оценивании нами учитывалось наличие в домохозяйстве работающих лиц в воз-

расте 15 лет и старше, занятость которых имеет концентрированные (два и более) проявления неустойчивости⁸, верифицированные в предыдущих исследованиях⁹.

III. Потенциал занятости для обеспечения экономической устойчивости домохозяйства. В рамках данного критерия учитывались возможности обеспечить за счет доходов от занятости экономическую устойчивость домохозяйства. Достижение благополучия домохозяйства является важным показателем результативности трудового поведения его членов (Темницкий, 2020). В нашем исследовании пороговым критерием экономической устойчивости домохозяйств выступал социально приемлемый потребительский бюджет (СППБ), отражающий более высокое относительно прожиточного минимума качество жизни за счет учета более широкого перечня социально значимых потребностей. В СППБ учитывается принцип самообеспечения, который предусматривает оплату жилья и коммунальных услуг без внешних субсидий. Также предусмотрено финансовое самострахование путем формирования целевых накоплений для поддержания образа жизни в непредвиденных или неблагоприятных обстоятельствах путем создания финансового резерва, приобретения пассажирского транспорта (легкового автомобиля) и улучшения жилищных условий. На домохозяйственном уровне величина СППБ варьирует в зависимости от типа и состава домохозяйства¹⁰ (Gulyugina, Odintsova, 2024).

⁶ См., например: Moving from Welfare to Work: Low Work Intensity Households and the Quality of Supportive Services / National Economic and Social Council. URL: http://files.nesc.ie/nesc_reports/en/146_Low_Work_Intensity_Households.pdf (accessed: 12.05.2025); Persons living in households with very low work intensity by age and sex (population aged 0 to 64 years) // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_lvhl11n/default/table?lang=en (accessed: 12.05.2025).

⁷ Наличие неработающих взрослых с недоиспользованным трудовым потенциалом (безработные, не работающие и не ищущие работу); наличие неработающих взрослых с объективными ограничениями занятости временного характера (обучение, уход за ребенком, временная нетрудоспособность); наличие неработающих взрослых с объективными ограничениями занятости постоянного характера (ведение домашнего хозяйства, личное подсобное хозяйство, уход за пожилыми и инвалидами, инвалидность, пенсия).

⁸ Среди них рассматривались следующие: занятость в неформальном секторе, занятость на основе контракта или договора на срок до 1 года, занятость на основе договора гражданско-правового характера, занятость без официального оформления на работе, на основе устной договоренности, фиктивная samozанятость, неофициальная занятость не по найму, уменьшение зарплаты или сокращение часов работы не по инициативе работника, вынужденный неоплачиваемый отпуск, отсутствие оплачиваемого отпуска, задержка заработной платы, неофициальная заработная плата.

⁹ См., например: Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Неустойчивая занятость // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/neustoichivaia-prekarizovannaia-zaniatost-b9460d> (дата обращения 05.05.2025).

¹⁰ Среднедушевой СППБ в соотношении с величиной прожиточного минимума (ПМ) составляет 3,5 ПМ.

Трудовое положение домохозяйств с детьми и его (не)устойчивость определяются фактическими характеристиками домохозяйства, составляющими его *социально-демографический и трудовой потенциал*, «задающими» объективные ограничения для уровня и качества занятости в домохозяйствах, часть лиц в которых находятся за рамками экономической активности и трудоспособного возраста. В рамках данного исследования рассматривались следующие характеристики социально-демографического и трудового потенциала домохозяйства: число лиц в домохозяйстве в возрасте от 15 до 18 лет, 18 лет и старше; число лиц в домохозяйстве со средним профессиональным или высшим образованием, включая ученую степень; наличие в домохозяйстве лиц, имеющих объективные «ограничения» занятости (инвалидность, серьезные проблемы со здоровьем, ограничивающие трудоустройство); наличие в домохозяйстве работающих более чем на одной работе; студентов, учащихся; при наличии инвалидности, серьезных проблем со здоровьем, ограничивающих трудоустройство; пенсионеров.

Выделенные характеристики с учетом имеющихся данных для проведения анализа позволяют рассмотреть вовлеченность членов домохозяйства в занятость, в том числе для тех из его членов, у которых имеются объективные причины для незанятости. Другими словами, выявить, насколько «исчерпаны» ресурсы домохозяйства для обеспечения доходов за счет занятости, а также определить возможности для занятости на рабочих местах, требующих разного уровня квалификации, обуславливающего различия в доходах от занятости.

Помимо оценивания текущего трудового положения домохозяйств с детьми через призму его (не)устойчивости, в рамках данного исследования также выявлялось, какие изменения в его характеристиках предшествовали этому. Рассматривали изменения числа работающих в домохозяйстве, в качестве занятости работающих, в общем уровне доходов от занятости в домохозяйстве и др. «Референтной точкой» для выявления изменений стал февраль 2022 года, определивший начало нового этапа развития России, обусловленного появлением новых субъектов в ее составе, началом проведе-

ния специальной военной операции, усилением внешнего санкционного давления.

Данные и методы

Информационную основу для проведения исследования составили данные, собранные в ходе специально организованного в рамках научного проекта РНФ № 23-18-00537 опроса представителей домохозяйств с детьми¹¹. Опрос был проведен летом 2024 года методом телефонных интервью по случайной вероятностной выборке стационарных и мобильных телефонных номеров среди населения России 18 лет и старше, проживающих в домохозяйствах с детьми 15 лет и младше. Размер выборки составил 842 эффективных интервью.

В условиях отсутствия комплекса необходимых для исследования данных в открытых источниках (статистические наблюдения, негосударственные мониторинговые обследования) проведенный опрос позволил получить оперативные оценки ситуации за 2024 год, а также динамики относительно февраля 2022 года.

Собранная в рамках опроса информация дает комплексное представление о характеристиках социально-трудового положения домохозяйств с детьми, включая отсутствующие в официальной статистике и общедоступных базах данных мониторинговых обследований домохозяйств: в части качества занятости и ее (не)устойчивости, (не)устойчивости доходов и их источников, (не)стабильности расходов и потребления, потребностей и возможностей улучшения жилищной обеспеченности, финансово-сберегательных стратегий, динамики характеристик трудового положения и уровня жизни в период после февраля 2022 года. В рамках работы акцент сделан на характеристиках, затрагивающих трудовое положение домохозяйств с детьми. Обработка и анализ результатов опроса проводились средствами SPSS и Excel.

Для анализа также привлекались результаты ранее проведенного с участием автора опроса экспертов, в ходе которого обсуждались актуальные риски для социально-трудового положения домохозяйств с детьми, включая риски в сфере занятости (Odintsova, 2024).

¹¹ Опрос проведен Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) под руководством д-ра социол. наук А.В. Андреевской.

Результаты

Социально-демографический и трудовой потенциал домохозяйств с детьми как основа формирования устойчивости их трудового положения. Соотношение числа взрослых и детей определяет потенциальную иждивенческую нагрузку в домохозяйствах, важную с точки зрения формирования их устойчивости. Как следует из полученных данных (табл. 1), у одноподдетных домохозяйств число взрослых соответствует числу детей (25,8%) или превышает его (74,2%). В двухдетных домохозяйствах число взрослых чаще всего соответствует числу детей (68,4%), в заметной группе домохозяйств оно меньше числа детей (22,1%), в отдельных домохозяйствах превышает их число (9,5%). В многодетных домохозяйствах число взрослых, как правило, меньше числа детей (83,0%), в части домохозяйств — превышает или соответствует числу детей (17,0%). Возраст детей

(в большинстве случаев он не превышает 15 лет) также имеет значение с точки зрения возможного «отвлечения» взрослых на уход за ними, сочетания рабочих и семейных обязанностей и, как следствие, возможного снижения участия в занятости взрослых, а также с точки зрения перспектив (выход на рынок труда повзрослевших детей).

Трудовой потенциал домохозяйств с детьми характеризуется тем, что в большинстве (более 80%) из них есть хотя бы 1 человек со средним профессиональным или высшим образованием, а в более чем половине домохозяйств есть 2 человека с таким уровнем образования. Уровень образования важен с точки зрения возможностей трудоустройства на рабочие места разного уровня квалификации и, соответственно, потенциального уровня доходов от занятости, что имеет значение для формирования устойчивости положения домохозяйства.

Таблица 1. Социально-демографический и трудовой потенциал домохозяйств с детьми, % по домохозяйствам соответствующего типа

Показатель	Типы домохозяйств с ребенком (детьми) (в возрасте до 18 лет)		
	С одним ребенком	С двумя детьми	С тремя и более детьми
Число лиц в возрасте 18 лет и старше в домохозяйстве			
1 чел.	25,8	22,1	16,3
2 чел.	61,1	68,4	66,7
3 чел. и более	13,1	9,5	17,0
Число лиц в возрасте от 15 до 18 лет в домохозяйстве			
1 чел.	8,8	29,4	30,2
2 чел.	0,0	1,2	6,9
3 чел. и более	0,0	0,0	0,0
Число лиц со средним профессиональным или высшим образованием в домохозяйстве, включая ученую степень			
Нет	5,0	6,2	14,6
1 чел.	33,0	30,7	22,2
2 чел.	56,0	56,7	53,7
3 чел. и более	6,0	6,4	9,5
Наличие в домохозяйстве лиц, имеющих объективные ограничения занятости (инвалидность, серьезные проблемы со здоровьем, ограничивающие трудоустройство)	22,7	17,5	23,3
Наличие в домохозяйстве работающих...			
более чем на одной работе	15,9	16,9	18,2
студентов, учащихся	4,3	4,3	8,2
при наличии инвалидности, серьезных проблем со здоровьем, ограничивающих трудоустройство	13,4	10,7	12,6
пенсионеров	2,6	3,7	3,8
Источник: оценки на основе данных опроса, проведенного летом 2024 года.			

В части домохозяйств есть лица, имеющие объективные ограничения занятости (инвалидность, серьезные проблемы со здоровьем, ограничивающие трудоустройство). Среди одноподдетных домохозяйств таковых 22,7%, двухдетных — 17,5%, многодетных — 23,3%. При этом выявлены домохозяйства, где есть лица, которые работают, несмотря на наличие объективных причин для незанятости: студенты или учащиеся (от 4,3 до 8,2%); у них имеется инвалидность или серьезные проблемы со здоровьем, ограничивающие трудоустройство (от 10,7 до 13,4%); пенсионеры (от 2,6 до 3,8%). Кроме того, имеет место двойная занятость — наличие основной и дополнительной работы (вторая постоянная или регулярная работа, дополнительные случайные заработки). Она выявлена в 15,9% одноподдетных, 16,9% двухдетных и 18,2% многодетных домохозяйств.

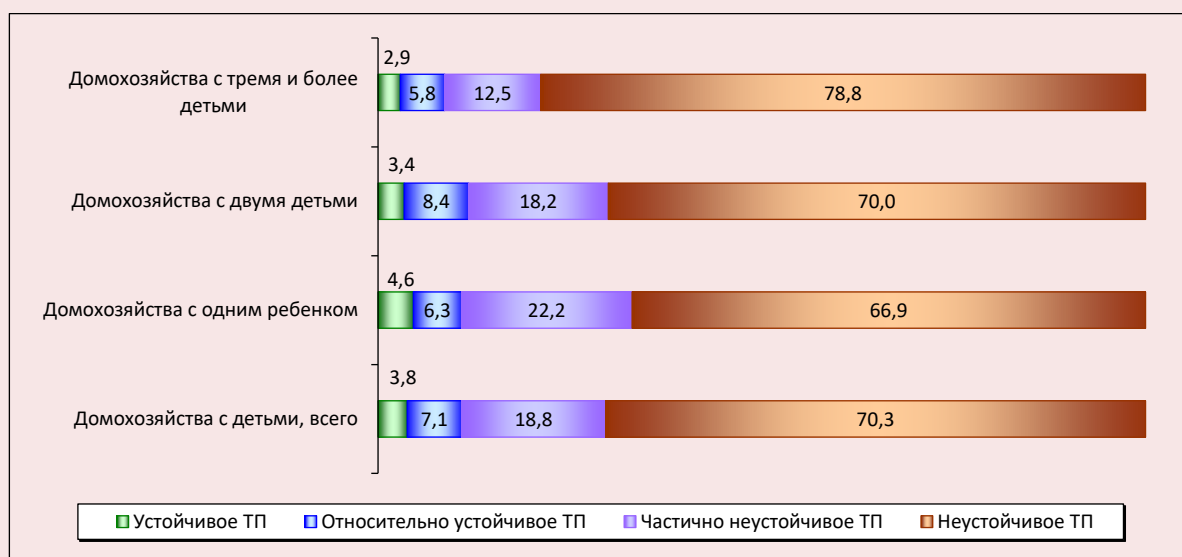
Трудовое положение домохозяйств и его (не)устойчивость: оценивание текущего состояния. С учетом периода сбора данных в рамках опроса оценивание текущего фактического трудового положения домохозяйств проводилось по состоянию на 2024 год (лето). Выявлено, что при фактических имеющихся характеристиках, составляющих социально-демографический и

трудовой потенциал домохозяйств с детьми, у них сформировано трудовое положение, характеризующееся следующими особенностями с точки зрения (не)устойчивости.

Устойчивое трудовое положение отличает домохозяйства с реализованным трудовым потенциалом, в которых заняты все лица в возрасте 15 лет и старше, при этом занятость является стабильной и устойчивой, позволяет обеспечить экономическую устойчивость домохозяйствам. Их доля в целом среди домохозяйств с детьми составляет всего 3,8% (рис. 1). При рассмотрении по типам домохозяйств доля характеризующихся таким положением снижается с увеличением числа детей в домохозяйстве: 4,6% — в одноподдетных, 3,4% — в двухдетных, 2,9% — в многодетных домохозяйствах.

Относительно устойчивое трудовое положение отличает домохозяйства, трудовой потенциал которых может быть недоиспользованным, а занятость работающих может характеризоваться нестабильностью и неустойчивостью, но доходы от нее позволяют обеспечить экономическую устойчивость домохозяйств. Такое трудовое положение в целом среди домохозяйств с детьми выявлено у 7,1%, среди одноподдетных домохозяйств — у 6,3%, двухдетных — у 8,4%, многодетных — у 5,8%.

Рис. 1. Распределение домохозяйств с детьми по (не)устойчивости их трудового положения (ТП), % по домохозяйствам соответствующего типа

Источник: оценки на основе данных опроса, проведенного летом 2024 года.

Частично неустойчивое трудовое положение характеризует домохозяйства с реализованным трудовым потенциалом, в которых заняты все лица в возрасте 15 лет и старше, занятость которых является стабильной и устойчивой, но доходы от нее не позволяют обеспечить экономическую устойчивость домохозяйствам даже при наличии других источников доходов (социальные выплаты и др.). В целом среди домохозяйств с детьми такое трудовое положение установлено для 18,8%, среди однодетных домохозяйств — у 22,2%, среди двухдетных — у 18,2%, среди многодетных — у 12,5%.

Неустойчивое трудовое положение отличает домохозяйства, трудовой потенциал которых может быть недоиспользованным, а занятость работающих может характеризоваться нестабильностью и неустойчивостью. При этом доходы от занятости не позволяют обеспечить экономическую устойчивость домохозяйствам даже при наличии других источников доходов (социальные выплаты и др.). Неустойчивое трудовое положение установлено для 70,3% среди домохозяйств с детьми в целом, среди однодетных домохозяйств — для 66,9%, среди двухдетных — 70,0%, среди многодетных оно встречается еще чаще (78,8%).

Изменения в трудовом положении домохозяйств с детьми в период 2022–2024 гг. Фактическое трудовое положение домохозяйств является следствием предыдущих «процессов», отражающих изменения в положении на рынке труда и в сфере занятости членов домохозяйств. Проведенный анализ полученных в ходе опроса данных показал, что в период после февраля 2022 года в трудовом положении домохозяйств с детьми имели место как негативные, так и позитивные изменения. В части домохозяйств фиксировалась утрата занятости по разным причинам (табл. 2). Так, в 6,9% домохозяйств кто-либо из членов домохозяйства потерял работу, собственное дело. Среди однодетных домохозяйств таких насчитывается 6,3%, среди двухдетных — 7,4%, среди многодетных — 7,6%. В 1,4% однодетных домохозяйств кто-либо перестал работать по причине получения инвалидности.

В 10,2% домохозяйств кто-либо из его членов ушел с работы для осуществления ухода за членами домохозяйства. Требовать ухода могли члены домохозяйства как нетрудоспособного возраста (например, рождение ребенка), так и трудоспособного возраста (например, получение инвалидности). Среди однодетных домо-

Таблица 2. Изменения в трудовом положении домохозяйств с детьми (февраль 2022 года – лето 2024 года), % по домохозяйствам соответствующего типа

Показатель	Домохозяйства с детьми, всего	В том числе домохозяйства		
		с одним ребенком	с двумя детьми	с тремя и более детьми
Кто-либо (у кого-либо) из членов домохозяйства:				
потерял работу	6,9	6,3	7,4	7,6
получил инвалидность и перестал работать	0,6	1,4	0,0	0,0
ушел с работы для ухода за членами домохозяйства	10,2	8,5	11,3	11,4
вышел на пенсию и перестал работать	4,2	5,7	3,1	3,1
вышел на работу, начал свое дело	9,8	10,2	7,4	13,9
перешел на более высокую должность	10,0	8,8	11,7	9,5
перешел на более низкую должность	4,3	4,8	4,6	2,5
увеличился заработок	32,4	32,4	32,5	32,1
снижился заработок	17,6	15,1	20,6	17,0
Источник: оценки на основе данных опроса, проведенного летом 2024 года.				

хозяйств данные изменения в трудовом положении имели место у 8,5%, среди двухдетных — у 11,3%, среди многодетных — у 11,4%. В части домохозяйств (9,8%) наблюдалась обратная ситуация — кто-либо из членов домохозяйства вышел на работу, начал свое дело. Больше всего таких домохозяйств среди многодетных (13,9%), среди однопдетных — 10,2%, среди двухдетных — 7,4%.

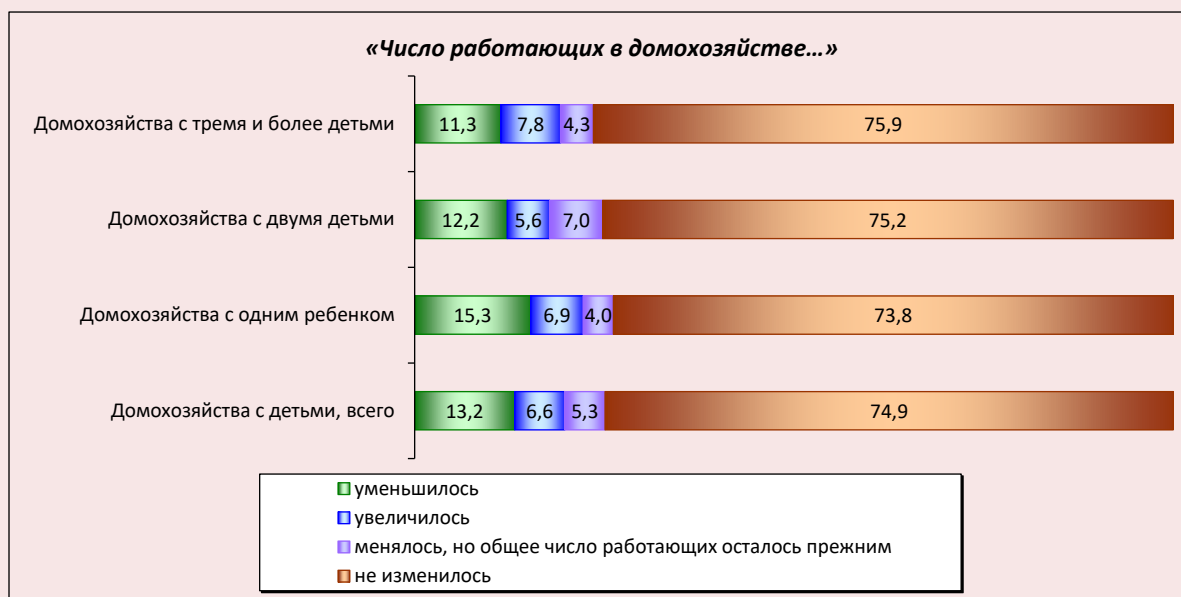
Изменения затронули и лиц, которые в 2022–2024 гг. уже находились в сфере занятости или вышли в этот период на работу. Для них имела место нисходящая/восходящая трудовая мобильность. У 10,0% домохозяйств кто-либо перешел на более высокую должность, у 4,3% — на более низкую должность. В однопдетных домохозяйствах данные изменения были выявлены у 8,8 и 4,8%, в двухдетных — у 11,7 и 4,6%, в многодетных — у 9,5 и 2,5%. Кроме того, в домохозяйствах изменилась ситуация с уровнем трудовых доходов. Так, в 32,4% домохозяйств с детьми у кого-либо из работающих заработок увеличился, в 17,6% — снизился. В однопдетных

домохозяйствах соответствующие изменения были выявлены у 32,4 и 15,1%, в двухдетных — у 32,5 и 20,6%, в многодетных — у 32,1 и 17,0%.

В целом произошедшие в период 2022–2024 гг. изменения выразились в том, что в 13,2% домохозяйств число работающих уменьшилось, в 6,6% — увеличилось, у остальных (80,2%) — ничего не изменилось или число работающих, несмотря на произошедшие изменения, сохранилось прежним (рис. 2). Среди однопдетных домохозяйств доля тех, в которых число работающих уменьшилось/увеличилось, составила 15,3/6,9%, в двухдетных — 12,2/5,6%, в многодетных — 11,3/7,8%.

В результате совокупные трудовые доходы домохозяйств стали значительно меньше у 13,9%, немного меньше — у 14,7%, немного выше — у 26,7%, значительно выше — у 5,4%, у остальных (37,2%) они не изменились (рис. 3). В однопдетных домохозяйствах соотношение тех, в которых имело место снижение/рост трудовых доходов, составило 26,8/30,0%, в двухдетных — 32,4/33,7%, в многодетных — 24,7/33,6%.

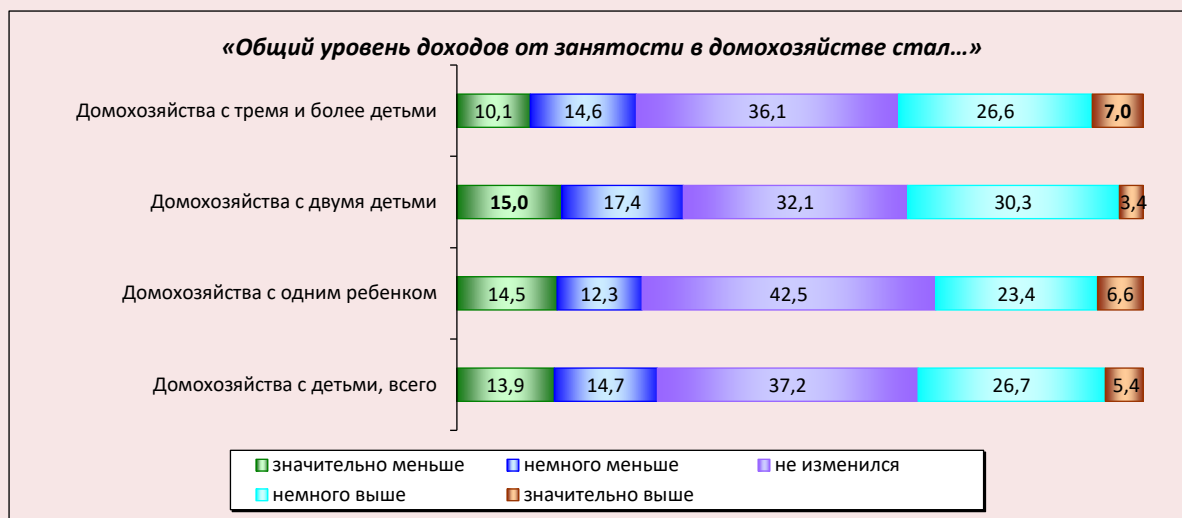
Рис. 2. Изменение числа работающих в домохозяйствах с детьми (февраль 2022 года – лето 2024 года), % по домохозяйствам соответствующего типа*

* На рисунке не приведена доля выбравших ответ «не знаю».

Источник: оценки на основе данных опроса, проведенного летом 2024 года.

Рис. 3. Изменение общего уровня доходов от занятости в домохозяйствах с детьми (февраль 2022 года – лето 2024 года), % по домохозяйствам соответствующего типа*

* На рисунке не приведена доля отказавшихся от ответа и выбравших ответ «не знаю».
 Источник: оценки на основе данных опроса, проведенного летом 2024 года.

Обсуждение

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что домохозяйства с детьми по-разному преодолели начальную стадию (2022–2024 гг.) нового этапа развития страны. Опыт домохозяйств был как негативным, связанным со снижением устойчивости трудового положения, так и позитивным, выразившимся в улучшении трудового положения, повышении его устойчивости.

Результаты опроса представителей домохозяйств с детьми позволяют сделать предположение о реализации в рассматриваемый период рисков в сфере занятости и их влиянии на трудовое положение домохозяйств. Полученные данные могут быть интерпретированы в контексте результатов ранее проведенного на основе опроса экспертов исследования, направленного на выявление значимых и актуальных в новых условиях развития страны после 2022 года рисков в сфере занятости для положения домохозяйств с детьми (Odintsova, 2024). В их числе были определены риски вовлеченности в нестандартные, неустойчивые формы занятости, снижения доходов от занятости, «входа» в сферу занятости (проблемы трудоустройства) и «выхода» из нее (утрата занятости). Как показали полученные данные опроса, для части

домохозяйств с детьми в рассматриваемый период актуальными и значимыми были риски утраты занятости и/или ухода из сферы занятости. В домохозяйствах кто-то из занятых потерял работу (около 7% домохозяйств столкнулись с данными рисками в сфере занятости), утратил занятость в связи с инвалидностью (0,6% домохозяйств) или «добровольно» ушел из сферы занятости для ухода за членами домохозяйства (10,2% домохозяйств).

Более четверти домохозяйств с детьми столкнулись с рисками снижения общего уровня доходов от занятости: 13,9% – значительно, 14,7% – немного. Это могло стать следствием уменьшения числа работающих в домохозяйстве (13,2% домохозяйств), нисходящей трудовой мобильности (4,3%) и/или снижения зарплат у кого-то среди работающих в домохозяйстве (17,6%).

Среди домохозяйств с детьми есть и те, кого в рассматриваемый период риски в сфере занятости не затронули. Напротив, изменения имели положительную направленность: в домохозяйстве кто-то вышел на работу, начал свое дело (около 10,0% домохозяйств), перешел на более высокую должность (10,0% домохозяйств), у кого-то из числа работающих в домохозяйстве повысились зарплаты (око-

ло трети домохозяйств). В итоге в 6,6% домохозяйств число работающих увеличилось, а у трети домохозяйств вырос общий уровень доходов от занятости (немного — 26,7%, значительно — 5,4%).

В целом, как показал дополнительный анализ, 20,6% домохозяйств с детьми в рассматриваемый период прошли через негативные изменения в трудовом положении (столкнулись хотя бы с одним негативным изменением в трудовом положении из перечисленных в таблице 2). У 31,2% домохозяйств, напротив, изменения были позитивными (хотя бы одно позитивное изменение из перечисленных в таблице 2). У 8,2% домохозяйств изменения были как негативными, так и позитивными.

Не были затронуты в рассматриваемый период какими-либо изменениями, связанными с трудовым положением, 40,0% домохозяйств с детьми. Это позволяет сделать предположение, что имеющееся (не)устойчивое трудовое положение этих домохозяйств, в отличие от других групп, сложилось не в 2022–2024 гг., а является «ранее приобретенным».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у части домохозяйств (порядка 11%) уровень доходов от занятости работающих позволяет домохозяйству выйти на пороговый уровень экономической устойчивости (не менее 3,5 ПМ на чел.) даже в случае недоиспользованного трудового потенциала домохозяйства, нестабильности/неустойчивости занятости работающих в домохозяйстве (7,1%). В большей части домохозяйств с детьми (более 80%) доходов не достаточно, чтобы обеспечить экономическую устойчивость, в том числе при реализованном трудовом потенциале и стабильной и устойчивой занятости работников (18,8%).

Проведенный дополнительный анализ показал, что устойчивость трудового положения домохозяйств с детьми прежде всего снижают доходы от занятости. При имеющемся уровне занятости в домохозяйстве и ее качестве доходы от нее не позволяют домохозяйству обеспечить экономическую устойчивость. Это подтверждает необходимость перехода к новым ориентирам в области политики доходов (Ржаницына, 2019; Бобков, Одинцова, 2024). Уровень доходов от занятости является следствием вовлеченности в нее членов домохозяйства и особенностей ее качества помимо доходных ха-

рактеристик (форма, условия занятости) (напр., Корчагина, Прокофьева, 2023; Auguste et al., 2023). Как показали результаты проведенного исследования, вторым по частоте проявления критерием, приводящим к снижению устойчивости трудового положения домохозяйств, выступает их недоиспользованный трудовой потенциал. Проблемы с реализацией трудового потенциала могут быть вызваны недоиспользованным трудовым потенциалом занятых (избыточная квалификация относительно требований рабочего места и пр.), наличием в домохозяйстве лиц с объективными ограничениями занятости, недостаточной вовлеченностью в занятость лиц без таких ограничений. Реже относительно двух других критериев снижения устойчивости трудового положения домохозяйства с детьми сталкиваются с нестабильностью, неустойчивостью занятости работающих.

Полученные выводы дополняют палитру результатов других исследований, фокусирующихся на особенностях стратегий участия в занятости семейных работников (Пишняк, Надеждина, 2020; Черных и др., 2023; Cools et al., 2017; Chen et al., 2023), проблемах выявления качества занятости и ее неустойчивости (Lewchuk et al., 2015; Padrosa et al., 2021), материальном положении (Гришина, 2024). Соединение нескольких векторов анализа — уровень и качество занятости в домохозяйствах и их «результат» в виде (не)возможности домохозяйств достичь определенных стандартов жизни — позволило получить новые данные, аргументирующие важность изучения взаимосвязи сферы занятости и уровня жизни. В данном исследовании «результат» участия в занятости членов домохозяйств рассматривается не в «координатах» монетарной и немонетарной бедности (Calegari et al., 2024; Pérez-Corral et al., 2024), а на качественно ином уровне: через призму устойчивости — неустойчивости, разграничиваемых пороговым критерием экономической устойчивости домохозяйств, в основе которого лежит социально приемлемый потребительский бюджет. Рассмотрение (не)устойчивости трудового положения, интегрирующего разные «срезы» устойчивости, позволило провести соответствующую классификацию домохозяйств с детьми, дополнив многомерный подход к изучению проблематики устойчивости положения домохозяйств (напр., Lain et al., 2020).

Результаты исследования приводят к выводу о важности осуществления дальнейших исследований ситуации с занятостью и ее качеством в домохозяйствах. Направления дальнейшего изучения трудового положения могут быть связаны с более детализированной проработкой стратегий участия в занятости членов домохозяйств с детьми, которые приводят к (не)устойчивости их трудового положения. В ходе исследования реализация данной задачи была ограничена возможностями инструментария: с учетом ограничения длины интервью в рамках одного опроса было необходимо собрать данные не только о трудовом положении домохозяйства, но и об уровне жизни домохозяйства и их динамике.

Заключение

Проведенное исследование позволило провести классификацию домохозяйств с детьми с точки зрения устойчивости их трудового положения, определяемой с учетом реализации трудового потенциала домохозяйств, стабильности и устойчивости занятости работающих, а также потенциала занятости работающих для обеспечения экономической устойчивости домохозяйств. Выявлено, что среди домохозяйств с детьми 3,8% отличает устойчивое, 7,1% — относительно устойчивое, 18,8% — частично не-

устойчивое и 70,3% — неустойчивое трудовое положение. У порядка 30% домохозяйств (не)устойчивость трудового положения сформировалась в результате «накопления» рисков в сфере занятости в период 2022–2024 гг., у порядка 40% домохозяйств — ранее этого периода.

Полученные результаты расширяют исследовательское поле изучения качества и уровня жизни домохозяйств с детьми, факторов их формирования; развивают научное знание о взаимосвязи уровня и качества занятости в домохозяйствах и их экономической устойчивости, дополняя новыми данными об особенностях (не)устойчивости трудового положения домохозяйств с детьми разных типов; подтверждают, что для улучшения положения домохозяйств с детьми, повышения его устойчивости политика государства должна развиваться не только в направлении социальной поддержки семей с детьми, но и в направлении содействия занятости, повышения ее качества и реальных доходов от занятости. Результаты исследования могут быть востребованы при реализации национального проекта «Семья», Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации.

Литература

- Бобков В.Н. (2019а). Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: Вологодский пилотный проект // *Народонаселение*. Т. 22. № 1. С. 106–121. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00008>
- Бобков В.Н. (2019b). Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // *Народонаселение*. Т. 22. № 2. С. 91–104. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018>
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2024). Влияние уровня заработной платы на качество занятости и экономическую устойчивость домохозяйств // *Федерализм*. Т. 29. №1. С. 77–95. URL: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-77-95>
- Гришина Е.Е. (2024). Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // *Финансовый журнал*. Т. 16. № 1. С. 45–60. DOI: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60>
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2023). Незанятость родителей: одна из причин бедности в семьях с детьми // *Народонаселение*. Т. 26. № 2. С. 40–51. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.4>
- От precarious занятости к прекаризации жизни (2022): коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь Мир. 364 с. DOI: 10.55604/9785777708861
- Пишняк А.И., Надеждина Е.В. (2020). Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // *The Journal of Social Policy Studies*. Т. 18. № 2. С. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238>
- Ржаницына Л.С. (2019). Стандарт экономической устойчивости семьи — новый ориентир политики доходов // *Народонаселение*. Т. 22. № 1. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00009>
- Синица А.Л. (2019). Заработная плата как фактор размера семьи педагогических работников общего образования // *Научные труды ИМП РАН*. С. 415–435. DOI: https://doi.org/10.29003/m828.sp_ief_ras2019/415-435

- Смолева Е.О. (2019). Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. Т. 25. № 2. С. 116–137. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6389>
- Темницкий А.Л. (2020). Результативность трудового поведения домохозяйств в условиях трансформации отношений собственности и условий занятости // Мир России. Т. 29. № 2. С. 134–155. DOI: [10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-134-155)
- Черных Е.А., Назарова У.А., Локтюхина Н.В. (2023). Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. № 2. С. 14–36.
- Шахматова Н.В. (2013). Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 13. № 3. С. 6–8. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-3-6-8>
- Aguilar-Gomez S., Arceo-Gomez E., De la Cruz Toledo E. (2019). *Inside the Black Box of Child Penalties: Unpaid Work and Household Structure*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3497089> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3497089> (accessed: 10.05.2025).
- Auguste D., Roll S., Despard M. (2023). the precarity of self-employment among low- and moderate-income households. *Social Forces*, 101(3), 1081–1115. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/soab171>
- Berniell I., Berniell L., Mata D.D.L., Edo M., Marchionni M. (2023). Motherhood and flexible jobs: Evidence from Latin American countries. *World Development*, 167, 106225. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106225>
- Calegari E., Fabrizi E., Mussida C. (2024). State Dependence in material and social deprivation in European single-parent households. *Social Indicators Research*, 172, 481–498. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-024-03317-8>
- Chen C., Kuo Y.-M., Zhao W. (2023). Family size, labor supply, and job prestige: Evidence from three decennial censuses in China. *China Economic Review*, 80, 101986.
- Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. (2019). Constructing a housing precariousness measure for Europe. *Journal of European Social Policy*, 29(1), 13–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
- Cools S., Markussen S., Strøm M. (2017). Children and Careers: How Family Size Affects Parents' Labor market outcomes in the long run. *Demography*, 54(5), 1773–1793. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0612-0>
- De Graaf-Zijl M., Nolan B. (2011). Household joblessness and its impact on poverty and deprivation in Europe. *Journal of European Social Policy*, 21(5), 413–431. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928711418854>
- Debrunner G., Hofer K., Wicki M., Kauer F., Kaufmann D. (2024). Housing precarity in six European and north American cities: Threatened by the loss of a safe, stable, and affordable home. *Journal of the American Planning Association*, 90(4), 610–626. DOI: <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
- Eberhard J.P., Fernandez J., Lauer C. (2023). Effects of maternity on labor outcomes and employment quality for women in Chile. *Journal of Applied Economics*, 26(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/15140326.2023.2232965>
- Gulyugina A., Odintsova E. (2024). On the economic sustainability of Russian households at a socially acceptable level. *Stanovnistvo*, 62(2), 267–291. DOI: <https://doi.org/10.59954/stnv.646>
- Kreshpaj B., Orellana C., Burström B. et al. (2020). What is precarious employment? A systematic review of definitions and operationalizations from quantitative and qualitative studies. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 46(3), 235–247.
- Lewchuk W., Laflèche M., Procyk S., Cook Ch., Dyson D., Goldring L. (2015). *The Precarity Penalty: The Impact of Precarious Employment on Individuals, Households and Communities – And What to Do About It*. Toronto: PEPSO, McMaster University, United Way Toronto. Available at: <https://pepso.ca/documents/precarity-penalty.pdf>
- McErlean K., Glass J.L. (2024). How do households fare economically when mothers become their primary financial support? *Journal of Family and Economic Issues*, 45, 395–409. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-023-09922-y>
- Mussida C., Sciulli D. (2024). Poverty and temporary employment in Italy. *Italian Economic Journal*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40797-024-00297-z>
- Odintsova E.V. (2024). Employment risks for households with children: Expert assessments in the new conditions of Russia's development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 231–246. DOI: [10.15838/esc.2024.4.94.13](https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.13)
- Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. (2023). Features of the standard of living and labor situation in households with children and without them. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 155–171. DOI: [10.15838/esc.2023.5.89.9](https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9)

- Older Workers and Ontological Precarity: Between Precarious Employment, Precarious Welfare and Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. (2020). Precarious households. In: Grenier A., Phillipson C., Settersten Jr. (Eds.). *Precarity and Ageing: Understanding Insecurity and Risk in Later Life*. Bristol University Press.
- Padrosa E., Bolívar M., Julià M., Benach J. (2021). Comparing Precarious Employment Across Countries: Measurement Invariance of the Employment Precariousness Scale for Europe (EPRES-E). *Social Indicators Research*, 154, 893–915. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02539-w>
- Pérez-Corral A.L., Bastos A., Casaca S.F. (2024). Employment insecurity and material deprivation in families with children in the post-great recession period: An analysis for Spain and Portugal. *Journal of Family and Economic Issues*, 45, 444–457. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-023-09905-z>
- Querejeta M., Bucheli M. (2021). Motherhood penalties: The effect of childbirth on women's employment dynamics in a developing country. *Universidad de La República – Documentos de Trabajo*, 1. DOI: <https://hdl.handle.net/20.500.12008/26530>

Сведения об авторе

Елена Валерьевна Одинцова — кандидат экономических наук, руководитель научного проекта, Институт экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Odintsova Ye.V.

Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non)Sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development

Abstract. The work is devoted to the study of the labor situation of households with children, as well as its dynamics in the new conditions of Russia's development after 2022. The information base for the research was formed by data from a specially organized survey conducted in 2024 among representatives of households with children using telephone interviews. The paper revealed the actual characteristics of households with children, which make up their socio-demographic and labor potential, determine the employment status of households and their (non-)sustainability, and set objective limits on the rate and quality of employment in households, some of which are beyond economic activity and working age. We carried out the identification of households with children belonging to different groups as the stability of their employment situation decreases, based on a comprehensive assessment. The criteria used for identification were: (I) realization of the household's labor potential, (II) stability and sustainability of employment in the household, and (III) employment potential to ensure the economic sustainability of the household. We determined the scale of these groups among households with children in general and by their types (as of 2024) — with stable, with relatively stable, with partially unstable, and with unstable employment status. The article revealed that the scale of groups among households with children increases with the “transition” from a stable to an unstable employment situation. The research proved that the prevalence of stable employment status reaches the highest values among households with one child (4.6%), unstable employment status among large households (78.8%).

Key words: households with children, employment status of households, sustainability of households' employment status, employment rate, employment quality, income from employment, economic sustainability of households.

Information about the Author

Yelena V. Odintsova — Candidate of Sciences (Economics), head of scientific project, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Статья поступила 19.06.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.8

УДК 338.439.02, ББК 65.32-21

© Патракова С.С., Копытова Е.Д.

Современное состояние продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России

Светлана Сергеевна**ПАТРАКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sspatrakova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Екатерина Дмитриевна**КОПЫТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6406-3148; ResearcherID: I-8190-2016

Аннотация. Одной из стратегически важных задач России является обеспечение продовольственной безопасности. В условиях усиления санкционного давления, появления множества внешних ограничений финансового, нормативно-правового и иного характера на производство и логистику в продовольственном секторе, эта задача приобретает особую значимость, а в ее решение вовлекаются практически все регионы и Черноземной, и Нечерноземной зоны страны. Целью статьи является оценка продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России и обоснование направлений ее укрепления на основе активизации экономических и неэкономических факторов. Информационную базу составляют научные труды и нормативно-правовые акты РФ по проблематике обеспечения продовольственной безопасности, данные Росстата. Для достижения цели предложен методический подход к оценке продовольственной безопасности,

Для цитирования: Патракова С.С., Копытова Е.Д. (2025). Современное состояние продовольственной безопасности Европейского Севера России // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 143–165. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.8

For citation: Patrakova S.S., Kopytova E.D. (2025). Current state of food security in the European North of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 143–165. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.8

базирующийся на расчете показателей экономической и физической доступности продовольствия и позволяющий проводить ранжирование регионов. В результате его апробации установлено, что в 2021–2023 гг. лидерами по уровню продовольственной безопасности среди регионов Европейского Севера являлись Мурманская и Архангельская области, что обусловлено высоким уровнем денежных доходов населения и действием закона Энгеля, соответствием структуры питания рациональным нормам. Выявлено, что Вологодская область и Ненецкий автономный округ имели кардинально отличающиеся позиции региона по экономической и физической доступности продовольствия. Предложены пути укрепления продовольственной безопасности регионов на основе использования экономических и неэкономических факторов. Новизна исследования заключается в установлении зависимости между экономической и физической доступностью продуктов питания в контексте обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне; при этом для северных территорий России высокая экономическая доступность является механизмом, в определенной степени нивелирующим низкий уровень его физической доступности ввиду неблагоприятных природно-климатических условий для ведения хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, физическая и экономическая доступность продовольствия, сельское хозяйство, регион, Европейский Север России.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН № FMGZ-2025-0013 по теме «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Продовольственная безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности России (как и любой другой страны мира), необходимым условием сохранения здоровья и обеспечения высокого качества жизни населения. Актуальность этой проблематики отмечается в значительной части документов стратегического планирования федерального уровня, в частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400), Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145). В ключевом документе, регулирующем решение этого вопроса, а именно в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20), указано, что «продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, а также необходимым условием реализации стратегичес-

кого национального приоритета — повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения».

В современных условиях усиления санкционного давления на Россию проблематика обеспечения продовольственной безопасности обострилась. Одной из приоритетных задач органов государственной власти страны стало интенсивное развитие отечественного сельского хозяйства путем поддержки сельхозтоваропроизводителей, повышения качества выпускаемой продукции, научно-технологического развития отрасли и развития отечественной селекции и семеноводства и др. При этом фокус направлен на развитие отрасли не только в черноземных, но и в нечерноземных регионах России, к которым условно относится 1/3 субъектов РФ, занимающих 14% ее территории и производящих более 20% общего объема продукции сельского хозяйства. В связи со значительной протяженностью Нечерноземья с Запада на Восток и с Севера на Юг, в этой зоне наблюдается большое разнообразие климатических условий для ведения сельского хозяйства. Например, входящие в состав макрорегиона Европейский Север Рос-

сии (ЕСР) Архангельская, Вологодская и Мурманская области, Республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ находятся сразу в трех климатических поясах — арктическом, субарктическом, умеренном.

Стратегическая значимость обеспечения продовольственной безопасности отмечается не только практикой, но и наукой. Так, д.э.н. А.Г. Семкин (Семкин, Воронин, 2023; Семкин, Задворнева, 2022) в своих трудах одной из главных задач любого государства видит обеспечение страны качественным и доступным продовольствием, надлежащего уровня продовольственной безопасности, которое должно заключаться в стабильности наполнения сельскохозяйственным продовольствием не только внутреннего потребления, но и в формировании необходимых запасов в резервных фондах продовольственного и социального характера. При этом нельзя не согласиться с мнением ученых (см., например, работы: Панкова, Цыпин, Попов, 2019; Косьмин, Кузнецов, 2023) в том, что разработка направлений, механизмов укрепления продовольственной безопасности должна базироваться на результатах научно обоснованной оценки ее текущего уровня.

Целью статьи является оценка продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России и обоснование направлений ее укрепления на основе активизации экономических и неэкономических факторов.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что на региональном уровне продовольственная безопасность обеспечивается как физической, так и экономической доступностью продовольствия; при этом в северных регионах страны более низкому уровню физической доступности, обусловленному сложными природно-климатическими условиями для ведения хозяйственной деятельности, соответствует высокая экономическая доступность.

Для достижения цели и проверки гипотезы поставлены следующие задачи:

1) на основе критического анализа научной литературы выделить ключевые дискуссионные, «узкие» места оценки продовольственной безопасности;

2) разработать и апробировать на материалах регионов Европейского Севера России методический подход к оценке продовольственной безопасности;

3) обосновать перспективные направления повышения продовольственной безопасности на основе активизации экономических и неэкономических факторов.

Теоретико-методологические основы оценки продовольственной безопасности

Проблема обеспечения населения продовольственными товарами необходимого количества, ассортимента и качества на ранних этапах формирования государств решалась централизованно, а уже позднее к ее решению стало подключаться научное сообщество. Такие международные организации, как FAO¹, IFAD, UNICEF, WFP, WHO² и др., проводят исследования в части анализа тенденций, факторов, способствующих или препятствующих продовольственной безопасности государств, а также поиска возможностей продовольственного обеспечения народов разных стран.

Впервые термин «продовольственная безопасность» был использован на Всемирной конференции по проблеме продовольствия в Риме в 1974 году, организованной Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), и нашел свое официальное закрепление в Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности 13 ноября 1996 года, согласно которой продовольственная безопасность — это ситуация, при которой все люди в каждый момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни³. Возникновение понятия было обусловлено глобальным противоречием, сложившимся в те годы, когда абсолютное перепроизводство продовольствия в развитых странах сопровождалось массовым голодом и

¹ Food Security Indicators. Statistics. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017. Available at: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.VkhbzXbhDIU> (accessed: 01.11.2024).

² ФАО (ФАО) — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН; IFAD (МФСР) — Международный фонд сельскохозяйственного развития; UNICEF (ЮНИСЕФ) — Международный чрезвычайный детский фонд ООН; WFP (ВПП) — Всемирная продовольственная программа; WHO (ВОЗ) — Всемирная организация здравоохранения.

³ Rome Declaration on World Food Security. World Food Summit Plan of Action. Available at: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (accessed: 20.04.2025).

недоеданием населения в целом ряде стран третьего мира. Так, по данным FAO, от 0,8 до более чем 0,9 млрд человек на планете голодает, и от 2,7 до 3,1 млрд человек не имеют возможности полноценно питаться⁴. Причины такого положения ученые указывают различные: от природно-климатических проблем до последствий пандемии COVID-19⁵ (Щетинина, 2023).

Международные санкции, введенные в отношении Российской Федерации, в части запрета на отдельные виды продукции АПК, ограничений международных перевозок, страхования, финансовых операций и другие меры, создают серьезную угрозу для эффективного функционирования отечественного агропродовольственного комплекса. Сложившаяся ситуация и имеющийся исторический опыт свидетельствуют о том, что основная доля продуктов питания и сельскохозяйственного сырья для них должна производиться внутри страны (Щетинина, 2023). Нормативы собственного производства наиболее важных продуктов питания определены в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20. В соответствии с данным документом, продовольственная безопасность представляет состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни⁶.

⁴ Доклад ООН: В 2021 году число голодающих в мире достигло 828 млн (07.06.2022) // FAO. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/un-report-global-hunger-SOFI-2022-FAO/ru> (дата обращения 20.04.2025).

⁵ The state of food security and nutrition in the world. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. Rome: Food Agriculture Organizations of the United Nations, IFAD, UNICEF, WFP, WHO, 2022. 260 p. DOI: 10.4060/cc0639en; The future of food and agriculture — drivers and triggers for transformation. The Future of Food and Agriculture. 2023. No. 3. 68 p. DOI: 10.4060/cc0959en

⁶ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/73438425> (дата обращения 20.04.2025).

В этой связи, поскольку продовольственная безопасность представляет собой одну из важнейших стратегических задач сохранения национальной безопасности России, анализ и оценка ее обеспечения в современных условиях и ограничениях приобретает особую актуальность.

Критический анализ научной литературы позволил установить, что вопросы, касающиеся проведения оценки продовольственной безопасности на региональном уровне, являются одними из самых дискуссионных среди представителей научного сообщества и практиков государственного управления. Проявляется это в целом ряде аспектов, представленных далее.

1. *Дискуссионность относительно целесообразности проведения оценки продовольственной независимости*, как одной из составляющих продовольственной безопасности, поскольку регионы объективно не могут сами производить все базовые продукты питания (исходя из природно-климатических условий, общественного разделения труда и иных причин).

Довольно подробно и на конкретных примерах этот аспект рассмотрен в работе сотрудника Приамурского института агроэкономики и бизнеса к.и.н. В.В. Тютюника, где он прямо указывает: «Региональная экономика не может и не должна быть автономной по определению, так как она является частью единого хозяйственного комплекса страны, в рамках которого сложилась своя система территориального разделения труда. Производство промышленных и продовольственных товаров географически распределяется в соответствии с наличием в том или ином регионе лучших условий для их производства...» (Тютюник, 2016). Аналогичная позиция у А.П. Яца, занимавшего в 2012–2015 гг. должность министра сельского хозяйства Хабаровского края: «Каждый субъект РФ не может и не должен полностью обеспечивать себя продовольствием. Согласно Доктрине, утвержденной Президентом, задача Хабаровского края — вносить свой вклад в общую потребительскую корзину Российской Федерации. То, что производится в регионе, направлено на удовлетворение потребностей каждого жите-

ля страны»⁷. Следует отметить, что авторы настоящей работы придерживаются схожей точки зрения.

Однако в отечественной научной литературе есть работы, в которых проводится оценка независимости на региональном уровне. При этом в одних работах регион рассматривается с точки зрения административного деления как субъект РФ, в других — с точки зрения территориального подхода, развитого в трудах академика А.Г. Гранберга, как определенная территория, отличающаяся от других по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов. Так, к.э.н. Е.Н. Антамошкина, чтобы проанализировать уровень продовольственной независимости региона (Южного федерального округа) предлагает сравнивать фактический уровень производства отдельных видов сельхозпродукции с необходимым количеством продовольствия, определенным в соответствии с рациональными нормами потребления (Антамошкина, 2015). Руководитель Сибирского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Сибирского федерального научного центра агробиотехнологий РАН академик П.М. Першукевич проводит оценку обеспечения независимости Сибирского федерального округа на основе сравнения стоимости официально утвержденных норм потребления рекомендованных пищевых продуктов, включенных в состав потребительской корзины, и фактических среднедушевых расходов населения на покупку продуктов питания (Першукевич, 2018). Необходимость такой оценки ученый обосновывает тем, что ввиду территориальной удаленности большинства производителей дешевой сельхозпродукции, агропромышленный комплекс сибирских регионов в значительной степени основан на территориальном разделении труда именно внутри округа. В работе коллектива авторов д.э.н. И.В. Митрофановой, д.э.н. С.Г. Пьянковой, к.э.н. О.Т. Ергуновой для оценки независимости используются коэффициен-

ты самообеспеченности (покрытия норм потребления для региона фактическим объемом производства) и покрытия импорта продовольствия (покрытия импорта экспортом) (Митрофанова, Пьянкова, Ергунова, 2020).

2. *Дискуссионность относительно выбора методических подходов и конкретных показателей, характеризующих экономическую доступность продовольствия.*

Согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ (раздел «Общие положения»), экономическая доступность продовольствия — это «возможность приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам, в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления». Однако определяется она как отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, и, соответственно, прямо не учитывает финансовые возможности приобретения населением продовольствия (раздел Доктрины «Показатели продовольственной безопасности и индикаторы их оценки»). В связи с этим в научном сообществе распространение в качестве показателей (индикаторов) экономической доступности получили:

А) Коэффициент Энгеля, представляющий собой удельный вес расходов населения на продовольствие в общем объеме потребительских расходов⁸. При этом следует понимать, что высокий удельный вес расходов на питание в их общем объеме потенциально вынуждает население, во-первых, ограничивать свое питание в количественном или качественном отношении,

⁷ Доктрина продовольственной безопасности Хабаровского края станет долгосрочной // PrimaMedia. URL: <https://primamedia.ru/news/280090> (дата обращения 01.11.2024).

⁸ Коэффициент в целом следует из закона Энгеля, согласно которому по мере увеличения дохода семьи процент расхода на питание уменьшается, хотя общая сумма расходов на питание увеличивается. Следует отметить, что структурный сдвиг потребления от продуктов питания к непродовольственным товарам и услугам по мере роста доходов домохозяйства подтверждается исследованиями структуры потребления домашних хозяйств во многих странах, включая Россию, Китай, страны Африки, Европы и др. Источник: (Овчарова, Попова, 2013); Ritchie H. Engel's Law: Richer people spend more money on food, but it makes up a smaller share of their income (2023) / Our World in Data. Available at: <https://ourworldindata.org/engels-law-food-spending> (accessed: 01.11.2024).

что может негативно сказаться на состоянии здоровья, во-вторых, ограничивать потребление других товаров и услуг, в том числе социально и экономически значимых (дополнительное образование, досуг и т.п.) (Гумеров, 2020). Общепринятыми границами коэффициента Энгеля являются следующие: 20% и меньше — население относится к категории зажиточного, состоятельного; 20–30% — достаточно обеспеченное; 30–40% — сравнительно обеспеченное; 40–50% — удовлетворение основных потребностей населения; 50–60% — наличие некоторых проблем в удовлетворении основных потребностей населения; 60% и выше — наличие серьезных проблем в удовлетворении основных потребностей населения⁹ (Жильцова, 2017).

Следует отметить, что аналогичный показатель — отношение затрат на питание к совокупным затратам на все виды товаров и услуг — используется в Концепции повышения продовольственной безопасности государственных участников СНГ¹⁰, используется в оценке экономической доступности продуктов питания журналом Economist (Бородин, 2018). Показатель доли расходов на продовольствие в бюджете бедных семей используется как один из индикаторов экономической доступности продовольствия в соответствии с методическим подходом Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) (Бородин, 2018).

Среди авторов, которые для оценки экономической доступности используют или предлагают использовать коэффициент Энгеля (долю расходов на питание в общем объеме расходов) — К.Г. Бородин, Н.И. Шагайда и В.Я. Узун и др. (Бородин, 2018; Шагайда, Узун, 2015).

Б) Коэффициент бедности, отражающий долю населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей

численности населения, индекс Джини, характеризующий степень неравномерности распределения населения по уровню доходов, и коэффициент покупательной способности доходов населения, отражающий соотношение величины прожиточного минимума к среднему доходу (см., например, работу: Ускова и др., 2014). Однако, на наш взгляд, данные показатели характеризуют уровень жизни населения в целом, лишь отчасти и косвенно давая возможность оценить экономическую доступность продовольствия населению.

В) Валовой внутренний продукт на душу населения, индекс внутренних цен на продовольствие, масштабы распространения недоедания, масштабы дефицита продовольствия, масштабы распространения нехватки продовольствия, *доля расходов на продовольствие в бюджете бедных семей*, как индикаторы, отражающие экономическую доступность продовольствия в соответствии с методикой ФАО. При этом следует отметить, что часть этих показателей не мониторится в России (Бородин, 2018).

Г) Доля населения, живущего за глобальной чертой бедности, валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности, *потребление продовольствия как доля расходов домашних хозяйств*, тарифы на импорт сельскохозяйственной продукции, наличие программ обеспечения безопасности пищевых продуктов, доступ к финансированию для фермеров (в контексте методологии Economist Intelligence Unit¹¹). Часть этих показателей, как и представленных выше, не мониторится в России (Бородин, 2018).

3. *Дискуссионность относительно показателей, характеризующих физическую доступность продовольствия.*

Согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ (раздел «Общие положения»), физическая доступность продовольствия — это «уровень развития товаропроводящей инфраструктуры, при котором во всех населенных пунктах страны обеспечивается возможность

⁹ Коэффициент Энгеля в Китае приближается к стандартам уровня состоятельного населения (2017). URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1016/c31518-9280305.html> (дата обращения 01.11.2024).

¹⁰ Концепция повышения продовольственной безопасности государств — участников СНГ. Сайт Евразийского центра по продовольственной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/%D0%A1%D0%9D%D0%93.pdf?ysclid=m3a4nboc57199045506 (дата обращения 01.11.2024).

¹¹ Global Food Security Index 2017. Measuring Food Security and the Impact of Resource Risks. The Economist Intelligence Unit. Available at: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=gfsi2017 (accessed: 01.11.2024).

приобретения жителями пищевой продукции или организации питания в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления». Определяется она как процентное отношение фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к установленным Правительством Российской Федерации нормативам (раздел Доктрины «Показатели продовольственной безопасности и индикаторы их оценки»). Однако оценка физической доступности с позиции этого подхода имеет ряд сложностей, связанных со сложностями статистического учета и оценки уровня развития товаропроводящей инфраструктуры¹², отсутствием в Доктрине прямой отсылки на установленные в Российской Федерации нормативы¹³ и др.

В научной литературе среди показателей / индикаторов физической доступности продовольствия используется зачастую процентное соотношение структуры питания по объемам или калорийности основных видов продуктов к рациональным нормам их потребления.

¹² Так, Н.И. Шагайда отмечает неоднозначность показателя процентного отношения фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к установленным правительством Российской Федерации нормативам. Сам показатель и его динамику трудно трактовать. Например, площади могут расти, но за счет только городских населенных пунктов. Источник: Комраков А. (2019). Продовольственную безопасность оценят доступностью еды // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-03-11/1_7527_food.html (дата обращения 01.11.2024).

¹³ Например: Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ (ред. от 01.03.2025). URL: <https://base.garant.ru/12171992/> (дата обращения: 01.11.2024); Об утверждении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 05.05.2023 г. № 704 (ред. от 06.07.2024). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406744886> (дата обращения 01.11.2024).

Именно потребление продуктов на уровне рациональных норм и выше свидетельствует, что население физически имело доступ к продовольствию за счет всех возможных источников финансирования (личных средств; государственных субсидий на питание и др.) и использования всех возможных видов товаропроводящей инфраструктуры продовольственного рынка (объектов стационарной и мобильной торговли, общественного питания; молочных кухонь для обеспечения специальным питанием семей с детьми, а также беременных и кормящих женщин; северного завоза и др.). Так, в работе А.В. Миненко для оценки физической доступности продовольствия для населения используются следующие показатели: индексы объема продовольственных ресурсов и объема собственного производства продовольствия, *фактический и нормативный уровни обеспеченности продовольственными ресурсами*, уровень запасов, а также *уровень физической доступности* как отношение объема продовольственных ресурсов территории к необходимому их объему, определенному в соответствии с рациональными нормами и численностью населения (Миненко, 2018). А.А. Кайгородцев оценивает уровень физической доступности путем соответствия пищевого рациона физиологическим нормативам по калорийности, сбалансированности жиров, белков и углеводов (Кайгородцев, 2021).

Помимо вопросов в отношении продовольственной независимости, экономической и физической доступности продовольствия, в научной литературе поднимается дискуссия о том, что Доктрина продовольственной безопасности РФ недостаточно ориентирована на повышение уровня технологического развития в продовольственной сфере (Абанина, Олифиренко, 2025) и оценку качества пищевых продуктов (Санникова, Приходько, 2022), а также имеет иные недочеты.

Таким образом, проведенный обзор показал, что проблематика оценки продовольственной безопасности на уровне регионов РФ является весьма дискуссионной, особенно в отношении показателей экономической и физической доступности продовольствия. При этом в научной литературе зачастую исполь-

зуются показатели, отличающиеся от тех, что предлагаются в документах стратегического планирования, в частности Доктрине продовольственной безопасности. Связано это с рядом причин, в числе которых несовершенство статистического наблюдения и методических подходов к расчету показателей, закрепленных нормативно-правовыми актами; необходимость проведения учеными более глубокой и комплексной оценки продовольственной безопасности и т.д. Однако именно такой подход, основанный на постоянном научном поиске альтернативных показателей, новых методов их обработки и агрегирования, применения для территорий разного уровня иерархии (локального, регионального, макрорегионального, национального) может в итоге повысить эффективность государственной политики в области продовольственной безопасности.

Материалы и методы

Методический подход к оценке продовольственной безопасности на региональном уровне является трехэтапным, базируется на расчете показателей экономической и физической доступности продовольствия как ее ключевых составляющих и использовании данных официальной статистики, позволяет проводить ранжирование регионов и определять основные направления ее укрепления.

На первом этапе осуществляется оценка экономической доступности продовольствия на основе коэффициента Энгеля, наиболее близким аналогом которого в российской официальной статистике является показатель «удельный вес расходов на продовольствие в общем объеме потребительских расходов домохозяйств» (публикуется Росстатом в сборнике «Социальное положение и уровень жизни населения России»).

На втором этапе проводится оценка физической доступности продовольствия на основе анализа процентного соотношения структуры питания населения по основным видам продуктов к рациональным нормам их потребления, указанным в Приказе Минздрава России от 19.08.2016 № 614 (ред. от 30.12.2022) «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здоро-

вого питания». Этот показатель рассчитывается на основе данных Росстата, публикуемых в том числе в сборнике «Социальное положение и уровень жизни населения России».

На третьем этапе производится ранжирование регионов на базе присвоенных регионам рангов по уровням экономической и физической доступности продовольствия в среднем за трехлетний период (обусловлено тем, что оценка за один год может дать некорректные результаты ввиду высокой степени зависимости ключевой отрасли АПК — сельского хозяйства — от природно-климатических условий; учет данных за несколько лет позволяет сгладить выбросы «неурожайных» или, наоборот, «аномально урожайных» лет). В рамках настоящего исследования временной период охватил 2021–2023 гг.

Информационную базу расчетов составляют открытые данные Федеральной службы государственной статистики, а также размещаемая в свободном доступе законодательная база Российской Федерации и ее субъектов, что делает методический подход довольно простым для тиражирования и использования как научными работниками, так и представителями органов государственной власти.

Оценка продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России

Анализ динамики удельного веса расходов домохозяйств на продовольствие в общем объеме потребительских расходов в 1990–2023 гг. позволил сделать ряд важных наблюдений и выводов, связанных с проблематикой обеспечения экономической доступности продовольствия в регионах ЕСП (*табл. 1*).

Во-первых, динамика данного показателя на протяжении 1990–2023 гг. не имела устойчивой тенденции к росту или снижению как на национальном, так и на макрорегиональном, региональном уровнях. В результате в домохозяйствах одного региона Европейского Севера России — Вологодской области — в 2022 году удельный вес расходов на питание был даже выше «предкризисного»¹⁴ 1990 года (на 4,3 п. п.).

¹⁴ Имеется в виду трансформационный кризис, связанный с переходом от плановой модели хозяйствования к рыночной в 1991 году.

Таблица 1. Удельный вес продуктов питания и безалкогольных напитков в потребительских расходах домашних хозяйств, %

Территория	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2002 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 1990 г., +/- п.п.	2023 г. к 2000 г., +/- п.п.	2023 г. к 2020 г., +/- п.п.
РФ	35,5	52,0	49,4	44,1	33,2	29,6	32,1	33,2	32,2	32,9	31,5	-4	-17,9	-1,7
СЗФО	Н.д.	Н.д.	54,1	46,5	33,1	29,8	31,7	31,4	31,5	31,0	32,5	-	-21,6	1,1
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	41,5	40,3	31,0	24,3	32,6	31,5	26,5	27,1	25,3	-	-16,2	-6,2
Мурманская область	32,9	48,8	48,6	40,4	31,0	25,1	28,0	26,0	24,6	26,9	26,4	-6,5	-22,2	0,4
Республика Карелия	35,0	49,8	53,0	44,0	37,9	31,7	34,2	32,0	34,4	32,0	27,8	-7,2	-25,2	-4,2
Архангельская область (с НАО)	35,2	53,9	50,2	38,9	31,4	28,5	30,5	27,5	30,7	30,1	29,1	-6,1	-21,1	1,6
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	30,4	27,3	31,0	30,2	29,3	-	-	2,0
Республика Коми	31,4	48,6	49,4	40,8	28,4	32,5	33,1	32,8	31,4	32,6	30,6	-0,8	-18,8	-2,2
Вологодская область	31,3	51,7	49,3	46,0	37,9	35,4	37,1	35,5	36,3	37,1	35,6	4,3	-13,7	0,1

Примечание: данные за 1990, 1995, 2000 гг. приведены для покупки товаров продуктов питания (в соответствии с данными Росстата). Для данных 2002–2023 гг. Росстатом указано, что питание вне дома, т. е. в ресторанах, кафе и иных заведениях общественного питания, не учитывалось ввиду их статистического учета вместе с расходами на услуги гостиниц. Субъекты РФ, входящие в состав Европейского Севера России, ранжированы в порядке возрастания удельного веса расходов на продукты питания в 2023 году.

Источник: данные Росстата (сборник «Социальное положение и уровень жизни населения России», сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах»).

В трех регионах ЕСР в 2020–2023 гг. (период распространения пандемии новой коронавирусной инфекции и введения соответствующих ограничений, направленных на сокращение темпов и масштабов ее распространения, усиления внешнего санкционного давления и связанного с этим нарушения логистических цепочек поставок продовольственных товаров, а также материалов, оборудования, запчастей, комплектующих, используемых в сельхозпроизводстве) удельный вес расходов на питание увеличился на 0,1–2,0 п.п.

При этом по итогам 2023 года в пяти из шести регионов Европейского Севера (за исключением Вологодской области) удельный вес расходов на продовольствие был ниже, чем в среднем по СЗФО (32,5%) и России (31,5%).

Во-вторых, согласно общепринятой градации коэффициента Энгеля, домохозяйства Ненецкого автономного округа и Мурманской области, Республики Карелия и Архангель-

ской области по итогам 2023 года можно оценить как достаточно обеспеченные, не имеющие проблем с приобретением продуктов питания (доля расходов на продовольствие составляет от 20 до 30%). Причем первые два региона удерживают эту позицию с 2021 года. Домохозяйства Республики Коми и Вологодской области можно оценить как сравнительно обеспеченные (доля расходов на продовольствие — от 30 до 40%).

При этом в рейтинге регионов ЕСР по показателю доли продуктов питания в потребительских расходах домохозяйств в среднем в 2021–2023 гг. субъекты расположились следующим образом: 1 место — Мурманская область (26,0%), 2 место — Ненецкий автономный округ (26,3%), 3 место — Архангельская область без НАО (30,2%), 4 место — Республика Карелия (31,4%), 5 место — Республика Коми (31,5%), 6 место — Вологодская область (36,3%; на 10,0 п.п. больше, чем у лидера рейтинга).

Отрыв Мурманской области и Ненецкого автономного округа на 3 и более п. п. от остальных регионов ЕСР в определенной степени обусловлен более высокими уровнями денежных доходов населения¹⁵ и действием закона Энгеля. Отставание Вологодской области — более низкими доходами населения¹⁶ при том, что стоимость питания по значимой части групп пищевых продуктов находится на уровне вышеуказанных арктических регионов, а в ряде случаев превышает его. Так, если в Вологодской области в 2023 году стоимость продуктов категории «хлеб и хлебные продукты» в среднем на потребителя составляла 1645 руб., то в Ненецком автономном округе — 1184 руб. (на

28% меньше; табл. 2), в Мурманской области — 1450 руб. (на 12% меньше).

Следует отметить, что именно в Вологодской области наблюдается наиболее высокая среди регионов ЕСР доля домашних хозяйств, направляющих более ½ потребительских расходов на покупку продуктов питания (в 2023 году — 32,5%, что на 9,9 и 8,5 п.п. выше, чем в среднем по СЗФО и России соответственно; табл. 3).

При этом наибольшая доля расходов на покупку продуктов питания в общем объеме потребительских расходов характерна для наименее обеспеченного населения. Например, в целом по Вологодской области в 2023 году она составляла 50,1%, что на 22,3 п.п. выше доли

Таблица 2. Стоимость питания по основным группам пищевых продуктов в 2023 году, руб. в среднем на потребителя в месяц

Территория	Хлеб и хлебные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца	Рыба и рыбные продукты	Сахар и кондитерские изделия	Масло растительное и другие жиры	Соль пищевая
РФ	1290,6	202,6	1037,1	811,3	2857,8	1594,1	171,5	761,0	699,8	119,0	8,6
СЗФО	1462,3	196,8	1087,5	827,1	2894,9	1787,3	159,4	687,9	595,2	95,3	8,6
Республика Карелия	1231,5	200,5	1065,4	853,1	2774,8	1613,5	187,1	629,3	596,9	121,9	10,2
Республика Коми	1333,3	195,5	1027,6	905,9	2456,8	1625,1	159,2	731,6	639,7	88,8	5,8
Архангельская область (с НАО)	1581,1	232,7	1094,3	864,5	2541,9	1757,4	164,1	707,9	809,5	122,0	8,5
Архангельская область (без НАО)	1597,0	232,7	1090,9	851,5	2540,8	1752,7	162,4	679,2	817,9	122,2	8,4
Ненецкий авт. округ	1183,7	233,8	1179,5	1190,2	2570,1	1874,3	207,5	1425,8	598,4	117,4	12,2
Вологодская область	1644,8	209,6	1127,2	886,3	2888,6	1925,1	193,4	707,6	766,2	114,8	4,9
Мурманская область	1499,9	258,7	1264,9	1092,3	3075,2	1935,8	178,3	1034,4	673,1	94,0	7,6
Источник: данные Росстата (бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах»).											

¹⁵ В частности, согласно данным Росстата, среднедушевые денежные доходы населения в Ненецком автономном округе в 2022 году составляли 104,1 тыс. руб. (1 место среди регионов СЗФО), в Мурманской области — 62,6 тыс. руб. (3 место среди регионов СЗФО); медианный среднедушевой денежный доход в Ненецком авт. округе в 2022 году составлял 71,5 тыс. руб. (1 место среди регионов СЗФО), в Мурманской области — 48,4 тыс. руб. (3 место среди регионов СЗФО). Тот факт, что в указанных регионах удельный вес расходов на питание ниже, на наш взгляд, как раз может быть иллюстрацией действия закона Энгеля.

¹⁶ Согласно данным Росстата, в 2022 году среднедушевые денежные доходы населения в Вологодской области составляли 35,4 тыс. руб. (8 место среди регионов СЗФО), медианный среднедушевой денежный доход в 2022 году — 29,4 тыс. руб. (8 место среди регионов СЗФО).

Таблица 3. Распределение домашних хозяйств по доле расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах в 2023 году, %

Территория	Доля расходов, %							
	до 20,0	20,1–30,0	30,1–40,0	40,1–50,0	50,1 и более	в том числе		
						50,1–60,0	60,1–70,0	более 70,0
РФ	12,0	18,7	23,0	22,2	24,0	15,2	6,7	2,1
СЗФО	11,7	20,1	23,8	21,8	22,6	15,1	5,9	1,6
Ненецкий авт. округ	15,4	30,6	32,4	16,3	5,3	4,0	0,9	0,4
Мурманская область	19,5	26,9	25,8	17,5	10,3	7,8	2,2	0,3
Республика Карелия	19,3	18,2	21,6	23,6	17,4	10,9	4,6	1,9
Республика Коми	11,3	18,8	26,9	22,8	20,3	11,7	6,4	2,2
Архангельская область (с НАО)	15,9	18,9	22,5	21,5	21,2	14,6	5,2	1,4
Архангельская область (без НАО)	16,0	18,5	22,2	21,7	21,8	15,0	5,4	1,4
Вологодская область	7,3	13,4	24,1	22,8	32,5	17,2	10,5	4,8

Примечание: субъекты РФ, входящие в состав Европейского Севера России, ранжированы в порядке возрастания доли домохозяйств, расходующих 50,1% и более на покупку продуктов питания.
Источник: данные Росстата (бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах»).

расходов на питание, которые несут наиболее обеспеченные жители (табл. 4). В городской местности разница в доле расходов наименее и наиболее обеспеченного населения составляла 21,5 п. п. (48,2 против 26,7%), в сельской – 16,7 п. п. (54,0 против 37,7%). Схожая ситуация наблюдается и в других регионах ЕСР. Например, в Ненецком автономном округе разрыв доли расходов на покупку продуктов питания между наименее и наиболее обеспеченным населением составляет 20,1 п. п. (37,6 против 17,5%). Указанное прямо свидетельствует о большей уязвимости малообеспеченного населения в отношении экономической доступности продовольствия.

Анализ процентного соотношения структуры питания населения по основным видам продуктов к рациональным нормам их потребления

в натуральном весе в 1990–2023 гг. (табл. 5) позволяет сделать ряд важных наблюдений и выводов, связанных с проблематикой обеспечения физической доступности продовольствия в регионах ЕСР.

Во-первых, в 2023 году во всех регионах ЕСР находилось на уровне ниже рациональных норм потребление хлеба и хлебобулочных изделий (на 0,1–31,3%), картофеля (на 37,9–49,8%), овощей и бахчевых культур (на 21–42%), фруктов и ягод (на 18,4–32,8%). Потребление рыбы и рыбных продуктов – во всех регионах за исключением Ненецкого автономного округа (на 19,7–33,3%; автономный округ – 144,8%), молока и молочных продуктов – во всех регионах за исключением Вологодской области (на 13,4–16,6%; область – 104,6%), яиц – во всех регионах за исключением Вологодской области и Респуб-

Таблица 4. Доля расходов на покупку продуктов питания* в общем объеме потребительских расходов по 20%-ным группам населения Вологодской области в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в 2023 году, %

Тип домашнего хозяйства	20%-ные группы населения					Разница между долями расходов I и V групп, +/- п. п.
	I**	II	III	IV	V***	
Все домашние хозяйства	50,1	46,6	41,9	38,6	27,8	+22,3
Домашние хозяйства в городской местности	48,2	45,3	41,6	36,8	26,7	+21,5
Домашние хозяйства в сельской местности	54,0	50,0	42,8	42,4	37,7	+16,7

* – включая питание вне дома; ** – наименее обеспеченное население; *** – наиболее обеспеченное население.
Источник: данные Вологдастата по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств («Статистический ежегодник Вологодской области. 2023»).

лики Карелия (на 1,2–11%; область – 105,5%, Республика – 106,7%). В свою очередь потребление мяса и мясных продуктов находилось на уровне выше рациональных норм (на 20,5–40,2%) во всех регионах ЕСР за исключением Ненецкого автономного округа (98,8% от норм).

При этом следует отметить, что практически во всех регионах ЕСР потребление хлеба и хлебных продуктов, картофеля, молока и молочных

продуктов, а также яиц с 1990 года сократилось. Снижение потребления хлебной продукции большинством ученых и профильных специалистов оценивается в целом позитивно как сдвиг в сторону здорового питания¹⁷ (см., например: Батурин, Мартинчик, Камбаров, 2020), а яиц и молочной продукции, являющихся источниками белков, жиров, комплекса полезных веществ, наоборот, негативно.

Таблица 5. Структура питания населения по группам пищевых продуктов, % от рациональных норм потребления

Территория	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 1990 г., +/- п. п.	2023 г. к 2020 г., +/- п. п.	2023 г. к 2022 г., +/- п. п.
Молоко и молочные продукты										
РФ	119,9	66,8	81,5	84,3	82,2	81,9	81,0	-38,9	-3,3	-0,9
СЗФО	127,3	62,1	92,2	93,2	89,7	89,0	86,2	-41,1	-7	-2,8
Вологодская область	132,3	73,0	86,7	108,4	105,4	108,4	104,6	-27,7	-3,8	-3,8
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	82,4	84,6	88,9	88,4	–	6	-0,5
Архангельская область (с НАО)	112,4	37,3	77,5	83,1	84,5	88,6	88,3	-24,1	5,2	-0,3
Мурманская область	124,5	39,4	88,2	87,4	83,6	85,3	86,6	-37,9	-0,8	1,3
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	70,7	99,1	82,2	81,6	85,3	–	-13,8	3,7
Республика Коми	123,0	65,5	91,6	86,3	86,7	84,6	84,8	-38,2	-1,5	0,2
Республика Карелия	115,8	59,9	82,0	92,8	85,8	89,0	83,4	-32,4	-9,4	-5,6
Мясо и мясные продукты										
РФ	101,4	60,8	106,8	124,7	126,7	127,4	132,4	31	7,7	5
СЗФО	101,4	55,4	116,8	123,5	125,6	127,5	133,4	32	9,9	5,9
Вологодская область	104,1	59,5	101,6	121,9	126,8	135,2	140,2	36,1	18,3	5
Мурманская область	93,2	43,2	117,7	118,6	118,2	123,0	136,4	43,2	17,8	13,4
Республика Карелия	77,0	58,1	111,5	134,7	120,9	126,8	132,2	55,2	-2,5	5,4
Республика Коми	94,6	68,9	110,8	110,2	121,2	120,0	124,5	29,9	14,3	4,5
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	124,5	113,1	115,3	120,5	–	-4	5,2
Архангельская область (с НАО)	82,4	36,5	98,6	123,4	112,6	114,7	119,6	37,2	-3,8	4,9
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	80,5	96,4	98,7	101,1	98,8	–	2,4	-2,3
Рыба и рыбные продукты										
РФ	Н.д.	Н.д.	75,7	79,2	77,6	78,4	80,3	–	1,1	1,9
СЗФО	Н.д.	Н.д.	75,7	66,1	64,0	64,5	61,8	–	-4,3	-2,7
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	6,5	157,3	152,7	157,6	144,8	–	-12,5	-12,8
Мурманская область	Н.д.	Н.д.	9,5	74,0	78,8	78,1	80,3	–	6,3	2,2
Республика Коми	Н.д.	Н.д.	90,0	70,8	80,5	75,7	79,4	–	8,6	3,7
Архангельская область (с НАО)	Н.д.	Н.д.	90,4	88,8	84,9	84,1	76,8	–	-12	-7,3
Вологодская область	Н.д.	Н.д.	7,9	79,7	78,7	72,1	76,4	–	-3,3	4,3
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	86,1	82,3	81,1	74,1	–	-12	-7
Республика Карелия	Н.д.	Н.д.	95,4	81,2	69,2	73,5	66,7	–	-14,5	-6,8

¹⁷ «Пищевые тренды закладываются в семье»: 15 вопросов о питании россиян. URL: <https://journal.tinkoff.ru/eda-talk/> (дата обращения 01.11.2024).

Продолжение таблицы 5

Территория	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 1990 г., +/- п. п.	2023 г. к 2020 г., +/- п. п.	2023 г. к 2022 г., +/- п. п.
Яйца										
РФ	114,2	88,1	85,0	92,1	89,5	92,2	91,3	-22,9	-0,8	-0,9
СЗФО	115,4	89,6	91,9	91,7	90,0	92,4	89,3	-26,1	-2,4	-3,1
Республика Карелия	122,7	78,1	90,4	109,8	101,9	106,9	106,7	-16	-3,1	-0,2
Вологодская область	120,8	88,1	100,0	95,8	96,7	104,5	104,5	-16,3	8,7	0
Мурманская область	98,8	77,3	83,8	94,5	89,2	99,3	98,8	0	4,3	-0,5
Республика Коми	111,5	99,6	87,3	83,5	86,7	84,9	92,6	-18,9	9,1	7,7
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	68,5	88,7	79,6	92,2	91,4	-	2,7	-0,8
Архангельская область (с НАО)	113,5	58,5	83,8	95,4	87,5	90,5	89,1	-24,4	-6,3	-1,4
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	95,7	87,8	90,4	89,0	-	-6,7	-1,4
Хлеб и хлебные продукты										
РФ	122,7	120,6	104,6	98,7	92,9	93,1	89,6	-33,1	-9,1	-3,5
СЗФО	116,5	113,4	94,2	87,6	81,6	83,4	79,7	-36,8	-7,9	-3,7
Вологодская область	137,1	121,6	113,1	103,5	96,0	103,7	99,9	-37,2	-3,6	-3,8
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	100,2	88,7	90,1	86,3	-	-13,9	-3,8
Архангельская область (с НАО)	116,5	112,4	102,0	99,8	88,2	89,5	85,7	-30,8	-14,1	-3,8
Республика Коми	119,6	119,6	104,3	83,6	83,8	83,4	80,7	-38,9	-2,9	-2,7
Республика Карелия	113,4	106,2	93,8	93,5	83,8	85,8	76,2	-37,2	-17,3	-9,6
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	78,0	90,7	76,6	73,5	70,5	-	-20,2	-3
Мурманская область	73,2	96,9	81,4	67,7	64,2	69,4	68,7	-4,5	1	-0,7
Картофель										
РФ	117,8	Н.д.	73,7	62,7	58,3	58,2	60,8	-57	-1,9	2,6
СЗФО	105,6	Н.д.	76,8	59,6	53,7	54,6	53,9	-51,7	-5,7	-0,7
Вологодская область	128,9	Н.д.	90,3	64,0	58,2	59,0	62,1	-66,8	-1,9	3,1
Республика Карелия	91,1	Н.д.	73,3	69,4	53,3	54,5	55,1	-36	-14,3	0,6
Мурманская область	68,9	Н.д.	61,3	53,2	48,7	50,4	54,8	-14,1	1,6	4,4
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	57,2	48,8	48,3	54,4	-	-2,8	6,1
Архангельская область (с НАО)	72,2	Н.д.	75,1	57,2	48,9	48,5	54,3	-17,9	-2,9	5,8
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	43,0	57,3	51,8	52,9	52,9	-	-4,4	0
Республика Коми	105,6	Н.д.	61,7	49,3	49,8	48,7	50,2	-55,4	0,9	1,5
Овощи и бахчевые										
РФ	63,6	Н.д.	68,9	74,2	72,1	74,3	76,1	12,5	1,9	1,8
СЗФО	55,0	Н.д.	71,8	73,6	70,7	73,2	71,2	16,2	-2,4	-2
Вологодская область	46,4	Н.д.	73,5	78,7	73,8	77,7	79,0	32,6	0,3	1,3
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	69,8	64,3	70,0	72,6	-	2,8	2,6
Архангельская область (с НАО)	50,7	Н.д.	61,6	69,1	63,7	69,4	72,0	21,3	2,9	2,6
Республика Карелия	52,9	Н.д.	58,4	67,1	58,5	62,2	68,5	15,6	1,4	6,3
Мурманская область	55,0	Н.д.	67,1	66,6	61,3	67,5	67,3	12,3	0,7	-0,2
Республика Коми	64,3	Н.д.	70,2	64,6	65,9	65,8	66,0	1,7	1,4	0,2
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	34,6	52,7	50,2	53,6	58,0	-	5,3	4,4

Окончание таблицы 5

Территория	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 1990 г., +/- п. п.	2023 г. к 2020 г., +/- п. п.	2023 г. к 2022 г., +/- п. п.
Фрукты и ягоды										
РФ	Н.д.	Н.д.	70,2	77,1	72,1	70,3	71,6	–	-5,5	1,3
СЗФО	Н.д.	Н.д.	77,1	78,6	74,8	71,8	68,5	–	-10,1	-3,3
Мурманская область	Н.д.	Н.д.	90,2	88,1	81,3	77,9	81,6	–	-6,5	3,7
Вологодская область	Н.д.	Н.д.	67,3	89,8	79,2	76,7	76,9	–	-12,9	0,2
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	85,6	77,8	74,3	75,1	–	-10,5	0,8
Архангельская область (с НАО)	Н.д.	Н.д.	65,8	84,7	77,0	73,8	74,8	–	-9,9	1
Республика Коми	Н.д.	Н.д.	88,9	75,1	79,4	74,4	73,0	–	-2,1	-1,4
Ненецкий авт. округ (НАО)	Н.д.	Н.д.	41,9	61,6	57,2	61,6	68,4	–	6,8	6,8
Республика Карелия	Н.д.	Н.д.	73,3	79,8	66,0	66,8	67,2	–	-12,6	0,4

Примечание: сравнение проводилось с нормами, изложенными в источнике: Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава России от 19.08.2016 г. № 614 (ред. от 30.12.2022). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 01.11.2024).

Согласно Приказу, норматив потребления хлебных продуктов (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые) – 97 кг/год/чел., картофеля – 90 кг/год/чел., овощей и бахчевых – 140 кг/год/чел., фруктов свежих – 100 кг/год/чел., сахара – 8 кг/год/чел., мясопродуктов – 74 кг/год/чел., рыбы и рыбопродуктов – 28 кг/год/чел., молока и молокопродуктов в пересчете на молоко – 322 кг/год/чел., яиц – 260 шт/год/чел., масла растительного – 12 кг/год/чел., соли поваренной – 1,8 кг/год/чел. При этом согласно Приказу Минздрава России от 19.08.2016 № 614, рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания, представляют собой среднелюдиные величины основных групп пищевых продуктов, а также их ассортимент в килограммах на душу населения в год, которые учитывают химический состав и энергетическую ценность пищевых продуктов, обеспечивают расчетную среднелюдскую потребность в пищевых веществах и энергии, а также разнообразие потребляемой пищи. В рамках настоящего исследования в расчетах принято допущение о постоянстве рациональных норм потребления. В таблице не приведены данные по потреблению поваренной соли ввиду их отсутствия в 2006–2022 гг., сахара, поскольку Росстатом рассчитывается потребление сахара вместе с кондитерскими изделиями, растительному маслу, поскольку Росстатом рассчитывается потребление масла совместно с другими жирами. Регионы ранжированы по убыванию процента фактического потребления от рациональных норм в 2023 году в пределах каждой группы пищевых продуктов.

Источник: данные Росстата (2006–2023 гг. – бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах», 1990–2000 гг. – сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели»).

Увеличилось потребление населением ЕСР, как и в целом СЗФО и России, овощей и бахчевых, мяса и мясопродуктов, фруктов и ягод, что, по мнению профессора Финансового университета при Правительстве РФ А. Сафонова, объясняется изменением уровня жизни населения в сторону улучшения; глава Национальной мясной ассоциации С. Юшин в число причин относит и то, что «мясо оставалось экономически доступным продуктом, в то время как рыба дорожала и ее потребление снижалось»¹⁸.

¹⁸ Россияне стали есть рекордно много мяса. Потребление каких продуктов выросло, а каких – упало. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/08/2024/66b4b9919a7947473323a075> (дата обращения 01.11.2024).

Во-вторых, исходя из уровня потребления основных групп пищевых продуктов в среднем в 2021–2023 гг., регионы ЕСР могут быть проранжированы следующим образом:

- 1 место – Вологодская область;
- 2 место – Архангельская область без Ненецкого автономного округа;
- 3 место – Мурманская область;
- 4 место – Республика Карелия;
- 5 место – Республика Коми;
- 6 место – Ненецкий автономный округ¹⁹.

¹⁹ Ранжирование осуществлялось по среднему арифметическому потреблению продуктов питания по группам в 2021–2023 гг.

Важно отметить, что структура потребления основных групп пищевых продуктов в значительной степени определяет калорийность питания, достаточность в нем таких макроэлементов, как белки, жиры и углеводы. Как следует из данных, представленных в *таблице 6*, в составе пищевых веществ в потребленных продуктах питания наблюдаются отклонения от нижних и верхних границ рекомендуемых норм для мужчин и женщин. Например, среднесуточное потребление белков в Ненецком автономном округе было ниже норматива для мужчин на 6,1% (70,4 г при норме не ниже 75 г), а с учетом поправочного коэффициента для районов Крайнего Севера — на 18,1% (70,4 г при норме не ниже 86 г). В Вологодской области среднесуточное потребление жиров на 24% выше верхней границы норматива для женщин (124 г при норме не более 100 г). В республиках Коми и Карелия,

Ненецком автономном округе и Мурманской области среднесуточное потребление углеводов было ниже норматива для мужчин на 3,2–11,9%.

Таким образом, можно заключить, что обеспечение продовольственной безопасности, в частности, таких ее компонентов, как экономическая и физическая доступность продовольствия — актуальный для регионов Европейского Севера вопрос. В настоящее время относительно высокие позиции в рейтинге регионов ЕСР занимают Мурманская область (1 место по уровню экономической доступности, 3 — физической; *табл. 7*) и Архангельская область без Ненецкого автономного округа (3 и 2 места соответственно). Республики Коми и Карелия разделяют 4 и 5 места по уровню экономической и физической доступности продовольствия. Вологодская область и Ненецкий автономный округ имеют довольно кардинально отличающиеся позиции по экономической и

Таблица 6. Состав пищевых веществ в потребленных продуктах питания в 2023 году, в среднем на потребителя в сутки

Территория	Белки			Жиры			Углеводы			Килокалории		
	г	% от нормы		г	% от нормы		г	% от нормы		ккал	% от нормы	
		М	Ж		М	Ж		М	Ж		М	Ж
РФ	81,4	108,5	135,7	109,4	151,9	191,9	311,9	103,6	131,1	2569,3	119,5	151,1
СЗФО	77,8	103,7	129,7	107,2	148,9	188,1	282,4	93,8	118,7	2416,8	112,4	142,2
Республика Карелия	76,7	102,3	127,8	114,3	158,8	200,5	291,4	96,8	122,4	2511,8	116,8	147,8
Республика Коми	76,8	102,4	128,0	104,9	145,7	184,0	289,9	96,3	121,8	2422,1	112,7	142,5
Архангельская область (с НАО)	77,4	103,2	129,0	111,4	154,7	195,4	318,4	105,8	133,8	2598,2	120,8	152,8
Ненецкий авт. округ	70,4	93,9	117,3	88,1	122,4	154,6	265,1	88,1	111,4	2145,4	99,8	126,2
Архангельская область (без НАО)	77,7	103,6	129,5	112,4	156,1	197,2	320,6	106,5	134,7	2616,3	121,7	153,9
Вологодская область	89,6	119,5	149,3	124,5	172,9	218,4	339,1	112,7	142,5	2848,4	132,5	167,6
Мурманская область	79,0	105,3	131,7	110,9	154,0	194,6	268,9	89,3	113,0	2402,2	111,7	141,3

Примечание: согласно методическим рекомендациям «МР 2.3.1.0253-21. 2.3.1. Гигиена питания. Рациональное питание. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации», физиологические потребности в энергии для взрослых — от 2150 до 3800 ккал/сутки для мужчин и от 1700 до 3000 ккал/сутки для женщин. Расход энергии на адаптацию к холодному климату в районах Крайнего Севера увеличивается в среднем на 15%. Физиологическая потребность в белке для взрослого населения составляет от 75 до 114 г/сутки для мужчин и от 60 до 90 г/сутки для женщин. Физиологическая потребность в жирах — от 72 до 127 г/сутки для мужчин и от 57 до 100 г/сутки для женщин. Физиологическая потребность в усвояемых углеводах — от 301 до 551 г/сутки для мужчин и от 238 до 435 г/сутки для женщин.

При расчете потребления пищевых веществ в % от нормы, в качестве последней брались нижние границы физиологической потребности для мужчин (М) и женщин (Ж).

Источник: данные Росстата (бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах»).

Таблица 7. Ранги регионов Европейского Севера России по уровням экономической и физической доступности продовольствия

Территория	Экономическая доступность	Физическая доступность
Мурманская область	1	3
Ненецкий авт. округ	2	6
Архангельская область (без НАО)	3	2
Республика Карелия	4	4
Республика Коми	5	5
Вологодская область	6	1

Примечание: 1 место соответствует более высокому, 6 – более низкому уровню доступности. Ранжировано в порядке убывания ранга по экономической доступности продовольствия.

В рамках развития проблематики обеспечения продовольственной безопасности перспективной видится разработка обобщающего, интегрального показателя доступности продовольствия. Его основу могут составить используемые в настоящем исследовании показатели экономической (удельный вес расходов на продовольствие в общем объеме потребительских расходов домохозяйств) и физической (процентное соотношение структуры питания населения по основным видам продуктов к рациональным нормам их потребления) доступности продовольствия, а также отражающие их значимость весовые коэффициенты. Научное обоснование последних – дискуссионная, но в то же время очень важная задача, которая может быть решена посредством привлечения экспертов: см., например, работу (Гумеров и др., 2021).

Источник: составлено авторами по результатам проведенных расчетов.

физической доступности продовольствия.

Данные таблицы 7 в целом подтверждают гипотезу о том, что в северных регионах страны высокий уровень экономической доступности продовольствия, обеспеченный значительными среднедушевыми доходами, компенсирует низкий уровень физической доступности, обусловленный сложными природно-климатическими условиями для ведения хозяйственной деятельности (например, в Ненецком автономном округе, Мурманской области). В более южных регионах, в частности, в Вологодской области, наблюдается иная ситуация. При относительно высокой физической доступности продовольствия, обусловленной благоприятными природно-климатическими условиями для ведения хозяйственной, в том числе сельскохозяйственной, деятельности и развитой транспортной инфраструктурой, наблюдается низкая экономическая доступность. Однако следует понимать, что экономическая и физическая доступность не являются взаимозаменяемыми и, в связи с этим должны обеспечиваться одновременно.

Вышеобозначенное свидетельствует о необходимости реализации комплекса мер и направлений по укреплению продовольственной безопасности регионов Европейского Севера как одной из ключевых задач пространственного развития России за счет активизации как экономических факторов (государственная

поддержка, технологическое и инновационное развитие и т.п.), так и неэкономических факторов (социокультурное развитие (сферы культуры, медицины, образования и др.).

Предложения и заключение

Задачи обеспечения продовольственной безопасности носят комплексный, межотраслевой и межведомственный характер. Как отмечается исследователями (Жигунова, Логвинова, 2025), они охватывают социальную сферу (доходы, потребление пищевых продуктов, социальную защиту населения) и сферу экономики (торговлю, градостроительство, транспорт) и др. При этом в каждом регионе продовольственная безопасность определяется специфическими факторами, оказывающими на нее влияние. Это говорит о необходимости разработки дифференцированной региональной политики и установления приоритетов в оказании мер поддержки в зависимости от уровней экономической и физической доступности продовольствия.

Ситуация с экономической доступностью продуктов питания в России в результате введенных санкций значительно усложнилась, в результате чего сформировались условия для проведения ее оценки и регулярного мониторинга как на уровне страны, так и на уровне отдельных регионов. Мероприятия, направленные на повышение экономической доступности продовольствия, должны быть направ-

лены, главным образом, на стимулирование спроса. В этом направлении могут быть реализованы программы поддержки наиболее уязвимых групп населения, доходы которых не позволяют приобрести набор продуктов питания, необходимый для поддержания здорового и активного образа жизни. Например, с целью повышения экономической доступности продовольствия возможно предоставление субсидий на организацию питания социально незащищенных слоев населения (детей, беременных и кормящих женщин, пенсионеров, инвалидов). Немаловажным в данном вопросе является повышение уровня доходов населения, позволяющий приобретать необходимый набор продуктов. При этом, как отмечает И.В. Щетинина, для повышения физической и экономической доступности продуктов питания в России в число первоочередных мер входит разработка продовольственных балансов на всех уровнях управления (федеральном, региональном и муниципальном) (Щетинина, 2023). Такие балансы производства и использования продукции могут быть реализованы при принятии управленческих решений в процессе заключения договоров на экспорт сельскохозяйственной продукции, планировании гуманитарной помощи и участии в международных продовольственных проектах.

Кроме этого, необходимо *стимулирование инвестиций* в экономику сельских территорий. Инвестиции в развитие сельхозтоваропроизводителей позволят осуществлять производство однородной продукции для удовлетворения массового спроса, в том числе пищевой продукции по доступным ценам. Расширение масштаба производственных объектов в свою очередь будет способствовать росту спроса на рабочую силу, снижению уровня безработицы, заинтересованности производителей в обучении или переквалификации работников и проживающего на данной территории населения.

В контексте обеспечения продовольственной безопасности следует также отметить *важность* для экономической и физической доступности необходимых *материально-технических и информационных* ресурсов для сельскохозяйственного производства. Причем такого рода ресурсы должны быть основаны на *российских технологиях*, соответствующих ми-

ровым стандартам, что позволит нивелировать угрозы, связанные с внешнеэкономической конъюнктурой и возможными внешнеполитическими ограничениями. Одним из направлений, позволяющим в кратчайшие сроки освоить новые технологии и техники, может быть бесплатное консультирование со стороны поставщиков. Такая практика уже применяется в некоторых компаниях — производителей сельхозтехники. В частности, в договорах ГК Ростсельмаш предусмотрены условия проведения инструктажа для сотрудников покупателя. Распространение такого опыта позволит сельхозпредприятиям сократить сроки освоения нового оборудования и снизить риски убытков от непрофессиональной эксплуатации дорогостоящей техники. Так, в частности, цены на тракторы в феврале 2022 года варьировались от 1 до 12 млн руб., на комбайны — от 1,5 до 6 млн руб. (Щетинина, Деревянко, 2022).

В связи с этим обеспечение продовольственной безопасности должно базироваться на актуальных стратегических документах, учитывающих возрастающее значение роли сельского хозяйства, пространственную организацию страны, и предусматривающие *совершенствование нормативного правового регулирования* в этой сфере, которое будет гарантировать доступность продовольственных товаров для населения, устойчивое развитие сельских территорий. В частности, как отмечает Р.Р. Гумеров, действующее законодательство, а также соответствующие нормативно-правовые акты не предусматривают использования срочных неотложных мер регулирования в экстремальных ситуациях (Гумеров, 2022). Как отмечает автор, в современных условиях внешних вызовов необходим специальный закон, который объединял бы все имеющиеся нормы и механизмы регулирования продовольственного рынка, но при этом учитывал бы условия внешнего санкционного давления. Аналогичной позиции придерживается и А.В. Колесников: «реализация политики в области обеспечения продовольственной безопасности должна осуществляться не в рамках фрагментарных нормативно-правовых актов, а комплексного пакета документов прямого действия, регламентирующих реализацию государственной аграрной политики в странах ЕАЭС» (Колес-

ников, 2024). В качестве таких стратегических документов может выступать Доктрина продовольственной безопасности ЕАЭС, для осуществления и реализации которой целесообразно формирование стратегии и программы развития агропромышленного комплекса.

Поэтому немаловажной задачей органов власти и управления является *проведение мониторинга, осуществление контроля и прогнозирования* в сфере обеспечения продовольственной безопасности, поддержки пространственного развития сельских территорий. Для этого также необходимо и *повышение транспортной доступности* отдаленных регионов и входящих в их состав сельских территорий для гарантированного и равномерного продовольственного снабжения населения достаточным количеством продовольствия.

Исходя из этого, немаловажное значение приобретает *осуществление государственной поддержки сельского хозяйства*. Несмотря на установленные федеральным бюджетом лимиты финансового стимулирования, их уровень зачастую является недостаточным для расширенного воспроизводства; а стоимость кредитных ресурсов выше рентабельности данных организаций.

В агропромышленном комплексе России, как отмечает Э.Р. Кокова, наблюдается очень низкий уровень использования и готовности к внедрению перспективных технологических решений (Кокова, 2019). Внедрение практически всех известных *передовых инновационных технологий*, включая «умное», «точное» земледелие, искусственный интеллект, нанотехнологии, биотехнологии, внегрунтовое выращивание растений (гидропонику) и вертикальное земледелие, системы спутниковой навигации для комбайнов и другой техники, автономные роботы, беспилотные летательные аппараты, «Интернет вещей», блокчейн-технологии невозможно без использования современных цифровых информационных технологий, а также других высоких технологий, включающих электротехнику, электронику и робототехнику (Шутьков, Анищенко, 2019; Podder et al., 2021; Osei et al., 2018; Digital Platforms for Agro-advisory and Business service Delivery..., 2018). Кроме этого, стратегически важной задачей в развитии данного направления является ис-

пользование кластерного подхода к процессу, основанного на долгосрочной совместной работе всех заинтересованных сторон (Jonathan Salle, 2011; Jonathan Sallet, Ed Paisley, 2009). Согласно зарубежным исследованиям, эффективность сельскохозяйственного производства при использовании цифровых технологий возрастает минимум на 20–30% (Крылатых, Проценко, Дудин, 2020).

В качестве примера наиболее актуальных и перспективных для внедрения в аграрном секторе технологических решений можно выделить:

- интеллектуальный мониторинг полей и саженцев при помощи беспилотных летательных аппаратов с использованием алгоритмов компьютерного и спутникового зрения для анализа и обработки данных;

- умная (интеллектуальная) аналитика с использованием моделей машинного обучения с целью осуществления сельскохозяйственных исследований и разработок, сезонного анализа, моделирования различных рыночных сценариев и оптимизации бизнес-расходов;

- изучение и анализ спутниковых снимков с использованием алгоритмов машинного обучения и компьютерного зрения и др. (Крылатых, Проценко, Дудин, 2020).

При этом стоит согласиться с мнением ученых (Боговиз, Рагулина, Шкодинский, Бабешин, 2017) о том, что безусловным условием устойчивого обеспечения продовольственной безопасности является наличие соответствующего *научного обеспечения*. Научное сопровождение агропромышленного комплекса и его основных подотраслей позволяет разрабатывать такие технологии и, соответственно, такое кадровое и материально-техническое обеспечение, в результате использования которых субъекты агропромышленного производства получают возможность более эффективного функционирования в различных его срезам. Это будет способствовать улучшению финансово-экономических показателей сельхозтоваропроизводителей, состояния производительности труда, объемов и качества производимой продукции, минимизации влияния негативных природно-климатических условий и др. При этом, как отмечает Н.К. Долгушкин, пристальное внимание должно быть уделено вопросам координации действий органов власти всех

уровней, научных организаций и представителей бизнеса, а также формированию единого инновационного процесса от планирования и проведения научных исследований, создания разработок до их коммерциализации на основе запросов товаропроизводителей и последующего тиражирования (Долгушкин, 2025).

Кроме стимулирования и поддержки сельхозтоваропроизводителей, с целью повышения эффективности производственной деятельности необходима активизация неэкономических факторов. В частности, актуальным является грамотная мотивация трудоспособного населения к труду на сельских территориях. В настоящее время ситуация в этой сфере продолжает оставаться крайне неутешительной. Например, у населения, работающего в сельской местности, отмечается низкий уровень среднемесячной заработной платы (53,2% общероссийского уровня; в 1990 году — 95%) (Анищенко, 2021). Кроме того, для сельских территорий Севера сохраняются значительные темпы депопуляции и миграционного оттока; преобладание в общем числе сельских населенных пунктов малонаселенных (Патракова, 2023). Следовательно, немаловажной задачей является подготовка кадров, повышение престижа сельского труда, стимулирование привлечения и закрепления на селе специалистов. Решение этих проблем И.В. Щетинина и Ю.О. Деревянко предлагают начинать с системы образования (Щетинина, Деревянко, 2022). В частности, необходимо сформировать систему сквозного аграрного образования, начиная с самого раннего возраста прививать интерес дошкольников и школьников к сельскому труду; мотивировать абитуриентов к обучению по аграрным направлениям; совершенствовать стимулы привлечения кадров в сельском хозяйстве. Учитывая усиливающиеся проблемы сельских поселений, в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года²⁰, амбициозной задачей

²⁰ Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.09.2022 № 2567-р (с изменениями на 07.02.2025). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172287> (дата обращения 01.11.2024).

является сохранение доли населения сельских территорий и сельских агломераций в общей численности населения страны. Кроме того, на решение указанных и других проблем данных территорий направлена в том числе государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденная постановлением Правительства от 31 мая 2019 г. № 696, в приоритетах которой является создание условий для обеспечения жильем молодых семей и молодых специалистов, работающих на селе; стимулирование развития социальной и инженерной инфраструктуры, создание современных сельских поселений.

Стоит отметить, что в выравнивании условий жизни сельского населения, обеспечении занятости сельского населения и в целом продовольственной безопасности страны, немаловажную роль играет мелкое сельскохозяйственное производство, что нашло свое отражение в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. В частности, этот сектор обеспечивает более 60% объема производства продукции сельского хозяйства (производится 50,5% зерновых и зернобобовых культур, 57,9% подсолнечника, 94% картофеля, 88,7% овощей и 65,4% молока)²¹.

Стоит отметить, что немаловажную роль в обеспечении продовольственной безопасности в отрасли сельского хозяйства играет животноводство, а именно — молочное скотоводство (разведение крупного рогатого скота, получение молочной продукции). Как отмечается в Федеральной научно-технической программе развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг., одним из главных факторов увеличения объемов производства молока являются техническая модернизация, проводимая в молочном скотоводстве, и строительство новых высокотехнологичных молочных ферм²². При этом внедрение

²¹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р (с изменениями на 13.01.2017). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70761426> (дата обращения 01.11.2024).

²² Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг., утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 № 996 (с изменениями на 27.03.2025). URL: <https://base.garant.ru/71755402> (дата обращения 01.11.2024).

технологий в эту подотрасль особенно затруднительно, поскольку она подвержена влиянию различного рода факторов, связана с биологическими особенностями крупного рогатого скота, численностью операций по уходу за ним, необходимостью обеспечения соответствующего уровня кормления для производства продукции и т.д. В этой связи при использовании современных технологий в сельском хозяйстве и особенно в молочном животноводстве целесообразно обратить внимание на *биотехнологические разработки*, способные увеличить продуктивность молочного скота на основе усовершенствования способов и улучшения рационов кормления; введения новых кормовых добавок, премиксов, биостимуляторов, ветеринарных препаратов; использования новых методов диагностики и своевременного лечения животных и т.п.

Для достижения этих целей в 2025 году стартовал национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности»²³, включающий в себя федеральные программы по ветеринарным препаратам, биотехнологиям, селекции и генетике, а также кадровому обеспечению АПК. Технологии обеспечивают эффективное использование ресурсов, повышают производительность и снижают негативное воздействие на окружающую среду, способствуют устойчивому развитию сельского хозяйства. Они обеспечивают эффективное использование ресурсов, повышают производительность и снижают негативное воздействие на окружающую среду и способствуют устойчивому развитию аграрной отрасли.

Особое внимание следует уделить повышению доступности продуктов тех основных пищевых групп, которые являются традиционными для регионов. Например, для Вологодской области — это молоко и молочные продукты, поскольку молочное животноводство было и остается одной из подотраслей специализации

сельского хозяйства региона (его продукция исторически производилась для внутреннего потребления, вывоза в другие регионы России, экспорта). В регионе есть соответствующая производственная и ресурсная база для его развития, созданы соответствующие институциональные условия (например, действует Молочный кластер Вологодской области), есть специализированные учебные заведения (в частности, Вологодская ГМХА им. Н.В. Верещагина).

Перспективы развития исследования связаны с разработкой специальных механизмов обеспечения продовольственной безопасности для регионов с низким уровнем экономической доступности продовольствия и для регионов с низким уровнем физической доступности.

Новизна исследования заключается в установлении зависимости между экономической и физической доступностью продуктов питания в контексте обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне; при этом для северных территорий России высокая экономическая доступность продовольствия является механизмом, в определенной степени нивелирующим низкий уровень его физической доступности ввиду неблагоприятных природно-климатических условий для ведения хозяйственной деятельности.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в обосновании методического подхода к оценке продовольственной безопасности на региональном уровне, базирующегося на расчете устоявшихся и зарекомендовавших себя в науке и практике показателей экономической и физической доступности продовольствия как ключевых ее составляющих, а также позволяющего проводить ранжирование регионов. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов органами государственной власти федерального и регионального уровней при совершенствовании политики в сферах обеспечения продовольственной безопасности, развития сельского хозяйства и АПК, социально-экономического развития территорий.

01.11.2024).

²³ Информационный ресурс «Национальные проекты». URL: <https://xn--80aapampemchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/tekhnologicheskoe-obespechenie-prodovolstvennoy-bezopasnosti> (дата обращения 01.11.2024).

Литература

- Абанина Е.Н., Олифиренко А.А. (2025). Применение цифровых технологий в целях обеспечения продовольственной безопасности: правовое регулирование // Правовая политика и правовая жизнь. № 3. С. 202–209. DOI:10.24412/1608-8794-2025-3-202-209
- Анищенко А.Н., Шутьков А.А. (2021). Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России // Продовольственная политика и безопасность. Т. 8. № 1. С. 9–22. DOI: 10.18334/ppib.8.1.111777
- Антамошкина Е.Н. (2015). Оценка продовольственной безопасности региона: вопросы методологии // Продовольственная политика и безопасность. № 2 (2). С. 97–112. DOI: 10.18334/ppib.2.2.575
- Батурин А.К., Мартинчик А.Н., Камбаров А.О. (2020). Структура питания населения России на рубеже XX и XXI столетий // Вопросы питания. Т. 89. № 4. С. 60–70. DOI: 10.24411/0042-8833-2020-10042
- Боговиз А.В., Рагулина Ю.В., Шкодинский С.В., Бабешин С.В. (2017). Факторы обеспечения продовольственной безопасности // Экономика сельского хозяйства России. № 2. С. 2–8.
- Бородин К.Г. (2018). Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // Экономический журнал ВШЭ. Т. 22. № 4. С. 563–582. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-563-582
- Гумеров Р.Р. (2020). Продовольственная безопасность: новые подходы к анализу содержания и оценке // Проблемы прогнозирования. № 5 (182). С. 133–141.
- Гумеров Р.Р. (2022). Феномен «спящих» угроз продовольственной безопасности России: условия реализации и механизмы нейтрализации // ЭКО. № 6. С. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-8-25
- Гумеров Р.Р., Гусева Н.В., Солнцева Л.И. (2021). Оценка качества государственных программ: итоги апробации многокритериальной модели (результаты, проблемы, возможности) // Менеджмент и бизнес-администрирование. № 4. С. 28–38.
- Долгушкин Н.К. (2025). Научное обеспечение продовольственной безопасности в условиях современных вызовов // АПК: экономика, управление. № 1. С. 14–21. DOI: 10.33305/251-14
- Жигунова А.В., Логвинова И.В. (2025). Меры повышения уровня продовольственной безопасности региона // АПК: экономика, управление. № 7. С. 24–36. DOI: 10.33305/257-24
- Жильцова О.Н. (2017). Необходимость маркетинговых исследований в период изменений потребительского спроса // Маркетинг и логистика. № 6(14). С. 15–21.
- Кайгородцев А.А. (2021). Оценка уровня физической доступности продовольствия в Российской Федерации // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. № 3. С. 63–75.
- Кокова Э.Р. (2019). Роль современных технологий в обеспечении продовольственной безопасности регионов // Вестник экспертного совета. № 1 (16). С. 10–14.
- Колесников А.В. (2024). Стратегические ориентиры обеспечения продовольственной безопасности ЕАЭС // АПК: экономика, управление. 2024. № 6. С. 3–11. DOI: 10.33305/246-3
- Косьмин А.Д., Кузнецов В.В. (2023). Об измерении динамической системы продовольственной безопасности на региональном уровне // Право и управление. № 4. С. 15–27. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-4-15-27
- Крылатых Э.Н., Проценко О.Д., Дудин М.Н. (2020). Актуальные вопросы обеспечения продовольственной безопасности России в условиях глобальной цифровизации // Продовольственная политика и безопасность. Т. 7. № 1. С. 19–38. DOI: 10.18334/ppib.7.1.41543
- Миненко А.В. (2018). Методика оценки физической доступности продовольствия для населения // Вектор экономики. № 9 (27). URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/9/regionaleconomy/Minenko2.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).
- Митрофанова И.В., Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т. (2020). Условия и факторы обеспечения продовольственной безопасности региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 10. № 7А. С. 169–190. DOI: 10.34670/AR.2020.77.15.019
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. № 3. С. 3–34.
- Панкова С.В., Цыпин А.П., Попов В.В. (2019). Развитие аналитического инструментария управления государственной политикой в сфере продовольственной безопасности // Управленец. № 2. С. 49–61. DOI: 110.29141/2218-5003- 2019-10-2-6

- Патракова С.С. (2023). Сельские территории Северо-Запада России: проблемы и контрасты развития // ЭКО. № 8 (590). С. 57–76. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-57-76
- Першукевич П.М. (2018). Оценка и регулирование обеспечения продовольственной независимости и безопасности населения Сибири // Регион: экономика и социология. № 3 (99). С. 57–76. DOI: 10.15372/REG20180304
- Санникова И.Н., Приходько И.Н. (2022). О некоторых аспектах оценки продовольственной безопасности // ЭКО. № 9 (579). С. 149–165. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-149-165
- Семкин А.Г., Воронин Е.А. (2023). Продовольственная безопасность как фактор стратегического пространственного развития отдельных специализированных высокотехнологических зон (территорий) в России // Экономика сельского хозяйства России. № 2. С. 2–10. DOI: 10.32651/232-2
- Семкин А.Г., Задворнева Е.П. (2022). Пространственное развитие и управление стратегией социально-экономического роста отдельных макрорегионов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 9(91). С. 60–71. DOI: 10.33938/229-60
- Тютюник В.В. (2016). Продовольственная независимость региона // Пространственная экономика. № 2. С. 168–182.
- Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. (2014). Продовольственная безопасность региона. Вологда: ИСЭРТ РАН. 102 с.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2015). Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 110 с.
- Шутков А.А., Анищенко А.Н. (2019). Будущее искусственного интеллекта, нейросетей и цифровых технологий в АПК // Экономика и социум: современные модели развития. Т. 9. № 4. С. 508–522. DOI: 10.18334/ecsoc.9.4.100454
- Щетинина И.В. (2023). Обострение проблем продовольственной безопасности в современных международных условиях // ЭКО. № 8 (590). С. 77–103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-77-103
- Щетинина И.В., Деревянко Ю.О. (2022). Продовольственная безопасность России в свете последних политических и иных событий // ЭКО. № 6 (576). С. 26–50. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-26-50
- Burchi F., De Muro P. (2016). From food availability to nutritional capabilities: Advancing food security analysis. *Food Policy*, 60, 10–19. DOI: 10.1016/j.foodpol.2015.03.008
- Lipton M. (1983). *Poverty, Undernutrition, and Hunger (World Bank Staff Working Paper) 597*. Washington: World Bank.
- Meade B., Rosen S. (2002). *Measuring Access to Food in Developing Countries: The Case of Latin America*. Economic Research Service (ERS) of the U.S. Department of Agriculture, Market and Trade Economics Division (MTED). Available at: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/19716/1/sp02me01.pdf> (accessed: 01.11.2024).
- Osei C., Yeboah A., Arthur F., Agbedanu E., Chidiac S. (2018). Digital platforms for agro-advisory and business service delivery: Lessons from scaling-up of agrotech in Ghana. *Agrotech Policy Paper*, 8, 1–15.
- Podder A.K., Bukhari A.A., Islam S. et al. (2021). IoT based smart aggrotech system for verification of Urban farming parameters. *Microprocessors and Microsystems*, 82. DOI: 10.1016/j.micpro.2021.104025
- Prikupets L.B. (2018). Technological lighting for agro-industrial installations in Russia. *Light and Engineering*, 1, 7–17.
- Putnam J., Allshouse J. (1999). Food consumption, prices, and expenditures, 1970–1997. In: *Statistical Bulletin 154924, United States Department of Agriculture, Economic Research Service*.
- Rosen S., Thome K., Meade B. (2016). International food security assessment, 2016–2026. In: *GFA-27, U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service*.
- Sallet J. (2011). *Innovation Clusters Create Competitive Communities*. Available at: https://www.huffpost.com/entry/innovation-clusters-creat_b_293603 (accessed: 01.11.2024).
- Sallet J., Paisley E. (2009). *The Geography of Innovation: The Federal Government and the Growth of Regional Innovation Clusters*. Available at: https://scienceprogress.org/wp-content/uploads/2009/09/eda_paper.pdf

Сведения об авторах

Светлана Сергеевна Патракова — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Екатерина Дмитриевна Копытова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Patrakova S.S., Kopytova E.D.

Current State of Food Security in the Regions of the European North of Russia

Abstract. Ensuring food security is one of Russia's strategically important tasks. In the context of increasing sanction pressure and the emergence of numerous external financial, regulatory, and other constraints on production and logistics in the food sector, this task becomes particularly significant, involving almost all regions of both the Chernozem and non-Chernozem zones of the country. The aim of the article is to assess the food security of the regions of the European North of Russia and to substantiate directions for its strengthening based on the activation of economic and non-economic factors. The information base consists of scholarly works and regulatory acts of the Russian Federation on food security, as well as data from Rosstat. To achieve this goal, we propose a methodological approach to assessing food security, based on calculating indicators of economic and physical accessibility of food, which allows for ranking the regions. As a result of its testing, it was found that in 2021–2023, the leaders in terms of food security among the regions of the European North were the Murmansk and Arkhangelsk regions, which is due to the high level of monetary income of the population and the action of Engel's law, as well as the conformity of the diet structure to rational norms. It was revealed that Vologda Region and the Nenets Autonomous Area had fundamentally different regional positions in terms of economic and physical accessibility of food. We put forward ways to strengthen the food security of the regions based on the use of economic and non-economic factors. The novelty of the research lies in establishing the relationship between economic and physical accessibility of food in the context of ensuring food security at the regional level; for the northern territories of Russia, high economic accessibility is a mechanism that, to a certain extent, offsets the low level of physical accessibility due to unfavorable natural and climatic conditions for economic activity.

Key words: food security, physical and economic accessibility of food, agriculture, region, European North of Russia.

Information about the Authors

Svetlana S. Patrakova — Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Ekaterina D. Kopytova — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Статья поступила 23.05.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.9
УДК 331.522+314.146, ББК 65.240.1

© Васильева Е.В.

Проблемы трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения

Елена Витальевна

ВАСИЛЬЕВА

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: vasilyeva.ev@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Аннотация. В статье представлен анализ тенденций и социально-экономических условий трансформации института бабушек в России. В качестве теоретической рамки исследования рассмотрены положения неоклассической теории и неоинституционализма, объясняющие природу института бабушек. Сформирована система показателей, описывающих демографические характеристики населения и его поведение. Информационной базой исследования выступили данные Федеральной службы государственной статистики. Анализ проводился в разрезе всех участников: прародители – сами «бабушки», родители, внуки и государство как участник, формирующий среду, в которой функционирует институт бабушек. Исследование показало, что институт бабушек трансформируется, адаптируясь к новым социально-экономическим условиям, сохраняя при этом свою значимость. С одной стороны, пожилые люди стали более востребованы в экономике и обществе. Происходит существенный рост занятости пожилого населения, особенно среди женщин 55–59 лет. С другой стороны, бабушки и дедушки еще активнее стали участвовать в жизни внуков. Доля бабушек, осуществляющих ежедневно уход за детьми, увеличилась с 22,2 до 32,2%, а дедушек – с 13,2 до 23,4%, что объясняется увеличением числа домохозяйств, состоящих из одного родителя с детьми (с 13,0 до 21,1% от числа домохозяйств с детьми), а также повышением занятости женщин, имеющих детей (с 76 до 82,8%). Результаты российских социологических исследований показывают институциональный характер мотивации участия пожилого населения в воспитании внуков, для большинства опрошенных характерны жертвен-

Для цитирования: Васильева Е.В. (2025). Проблемы трудовой и внутрисемейной деятельности старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 166–186. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.9

For citation: Vasilyeva E.V. (2025). Issues of the work and family activities of the older generation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 166–186. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.9

ные установки, однако такая позиция не поддерживается родителями, которые ориентируются на самостоятельное воспитание детей, обращаясь к бабушкам и дедушкам, когда требуется помощь.

Ключевые слова: институт бабушек, старение населения, занятость, пожилое население, домохозяйства, женщины.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда РНФ № 25-18-00465 «Экосистемный подход к устойчивому региональному развитию: синергия образования, промышленности и социальной политики для формирования конкурентоспособных территорий».

Введение

Современные концепты «активного долголетия» и «общества для всех возрастов» существенно пересматривают и расширяют траектории старения населения. В научной дискуссии о пожилых людях утвердился новый подход, согласно которому государственная политика обеспечивает участие пожилых во всех сферах жизни общества (Григорьева, Келасьев, 2016). Социально-экономический контекст подобных изменений в общественных и внутрисемейных ролях пожилых людей составляют увеличение продолжительности жизни и карьеры, нуклеаризация семей, урбанизация, повышение уровня и качества жизни, развитие социальной инфраструктуры. Как справедливо отмечено в экспертном аналитическом докладе АНО «Национальные приоритеты»¹, в условиях изменения возрастной структуры населения, а также усиливающейся потребности российской экономики в кадрах представители старшего поколения становятся одним из ключевых ресурсов общества. Однако традиционная роль старшего поколения в семье, связанная с заботой о младшем поколении, сохраняет свою значимость. Наложение этих тенденций ставит перед старшим поколением выбор между самореализацией в обществе и выполнением традиционной роли в семье. В результате институт бабушек, когда пожилая женщина берет на себя заботы по уходу за своими внуками, значительно трансформируется и даже постепенно уходит в прошлое (Сорокин, 2014; Римашевская, 2003). В рамках нашего исследования сделана

попытка проанализировать тенденции и социально-экономические условия трансформации института бабушек в России, поскольку понимание мотивации и факторов, с которыми сталкивается старшее поколение, поможет оптимизировать взаимодействие между институтами рынка труда, социальной защиты и семьи, что особенно важно в контексте обеспечения устойчивого развития российского общества. Для достижения поставленной цели сформулированы три задачи: во-первых, рассмотреть теоретические подходы, объясняющие поведенческие модели представителей старшего поколения в контексте их социальной активности, включая участие в общественной жизни и выполнение семейной роли — бабушек и дедушек; во-вторых, разработать подход к исследованию трансформации института бабушек, основанный на анализе статистических данных по показателям, характеризующим демографические и социально-экономические условия формирования поведения всех участников этих отношений; в-третьих, на основе апробации разработанного подхода выявить закономерности и сложившиеся тренды развития института бабушек в России.

Теоретические рамки исследования

В данном исследовании под институтом бабушек понимается устойчивая форма организации деятельности старшего поколения семьи — прародителей, реализующих функции (их часть) родителей по уходу за младшим поколением — внуками и их воспитанию. С учетом феминизации старения и гендерного распределения ролей в семье в первую очередь институт бабушек формируют женщины, но эти функции могут на себя брать и мужчины, поэтому исследование касается представителей обоих полов прародителей, т.е. бабушек и дедушек.

¹ Старшее поколение как кадровый и социальный ресурс: экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/upload/doklad-starsthee-pokolenie-kak-kadrovyy-i-sotsialnyy-resurs/doklad-starsthee-pokolenie-2024.pdf> (дата обращения 01.10.2025).

В рамках неоклассической школы развиты две модели, объясняющие распределение ресурсов семьи: модель семейного консенсуса Самуэльсона и альтруистическая модель Беккера. Первая модель построена на гипотезе о постоянном «семейном консенсусе», который представляет собой согласование интересов или компромисс членов семьи. Консенсус в предпочтениях членов семьи П.А. Самуэльсон объясняет родственными связями (“blood is thicker than water” (Samuelson, 1956), поэтому семья действует так, как будто она максимизирует свою общую функцию благосостояния (групповых предпочтений). Согласно моделям экономики поколений (Lee, 1980; Lee, 2007; Lee, Mason, 2014), внутрисемейные отношения предполагают перераспределение ресурсов (финансов, времени и др.) между членами семьи, экономическим механизмом которого является межпоколенческий трансферт. Определяющей чертой такого трансферта выступает отсутствие явного «что-то в обмен на что-то» (quid pro quo)².

В альтруистической модели Г. Беккера «функция группового предпочтения» идентична функции главы-альтруиста, даже если он не обладает суверенной властью в семье. «Оптимальное перераспределение» доходов является результатом альтруизма и добровольных вкладов. Альтруисту становится лучше от действий, которые повышают доход его семьи, и хуже от действий, которые его снижают. Поэтому он будет воздерживаться от действий, которые повышают его собственный доход, если они еще больше снизят доход семьи; и он будет предпринимать действия, которые снижают собственный доход, если они еще больше увеличат семейный доход (Becker, 1991). Согласно Г. Беккеру, распределение времени любого члена семьи будет находится под сильным влиянием возможностей, имеющихся у других ее членов (Беккер, 2003). Альтруизм в семье подтверждается тем, что родители, жертвуя собственным потреблением и комфортом, тратят

деньги, время и усилия на детей, внося вклад в их человеческий капитал. Но даже альтруистичным родителям приходится искать компромисс между своим потреблением и человеческим капиталом детей. Более того, в современных обществах кровное родство является менее значимым, чем в традиционных обществах, где значительную часть времени и других ресурсов инвестируют в детей бабушки, дедушки, тетушки и другие родственники, заботящиеся об их благополучии и поведении (Беккер, 2003). Рост государственных и частных программ в области образования, здравоохранения и социальной помощи ослабил связь между членами семьи за счет размывания ее традиционной роли в том, что касалось защиты ее членов от разного рода рисков. Родственники не только теряют интерес к мониторингу и контролю над членами семьи, но и их способность делать это снижается, так как члены семьи рассредоточиваются в поисках лучших возможностей.

Модели неоклассической школы рассматривают хозяйствующего субъекта как рационального индивида, нацеленного на эффективное распределение ограниченных ресурсов. В рамках институционализма демонстрируется, что спектр стимулов домохозяйства намного шире. Согласно Г. Саймону, рациональность людей ограничена недоступностью всей возможной информации и их способностью к ее обработке, поэтому они не стремятся выбрать наилучшую альтернативу, а пытаются найти удовлетворительное решение своих собственных проблем (Simon, 1955). На экономическое поведение людей влияет не только рациональный расчет, но и институты, т.е. привычки, моральные нормы, установки. С точки зрения Т. Веблена, поведение индивида определяется его привычными отношениями с членами своей группы, и сами эти отношения, имея институциональный характер и силу (последовательность обычаев, предписания), меняются (Veblen, 1909). Привычные способы действия и мышления не только становятся привычным делом, простым и очевидным, но и санкционируются общественным соглашением, становятся правильными и должными, порождая принципы поведения (Веблен, 2024).

Таким образом, с учетом рассмотренных положений экономических школ, можно сделать вывод, что институт бабушек имеет двойствен-

² Руководство по национальным трансфертным счетам: измерение и анализ показателей экономики поколений (2022). Нью-Йорк: ООН. 266 с. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2022_nta-manual_russian.pdf (дата обращения 30.07.2025).

ную природу. С одной стороны, он основан на экономической целесообразности, поскольку помогает рационально распределить ресурсы внутри семьи. С другой стороны, этот институт представляет собой устоявшуюся традицию и форму взаимодействия между поколениями. Обе экономические школы отмечают изменения, происходящие во внутрисемейных отношениях под влиянием различных тенденций. В частности, трансформация института бабушек в XXI веке определяется следующими основными тенденциями.

Демографические тенденции: значительный рост продолжительности жизни позволяет старшему поколению больше времени взаимодействовать с младшим, а снижение рождаемости закономерно ведет к сокращению количества внуков. Это приводит к формированию новых моделей семьи: с преобладанием старшего поколения над младшим («утяжеленный верх») (Hagestad, 2006) или даже к полному отсутствию младших поколений. Такие изменения влияют на межпоколенческие отношения и распределение материальных ресурсов (Арбер, 2016). При этом возникает явление прародительской депривации — дискомфорт от нереализованного прародительского потенциала, запоздалого приобретения статуса «бабушка / дедушка» (Янак, 2021).

Социальные тенденции: смещение системы ценностей населения, в т. ч. пожилого, в сторону самореализации и социального взаимодействия в обществе. По данным социологов, после 60 лет появилось больше возможностей для активной жизни благодаря новым технологиям и формам занятости (Григорьева и др., 2023). Однако уровень самореализации снижается после 60 лет из-за ухудшения здоровья и изменения мотивации (Козлова, 2017). Кроме того, в обществе сложились четкие представления о поведении пожилых людей. Исследование Ю. Зеликовой показало, что современное российское общество характеризуется жесткой регламентацией возрастных и гендерных поведенческих норм. Для пожилых женщин роль бабушки остается единственной приемлемой моделью поведения (Зеликова, 2020).

Экономические тенденции: рост дефицита рабочей силы в экономике формирует потребность в привлечении на рынок труда женщин и

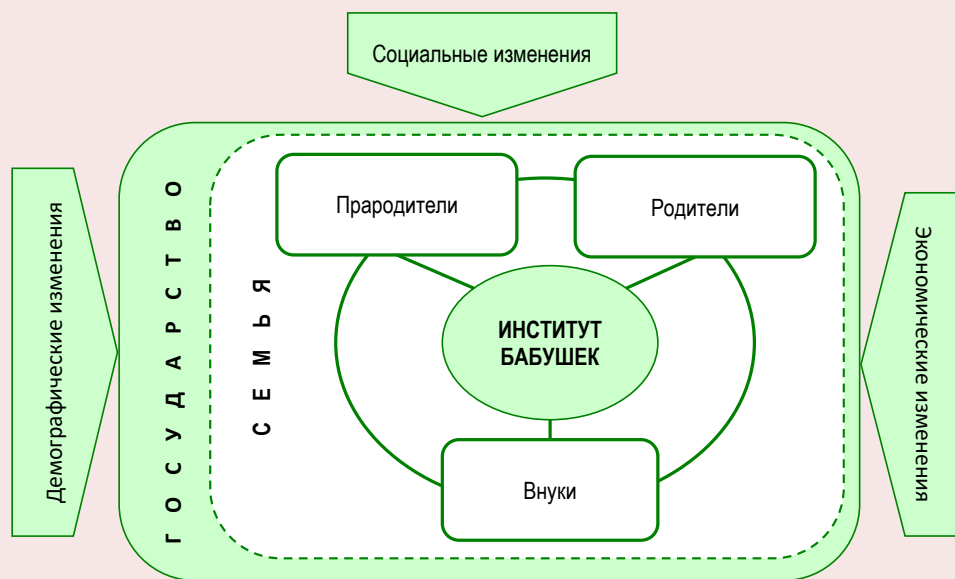
пожилых людей, ранее занимавшихся воспитанием детей, и способствует развитию различных институтов, направленных на уход за детьми. Социологическое исследование И.И. Корчагиной показало, что 60,2% москвичек поддерживают идею о том, что «устройство ребенка в группу кратковременного пребывания способствует возобновлению занятости женщины после рождения ребенка» (Корчагина, 2018). Однако, как отмечено в работе Р. Сартти, различные решения в сфере ухода за детьми (государственные услуги, платная няня, уход за детьми со стороны бабушек и дедушек или других родственников) не являются взаимоисключающими (Sarti, 2010). В то же время возможности участия в воспитании внуков зависят от востребованности бабушек и дедушек на рынке труда. Однако на рынке туда они сталкиваются с противоречием: с одной стороны, существует значительный спрос на работников старшего возраста (Забелина, 2018), с другой стороны, пожилые люди сталкиваются с дискриминацией (Васильева, Тырсин, 2021; Клепикова, Колосницына, 2017).

В литературе активно изучаются отдельные аспекты трансформации роли пожилых людей, в частности бабушек, в семейных и общественных структурах — демографические сдвиги, социальные нормы, экономические факторы. Однако в рамках нашего исследования сделана попытка сформировать системный взгляд на трансформацию института бабушек через анализ демографических, социальных и экономических условий, влияющих на поведение всех участников этих отношений.

Подход к исследованию

Под влиянием демографических, социальных и экономических изменений трансформируется институт бабушек, причем не только в рамках семейной среды, но и общества (*рис. 1*). Как отмечает Е.В. Коновалова, семья, воздействуя на различные отношения в обществе, оказывает влияние на характер всех процессов экономической жизни (Коновалова, 2013). Поэтому для исследования трансформации института бабушек рассмотрены все участники таких отношений: прародители — сами «бабушки», родители, внуки и государство как участник, формирующий среду, в которой функционирует этот институт.

Рис. 1. Институт бабушек

Источник: составлено автором.

С целью проанализировать трансформацию института бабушек под влиянием современных реалий определены показатели, описывающие демографические и социально-экономические условия формирования поведения участников этих отношений.

Прародители.

Численность и потенциал прародителей. Фактически к прародителям — бабушкам и дедушкам, относят людей, которые являются родителями родителей текущего поколения, другими словами, необходимо наличие семейной связи «бабушка / дедушка — внук». Как утверждает О.М. Шубат, в официальной российской статистике нет данных, позволяющих провести такую идентификацию (Шубат, 2022). На основе косвенных данных (среднего возраста женщины при рождении) и подсчетов она рассчитала, что бабушками в среднем женщины становятся в 48–49 лет, а мужчины дедушками — в 53 года³. В рамках нашего исследования критерием прародителей является возраст. Условно к ним отнесено население

в возрасте 55 лет и старше, что соответствует особенностям статистической отчетности. Исследование направлено на выявление общих трендов, а не частных случаев взаимодействия в рамках института бабушек, поэтому такое допущение оправдано. Для анализа важно учитывать разные возрастные группы пожилых людей, так как восприятие раннего и позднего прародительства различается (Булыгина, Комарова, 2019). Для анализа потенциала активного долголетия как фактора участия пожилого населения в жизни общества и семьи в систему включены показатели состояния здоровья и уровня образования (Zaidi et al., 2013).

Трудовая и социальная активность прародителей. При анализе трудовой активности прародителей учитывался не только уровень их занятости (в том числе с учетом наличия пенсии по старости), но и характер выполняемых ими профессиональных функций (в качестве руководителя и специалиста высшего уровня квалификации). Изучение причин продолжения трудовой активности позволяет понять их выбор между самореализацией в обществе и выполнением традиционной роли в семье. Анализ социальной активности прародителей проводился на основе показателей их вовлеченности

³ Деменко С. (2022). Прогноз: В 2025 году в России будет 34,1 млн бабушек и 19,2 млн дедушек // Российская газета — Федеральный выпуск. № 282(8930). URL: <https://rg.ru/2022/12/13/resurs-rozhdaemosti.html> (дата обращения 01.10.2025).

в активный досуг, посещения развлекательных и спортивных мероприятий, а также ежедневного ухода за детьми.

Родители.

Численность и характеристика поведения родителей. Анализ поведения родителей рассмотрен на основе показателей домохозяйств с детьми, их структуры и уровня урбанизации. Отдельно проанализированы показатели репродуктивного поведения матерей.

Занятость женщин-матерей. Согласно Семейному кодексу, родители имеют равные права и обязанности в отношении детей. Однако проблема совмещения работы и ухода за детьми особенно актуальна для женщин (Журавлева, Гаврилова, 2017; Карабчук, Нагерняк, 2013). Нобелевский лауреат К. Голдин отмечает, что, несмотря на «тихую революцию», изменившую роль женщины в обществе, в семье мало что изменилось (Goldin, 2025). Поэтому при анализе потребности в помощи бабушек и дедушек учитываются занятость женщин-матерей, их семейный статус и возраст детей.

Внуки.

Численность внуков. С опорой на доступную статистическую базу к внукам отнесены дети и подростки, т. е. население в возрасте моложе 18 лет, что носит определенную долю условности. Более того, сам возраст внуков оказывает существенное влияние на характер отношений с бабушками и дедушками (Булыгина, Комарова, 2019). Дети в раннем и дошкольном возрасте получают максимальные преимущества от личного общения с ними, их физического присутствия, а в подростковом возрасте связь становится менее близкой. Поэтому отдельно рассмотрены дети дошкольного и школьного возраста и подростки.

Инфраструктура для воспитания и развития детей и подростков. Развитая социальная инфраструктура для детей и подростков позволяет родителям более эффективно распределять свои ресурсы (время и внимание)⁴, что соответственно снижает потребность в помощи бабушек и дедушек по воспитанию.

⁴ Совмещение карьеры и семьи — успех демографической и кадровой политики России: экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» // Национальные проекты. URL: <https://национальные-проекты.рф/upload/semya/Доклад%20Семья%202024.pdf> (дата обращения 01.10.2025).

Государство. Результаты деятельности государства в сфере образования, семейных отношений и занятости населения отражаются в перечисленных выше показателях, поэтому анализ строился на описании ситуации и приоритетов развития общества и фокусировался на качественных аспектах институциональных преобразований.

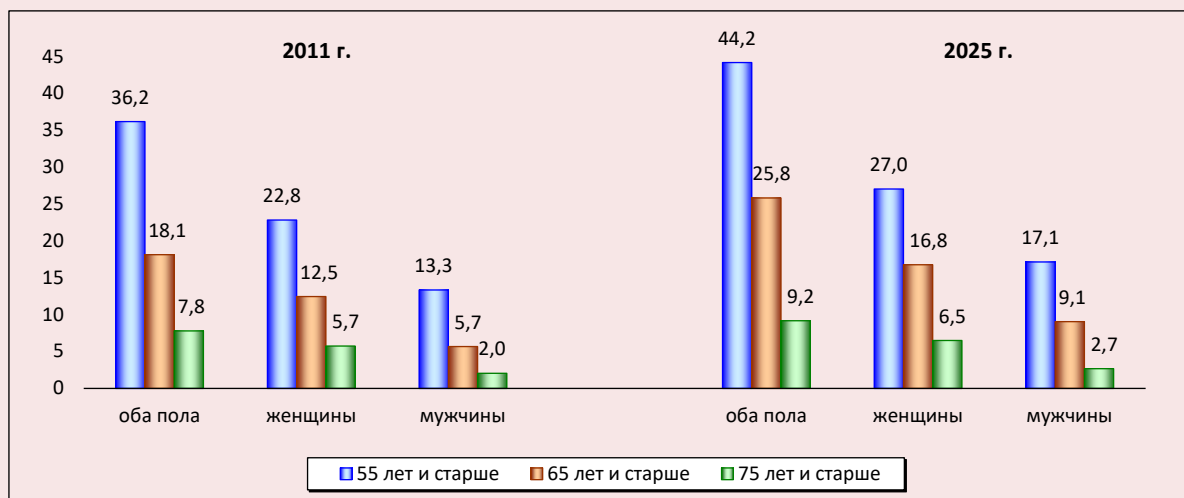
Информационной базой исследования выступили данные Федеральной службы государственной статистики, в том числе результаты федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и итоги Всероссийских переписей, а также результаты социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и исследователями. Основным источником эмпирических данных исследования является комплексное наблюдение условий жизни населения, которое осуществляется Росстатом с 2011 года, поэтому в качестве временного периода исследования выбран период 2011–2024 гг.

Результаты исследования

На основе предложенной системы показателей проведен анализ экономической востребованности института бабушек и его трансформации под влиянием современных реалий в России в разрезе участников таких отношений.

Прародители. В России за 2011–2025 гг. численность пожилых людей (55 лет и старше) существенно возросла — с 36,2 до 44,2 млн человек, т. е. на 22% (рис. 2). В возрастной структуре населения их доля увеличилась с 25,3 до 30,2%. Однако процесс старения не является «глубоким», доля так называемых «старых пожилых» (“old-old”) людей значительно не увеличивается, поскольку значимого смещения смертности населения в более старшие возрастные группы не происходит (Васильева, 2024). За 2011–2023 гг. ожидаемая продолжительность предстоящей жизни у мужчин, достигших 60 лет, увеличилась лишь на 2,6 года, а у женщин, достигших 55 лет, — на 2,2 года, составив 17,7 и 27,0 лет соответственно. Снижается уровень «феминизации» старения: если в 2011 году на 100 мужчин в возрасте 55 лет и старше приходилась 171 женщина соответствующего возраста, то в 2025 году — 158 женщин.

Рис. 2. Численность населения пожилого возраста, на 1 января, млн человек

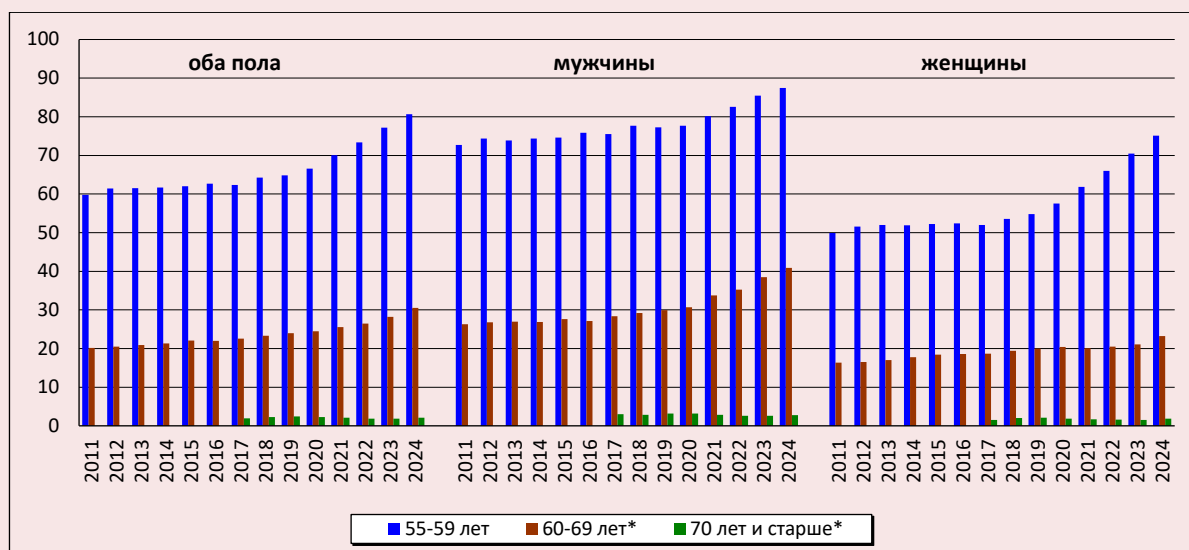

Источник: данные Росстата.

За 2011–2024 гг. существенно вырос уровень занятости пожилого населения (рис. 3). В первую очередь рост отмечается среди женщин в возрасте 55–59 лет: за 2019–2024 гг. уровень их занятости увеличился с 54,8 до 75,1%. Также за этот период занятость мужчин в возрасте 60–69 лет возросла с 29,9 до 40,9%. На такую динамику трудовой актив-

ности пожилого населения повлияли изменения в пенсионном законодательстве, а именно повышение возраста выхода на пенсию. За 2012–2023 гг. увеличилась доля занятых женщин в возрасте 55 лет и старше, имеющих высшее образование (с 28,8 до 32,3%), среди мужчин ситуация существенно не изменилась (с 25,7 до 25,4%).

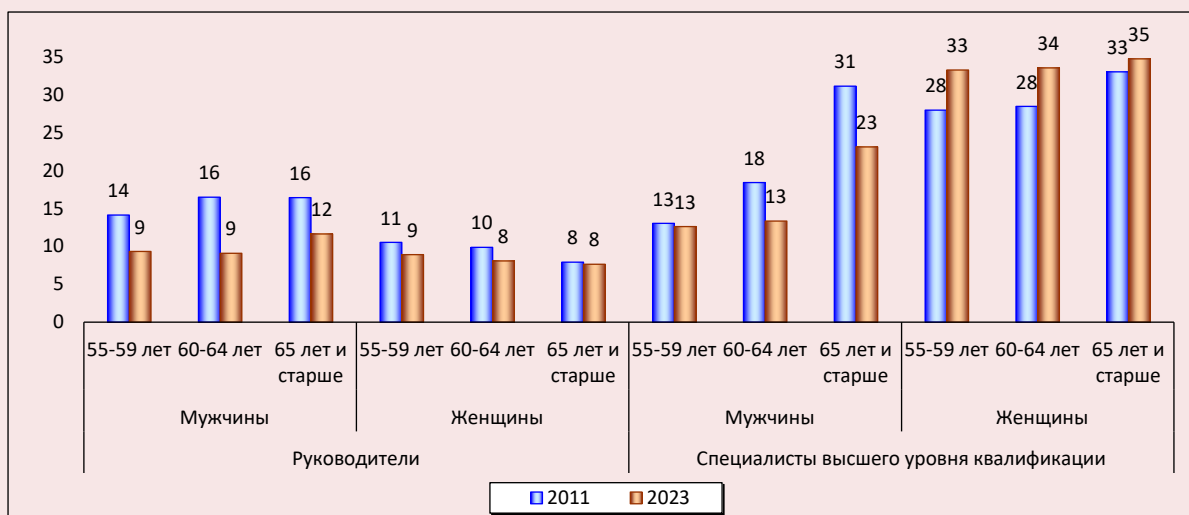
Рис. 3. Уровень занятости населения по возрастам, %

* До 2017 года – возрастная группа 60–72 года.

Источник: данные Росстата. Итоги выборочного обследования рабочей силы.

Рис. 4. Доля руководителей и специалистов высшего уровня квалификации, % от численности занятого населения соответствующего пола и возраста

Источник: данные Росстата.

Кроме того, за 2011–2023 гг. доля специалистов высшего уровня квалификации среди женщин старше 55 лет возросла с 28,8 до 33,7%, наиболее заметный рост отмечается в возрасте 55–59 лет – с 28,0 до 33,3% (рис. 4). Среди мужчин пожилого возраста, напротив, доля специалистов высшего уровня квалификации снижается. За 2011–2023 гг. численность руководителей пожилого возраста сократились с 521,1 до 352,6 тыс. человек, а их доля – с 12,4 до 9,0% от численности занятых мужчин в возрасте 55 лет и старше. В то же время доля руководителей в возрасте 50 лет и старше не только остается самой высокой среди всех возрастных групп, но и выросла с 32,2% от численности руководителей всех возрастов в 2012 году до 36,3% в 2024 году.

Динамика трудовой активности пожилого населения и трудовой активности пенсионеров, получающих пенсию по старости, противоположная. Как видно на рисунке 5, занятость среди пенсионеров, напротив, сокращается. Во-первых, введение федерального закона об «неиндексации пенсии работающим пенсионерам» только за 2017 год снизило их долю с 39,9 до 24,4%. Во-вторых, повышение пенсионного возраста уменьшило трудовой стаж пенсионеров с 5,8 года в 2020 году до 2,3 в 2022 году. Причем эти тренды сохраняются, по данным за

2024 год, доля работающих пенсионеров составила 19,8%, а трудовой стаж после назначения пенсии по старости – 2,2 года. Согласно результатам опроса ВЦИОМ за 2020 год⁵, причинами, по которым пенсионеры продолжают работать, россияне считают недостаточный размер пенсии (74%), стремление материально помочь детям и внукам (56%), желание быть с людьми, в коллективе (32%), а также интерес к работе (19%) или привычку работать (16%). Аналогичные результаты показал опрос работающих пенсионеров Саратова в 2020 году (Шахматова, 2021): недостаточный размер пенсии (81%), стремление материально помочь детям, внукам (36%), желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе (28%), привычка работать (24%), интерес к работе, желание работать (21%), причем гендерных отличий в ответах не выявлено. Данные опроса населения Вологодской области (Ильин и др., 2025) подтверждают, что среди мотивов продолжения трудовой деятельности преобладают инструментальные мотивы потребности в дополнительном заработке (41%) и стремления быть финансово независимым, в том числе чтобы помогать детям и внукам (40%).

⁵ Работа на пенсии: за и против / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-na-pensii-za-i-protiv> (дата обращения: 30.07.2025).

Рис. 5. Трудовая активность пенсионеров

* В год достижения общеустановленного пенсионного возраста.

Источник: данные Росстата. Комплексное наблюдение условий жизни населения.

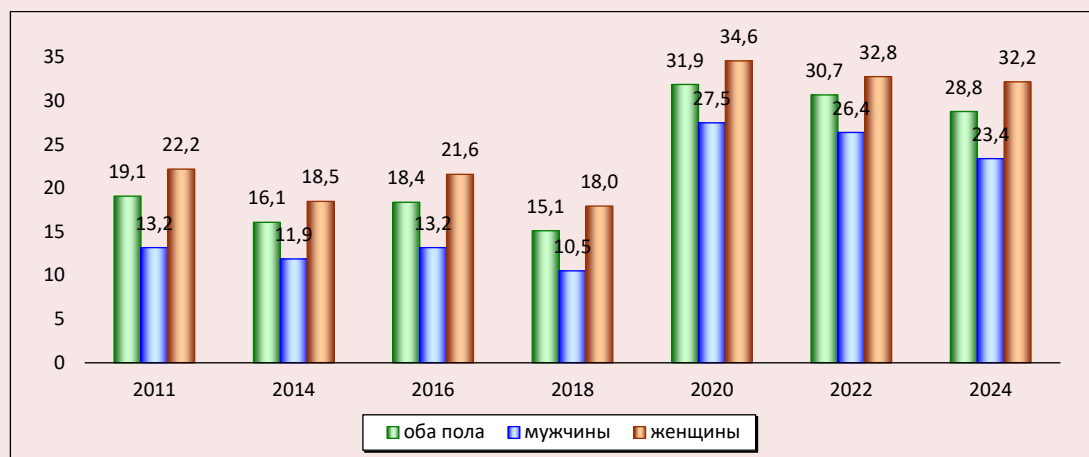
За 2011–2024 гг. произошли изменения в характере социальной активности пожилого населения. Доля пожилых, способных вести активный образ жизни и занимающихся какими-либо видами активного отдыха, варьируется в пределах 5–8%, среди женщин она немного ниже (4–6%). Из тех, кто способен вести активную жизнь, в 2024 году лишь четверть занималась какими-либо видами активного отдыха (в 2011 году треть). В целом подтверждается вывод, сделанный на основе опроса жителей Свердловской области в 2021 году (Нешатаев, 2022): бабушки и дедушки более склонны к пассивному отдыху и «домашним» видам деятельности, а наиболее популярными формами досуга опрошенных прародителей являются помощь в воспитании внуков (48,6%), работа на даче и в огороде (47,8%). В то же время структура регулярно посещаемых мероприятий изменилась, увеличилась доля пожилого населения, посещающего кинотеатры (с 1,2 до 12,6%), театры (с 2,8 до 15,0%), концерты (с 3,9 до 17,3%), художественные выставки, музеи (с 1,9 до 9,5%), рестораны, кафе, бары (с 1,8 до 28,7%), спортивные мероприятия (с 2,4 до 7,0%), но лидер сохранился – религиозные учреждения (с 22,5 до 33,1%). Значительно возросла доля

пожилых людей, которые совершали туристическую или экскурсионную поездку за последние 12 месяцев (с 7,8 до 42,3%).

Как показывают итоги статистических наблюдений, редукции значимости традиционного института бабушек (Арутюнян, 2012) и исчезновения феномена «русской бабушки» (Сорокин, 2014) не происходит, за 2011–2024 гг. доля лиц в возрасте 55 лет и более, осуществляющих ежедневно уход за детьми, увеличилась с 19,1 до 28,8% (рис. 6). Этот рост отмечается как среди бабушек (с 22,2 до 32,2%), так и среди дедушек (с 13,2 до 23,4%). А.В. Короленко выявила, что чаще общаются с младшими поколениями женщины в возрасте 60–64 лет с высоким уровнем образования, продолжающие трудовую деятельность на пенсии, проживающие не одиноко (Короленко, 2018). Ю. Зеликова считает, что сложившиеся в обществе нормы и правила, когда для пожилых женщин есть только одна роль – бабушки, приводят к их самодискриминации (Зеликова, 2020). Это соответствует результатам опроса ВЦИОМ в 2024 году⁶, 69–75% пожилых россиян считают необходимым максимальное участие бабушек

⁶ Бабушка XXI века / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/babushka-xxi-veka> (дата обращения: 30.07.2025).

Рис. 6. Доля лиц в возрасте 55 лет и более, осуществляющих ежедневно уход за детьми (своими или чужими), %

Источник: данные Росстата. Комплексное наблюдение условий жизни населения.

и дедушек в воспитании внуков, тогда как только 12–18% поддерживают идею «свободных» бабушек и дедушек. Примечательно, что молодое поколение (зумеры и миллениалы) демонстрирует иную позицию: старшее поколение должно жить в первую очередь для себя (48–55%), а не для внуков (28–36%).

Родители. По итогам Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., число домохозяйств, имеющих детей младше 18 лет, сократилось на 2,6 млн (таблица), при этом продолжает расти численность одиноких матерей (с 2,1 до 2,7 млн) и отцов (с 226 до 494 тыс.). Доля домохозяйств, состоящих из одиноких родителей с детьми, возросла с 13,0 до 21,1% от числа домохозяйств с детьми. Необходимо отметить, что за рассматриваемый период число разводов сократилось (за 2011–2024 гг. – с 4,7 до 4,4 развода на 1000 чел. населения), но и число браков значительно уменьшилось (с 9,2 до 6,0 на 1000 чел. населения).

В то же время число домохозяйств, состоящих из одного родителя с детьми и бабушки (или дедушки), сократилось с 894 до 805 тыс., но их доля сохраняется (в 2010 году – 5,0%, в 2020 году – 5,3% от числа домохозяйств с детьми). Т.Л. Кузьмишина отмечает, что жизнь с прародителями порождает искажение границ семейной системы (Кузьмишина, 2014). Это может привести к напряженности в отношениях между матерями и бабушками, когда их представления о воспитании ребенка не совпадают (Bektas et al., 2022; Con Wright, 2025), поэтому родители нуждаются в помощи своих родителей в воспитании детей, но ограничивают ее. Дж. Мейсон, В. Мэй и Л. Кларк сформулировали такой консенсус, как «будь рядом» и «не вмешивайся» (Mason et al., 2007). По результатам опроса 2005 года: 51% опрошенных высказываются за ограниченное участие прародителей в воспитании внуков (Вовк, 2006).

Число домохозяйств, имеющих детей моложе 18 лет, тыс. домохозяйств

Домохозяйства	2010	2020
Домохозяйства, имеющие детей младше 18 лет	17877	15231
Домохозяйства, состоящие из матери с детьми младше 18 лет	2095	2727
Домохозяйства, состоящие из отца с детьми младше 18 лет	226	494
Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми младше 18 лет и одного из родителей матери (отца)	894	805

Источник: данные Росстата; Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

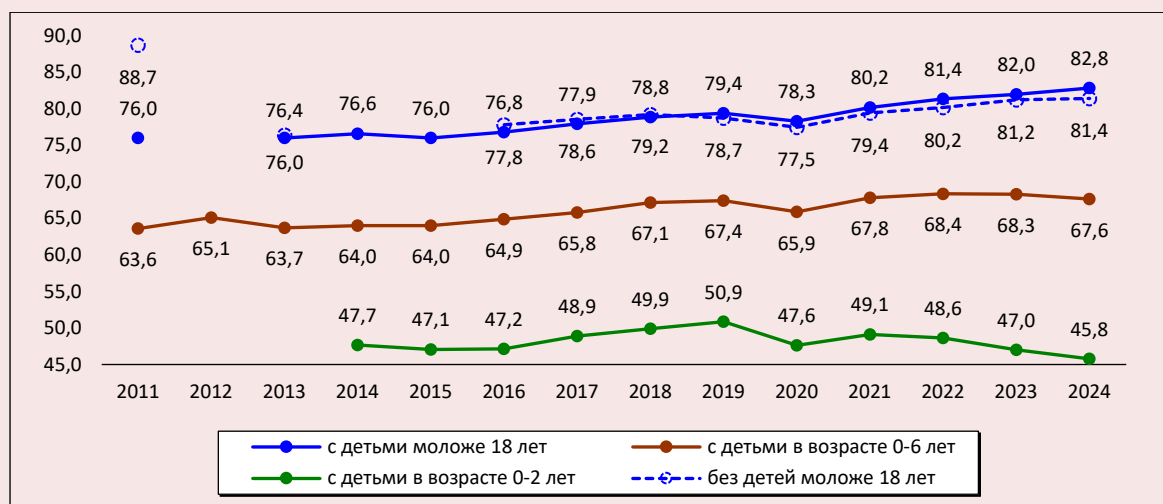
Проведенное в 2020 году исследование ВЦИОМ⁷ показало, что лишь 27% россиян склонны доверить воспитание бабушке и дедушке. Большинство (66%) считают, что молодой семье без материальных трудностей лучше отдать детей в детский сад, причем женщины и поколение 35–44 лет заявляли об этом чаще (69 и 74% соответственно). По данным социологического исследования «Семья и семейные поколения: взгляд поколений» (Ростовская, Егорычев, 2022), 65,1% родителей сами ухаживают за детьми, лишь 3,4% респондентов ответили, что эту роль на себя берут бабушки и дедушки. Т.К. Ростовская и А.М. Егорычев связывают это с влиянием советского наследия на институт семьи. В российской семье до сих пор сохраняются гендерные нормы советской эпохи, согласно которым женщина может работать и строить карьеру, но основная ответственность за семью и детей лежит на ней (Доброхлеб, Баллаева, 2018). При этом в России набирает популярность западная идеология интенсивного материнства (Исупова, 2018), хотя этот стандарт воспитания не одинаково воспринимается всеми родителями (Faircloth, 2023).

Еще одним параметром домохозяйств выступает уровень их урбанизации: 73,5% домохозяйств с детьми проживают в городских населенных пунктах, а 26,5% — в сельских, за анализируемый период это соотношение не изменилось.

Е.В. Землянова и В.Ж. Чумарина показали изменение возрастной модели рождаемости в России со сдвигом ее в старшие возраста (Землянова, Чумарина, 2018). За 2011–2022 гг. средний возраст матери при рождении детей вырос с 27,7 до 28,9 года. В результате бабушки и дедушки долго пребывают в ожидании внуков, а когда появляются внуки, им самим уже часто нужна помощь со стороны родственников (Гурко, 2020).

Как справедливо отмечено в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.⁸, в России женщины ориентированы на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей. За 2011–2024 гг. доля занятых женщин, имеющих детей дошкольного возраста, увеличилась с 63,6 до 67,6% (рис. 7). Но с «пандемийного года» сокращается уровень

Рис. 7. Уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет, %

Источник: данные Росстата. Итоги выборочного обследования рабочей силы.

⁷ Большая семья, или деды и внуки / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaya-semya-ili-dedy-i-vnuki> (дата обращения 30.07.2025).

⁸ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441> (дата обращения 30.07.2025).

занятости женщин с детьми до трех лет, в 2019 году он составлял 50,9%, а в 2024 году — уже 45,8%. В целом занятость женщин не зависит от наличия у них детей, с 2019 года уровень занятости среди женщин с детьми даже выше, чем среди женщин без детей (в 2024 году — 82,8 и 81,4% соответственно).

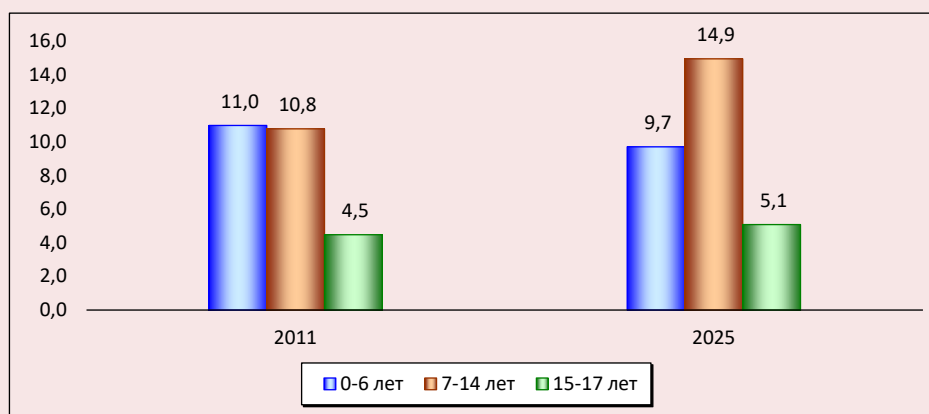
Занятость замужних и одиноких матерей увеличивается, но занятость женщин, не состоящих в браке, выше. Среди одиноких матерей, у которых младшему ребенку меньше 15 лет, имели полную занятость 76,7% (в 2021 году — 74,1%), 16,7% были безработными (в 2021 году — 18,5%). Среди замужних матерей 69,0% женщин имели полную занятость (в 2021 году — 64,2%) и 22,1% были безработными (в 2021 году — 24,5%).

Внуки. В России увеличивается соотношение численности старшего поколения по отношению к численности молодого поколения. Условно в 2011 году на одного внука (лиц в возрасте до 18 лет) приходилось 2,8 лиц в возрасте старше 55 лет, в 2025 году — уже 3,1. За 2011–2025 гг. численность детей (14 лет и младше) возросла с 21,8 до 24,7 млн человек (рис. 8). Однако численность детей дошкольного воз-

раста снижается, что связано с сохранением волнообразной деформации возрастного состава населения России⁹, с учетом негативной динамики рождаемости населения ожидается дальнейшее сокращение численности этой возрастной группы населения и в целом детей. Согласно прогнозу Росстата¹⁰, за 2024–2042 гг. численность населения моложе трудоспособного возраста (15 лет и младше) уменьшится в 1,2 раза. Численность подростков (15–17 лет) за 2011–2025 гг. увеличилась на 603,6 тыс. человек, в 2025 году она составила 5,1 млн человек. Подобная возрастная структура детей и подростков в России, безусловно, влияет на институт бабушек и перспективы его развития.

За 2011–2024 гг. повысилась доступность услуг, связанных с обучением и воспитанием детей. Если в 2011 году обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных организациях составляла 570 мест на 1000 детей, то в 2024 году — 811 мест. В то же время, по данным статистических сборников ВШЭ¹¹, за 2011–2023 гг. количество дошкольных организаций снизилось с 45 до 32 тыс. Повышение доступности, как отмечает А.Л. Сеница, связано с уплотнением групп и развитием групп

Рис. 8. Численность населения в возрасте 17 лет и младше, на 1 января, млн человек

Источник: данные Росстата.

⁹ Щербакова Е.М. (2023). Демографические итоги I полугодия 2023 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. № 999–1000. С. 1–20. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0999/barom03.php> (дата обращения 30.07.2025).

¹⁰ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года по среднему варианту демографического прогноза: статистический бюллетень. 2023. Москва: Росстат.

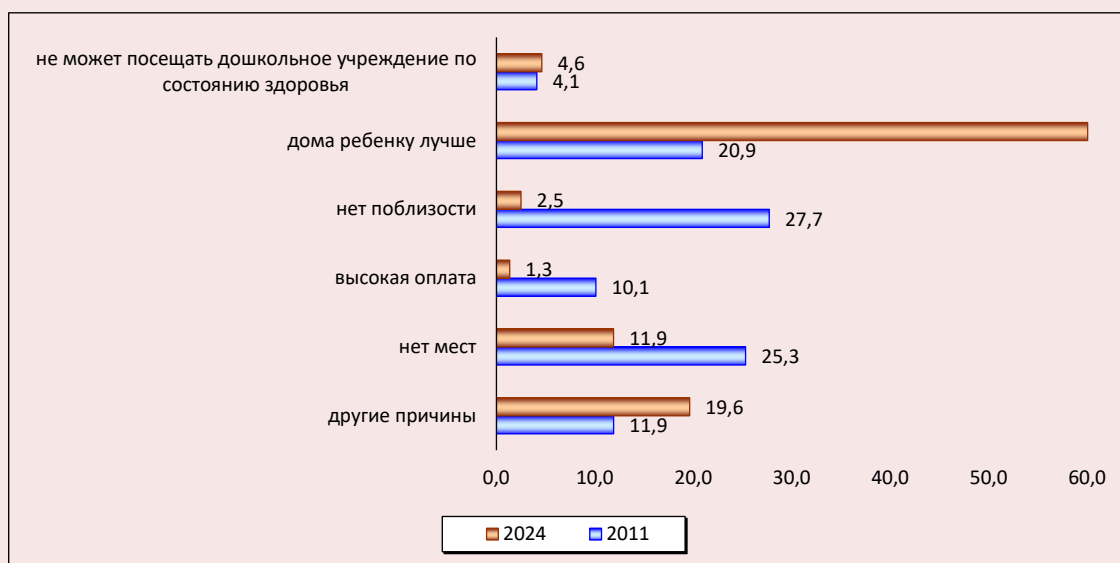
¹¹ Образование в цифрах / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/primarydata/os> (дата обращения 30.07.2025).

кратковременного пребывания детей (Синица, 2017). Косвенно это предположение подтверждается ростом численности воспитателей (за 2010–2023 гг. — с 485,2 до 509,4) и нагрузки на них (с 11 до 13 воспитанников на 1 воспитателя). В аналитическом докладе ВШЭ «Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов» сказано, что государство поддерживает создание новых мест для детей до трех лет в негосударственном секторе дошкольного образования, в том числе на основе государственно-частного партнерства (Абанкина и др., 2022). В частности, нацпроектом «Демография» предусмотрены субсидии индивидуальным предпринимателям и негосударственным организациям из федерального бюджета на создание дополнительных групп для детей в возрасте от полутора до трех лет в частных детских садах. Однако удельный вес численности детей, посещающих частные дошкольные образовательные организации, сохраняется и не превышает 1,5% в общей численности детей дошкольных образовательных организаций. Это может говорить о высокой доступности государственного образования и невысокой востребованности частного образования.

За 2011–2024 гг. доля детей в возрасте 3–6 лет, поставленных на очередь для получения места в дошкольной образовательной организации, возросла с 25,9 до 37,7% от общего числа детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольную образовательную организацию. За этот период значительно изменилась структура причин непосещения детьми детских садов. За 2011–2024 гг. увеличилась физическая и материальная доступность дошкольных организаций, доля детей, не посещающих дошкольную образовательную организацию, по причинам высокой оплаты и отсутствия мест, снизилась с 63,1 до 15,7% (рис. 9). В 2024 году 60% детей в возрасте 3–6 лет не посещали дошкольные организации, поскольку «дома ребенку лучше» (в 2011 году — лишь 20,9%).

За 2011–2024 гг. существенно возросла доля детей в возрасте 5–17 лет, охваченных дополнительными общеобразовательными программами, в общей численности детей этой возрастной категории (с 39,3 до 85,9%). За рассматриваемый период не изменилась численность детей, отдохнувших в детских и подростковых летних оздоровительных учреждениях, в 2024 году она составила 5,8 млн человек. В то же время число

Рис. 9. Распределение детей в возрасте 3–6 лет по причинам непосещения дошкольной образовательной организации, % от общего числа детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольную образовательную организацию

Источник: данные Росстата. Комплексное наблюдение условий жизни населения.

детских и подростковых летних оздоровительных учреждений значительно сократилось (с 52 до 38,9 тыс.).

Государство. Согласно российскому законодательству, родители несут ответственность за своих детей. В статье 38 Конституции РФ указано, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Семейный кодекс РФ (статья 67) предоставляет бабушкам, дедушкам и другим родственникам лишь право на общение с ребенком, но не возлагает на них каких-либо обязательств по его воспитанию или содержанию. Трудовой кодекс РФ (статья 256) предоставляет родственникам право оформить декретный отпуск по уходу за ребенком, при условии, что родители не используют его и не получают соответствующие выплаты. Это разграничение прав и обязанностей имеет существенное значение при определении круга лиц, ответственных за благополучие несовершеннолетних. В литературе встречается попытка перевести институт бабушек — заботу бабушек и дедушек о своих внуках — в плоскость трудовых отношений, определяя их как «прародительский труд», требующий оплаты (Багирова, Сапожникова, 2021). Д. Г. Саитова предложила механизм государственного стимулирования такого труда, где в качестве «работодателя» выступает государство, а не родители, в обязанности которых входит забота о своих детях и их воспитание (Саитова, 2022). Стимулирование «прародительского труда» с правовой точки зрения не только не обосновано, но и экономически нецелесообразно. По сути, это переход официально трудоустроенного работника, обладающего к концу своей трудовой жизни значимыми и уникальными профессиональными навыками и являющегося налогоплательщиком, в «непрофессионалы», которые в редких случаях обладают нужными компетенциями в сфере воспитания детей, на неформальный рынок труда.

В условиях сокращения численности трудоспособного населения и роста дефицита кадров в России государство реализует комплексную политику по поддержке занятости граждан, уделяя особое внимание женщинам и лицам предпенсионного и пенсионного возрастов как значимой части трудового потенциала страны. Эта политика нацелена на формирование эффективной системы трудоустройства, учиты-

вающей потребности всех категорий граждан, стремящихся к профессиональной реализации при сохранении семейных обязанностей. Государство разделяет с родителями ответственность за воспитание детей, создавая условия для раннего развития детей в возрасте до трех лет и осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей¹². В 2021 году был запущен федеральный проект «Содействие занятости» в рамках нацпроекта «Демография», с 2025 года он трансформирован и вошел в нацпроект «Кадры». Важной составляющей этого проекта является расширение возможностей выхода на рынок труда для молодых матерей после отпуска по уходу за ребенком с обеспечением для них образовательных траекторий (Абанкина и др., 2022). Также государство поощряет бизнес, активно реализующий программы поддержки работающих женщин с детьми и карьерного продвижения женщин¹³. Кроме того, для обеспечения качественного ухода и развития ребенка в 2018 году был утвержден профессиональный стандарт «Няня (работник по присмотру и уходу за детьми)», который упорядочивает требования к специалистам.

В 2016 году утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года¹⁴, которая предусматривает активное вовлечение пожилых людей в экономическую деятельность. В рамках этой стратегии предложены такие меры в сфере трудовой занятости пожилого населения, как поддержка предпринимательских инициатив граждан старшего поколения, развитие форм занятости (надомной, временной, гибкой и дистанционной), создание условий для недопущения дискриминации пожилых людей на рынке труда и продолжения

¹² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 30.07.2025).

¹³ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441> (дата обращения 30.07.2025).

¹⁴ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 7 апреля 2025 года № 830-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-07042025-n-830-r-ob-utverzhenii> (дата обращения 30.07.2025).

их трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста, развитие программ наставничества, а также обучение и переобучение пожилых людей, в том числе предпенсионеров.

В государственной политике России особое внимание уделяется укреплению межпоколенческих связей как важнейшему элементу развития института семьи. В частности, одной из задач Стратегии комплексной безопасности детей на период до 2030 года¹⁵ является создание условий для межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений. Концепция государственной семейной политики России на период до 2025 года¹⁶ направлена в том числе на укрепление межпоколенческих связей.

Обсуждение результатов

В результате проведенного анализа выявлены две взаимосвязанные тенденции в современном российском обществе: наблюдается существенный рост трудовой активности лиц пожилого возраста, в первую очередь среди женщин, и параллельно с этим усиливается их участие в процессе воспитания подрастающего поколения. Тенденция более активного участия бабушек и дедушек в жизни своих внуков характерна не только для России. Согласно данным Исследования здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (SHARE), 44% бабушек и дедушек в 11 европейских странах (Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Испания, Швеция и Швейцария) обеспечивают уход за детьми без присутствия родителей ребенка (Glaser et al., 2013). В Великобритании, как показывают данные Британского исследования социальных настроений (BSA), 63% бабушек и дедушек занимаются воспитанием внуков (Wellard, 2011). Согласно исследованию нидерландских ученых, вероятность того, что бабушки и дедушки заботятся о детях своих взрослых дочерей, за 1992–2006 гг. возросла с 0,23 до 0,41 (Geurts

et al., 2014). Более того, в этом же исследовании утверждается, что, если бы уровень занятости пожилого населения не повысился, рост показателя был бы более значительным. Анализ данных Исследования состояния здоровья и выхода на пенсию (HRS) — опроса репрезентативной выборки американцев старше 50 лет, свидетельствует, что воспитание внуков бабушками и дедушками становится все более распространенным, особенно среди семей с низким социально-экономическим статусом (Lee, Tang, 2015). Ученые Королевского колледжа Лондона (di Gessa et al., 2016) на базе данных SHARE объясняют более высокий уровень интенсивного ухода за внуками со стороны бабушек и дедушек недоступностью формального ухода за детьми и занятостью матерей полный рабочий день. Эта взаимосвязь четко прослежена на примере 11 европейских стран. В таких странах, как Италия, Португалия, Румыния и Испания, где матери работают сверхурочно, более 40 часов в неделю, а также практически нет специальных учреждений по уходу за детьми, отмечается высокая степень участия бабушек и дедушек. В Великобритании, Нидерландах и Германии мало матерей, занятых продолжительным трудом, следовательно, они гораздо меньше полагаются на бабушек в отношении интенсивного ухода за детьми (Glaser et al., 2013). М.Х. Мейер на основе интервью с работающими американскими бабушками пришла к выводу, что многие из них меняют график работы, используют время отпусков и больничных, сокращают пенсионные счета отчасти потому, что у них больше социального обеспечения, гибкости и ресурсов, чем у их дочерей (Meyer, 2012).

Если европейские и американские исследования демонстрируют преимущественно экономическую основу мотивации бабушек в воспитании внуков, то результаты российских социологических исследований показывают ее институциональный характер. Опрос осетинского старшего возраста, имеющих внуков, свидетельствует, что 89% из них считают помощь внукам обязанностью, а 60% опрошенных чувствовали бы себя виноватыми, если бы не оказывали подобной поддержки (Дзагурова, 2021). А.В. Курамшев, Е.Е. Кутявина и С.А. Судьин отмечают, что собственные потребности и интересы бабушек отходят на второй план и под

¹⁵ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 г. № 358. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976> (дата обращения 30.07.2025).

¹⁶ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660> (дата обращения 30.07.2025).

внуков выстраивается распорядок всей жизни. В ходе исследования на базе результатов опроса бабушек выявлено, что для большинства опрошенных характерны жертвенные установки (Курамшев и др., 2017).

Изучение поведенческих моделей бабушек и дедушек в России и странах Западной Европы демонстрирует ограниченность существующих экономических теорий для объяснения их мотивации участия в воспитании внуков. Многие исследования показывают, что, несмотря на естественные изменения в характере общения «прародитель — внук», связь между поколениями остается важной составляющей семейной системы (Кемп, 2007), обусловлена и практическими, и эмоциональными соображениями. При этом, согласно результатам социологических исследований, российская специфика проявляется в отсутствии доминирования рациональной логики при перераспределении ресурсов внутри семьи. Это прослеживается при сопоставлении поведенческих паттернов населения России и Эстонии на основе данных исследования SHARE (Синявская и др., 2023). Если в Эстонии шансов помогать внукам больше у работающих и выше оценивающих свои доходы пожилых, то в России статистически значимой связи между включенностью в помощь с внуками, социальным статусом и субъективным доходом не обнаружилось.

Заключение

В рамках данного исследования предпринята попытка проанализировать тенденции и социально-экономические условия трансформации института бабушек в России, основываясь не на предположениях о реализации идей активного долголетия, самореализации, нарциссизма, феминизма в общественном сознании, а на результатах статистических наблюдений в ближайшей ретроспективе. Научная новизна исследования состоит в разработке системного подхода к изучению института бабушек, который базируется на анализе демографических, социальных и экономических факторов, влияющих на формирование поведенческих паттернов всех участников этих отношений: пра-родителей, родителей, внуков и государства. Результаты исследования показывают, что пожилое население России демонстрирует тенденцию к большей социальной и трудовой ак-

тивности, при этом сохраняя традиционные формы участия в семейной жизни, включая воспитание внуков. Поскольку институт бабушек не является уникальным явлением, характерным исключительно для российского общества, в нашей работе также рассмотрены европейские исследования. Сопоставляя результаты исследований, можно сделать вывод о различиях в мотивации бабушек и дедушек, не укладывающейся в рамки одной из экономических теорий: неоклассической теории и теории неоинституционализма. В России бабушки воспринимают заботу о своих внуках как должную традиционную форму внутрисемейного взаимодействия. В Европе бабушки объясняют свою помощь экономической целесообразностью. Хотя данный вывод требует более детального исследования с более сопоставимыми исходными данными, однозначно можно заключить, что институт бабушек не является социальным рудиментом.

Исследование показало, что институт бабушек не исчезает, а трансформируется, адаптируясь к новым социально-экономическим условиям, сохраняя при этом свою значимость как для семьи, так и для общества в целом. М.Ю. Арутюнян сформулировала вектор этой трансформации как направление от «замещающей» или даже дополнительной функции по отношению к родительской, к самостоятельной роли (Арутюнян, 2012). Действительно, происходит существенный рост занятости пожилого населения, особенно среди женщин 55–59 лет. Отмечается не только повышение уровня образования работающих женщин старшего поколения, но и доли специалистов высшего уровня квалификации среди них, а также сохраняется лидирующая позиция пожилых лиц среди руководителей. Если трудовая активность пожилого населения растет, то трудовая активность пенсионеров снижается. Такая разнонаправленная динамика показывает, что значительная часть граждан предпенсионного и пенсионного возраста проявляет стремление продолжать трудовую деятельность, откладывая оформление пенсии. Это свидетельствует о сохранении высокой трудовой мотивации среди старшего поколения и их желании оставаться экономически активными участниками рынка труда. Причем, согласно опросам, зна-

чимым мотивом является и стремление помочь детям и внукам. В то же время повышается социальная активность пожилого населения, расширяется спектр досуговых мероприятий и растет участие в культурной жизни общества. Несмотря на сокращение численности детей дошкольного возраста, фиксируется устойчивый рост участия пожилых людей в уходе за внуками. Такой рост можно объяснить увеличением числа и доли домохозяйств, состоящих из одного родителя с детьми, а также повышением трудовой активности женщин, имеющих детей. Сложившийся значительный дефицит кадров на рынке труда России побуждает государство проводить комплексную политику, направленную на стимулирование занятости населения, особенно женщин и пожилого населения как значимой части трудового потенциала страны. В то же время государство стремится сохранить баланс между вовлечением этих групп в трудовую деятельность и укреплением межпоколенческих связей через реализацию мер семейной политики.

Сложно согласиться с тем, что современный институт бабушек перестал предполагать со стороны бабушек и дедушек самоотверженный вклад в заботу о внуках (Дорофеева, 2021). Напротив, данные свидетельствуют, что, несмотря на растущую вовлеченность старшего поколения в экономику и общественную жизнь, их участие в воспитании внуков не только сохраняется, но и интенсифицируется. Однако совмещение оплачиваемой работы и ухода за

внуками может привести к чрезмерному бремени, которое сводит на нет потенциальные преимущества ухода за внуками для благополучия пожилых женщин (Arpino, Bellani, 2022). Это напряжение между социальными ролями отчетливо отражается в высказывании женщины, занимающейся воспитанием внука (одной из респонденток исследования М.Х. Мейер): «Я бы хотела больше быть бабушкой и меньше — матерью»¹⁷. При этом молодые родители переосмысливают функции института бабушек. Они ориентируются на самостоятельное воспитание детей, используя поддержку старшего поколения преимущественно в качестве дополнительного ресурса.

Такая трансформация института бабушек требует создания условий, позволяющих старшему поколению гармонично совмещать трудовую активность с участием в воспитании внуков. Ключевыми направлениями здесь могут выступать внедрение гибких форм занятости, развитие инфраструктуры для детей, а также интеграция семейной политики и программ активного долголетия. Реализация этих направлений будет способствовать не только удовлетворению интересов пожилых людей в профессиональной и семейной сферах, но и снижению демографических рисков (например, отказов от рождения 2–3 ребенка из-за отсутствия поддержки). Такой подход не противоречит традиционным ценностям, а опирается на них, превращая институт бабушек в ресурс устойчивого развития российского общества.

Литература

- Абанкина И.В., Михайлова Я.Я., Нисская А.К., Сивак Е.В., Филатова Л.М. (2022). Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад. Москва: НИУ ВШЭ. 112 с.
- Арбер С. (2016). Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 59–78. DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.04
- Арутюнян М.Ю. (2012). Изменение «Института бабушек»: социально-психологический аспект // Народонаселение. № 1 (55). С. 76–85.
- Багирова А.П., Сапожникова К.А. (2021). Прародительство как трудовой процесс: мнения родителей детей о материальном стимулировании // Старшее поколение современной России / под ред. З.Х. Саралиева. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского. С. 300–304.
- Беккер Г. (2003). Человеческое поведение: экономический подход. Москва: ГУ ВШЭ. 672 с.

¹⁷ Eisenberg R. Grandmothers Caring For Grandkids: Work-Life Balance 2016 // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/nextavenue/2016/07/29/grandmothers-caring-for-grandkids-work-life-balance-2016> (дата обращения 15.10.2025).

- Булыгина М.В., Комарова С.В. (2019). Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. № 8 (4). С. 97–105. DOI: 10.17759/jmfp.2019080410
- Васильева Е.В. (2024). Российский и европейский опыт реализации концепции активного долголетия // Успехи геронтологии. № 37 (5). С. 481–490. DOI: 10.34922/AE.2024.37.5.001
- Васильева Е.В., Тырсин А.Н. (2021). Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин // Пространственная экономика. Т. 17. № 3. С. 103–132. DOI: 10.14530/se.2021.3.103-132
- Веблен Т. (2024). Инстинкт мастерства и структура промышленного искусства. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 352 с.
- Вовк Е. (2006). Зачем нужны бабушки и дедушки? // Социальная реальность. № 4. С. 89.
- Григорьева И.А., Келасьев В.Н. (2016). Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. № 11. С. 82–85.
- Григорьева И.А., Парфенова О.А., Галкин К.А. (2023). Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. № 26 (1). С. 258–262. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10
- Гурко Т.А. (2020). Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. № 2. С. 63–73.
- Дзагурова Н.Х. (2021). Социальная роль бабушки в современной осетинской семье // Социология. № 6. С. 78–83.
- Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. (2018). Семья перед лицом новых социальных вызовов // Народонаселение. № 2. С. 60–68. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-05
- Дорофеева З.Е. (2021). Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях // Социологическая наука и социальная практика. № 3 (35). С. 73–87. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434
- Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. (2017). Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. Т. 21. № 1. С. 145–187.
- Забелина О.В. (2018). Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. № 5 (1). С. 165–176. DOI: 10.18334/et.5.1.38874
- Зеликова Ю. (2020). «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // Laboratorium: Журнал социальных исследований. № 2. С. 124–145. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145
- Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. (2018). Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. № 64 (6). DOI: 10.21045/2071-5021-2018-64-6-9
- Ильин В.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А., Белехова Г.В., Соловьева Т.С. (2025). Старшее поколение на российском рынке труда: намерения, мотивы и особенности положения: информационно-аналитическая записка. Вологда. 29 с. URL: www.vscs.ac.ru/uploads/activity_files/2025/07/29454.pdf (дата обращения 30.07.2025).
- Исупова О.Г. (2018). Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 3. С. 180–189.
- Карабчук Т.С., Нагерняк М.А. (2013). Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 1. С. 25–48.
- Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. (2017). Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. Т. 15. № 1. С. 69–88. DOI: 10.21638/11701/srbu18.2017.104
- Козлова Т.З. (2017). Самореализация людей старшего поколения // Социальные исследования. № 1. С. 54–61.
- Коновалова Е.В. (2013). Экономическая теория семьи как развитие теоретической экономики // Теоретическая экономика. № 3 (15). С. 52–58.
- Короленко А.В. (2018). Некоторые аспекты состояния современного «института бабушек»: опыт социологического исследования // Социальное пространство. № 4 (16). DOI: 10.15838/sa. 2018.4.16.3
- Корчагина И.И. (2018). Взгляды москвичек на дошкольное образование детей // Народонаселение. № 1. С. 136–150. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-11

- Кузьмишина Т.Л. (2014). Особенности эмоционального взаимодействия дошкольника с прародителями в современной семье // Ярославский педагогический вестник. № 2 (4). С. 249–253.
- Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. (2017). Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. № 3 (84). С. 70–79. DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.6
- Нешатаев А.В. (2022). Взаимосвязь форм досуга прародителей и их вовлечения в процесс воспитания внуков // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4 (68). С. 135–141. DOI: 10.52452/18115942_2022_4_135.
- Ростовская Т.К., Егорычев А.М. (2022). Особенности межпоколенных взглядов на формирование представлений о семейных ролях / ЦИТИСЭ. № 1 (31). С. 170–186. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.1.14
- Римашевская Н.М. (2003). Человек и реформы: секреты выживания. Москва: РИЦ ИСЭПН. 392 с.
- Саитова Д.Г. (2022). Возможные механизмы государственного стимулирования прародительского труда // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 18 (12). С. 2338–2356. DOI: 10.24891/ni.18.12.2338
- Синица А.Л. (2017). Динамика долей групп детей дошкольного возраста в регионах РФ // Вестник Института социологии. № 8 (1). С. 55–75. DOI:10.19181/vis.2017.20.1.445
- Синявская О.В., Козлов В.А., Гудкова Т.Б. (2023). Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 186–211. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2371
- Сорокин Г.Г. (2014). Бабушки современной России // Женщина в российском обществе. № 1 (70). С. 78–80.
- Шахматова Н.В. (2021). Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. № 21 (4). С. 413–420. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420
- Шубат О.М. (2022). Региональные особенности включенности российских бабушек в процессы заботы и ухода за внуками: статистические оценки // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 18–19 апреля: в 2-х т. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. Т. 1. С. 207–212.
- Шербакова Е.М. (2023). Демографические итоги I полугодия 2023 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. № 999-1000. С. 1–20. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0999/barom03.php> (дата обращения 30.07.2025).
- Янак А.Л. (2021). «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1 (57). С. 54–69. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-1-6
- Arpino B., Bellani D. (2022). Juggling grandchild care and labor force participation: The effect on psychological wellbeing of older women. *Frontiers in Sociology*, 6, 806099. DOI: 10.3389/fsoc.2021.806099
- Becker G.S. (1991). *A Treatise on the Family*. Cambridge; London: Harvard University Press.
- Bektas G., Boelsma F., Gündüz M. et al. (2022). A qualitative study on the perspectives of Turkish mothers and grandmothers in the Netherlands regarding the influence of grandmothers on health related practices in the first 1000 days of a child's life. *BMC Public Health*, 22(1), 1364. DOI: 10.1186/s12889-022-13768-8
- Con Wright G. (2025). “Who cares best for the child?” Grandmothers’ interactions with mothers in childcare. *Akdeniz Kadın Çalışmaları Ve Toplumsal Cinsiyet Dergisi*, 8(1), 1–23. DOI: 10.33708/ktc.1497989
- Di Gessa G., Glaser K., Price D., Ribe E., Tinker A. (2016). What drives national differences in intensive grandparental childcare in Europe? *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 71, 141–153. DOI: 10.1093/geronb/gbv007
- Faircloth C. (2023). Intensive parenting and the expansion of parenting. *Parenting Culture Studies*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-44156-1_2
- Geurts T., van Tilburg T., Poortman A.-R., Dykstra P.A. (2014). Child care by grandparents: Changes between 1992 and 2006. *Ageing and Society*, 35(06), 1318–1334. DOI:10.1017/s0144686x14000270.
- Glaser K., Price D., di Gessa G. et al. (2013) *Grandparenting in Europe: Family Policy and Grandparents’ Role in Providing Childcare*. London: Grandparents Plus.
- Goldin C. (2025). The downside of fertility. *NBER Working Paper Series. Working Paper 34268*.

- Hagestad G.O. (2006). Transfers between grandparents and grandchildren: The importance of taking a three generation perspective. *Zeitschrift für Familienforschung*, 18(3), 315–332.
- Kemp C.L. (2007). Grandparent – grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 28(7), 855–881. DOI: 10.1177/0192513X07299599
- Lee R. (1980). Age structure, intergenerational transfers and economic growth: An overview. *Revue Economique: Special Issue on Economic Demography*, 31(6), 1129–1156.
- Lee R., Mason A. (2014). Population aging and the generational economy: A global perspective. *Canadian Studies in Population*, 41(1-2), 220–222. DOI: 10.25336/P60034
- Lee R.D. (2007). *Demographic Change, Welfare, and Intergenerational Transfers: A Global Overview. Ages, Generations and the Social Contract*. Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-1-4020-5973-5_1
- Lee Y., Tang F. (2015). More caregiving, less working: Caregiving roles and gender difference. *Journal of Applied Gerontology*, 34(4), 465–483. DOI: 10.1177/0733464813508649
- Mason J., May V., Clarke L. (2007). Ambivalence and the paradoxes of grandparenting. *The Sociological Review*, 55(4), 687–706. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2007.00748.x
- Meyer M.H. (2012). Grandmothers juggling work and grandchildren in the United States. In: Arber S., Timonen V. (Eds). *Contemporary Grandparenting: Changing Family Relationships in Global Contexts*. Bristol University Press. DOI: 10.1332/policypress/9781847429681.003.0004
- Samuelson P.A. (1956). Social indifference curves. *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), 1–22. DOI: 10.2307/1884510
- Sarti R. (2010). Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, 46(6), 789–802. DOI: 10.1080/00309230.2010.526347
- Simon H.A. (1955). A behavioral model of rational choice. *The Quarterly Journal of Economics*, 69(1), 99–118.
- Veblen T. (1909). The limitations of marginal utility. *The Journal of Political Economy*, 17(9), 620–636.
- Wellard S. (2011). *Doing It All? Grandparents, Childcare and Employment: An Analysis of British Social Attitudes Survey Data from 1998 and 2009*. London: Grandparents Plus.
- Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M. et al. (2013). *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results*. European Centre Vienna.

Сведения об авторе

Елена Витальевна Васильева — доктор экономических наук, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Vasilyeva E.V.

Issues of the Work and Family Activities of the Older Generation

Abstract. The article analyzes the trends and socio-economic conditions of the transformation of the grandmother institution in Russia. The research employs the theoretical framework of neoclassical theory and neo-institutionalism, which explain the nature of the grandmother institution. A system of indicators describing the demographic characteristics of the population and its behavior has been developed. The data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) served as the information base for the study. The analysis was conducted from the perspective of all participants: grandparents (the “grandmothers” themselves), parents, grandchildren, and the state as an actor shaping the environment in which the grandmother institution functions. The study has shown that the grandmother institution is transforming, adapting to new socio-economic conditions while retaining its significance. On the one hand, older people have become more in demand in the economy and society. There is a significant increase in the employment of the elderly population, especially among women aged 55–59. On the other hand, grandparents have become even more active in the lives of their grandchildren. The proportion of grandmothers providing

daily childcare increased from 22.2% to 32.2%, and that of grandfathers from 13.2% to 23.4%. This is explained by an increase in the number of single-parent households with children (from 13.0% to 21.1% of all households with children), as well as an increase in the employment of women with children (from 76% to 82.8%). The results of Russian sociological surveys reveal the institutional nature of the motivation for the elderly population's participation in grandchild care. Sacrificial attitudes are characteristic of the majority of respondents; however, this position is not supported by parents, who prefer to raise their children independently and turn to grandparents only when assistance is required.

Key words: grandmother institution, population aging, employment, elderly population, households, women.

Information about the Author

Elena V. Vasilyeva – Doctor of Sciences (Economics), head of center, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Статья поступила 21.08.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.10

УДК 338.001.36; 004, ББК 65.5

© Груздева М.А., Гордиевская А.Н.

Критерии цифрового благополучия населения: состояние и проблемы

Мария Андреевна**ГРУЗДЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8759-4953; ResearcherID: H-4981-2017

Александра Николаевна**ГОРДИЕВСКАЯ**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: alessu85@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7777-3456; ResearcherID: I-9439-2016

Аннотация. Современный этап развития общества неизбежно связан со стремительной цифровой трансформацией, ее результаты пронизывают экономику, управление, практически все сферы жизнедеятельности. Это подтверждает актуальность обращения к данной проблематике, расширению информационной базы и инструментария оценки влияния новых условий на жизнь человека. Данная статья посвящена цифровому благополучию населения, развитие методических подходов к его измерению является ее целью. В статье проведен критический анализ теоретико-методологических подходов к изучению благополучия и цифрового благополучия, представлена авторская методика оценки, основанная на субъективных данных, апробация проведена на данных репрезентативного опроса населения Вологодской области 2021 года. Новизну результатов подтверждает предложение нового подхода к оценке и полученные в ходе его при-

Для цитирования: Груздева М.А., Гордиевская А.Н. (2025). Критерии цифрового благополучия населения: состояние и проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 187–199. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.10

For citation: Gruzdeva M.A., Gordievskaya A.N. (2025). Criteria of the digital well-being of the population: Current state and problems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 187–199. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.10

менения прикладные результаты, расширяющее региональную картину цифрового развития и позволяющие проводить сравнения и типологизировать регионы по уровню цифрового благополучия населения. Характеристики цифрового благополучия населения региона проанализированы в разрезе типов мест проживания населения, уровня образования и дохода по гендерным и возрастным характеристикам. Подтверждены многие выводы распространения цифровых разрывов и препятствий достижению благополучия в цифровой среде, выявлены наиболее уязвимые социально-демографические группы. Показано значительное влияние места проживания и возраста на параметры цифрового благополучия, другие факторы менее выражены и требуют более глубокого изучения. Отдельной дискуссии и исследования требуют выводы по принятию обществом потенциальных цифровых рисков. Практическая значимость результатов определяется потенциалом их использования в управленческих целях, в том числе для стратегического планирования достижения национальных и региональных целей развития, классификации и типологии регионов по характеристикам цифрового развития. Кроме того, наличие информации о цифровом благополучии населения может способствовать повышению инвестиционной привлекательности IT-сектора региона, развитию цифрового образования, внедрению на рынок высокотехнологичных товаров и сервисов и других направлений цифровой трансформации.

Ключевые слова: оценка цифрового благополучия, цифровые компетенции, виртуализация жизни, цифровые взаимодействия, цифровые риски.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01422 «Концептуальные основы и практики достижения цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления», <https://rscf.ru/project/25-28-01422/>

Введение

Благополучие — довольно сложная и неопределенная категория. Многие современные исследователи обращаются к ее концептуализации и оценке; она существенно дополняет и расширяет сложившиеся аспекты концепции качества жизни, так как включает субъективные оценки. Российское общество сильно дифференцировано, и использование только объективных показателей дохода, наличия материальных благ, образования, характеристик здоровья и социального окружения недостаточно для более полного понимания сложившейся ситуации, поэтому концепция благополучия получает все более широкое распространение, включая в оценки и анализ субъективные аспекты удовлетворенности человека своей жизнью, уверенности в будущем, защищенности, эмоционального состояния и самореализации в различных сферах и др. Безусловно, авторы, изучающие качество жизни, также используют в своих инструментариях субъективный фактор в дополнение к объективным данным, некоторые из них отождествляют эти понятия (Кислицына, 2016). Определенной вехой в развитии измерения благополучия

считается доклад Стиглица — Сена — Фитусси, в котором они отмечали, что «...настало время перенести акцент с измерения экономического производства на измерение благополучия людей» (Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009, p. 12). Ими подчеркивалась важность комплексного подхода к параметрам благополучия людей, а именно обращение внимания на уровень жизни; здоровье; образование; личную деятельность, включая работу; политическую ориентацию и управление; социальные связи и отношения; окружающую среду (нынешние и будущие условия); отсутствие безопасности как экономического, так и физического характера (Noll, 2011; Kruger, 2011).

Современные исследования насчитывают обращение к множеству видов благополучия, самым объемным и многоаспектным видом среди которых, пожалуй, выступает социальное благополучие. Его признают одним из ключевых нематериальных факторов развития общества (Сушко, 2023). Второй важный вид — это экономическое или материальное благополучие, которое наиболее близко к понятию и оценкам качества жизни. Под ним в общих

чертах понимается такое состояние экономических систем, процессов и воспроизводства конкретной экономической системы, которое обеспечивает удовлетворение разумных жизненно необходимых материальных и духовных потребностей общества (Медведева, Ярашева, Макара, 2023; Дворядкина, Белоусова, 2023). В зависимости от исследуемых параметров рассматриваются также демографическое (Рязанцев, Мирязов, 2021), финансовое (Белехова, 2023), психологическое или эмоциональное благополучие (Психоэмоциональное..., 2020; Лактионова, Матюшина, 2018) и др.

Нельзя оставить без внимания и то, что исследователи обращаются к концепциям благосостояния, счастья. На наш взгляд, все эти воззрения стремятся к общей цели — улучшение жизни людей, поэтому не конфликтуют между собой, а, наоборот, дополняют. В данной статье используется понятие цифрового благополучия, поскольку мы стремимся изучить его уровни именно для населения (не для экономики, страны), основывая построение инструментария на субъективной информации, полученной с использованием социологических методов.

Термин «цифровое благополучие» только получает распространение в связи с осмыслением в западной и российской науке хода и эффектов тотальной цифровизации (Асеева, 2023).

Целью статьи является развитие методических подходов к измерению цифрового благополучия населения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: провести критический анализ теоретико-методологических подходов к изучению цифрового благополучия; разработать авторский инструментарий оценки цифрового благополучия; апробация инструментария на данных опроса населения Вологодской области, проведенного в 2021 году.

Научная новизна проведенного исследования заключается в предложенном подходе к оценке уровня цифрового благополучия на основе индексного метода, а также в прикладных результатах, связанных с оценкой такого уровня для населения Вологодской области. Полученные результаты, как и методический подход, новы, обладают потенциалом практического применения.

Объект исследования — взрослое население Вологодской области (старше 18 лет, верхняя

граница, как правило, определяется возрастом 79 лет), проживающее в городской и сельской местности.

Информационной базой исследования послужили данные социологического исследования ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»: опрос населения Вологодской области «Социокультурный портрет региона» в 2021 году (объем выборки — 1500 чел. старше 18 лет, выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту проживания, ошибка не превышает 5%). Способ проведения — анкетирование по месту жительства респондента, проводится в двух крупных городах региона Вологде и Череповце, 8 муниципальных районах / округах, включая центры и сельскую местность.

Теоретический обзор

Изначально термин «цифровое благополучие» использовался для обозначения здорового отношения с цифровыми устройствами (гаджетами), иными технологиями и информацией, размещенной в Интернете. Изменение поведенческих установок и каналов получения информации, так называемая цифровая усталость, сподвигли общество к постановке вопроса о повышении осознанности использования цифровых сервисов без вреда для психического, эмоционального и физического здоровья. Так, ведущие производители техники и операционных систем (Android, iOS, Windows, macOS) внедряют в свою практику сервисы и приложения, а также набор функций и настроек, которые позволяют пользователю контролировать время, проведенное за экраном, устанавливать ограничения на просмотр информации (в том числе родительский контроль), уведомлений, регулировать режим отдыха, нагрузку на глаза и др. Они помогают пользователям осознавать свои цифровые привычки и, при необходимости, изменять их.

Современное развитие цифровых технологий и их активное внедрение во все сферы жизнедеятельности человека обуславливают расширение научного понимания понятия «цифровое благополучие». В научной литературе данный термин становится все более популярным и рассматривается в контексте комплексной оценки взаимодействия человека с цифровой средой. В широком смысле цифровое благополучие трактуется как баланс между осознанным использованием цифровых тех-

нологий для повышения качества жизни, минимизацией возможных рисков и максимизацией преимуществ, предоставляемых цифровой средой.

Зарубежный исследовательский дискурс сосредотачивается на конструировании понятия цифрового благополучия и рассматривает его как важнейшую составляющую этапа перехода от цифровой эпохи к эпохе цифрового благополучия. Анализ базы данных международной исследовательской социальной сети Researchgate (<https://www.researchgate.net/>) свидетельствует о значительном росте научных публикаций по данной проблематике: по состоянию на 2023 год было опубликовано более 100 работ, посвященных аспектам цифрового благополучия (digital wellbeing; Zangogianni, Kavakli, 2025; Nayama, Desai, 2025). Такой рост свидетельствует о глобальной тенденции к активному изучению роли цифровых технологий в жизни человека на фоне ускоряющейся цифровизации общественных и индивидуальных процессов, несмотря на сохраняющееся цифровое неравенство между странами.

Обзор зарубежных исследований показывает согласованность гипотез и выводов, указывающих на то, что цифровое благополучие является важным и неотъемлемым результатом современного развития общества. Исследователи подчеркивают необходимость системного анализа факторов, определяющих достижение цифрового благополучия как на уровне индивидуумов и групп, так и на уровне общества. В рамках данной парадигмы особое значение придается осознанному подходу к использованию технологий, чтобы люди жили более здоровой и комфортной жизнью (Fan, Li, 2021; Wanju, Yijie, Jilai, 2025; Ghosh, 2024). Такой подход выступает основой для эффективной реализации трансформационного потенциала цифровых технологий и минимизации негативных последствий их внедрения.

Закономерным следствием становится обращение к параметрам и условиям обеспечения цифрового благополучия определенных групп населения, либо уязвимых, как в случае с пожилыми людьми или людьми с низкими доходами (Nuzzaci, Maviglia, 2025; Kawinska, 2024; Wanju, Yijie, Jilai, 2025), либо тех, которые требуют большего внимания и особых инструментов управления — в случае с подростками и мо-

лодежью (Febrieta, Gina, 2024; Charmaraman, Nesi, Schueller, Choukas-Bradley, 2024). Также внимание сфокусировано и на профессиональных группах, использующих цифровые технологии в деятельности, например, медиков, работников сферы образования и IT сферы (Pisarska, Kryczka, Castellone, 2025; Digital Well-Being ... 2025).

Несмотря на интенсивный рост тематического интереса на международном уровне, отечественные исследования в области цифрового благополучия остаются относительно менее представленными. Вместе с тем, цифровое благополучие рассматривается как определяющая характеристика жизни людей: «Осмысливается как включающее полноту социальной интегрированности и активности общения, уровень удовлетворения потребностей и расширения возможностей с помощью цифровых технологий» (Асеева, 2023, с. 138). Важными сферами проявления цифрового благополучия называется образование, с отдельными направлениями исследований цифрового благополучия обучающихся, а также в управлении ресурсами и социально-экономическими системами (Мейкшане, 2021; Чубуков, 2022; Прикот, 2022). В рамках социальной структуры внимание также уделяется различным группам населения. Исследования показывают, что молодежь с высоким уровнем цифровой грамотности и IT-образования чаще ощущает положительный настрой по отношению к цифровому будущему, тогда как пожилые и менее обеспеченные слои общества склонны к пессимизму, что препятствует достижению ими цифрового благополучия.

Безусловно, мы все еще говорим о новой для науки категории, что обуславливает актуальность обращения к ее изучению и измерению. В данном исследовании авторы подходят к цифровому благополучию как такому состоянию доступности ИКТ инфраструктуры, связи, цифровой грамотности и мотивации населения, которое определяет возможности использования цифровой среды для удовлетворения потребностей населения при соблюдении баланса преимуществ и минимизации возможных рисков. Остается возможность в дальнейшем корректировать данные основания ввиду новых открывающихся особенностей изучаемого явления.

Представляем, что цифровое благополучие может проявляться в разных сферах жизни человека (*рисунок*).

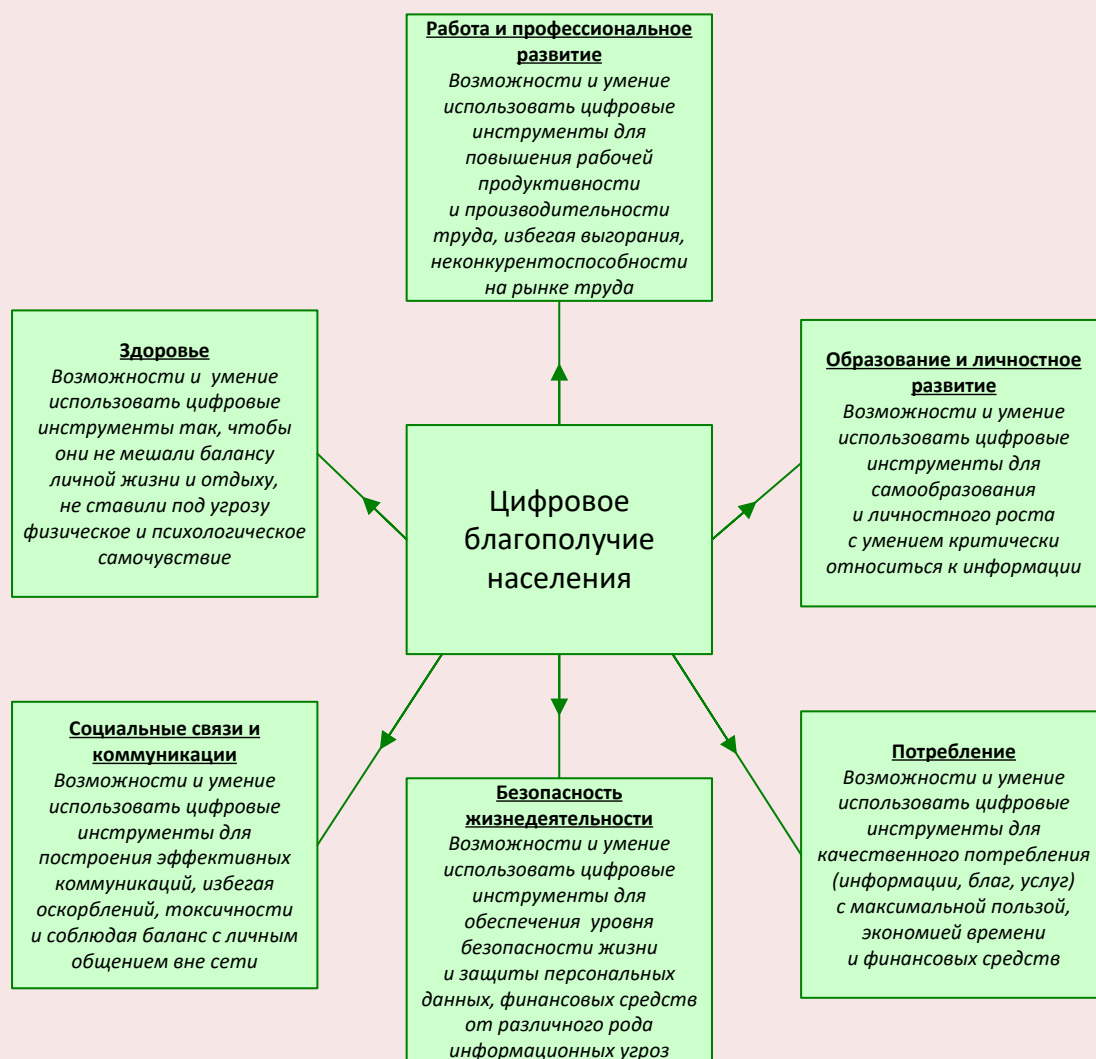
Понимая многогранность исследуемого понятия и его подвижность в связи со стремительной цифровизацией и появлением новых ее форм, предпринимаем попытку разработки и апробации инструментария его оценки.

Материалы и методы

Последовательное изучение масштабов и факторов цифрового неравенства, социокультурных трансформаций общества, порождаемых цифровизацией, подтолкнули нас обратиться к понятию цифрового благополучия

населения. Это понятие пока редко употребляется в научном поле. Вместе с тем, интерес к данной концепции растет, что подтверждает востребованность развития теоретико-методологических основ изучения цифрового благополучия. Для разработки методики как на объективных, так и на субъективных данных использовались положения трехуровневой модели цифрового неравенства. Данная концепция является наиболее распространенной и признанной исследователями мира (Гладкова, Гарифуллин, Рагнедда, 2019; Nieminen, 2016; Ragnedda, Kreitem, 2018; Ragnedda, 2018; Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019 и др.).

Проявления цифрового благополучия населения в различных сферах жизни

В исследовании для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности, сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Разработан авторский инструментарий социологического измерения цифрового благополучия населения. Для анализа результатов, применяются методы системно-структурного и кросстабуляционного анализа, проводится сравнение общероссийских данных с региональными. Теоретической базой исследования являются научные работы по проблематике цифрового неравенства, цифрового благополучия, цифровой готовности, виртуализации жизни, цифровых дивидендов и т.д.

Разработка методики оценки субъективного цифрового благополучия

В таблице 1 представлен пошаговый алгоритм разработки методики субъективной оценки цифрового благополучия населения.

Ниже представлена подробная процедура получения субиндексов:

1. Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни рассчитывался по данным ответов на вопрос «Для каких целей и как часто вы пользуетесь Интернетом?». Респондентам предлагалось указать частоту использования Интернета по 22 различным целям (коммуникация, поиск информации, бытовые, личные, общественные, политические и прочие цели). За каждую практику пользования Интернетом из числа перечисленных целей присваивался 1 балл в случае выбора одного из вариантов ответа «каждый день или почти каждый день», «не менее одного раза в неделю», «не менее одного раза в месяц», за вариант ответа «никогда» —

0 баллов. Таким образом, максимальное значение по сумме всех практик составило 22 балла. Для нормирования индекса в рамках интервала от 0 до 1 набранную сумму баллов каждого респондента разделили на 22.

Вопрос «Для каких целей и как часто вы пользуетесь Интернетом?» в анкете задавался только тем, кто пользуется Интернетом. Для респондентов, не пользующихся Интернетом, индекс «цифровые навыки» равен 0. Вопросы, по которым рассчитывались остальные индексы задавались всем респондентам.

2. Субиндекс цифровых компетенций рассчитывался по данным ответов на вопрос «Какие навыки работы на персональном компьютере / планшете / телефоне вы имеете?». Респондентам предлагалось оценить уровень развития своих навыков по 12-ти основным компетенциям. В случае выбора варианта ответа «навык развит достаточно» респонденту начислялось 2 балла, «навык развит недостаточно» — 1 балл, «не имею такого навыка» — 0 баллов. Для нормирования индекса в рамках интервала от 0 до 1 набранную сумму баллов каждого респондента делили на максимально возможное значение — 24 балла. Чем ближе значение индекса к единице — тем выше уровень владения основными цифровыми компетенциями.

3. Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти рассчитывался по данным ответов на вопрос «Обращались ли вы в последние 12 месяцев за получением следующих категорий госуслуг, и в каком виде?». Респонденту необходимо было указать в какой форме происходило взаимодействие в случае получения перечисленных 11 групп государ-

Таблица 1. Последовательный алгоритм разработки инструментария исследования

Шаг первый	Разработка социологического инструментария наблюдения за аспектами цифровизации повседневности
Шаг второй	Апробация разработанного инструментария в рамках опроса населения Вологодской области
Шаг третий	Разработка субиндексов 1. Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни 2. Субиндекс цифровых компетенций 3. Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти 4. Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков Каждый из субиндексов рассчитывается по определенным вопросам социологического мониторинга (процедура раскрыта ниже)
Шаг четвертый	Создание комплексного индекса цифрового благополучия населения Индекс рассчитывается как среднеарифметическое субиндексов
Шаг пятый	Интерпретация результатов

ственных услуг. В случае выбора варианта ответа «обращался онлайн» респонденту начислялся 1 балл, «обращался очно» — 0 баллов. Индекс рассчитывался как частное от деления количества онлайн взаимодействий и общего числа случаев обращения для получения различных госуслуг. Индекс равен 1 в случае, если все взаимодействия с государственными структурами осуществлялись в онлайн-формате. Индекс равен 0, если респондент получал госуслуги исключительно в очном формате, либо не обращался за их получением вовсе.

4. Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков рассчитывался по данным ответов на вопрос «Как вы считаете, насколько современные люди защищены от следующих рисков использования сети Интернет?». Респондентам предлагалось оценить степень защищенности от перечисленных 5 угроз, связанных с использованием Интернета, по шкале от «абсолютно не защищены» (1 балл) до «абсолютно защищены» (4 балла). Предлагаемые для оценки угрозы: получение негативной информации (насилие, агрессия, нецензурная лексика, пропаганда расовой ненависти, наркомании, алкоголя, нездорового поведения и т.д.); отрицательной коммуникации (унижение достоинства, нетерпимость, обсуждение личных особенностей человека, травля, в том числе по гендерным, национальным признакам); мошенничества (хищение личной информации, финансовых средств, шантаж); потребительские риски (злоупотребление правами потребителя, приобретение товара низкого качества, подделки, фальсификации); принуждение к совершению противоправных действий (в том числе сексуального характера). Для нормирования индекса в рамках интервала от 0 до 1 набранную сумму баллов каждого респондента делили на максимально возможное значение — 20 баллов. Чем больше значение индекса — тем в большей степени респондент осознает потенциальные риски, которые несет в себе использование Интернета.

Таким образом, для каждого респондента в выборке были рассчитаны субиндексы и комплексный индекс цифрового благополучия. Значения субиндекса и комплексного индекса варьируются в пределах от 0 до 1. В данном случае мы не выводим, какое значение индексов является оптимальным, или характеризует

уровни благополучия, используем результаты для сравнения внутри исследуемой выборки; получение большего объема данных для наблюдения позволит сделать анализ более дифференцированным. На данный момент результаты рассматриваются по различным группам населения, проживающих на разных территориях, различного возраста, пола, материального достатка, уровня образования, семейного положения и т.д.

Обратимся к полученным результатам.

Результаты

Территориальный фактор

Рассмотрение результатов оценки цифрового благополучия населения, проживающего на различных территориях области, подтверждают сделанные нами ранее и другими исследователями выводы о распространении цифровых неравенств по оси «урбанизированные — аграрные» (Шабунова, Груздева, Калачикова, 2020; Груздева, 2020). Значения всех субиндексов и комплексного индекса выше в городской местности, по сравнению с сельской (табл. 2). Незначительны расхождения по использованию горожанами и селянами цифровых взаимодействий с органами власти. Если еще в 2019 году региональные опросы показывали, что жители сельских территорий по всем видам услуг предпочитают обращаться в ведомство лично (Груздева, 2021), то к 2023 году ситуация начала меняться. Причиной этого может выступать и расширение спектра и доступности услуг, обеспечение стабильного доступа к Интернету домохозяйств и социально-значимых объектов на селе согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Кроме того, многие процессы информатизации во время ограничений пандемии Covid-19 стали катализатором для получения онлайн-услуг. При сравнении двух крупных городов области (Вологды и Череповца) обнаруживают себя интересные различия: жители областной столицы показывают большую глубину виртуализации повседневной жизни и более значительный уровень цифровых компетенций, нежели чем у жителей промышленного Череповца. Наблюдается и разница в осознании горожанами потенциальных рисков цифровизации, по крайней мере по самооценке в Вологде несколько более осознанно относятся к негативным сторонам виртуализации жизни.

Таблица 2. Результаты расчета индекса цифрового благополучия. Территориальный фактор

Субиндекс / Индекс	Область	Вологда	Череповец	Районы	Городская местность	Сельская местность
Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни	0,46	0,62	0,50	0,34	0,40	0,31
Субиндекс цифровых компетенций	0,37	0,52	0,38	0,28	0,32	0,25
Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти	0,35	0,44	0,45	0,25	0,26	0,25
Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков	0,38	0,41	0,33	0,38	0,41	0,37
Индекс цифрового благополучия	0,39	0,50	0,42	0,31	0,35	0,29
Здесь и далее расчеты авторов выполнены по разработанной методике, эмпирическая база – данные опроса населения Вологодской области «Социокультурный портрет», 2021 год.						

Однако регион, помимо крупных городов Вологды и Череповца, представлен и малыми городами – районными и окружными (после муниципальной реформы) центрами, для которых несмотря на незначительное число жителей и относительную провинциальность, характерен именно городской стиль жизни, в частности в вопросах цифрового развития, пользования преимуществами, такие как более устойчивая связь, возможность совершения онлайн-покупок (получение заказов через почту и пункты выдачи маркетплейсов). Полевые наблюдения, проведенные при непосредственном участии авторов, в рамках работ над разработкой стратегий развития муниципальных округов и сельских поселений области доказывают, что инфраструктура для онлайн-покупок является важнейшим критерием качества жизни населения на периферийных территориях, даже если речь идет о ближайшей агломерационной к городам зоне. Расчеты по методике это подтверждают, индекс цифрового благополучия в городской местности районов выше, чем в сельской, но уступает крупным городам. В составляющих индекса прослеживается та же тенденция (за исключением интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти в районах, где они менее популярны), в таких тесных сообществах люди все еще больше доверяют личному обращению в ведомство.

Возрастной фактор

Возраст – это та детерминанта, которая, несмотря на сближение поколений в условиях современных технологических трансформаций, все еще имеет существенное влияние на параметры цифрового благополучия. Проведенная

по разработанной методике оценка подтверждает данные выводы: по всем обследуемым параметрам выше значения для самой молодой из групп (18–24 лет), незначительная разница с более взрослой группой молодых (25–34 лет) в субиндексах нивелируется в сводном индексе цифрового благополучия (табл. 3). Таким образом, столь гетерогенная когорта молодых, проживающая в данных возрастах различные этапы становления личности, обучения, построения карьеры и семьи, по сути, обладает сравнимым уровнем цифрового благополучия. Несмотря на то, что одни из них являются по большей части цифровыми мигрантами (их активное знакомство с цифровыми технологиями началось уже в подростковом возрасте, тогда как первые – приобщились к цифровым инструментам многим ранее, что, безусловно, сказалось на их социализации, развитии навыков и интеграции в цифровую среду). Данные позволяют нам сделать вывод, что скорость и глубина современных цифровых трансформаций работает на конвергенцию людей различных возрастов.

Отдельного внимания заслуживают параметры цифрового благополучия лиц старшего возраста. Субиндексы наглядно показывают, что по всем параметрам благополучия данная возрастная группа существенно уступает более младшим. Это еще раз обращает нас к выводу о возрасте, как важнейшей детерминанте цифрового неравенства, подтверждении отражения теории цифровых мигрантов в контексте современного состояния общества и необходимости особого внимания и создания гибких инструментов включения пожилых людей в цифровое пространство.

Таблица 3. Значения индекса цифрового благополучия. Возрастной фактор

Субиндекс / Индекс	18–24 лет	25–34 лет	35–59 (54) лет	Старше 60 (55) лет
Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни	0,76	0,66	0,54	0,21
Субиндекс цифровых компетенций	0,67	0,58	0,41	0,16
Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти	0,47	0,50	0,42	0,19
Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков	0,45	0,42	0,40	0,31
Индекс цифрового благополучия	0,59	0,54	0,44	0,22

Несмотря на вывод о том, чем старше человек, тем ниже уровень его цифрового благополучия, стоит отметить, что представители всех возрастных групп схожи по тому, как они осознают потенциальные цифровые риски. В данном аспекте представители всех из них не проявляют высокого уровня осознанности: значения колеблются в районе 0,40 до 0,45 для молодых людей и людей среднего возраста, а группа пожилых жителей региона характеризуется еще более низким уровнем обращения внимания на цифровые риски (0,31). Нельзя трактовать данные результаты положительно, респонденты могут испытывать чувство ложной защищенности в цифровых взаимодействиях, в том числе если они сами или их знакомые лично с подобными проявлениями не сталкивались. Также это может свидетельствовать о патерналистских настроениях — усилия по защите перекладываются на государство и сформированные институты.

Нами также рассматривалось влияние пологовозрастной детерминанты на цифровое благополучие, однако она не оказала значительного влияния.

Образовательный фактор

Образование по параметрам глубины виртуализации повседневной жизни, цифровых компетенций, интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти оказывает прямое влияние: чем выше уровень, тем они более развиты (табл. 4). Исключение — уровень осознания рискогенности цифровой среды, образование его не детерминирует.

Несмотря на то, что цифровизация имеет огромный потенциал для сближения различных социально-экономических групп населения и территорий, она усугубляет социальное неравенство. В начале 2000-х гг., анализируя роль цифровых технологий в обществе, Пипа Норрис называла их «ящиком Пандоры, открывающим новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» (Norris, 2001, p. 13). Влияние доходного фактора на распространение цифровых неравенств мало исследовано, и может иметь опосредованный характер. Для подробного изучения необходимо более значительный объем аналити-

Таблица 4. Значения индекса цифрового благополучия. Образовательный фактор

Субиндекс / Индекс	Среднее общее и начальное профессиональное образование	Среднее профессиональное, среднее специальное образование	Высшее образование и наличие ученой степени
Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни	0,29	0,43	0,62
Субиндекс цифровых компетенций	0,23	0,34	0,52
Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти	0,17	0,35	0,50
Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков	0,34	0,39	0,39
Индекс цифрового благополучия	0,26	0,38	0,51

Таблица 5. Значения индекса цифрового благополучия. Самооценка доходов

Субиндекс / Индекс	Покупательная способность		
	Низкая	Средняя	Высокая
Субиндекс глубины виртуализации повседневной жизни	0,42	0,47	0,55
Субиндекс цифровых компетенций	0,31	0,38	0,48
Субиндекс интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти	0,26	0,38	0,45
Субиндекс осознания потенциальных цифровых рисков	0,38	0,38	0,33
Индекс цифрового благополучия	0,34	0,40	0,45

ческой информации и инструменты оценки. В нашем исследовании самооценка покупательной способности доходов не оказала значительного влияния на субиндексы и индексы цифрового благополучия, за исключением параметров интеграции в цифровые взаимодействия с органами власти: она более выражена для людей с высокой покупательной способностью доходов (табл. 5).

Заключение

По результатам проведенной работы можно сделать следующие выводы:

— Концепция цифрового благополучия только получает свое развитие, в зарубежном исследовательском секторе обращение к ней более активно, чем в отечественном. Тем не менее она признается определяющей характеристикой в жизни современного человека. Индикаторы цифрового развития являются одними из наиболее лабильных современных характеристик социально-экономического развития и благополучия человека. Поэтому, ввиду стремительной цифровизации, оставляем возможность будущих корректировок в разработанных теоретико-методологических основах изучения цифрового благополучия.

— В статье разработана методика оценки субъективного цифрового благополучия человека. Она показала свою состоятельность и, по сути, отражает различия в цифровом благополучии регионального сообщества с учетом различных факторов. Это характеризует его сильные стороны. Воспроизводство данного инструментария на других территориях затратно и трудоемко, так как потребует проведения социологического исследования, создания и обработки базы данных. Вместе с тем, если рассматривать Вологодскую область как типичный (модельный) регион для России, как минимум для нестоличных территорий ЦФО и

СЗФО (схожая социально-демографическая и экономическая ситуация, параметры развития цифровой инфраструктуры), эти данные могут с определенной долей условности характеризовать цифровое благополучие населения и на других российских территориях, а значит создать эмпирическую базу для принятия управленческих решений в данной сфере.

— Результаты апробации методики показали значительное влияние места проживания и возраста на параметры цифрового благополучия, другие факторы менее выражены и требуют более глубокого изучения.

— Отдельного внимания требуют полученные результаты об осознании потенциальных рисков цифровой среды. Результаты оказались низкими для всего обследованного населения и не обуславливались рассматриваемыми факторами. Предполагается, что если человек сам или его близкое окружение не сталкивалось с определенными рисками, либо их воздействие не было ощутимо негативным, то он испытывает чувство ложной защищенности, либо перекладывает необходимость своей защиты на государственные институты. В данном случае поведение в сети может быть менее предупредительным к возможным опасностям, а значит более уязвимым к различным видам социальной инженерии и психоэмоциональному воздействию. Это несет в себе угрозы как последующей потери доверия, одного из ключевых факторов построения цифровых взаимодействий, так и реальных финансовых потерь.

Полученные выводы подтверждают многие тезисы отечественных и зарубежных исследователей, а также позволяют расширить региональную картину механизмов и факторов территориального развития и обозначить те зоны риска, где требуется углубленное изучение и воздействие со стороны управленцев.

Так, полученные результаты могут стать основой для стратегического планирования органами государственной и муниципальной власти развития территории в аспектах цифрового развития, данные о цифровом благополучии населения, детерминирующих его факторах, позволят принимать взвешенные решения в рамках реализации национальных проектов, в том числе «Экономика данных», выявлять «узкие места» и распределять ресурсы целенаправленно. Кроме того, на основе оцениваемых уровней цифрового благополучия могут быть построены классификации и типологии регионов, отражающие их специфику, взаимосвязанность трендов развития, что также может стать важным

управленческим инструментом, в том числе с позиции федерального уровня. Регионы с высоким уровнем цифрового благополучия населения могут быть более привлекательными для инвестиций в ИТ-сферу, цифровую трансформацию образования, государственного управления, размещения высокотехнологичных производств, стимулирования инновационного развития и другим направлениям.

Перспективы продолжения исследования видятся в более подробном изучении проявления цифрового благополучия в различных сферах жизни человека, рассмотрении рисков субъект-средовых взаимодействий в цифровой среде.

Литература

- Асеева И.А. (2023). Цифровое благополучие общества: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 71. С. 138–148. DOI: 10.17223/1998863X/71/14
- Белехова Г.В. (2023). Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 117–137. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.7
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. (2019). Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172
- Груздева М.А. (2021). Цифровизация государственных и муниципальных услуг: портрет регионального пользователя // Журнал исследований по управлению. Т. 7. № 5. С. 3–13. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/46106/view#article-info>
- Груздева М.А. (2022). Города и сельская периферия: ключевые тенденции цифровизации // Society and Security Insights. № 4. С. 90–107. DOI: 10.14258/ssi(2022)4-05
- Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. (2023). Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13
- Кислицына О.А. (2016). Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН. 62 с.
- Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. (2018). Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. Т. 26. С. 77–88. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.26.77
- Медведева Е.И., Ярашева А.В., Макап С.В. (2023). Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире // Дискуссия. № 117(2). С. 14–28.
- Мейкшане Т.А. (2021). Цифровой этикет и цифровое благополучие студентов-бакалавров // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сборник трудов III Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 7–8 октября 2021 г. Белгород: Политерра. С. 488–494.
- Прикот О.Г. (2022). Цифровое благополучие персоны в образовательной экосистеме метамодерна (часть I) // Образовательная политика. № 4(92). С. 8–16. DOI: 10.22394/2078-838X-2022-4-8-16
- Психоэмоциональное благополучие: интегративный подход (2020) / под ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-История. 360 с.
- Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. (2021). Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1

- Сушко П.Е. (2023). Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи // Наука. Культура. Общество. Т. 29. № 3. С. 136–149. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.8
- Чубуков М.А. (2022). Цифровая зрелость и цифровое благополучие в теории управления и принятия решения в социальных и экономических системах // Современные исследования и инновации в науке и образовании: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, г. Москва, 31 января 2022 г. М.: ИП А.В. Туголуков. С. 168–183.
- Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. (2020). Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. № 4(108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
- Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. (2019). Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 68–85. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.04
- Charmaraman L., Nesi J., Schueller S., Choukas-Bradley S. (2024). Youth digital wellbeing and social connectedness. In: Christakis D.A., Hale L. (Eds). *Handbook of Children and Screens*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-69362-5_31
- Hirshberg M., Davidson R.J., Velarde Arrisueño L.B. et al. (2025). Digital well-being training with health care professionals: a randomized clinical trial *JAMA Intern Med*, 185(10), 1248–1256. DOI: 10.1001/jamainternmed.2025.3888
- Fan Y., Li Z. (2021). From empowerment to restriction: A study of smartphone use among the elderly. *Future Communications*, 28(05), 29–37.
- Febrieta D., Gina F. (2024). Empowering adolescents in the digital era: A comprehensive approach to digital well-being. *Nusantara Journal of Behavioral and Social Sciences*, 3(3), 143–150. DOI: 10.47679/njbss.202461
- Ghosh M. (2024). Digital era of well-being. In: *India's Silver Surfers*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-71194-7_4
- Hayama Y., Desai H. (2025). Digital wellbeing. In: *Digital Futures in Human-Computer Interaction*. CRC Press.
- Kawinska M. (2024). Digital seniors – opportunities and barriers. *Polityka Społeczna*, 607(2), 31–36.
- Kempson E., Finney A., Poppe C. (2017). *Financial Well-Being A Conceptual Model and Preliminary Analysis*. Oslo: Oslo and Akershus University College of Applied Sciences. DOI: 10.13140/RG.2.2.18737.68961
- Kruger P.S. (2011). Wellbeing – the five essential elements. *Applied Research Quality Life*, 6, 325–328. DOI: 10.1007/s11482-010-9127-1
- Nieminen H. (2016). Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 31(1), 19–32. DOI: 10.1177/0267323115614198
- Norris P. (2001). *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139164887
- Noll H.H. (2011). The Stiglitz-Sen-Fitoussi-Report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective. *Social Indicators Research*, 102, 111–116. DOI: 10.1007/s11205-010-9738-9
- Nuzzaci A., Maviglia D. (2025). Opportunities and risks of digital hyperconnectivity: The importance of promoting digital well-being. In: *Transformations in Digital Learning and Educational Technologies*. University of Messina. DOI: 10.4018/979-8-3373-3678-7.ch003
- Pisarska A.M., Kryczka A., Castellone D. (2025). Organizational trust as a driver of eudaimonic and digital well-being in IT professionals: A cross-cultural study. *Sustainability*, 17(11), 1–16. DOI: 10.3390/su17115124
- Ragnedda M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35, 2366–2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
- Ragnedda M., Kreitem H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. World of Media. *Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 4, 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
- Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*.
- Wanju T., Yijie T., Jilai Zh. (2025). Strategies on enhancing the digital well-being of Chinese elderly groups in the age of digital economy. *Journal of Economics Management and Trade*, 31(5), 32–44. DOI: 10.9734/jemt/2025/v31i51286
- Zangogianni P., Kavakli E. (2025). From Digital era to Digital Wellbeing era. *SHS Web of Conferences 210*. DOI: 10.1051/shsconf/202521003004

Сведения об авторах

Мария Андреевна Груздева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Александра Николаевна Гордиевская — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu@mail.ru)

Gruzdeva M.A., Gordievskaya A.N.

Criteria of the Digital Well-Being of the Population: Current State and Problems

Abstract. The current stage of societal development is inevitably linked to rapid digital transformation, the results of which permeate the economy, governance, and virtually all spheres of life. This confirms the relevance of addressing this issue, expanding the information base, and developing tools for assessing the impact of these new conditions on human life. The paper focuses on the digital well-being of the population, with its aim being the development of methodological approaches for its measurement. The article provides a critical analysis of theoretical and methodological approaches to studying well-being and digital well-being, presents an original assessment methodology based on subjective data, and tests it using data from a 2021 representative survey of the population in the Vologda Region. The novelty of the results is confirmed by the proposal of a new assessment approach and the applied results obtained through its implementation, which expand the regional picture of digital development and allow for comparisons and typologization of regions based on the level of the population's digital well-being. The characteristics of the population's digital well-being in the region are analyzed across types of settlements, levels of education and income, and by gender and age characteristics. Many conclusions regarding the persistence of digital divides and obstacles to achieving well-being in the digital environment are confirmed, and the most vulnerable socio-demographic groups are identified. A significant influence of place of residence and age on digital well-being parameters is shown; other factors are less pronounced and require deeper study. The findings concerning society's acceptance of potential digital risks require separate discussion and research. The practical significance of the results is determined by their potential use for managerial purposes, including the strategic planning for achieving national and regional development goals, and the classification and typology of regions based on digital development characteristics. Furthermore, the availability of information on the population's digital well-being can contribute to enhancing the investment attractiveness of the region's IT sector, developing digital education, introducing high-tech goods and services to the market, and other areas of digital transformation.

Key words: assessment of digital well-being, digital competencies, virtualization of life, digital interactions, digital risks.

Information about the Authors

Mariya A. Gruzdeva — Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya — Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu@mail.ru)

Статья поступила 29.09.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11

УДК 005.95/.96:331.101.262, ББК У9(2Рос)308.2

© Нидергаус Е.О., Кеммет Е.В.

Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации

**Елена Олеговна
НИДЕРГАУС**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-9824-7575; ResearcherID: AAZ-6857-2021

**Елена Викторовна
КЕММЕТ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-3967-8153

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации корпоративной политики вовлеченности к особенностям возрастной структуры персонала, особенно в условиях демографического старения и роста доли сотрудников поколений Y и Z. Целью работы является выявление специфики восприятия программ вовлеченности персоналом разных поколений на примере промышленного предприятия, действующего в особой экономической зоне. В научной литературе вовлеченность трактуется как многомерная конструкция, включающая эмоциональные, поведенческие и когнитивные компоненты, однако поколенческий аспект остается недостаточно изученным. Новизна исследования заключается в эмпирическом сравнении уровней и смысловых характеристик вовлеченности у представителей поколений X, Y, Z

Для цитирования: Нидергаус Е.О., Кеммет Е.В. (2025). Влияние межпоколенческих различий на вовлеченность персонала в деятельность организации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 200–210. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11

For citation: Nidergaus E.O., Kemmet E.V. (2025). The impact of intergenerational differences on employee engagement in an organization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 200–210. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.11

и старших сотрудников, выполненном на основе валидированной международной модели Kincentric. Эмпирическая база включает результаты анкетного опроса 72 сотрудников АО «ОЭЗ „Титановая долина”», проведенного весной 2025 года. Использована адаптированная анкета, включающая 24 утверждения, сгруппированных в четыре блока: вовлеченность, управление, ресурсы, развитие. Процентные значения рассчитаны от числа ответивших на каждый вопрос. Применены методы дескриптивной статистики и межгруппового анализа. Полученные данные свидетельствуют о наивысшей вовлеченности поколения Y и о снижении показателей сотрудников 56 лет и старше. Установлены различия в карьерных ожиданиях и восприятии корпоративной среды. Практическая значимость заключается в формировании персонализированных HR-стратегий для разновозрастного коллектива. Ограничения исследования связаны с территориальной спецификой и выборкой одной организации; перспективными направлениями являются расширение географии исследования и сравнение отраслевых кейсов.

Ключевые слова: вовлеченность персонала, поколенческие различия, поведенческая модель, корпоративная политика, поколение Y, поколение X, поколение Z, межпоколенческое взаимодействие, мотивационные стратегии.

Введение

Актуальные вызовы устойчивого социально-экономического развития требуют от организаций не только адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, но и эффективного управления внутренними ресурсами, прежде всего человеческим капиталом. Вовлеченность персонала, являясь одной из ключевых категорий экономики труда и управления персоналом, рассматривается как важнейший фактор повышения производительности, инновационной активности и конкурентоспособности организации.

Поколенческое разнообразие персонала усиливает сложность задач управления и требует разработки гибких моделей взаимодействия, сочетающих экономическую результативность и социальную устойчивость. Представители поколений X, Y и Z различаются по мотивационным установкам, стилям коммуникации и карьерным ожиданиям, что делает необходимым переход от универсальных к дифференцированным стратегиям вовлечения, учитывающим возрастную и ценностную специфику работников.

Особую значимость данная проблема приобретает в высокотехнологичных промышленных кластерах, где стоимость человеческих ресурсов и требования к их квалификации особенно высоки. К таким организациям относится АО «ОЭЗ „Титановая долина”», функционирующее в условиях постоянных технологических и организационных изменений. Здесь

вопросы наставничества, мотивации, карьерного роста и удержания кадров напрямую связаны с устойчивостью производственной системы.

Цель исследования заключается в разработке предложений по адаптации HR-стратегии промышленной организации с учетом межпоколенческих различий в вовлеченности персонала. Для ее достижения проведен сравнительный анализ уровней вовлеченности сотрудников различных возрастных групп, определены когортные различия в мотивационных ориентациях и восприятии корпоративной среды, а также предложены направления адаптации HR-стратегии к межпоколенческому контексту.

Научная новизна работы состоит в эмпирическом анализе поколенческих различий в вовлеченности на основе валидированной международной модели Kincentric, что позволило соотнести количественные показатели с качественными характеристиками мотивации и организационного поведения. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при разработке персонализированных программ вовлечения, ориентированных на повышение эффективности взаимодействия поколений и устойчивость кадрового потенциала.

Для корректной интерпретации результатов исследования в работе используется поколенческая типология, основанная на теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува (Strauss, Howe, 1991),

получившей широкое распространение как в зарубежной, так и в российской академической среде. Согласно данной концепции, каждое поколение представляет собой устойчивую когортную общность, формирующуюся под влиянием ключевых исторических и социокультурных событий в период становления личности (примерно от 10 до 25 лет). Эти события формируют устойчивые ценности, установки и поведенческие стратегии, отличающие поколение от предшествующих и последующих.

Современные российские исследователи (Парма, 2021; Мирошкина, 2017; Дзаеи, 2019; Рикель, 2019; Беляева, 2022) подчеркивают, что теория поколений — это междисциплинарная рамка, в которой пересекаются подходы социологии, психологии, педагогики, культурологии и даже политологии. В дополнение к классическим концепциям (Mannheim, 1952; Strauss, Howe, 1991) активно используются когортный анализ, теория возрастной стратификации, трансмиссивные модели (передачи культурных норм) и концепции цифрового поколения.

В настоящем исследовании принята следующая периодизация, адаптированная к российскому контексту (Нефёдова, 2020; Павлова и Ельшин, 2020; Лебедева, 2019; Котовщикова, 2019).

Поколение X — родившиеся в 1965–1980 гг. Считаются носителями стабильности, профессиональной этики, склонны к иерархии и долгосрочному планированию.

Поколение Y (миллениалы) — 1981–1996 гг. Ориентированы на гибкость, личностное развитие, баланс работы и жизни, предпочитают горизонтальные формы коммуникации.

Поколение Z — с 1997 года. Воспринимают цифровые технологии как естественную среду, склонны к индивидуализации, стремятся к немедленной обратной связи и высокой степени вовлеченности в значимые проекты.

Следует отметить, что границы поколений в разных источниках могут варьироваться (± 2 –3 года), а отдельные отечественные классификации (Шамис, Никонов, 2017, 2023) включают дополнительные архетипы — «поколение перестройки», «цифровое поколение» и др. Тем не менее, основное поколенческое деление на X, Y и Z остается аналитически продуктивным, особенно в прикладных HR-исследованиях.

Кроме того, многочисленные работы фиксируют, что трансформация поколенческой структуры обусловлена не только возрастом, но и действием множества факторов:

- политических (реформы, идеологические разломы);
- экономических (кризисы, структура занятости);
- технологических (цифровизация, распространение ИИ);
- социальных (изменения в семьях, образовательных траекториях);
- культурных (ценностные сдвиги, образ жизни).

Признание этой сложности позволяет избежать упрощенного понимания поколенческих различий и рассматривать их как динамическую, контекстуально чувствительную категорию. В нашем исследовании поколенческий подход используется как аналитический инструмент для интерпретации различий в восприятии корпоративных программ вовлеченности, без претензии на жесткую классификацию или универсальную типологию.

Литературный обзор

Вопрос вовлеченности персонала в организационные процессы давно занимает важное место в научных исследованиях в области управления, организационной психологии и социологии труда. Понятие вовлеченности было впервые концептуализировано в классической работе У. Канна (Kahn, 1990), где оно трактуется как состояние, при котором человек привносит себя в организационные роли с полной физической, когнитивной и эмоциональной отдачей. Эта модель легла в основу множества последующих исследований, акцентирующих внимание на психологических условиях включенности — таких как осмысленность, безопасность и доступность (May et al., 2004).

Следует различать понятия «вовлеченность» (engagement) и «лояльность» (loyalty), которые нередко используются как синонимы. Лояльность отражает преимущественно стабильное, пассивное отношение к организации, готовность сохранять членство в ней и следовать ее нормам. Вовлеченность же предполагает активное участие, эмоциональную привязанность и стремление вносить вклад в достижение целей компании. С учетом поколенческих различий

восприятие этих категорий также меняется: для старших сотрудников лояльность чаще связана с длительной работой и ответственностью, тогда как представители поколений Y и Z акцентируют вовлеченность как возможность самореализации, признания и развития.

Ключевые теоретические подходы к феномену вовлеченности были сформированы в зарубежной литературе (Hackman, Oldham, 1975; Leiter, Maslach, 1988; Schaufeli et al., 2002, 2006; Saks, 2006; Macey, Schneider, 2008). Исследователи подчеркивали различие между вовлеченностью в работу и в организацию, предлагали многофакторные модели, включающие такие компоненты, как энергия, приверженность и поглощенность. Разработанные ими шкалы, включая Utrecht Work Engagement Scale (UWES), получили широкое распространение в прикладных HR-исследованиях.

Несмотря на это, до сих пор нет единства в понимании сущности вовлеченности. Как отмечает В. Shuck, существует несколько конкурирующих подходов: от функционального (вовлеченность как производная от трудовых условий) до ценностного (вовлеченность как осознанная идентификация с целями компании). W.H. Macey, B. Schneider различают поверхностную активность и подлинную психологическую вовлеченность, что актуализирует задачу ее глубокой диагностики.

Российские исследователи также уделяют внимание внутренним механизмам вовлеченности. В ряде работ корпоративный патриотизм трактуется как высшая форма включенности (Магура, Курбатова, 1998), подчеркивается роль ценностей в поддержании эффективности труда (Грищенко, Брикошина, 2015), а также отмечается связь вовлеченности с качеством HR-брендинга (Громова, 2016).

Однако в этих работах в основном отсутствует детальная проработка возрастной дифференциации восприятия вовлечения. Это создает очевидный пробел, особенно в условиях, когда трудовые коллективы становятся все более поколенчески разнородными. Современные исследования (Нефедова, 2020; Лебедева, 2019) демонстрируют, что представители поколения X больше ценят стабильность, признание и иерархическую структуру взаимодействия, тогда как Y и Z ориентированы на гибкость,

развитие и горизонтальную коммуникацию. Ряд исследований подтверждает, что применение универсальных подходов к мотивации и вовлеченности становится все менее результативным (Павлова, Ельшин, 2020; Котовщикова, 2019; Палагута, 2017).

Тем не менее, даже в этих исследованиях поколенческие особенности чаще всего рассматриваются вне организационного контекста, что ограничивает возможности практической адаптации результатов. Кроме того, значительная часть работ имеет описательный или концептуальный характер — слабо связанный с конкретными программами вовлечения, инструментами и результатами. Эмпирические исследования, в которых применяются измеримые индексы (например, Gallup Q12 или методика Скриптуновой, 2010), встречаются редко и, как правило, не фиксируют различий между поколениями.

Проблема становится еще более актуальной, если учитывать, что текучесть кадров в России остается высокой¹, особенно среди молодых специалистов. Исследования подчеркивают, что вовлеченность становится критическим фактором удержания и требует от работодателей гибких и целенаправленных программ, чувствительных к возрасту, стажу и карьерной мотивации².

В этом контексте растет интерес к внутренним программам вовлеченности: наставничество, признание достижений, развитие карьеры, участие в проектах. Однако механизмы их восприятия различными поколениями остаются малоизученными. Особенно это характерно для высокотехнологичных предприятий, действующих в особых экономических зонах, где требования к эффективности персонала сочетаются с задачами преемственности и быстрой адаптации.

¹ HeadHunter. Исследование текучести персонала в России: 2025 год. URL: <https://hh.ru/?hhtmFrom=article> (дата обращения: 09.06.2025).

² The Power of Three: Taking Engagement to New Heights. Available at: <http://www.companies-that-care.org/images/stories/files/pdf/towers-watson-takingengagement-tonewheights.pdf> (accessed: 08.06.2024); Deloitte. Retention—Under the Spotlight: Transportation, Hospitality and Services. 2022–2023. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/gx-tgr-transportation-hospitality-services-retention-sector.pdf> (accessed: 05.05.2025).

Таким образом, проведенный анализ современной литературы позволяет выделить несколько ключевых научных лакун:

- отсутствие единой методологии оценки вовлеченности с учетом поколенческих различий;
- дефицит кейсов, основанных на эмпирических данных в промышленном секторе;
- слабая операционализация понятий вовлеченности для российских реалий;
- недостаточная разработанность программного подхода к вовлечению в условиях территориально-специализированных структур, таких как ОЭЗ.

Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы, обратившись к конкретному кейсу — АО «ОЭЗ „Титановая долина”», где на базе реальных программ вовлечения проводится анализ их восприятия и эффективности для разных поколений работников.

Методология исследования

Эмпирическое исследование проводилось в апреле—мае 2025 года на базе АО «ОЭЗ „Титановая долина”», расположенного в Свердловской области и действующего в рамках федеральной программы развития особых экономических зон. Объектом анализа выступил персонал предприятия, участвующий в корпоративных программах вовлеченности.

Методологическую основу составила количественная стратегия с применением анкетного опроса, основанного на адаптированной версии международной модели **Kincentric (ранее Aon Hewitt)**, признанной в мировой практике измерения вовлеченности персонала. Модель позволяет зафиксировать три ключевых поведенческих индикатора: готовность рекомендовать работодателя, намерение продолжать работу в компании и стремление прилагать дополнительные усилия для достижения ее целей. Использование данной модели обеспечило возможность комплексной оценки вовлеченности с учетом межпоколенческих различий.

В опросе приняли участие 72 сотрудника, представляющие три возрастные группы: поколение Y (25–39 лет) — 42%, поколение X (40–55 лет) — 35%, и старшее поколение (56–70 лет) — 23%. При общей численности персонала около 250 человек ошибка выборки не превышала 7,8% при доверительном уровне 95%. Стратифицированный характер выборки обеспечил

представительность данных и позволил сопоставить результаты между когортами.

Анкета включала 24 утверждения, сгруппированных по четырем направлениям: вовлеченность, роль непосредственного руководителя, организационные ресурсы, обучение и развитие. Ответы фиксировались по пятибалльной шкале Лайкерта (от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен»). Такой формат позволил получить количественные оценки восприятия ключевых аспектов организационной среды.

Первичная обработка данных выполнялась с использованием табличного редактора Excel. Для анализа применялись методы дескриптивной статистики, межгрупповых сравнений и интерпретации результатов в логике поведенческих индикаторов модели Kincentric. Особое внимание уделялось выявлению различий в оценках управленческих коммуникаций, возможностей обратной связи, карьерного развития и обучающих программ в разрезе поколенческих групп.

Использованный дизайн исследования позволил сочетать надежность количественных измерений с аналитической интерпретацией когортных различий в восприятии корпоративной среды. Это обеспечило возможность эмпирического подтверждения гипотезы о влиянии возрастной структуры персонала на уровень вовлеченности и восприятие HR-практик.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе опроса сотрудников АО «ОЭЗ „Титановая долина”», позволил выявить значимые различия в уровне и структуре вовлеченности между представителями различных поколений. Использование валидированной модели Kincentric обеспечило как количественную оценку (индекс вовлеченности), так и качественную интерпретацию поведенческих и мотивационных особенностей респондентов. В данном разделе представлены ключевые результаты, сгруппированные по основным тематическим направлениям исследования: различия в индексах вовлеченности, восприятие командного взаимодействия и обратной связи, карьерные ожидания, а также ценностные установки, лежащие в основе вовлеченности.

Дополнительно к рассчитанным индексам вовлеченности, важно учесть качественные аспекты восприятия организационных процессов представителями разных поколений. Анализ анкетных данных в разрезе возрастных групп выявил существенные различия в оценке ключевых управленческих блоков, таких как командное взаимодействие, возможности обратной связи, а также карьерное развитие и обучение.

Так, молодые сотрудники (25–39 лет) более склонны критически воспринимать эффективность управленческих коммуникаций: 41,7% респондентов этой группы указали на нерегулярность обратной связи с руководством. При этом они активно вовлекаются в корпоративные инициативы и положительно оценивают возможности обучения и роста, при условии, что эти возможности представлены в интерактивной, гибкой форме. Это подчеркивает необходимость использования цифровых платформ и гибких форматов в системе повышения квалификации персонала.

Группа 40–55 лет демонстрирует смешанную картину: с одной стороны, они демонстрируют устойчивую лояльность к миссии компании, с другой – наиболее критично оценивают работу высшего менеджмента и отсутствие понятных перспектив карьерного продвижения. Данный дисбаланс указывает на необходимость введения прозрачных треков развития внутри компании, адаптированных под специалистов среднего звена.

Старшее поколение (56–70 лет), напротив, проявляет высокую лояльность и стабильность в оценках. Однако в экспертном интервью с директором по устойчивому развитию отмечено, что именно эта группа чаще испытывает барьеры в доступе к информации и новым формам коммуникации. В качестве проблемных зон были также выделены неустойчивость отдельных инициатив (например, практик наставничества и обмена опытом) и дефицит персонализированных форм признания вклада. Это требует разработки специализированных программ сопровождения старших сотрудников, акцентирующих внимание на передаче знаний и социальном признании.

Таким образом, полученные данные демонстрируют необходимость отхода от универсаль-

ного подхода к формированию вовлеченности и перехода к поколенчески-чувствительной системе управления человеческими ресурсами. Это особенно актуально в условиях демографического старения персонала и растущей значимости межпоколенческого взаимодействия для устойчивого развития организаций.

В перспективе целесообразно дополнить исследование включением таких параметров, как должностной уровень, стаж работы и психографические характеристики, а также провести динамическое отслеживание изменений вовлеченности в зависимости от корпоративных преобразований. Возможность адаптации модели Kincentric к таким задачам делает ее применимой для дальнейшего мониторинга и стратегического планирования в сфере HR.

Наибольшие расхождения между поколениями наблюдались по вопросам, связанным с возможностями профессионального развития и получением регулярной обратной связи от руководства. Так, среди респондентов 25–39 лет, 60% полностью согласны с тем, что получают регулярную обратную связь, тогда как среди старшей группы (56–70 лет) таких оказалось менее 30%. Это свидетельствует о генерационном разрыве в восприятии управленческих коммуникаций.

Представители поколения X чаще подчеркивали важность стабильности и предсказуемости внутренних процессов, тогда как Y ориентировались на свободу самовыражения и гибкость задач. Поколение Z, в свою очередь, акцентировало внимание на цифровой прозрачности и актуальности задач, что коррелирует с общими трендами цифровизации трудовой среды. Эти различия важны при разработке корпоративных ценностей, понятных и близких каждой когорте. Среди респондентов старше 55 лет был зафиксирован феномен «потолка ожиданий»: большинство не рассматривают возможность карьерного роста как реалистичную. Это может быть обусловлено как объективными факторами (структура компании), так и субъективными – снижением самооценки карьерных перспектив с возрастом.

Дополнительно было установлено, что не только возраст, но и длительность пребывания в компании оказывает значительное влияние на

уровень вовлеченности. Среди сотрудников поколения Y, работающих более 3 лет, индекс вовлеченности превышал 80%, в то время как у новых сотрудников он не достигал 60%. Это подчеркивает важность стратегий удержания и формирования вовлеченности на ранних этапах адаптации.

Один из респондентов поколения X отметил: «Для меня вовлеченность — это когда я знаю, что мой опыт востребован». Тогда как представитель поколения Z заявил: «Мне важно, чтобы мои идеи сразу видели и учитывали». Эти цитаты иллюстрируют сдвиг от ролевого участия к проектному вкладу и ожиданиям немедленного признания.

Модель Kincentric продемонстрировала высокую чувствительность к различиям в мотивационных установках, однако потребовала адаптации при анализе старшей возрастной группы, где часть формулировок анкеты интерпретировалась неоднозначно. Это накладывает ограничения на прямое сопоставление с результатами других исследований и требует дальнейшей апробации инструментария в мультивозрастной среде.

В результате эмпирического опроса сотрудников АО «ОЭЗ „Титановая долина“» было выявлено несколько значимых закономерностей, отражающих поколенческую дифференциацию вовлеченности. Расчет индекса вовлеченности на основе модели Kincentric позволил класси-

фицировать респондентов по уровню вовлеченности (вовлеченные, нейтральные, не вовлеченные), а также проанализировать восприятие ключевых организационных практик и среды. Эти данные легли в основу содержательной дискуссии о трансформации корпоративной культуры в условиях возрастного разнообразия.

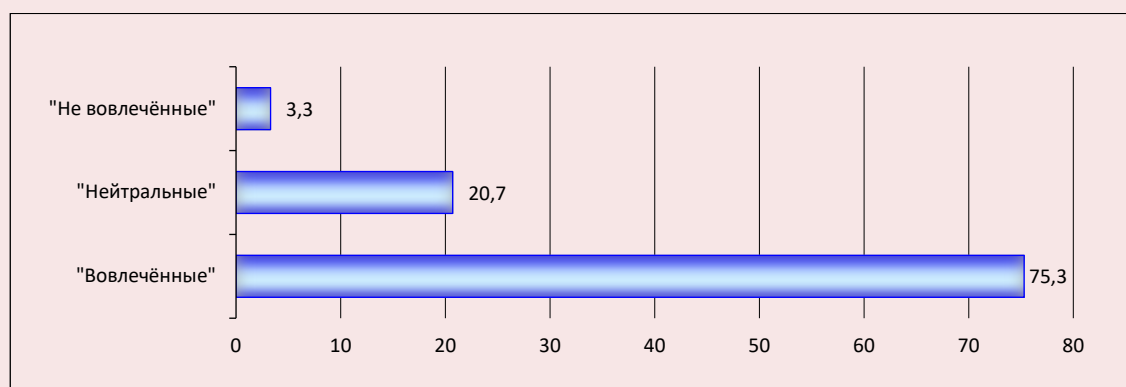
1. Индекс вовлеченности: поколенческие различия

Наиболее высокий уровень вовлеченности продемонстрировали сотрудники в возрасте от 25 до 39 лет (группа Y): 75,3% из них оказались в категории «вовлеченные», при этом лишь 3,3 % — в категории «не вовлеченные» (рисунк).

Это опровергает устойчивый стереотип о поверхностной лояльности и нестабильности миллениалов, формируя основание для пересмотра подходов к кадровому планированию.

Для работников старше 55 лет ситуация принципиально иная: доля нейтральных составляет 40,4%, а вовлеченных — лишь 19,1%. Можно говорить о слабой эмоциональной связи с организацией, которая не обязательно является следствием выгорания, но может указывать на ощущение исключенности или слабую релевантность текущих программ мотивации. Возникает вопрос: действительно ли представители старших когорт менее вовлечены — или проблема в том, что сами механизмы вовлечения ориентированы на ценности и поведенческие паттерны поколения Y?

Показатели индекса вовлеченности работников возрастной группы 25–39 лет АО «ОЭЗ „Титановая долина“» на декабрь 2024 года, %

Источник: рассчитано авторами.

2. Командное взаимодействие и доступность обратной связи

Сотрудники поколения Y в большинстве случаев отмечали высокое качество коммуникаций и поддержки со стороны коллег и руководства (более 60% положительных оценок). Напротив, представители поколения 56–70 лет ощущают дефицит принадлежности к команде и недостаточную регулярность обратной связи: только 25% старших респондентов считают, что получают конструктивную обратную связь. Это может быть связано с отсутствием адаптированных коммуникационных каналов, либо с внутренними барьерами, связанными с возрастными ожиданиями, авторитетом и дистанцией.

Следует задать вопрос: нужны ли отдельные форматы внутрикорпоративного общения, ориентированные на доверие, диалог и признание, особенно для старших сотрудников?

3. Восприятие карьерного развития

Особый интерес вызывает восприятие карьерных перспектив. Почти 80% респондентов младше 30 лет (Z) считают, что имеют реальные шансы на профессиональное продвижение. У группы 40–55 лет этот показатель снижается до 48%, а среди сотрудников старше 55 лет — лишь 12%. Это отражает не только объективные ограничения карьерного роста, но и эффект «психологического потолка» — ситуации, когда сами сотрудники не ожидают развития, даже при наличии формальных возможностей.

Здесь актуализируется вопрос справедливости и эффективности age-friendly-управления: должны ли организации стимулировать развитие старших сотрудников или сосредотачиваться на молодежи как на ключевом кадровом ресурсе?

4. Ценностные приоритеты и смыслы вовлеченности

Результаты анкетирования показывают, что представители разных поколений вкладывают в понятие вовлеченности различные ценностные смыслы. Молодежь (Y и Z) ассоциирует ее с открытыми возможностями, профессиональным ростом, гибкой средой и признанием достижений. Старшее поколение чаще связывает вовлеченность с надежностью, стабильностью, формальной справедливостью и уважением к опыту. Отсюда — разное восприятие одних и тех же программ: элементы геймификации, неформального взаимодействия, горизонтального

менеджмента могут вдохновлять одних и отталкивать других.

Таким образом, универсальный инструмент вовлеченности может одновременно мотивировать одну группу и демотивировать другую. Возникает дилемма: нужна ли радикальная персонализация корпоративной политики или стоит придерживаться нейтральных, универсальных моделей, обеспечивающих общую устойчивость?

Выводы и дискуссия

Обобщение результатов эмпирического исследования позволило выявить ключевые закономерности вовлеченности персонала разных поколений и определить направления ее повышения в условиях промышленной организации.

Результаты подтвердили наличие выраженных поколенческих различий в уровне и структуре вовлеченности персонала АО «ОЭЗ „Титановая долина“». На основе модели Kincentric установлено, что наивысшие показатели вовлеченности демонстрируют представители поколения Y (25–39 лет), что противоречит распространенным представлениям о низкой организационной привязанности данной когорты. Это свидетельствует о трансформации мотивационных установок миллениалов и подтверждает эффективность гибких, развивающих HR-практик, ориентированных на профессиональный рост и обратную связь.

Для сотрудников старших возрастных групп (56+) характерен более низкий уровень вовлеченности, обусловленный не снижением компетенций, а ограниченностью участия во внутренних коммуникациях и процессах принятия решений. Данный результат указывает на необходимость целевых программ поддержки старших работников, направленных на признание их опыта, вовлечение в наставнические практики и укрепление организационной идентичности.

Анализ показал, что универсальные HR-решения, не учитывающие возрастное и ценностное разнообразие персонала, оказываются недостаточно эффективными. В условиях многопоколенческих коллективов требуется дифференциация инструментов вовлеченности и построение адаптивных моделей мотивации, обеспечивающих баланс между индивидуальными ожиданиями и стратегическими целями организации.

Методологическая значимость работы состоит в апробации индекса вовлеченности Скриптуновой для анализа когортных различий и адаптации модели Kincentric к условиям промышленной организации в формате особой экономической зоны. Практическая значимость заключается в формировании оснований для корректировки HR-стратегий с учетом возрастной структуры персонала и задач устойчивого развития.

Полученные результаты позволяют рассматривать вовлеченность как интегральный показатель качества внутренней среды организации и ее способности обеспечивать эффективное взаимодействие поколений. Дальнейшие исследования целесообразно направить на развитие инструментов диагностики межпоколенческой динамики вовлеченности и оценку влияния управленческих практик на сохранение кадрового потенциала.

Литература

- Беляева Л.А. (2022). «Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 4. С. 812–827. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827
- Грищенко М.А., Брикошина И.С. (2015). Роль ценностей в повышении эффективности работы персонала (на примере ОАО «Автофрамос») // Вестник университета. № 9. С. 142–145.
- Громова Н.В. (2016). HR-брендинг в обеспечении конкурентоспособности компаний // Современная конкуренция. Т. 10. № 1 (55). С. 124–132.
- Дзаеи Х.Н.А. (2019). Взаимодействие поколений: методология социологического исследования // Гуманитарий Юга России. Т. 8. № 3. С. 165–173. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.3.17
- Котовщикова И.В. (2019). Психологические особенности восприятия организационной среды представителями разных поколений // Вестник ТГУ. Психология. № 49. С. 63–77.
- Котовщикова К.В. (2019). Теория поколений: специфика поколения Z // Вызовы времени и ведущие мировые научные центры: сборник статей международной научно-практической конференции: в 2-х ч., г. Челябинск, 26 февраля 2019 г. Ч. 2. Челябинск: Омега Сайнс. С. 192–195.
- Лебедева И.А. (2019). Теория поколений как инструмент управления мотивацией персонала // Менеджмент и бизнес-администрирование. № 3. С. 56–61.
- Магура М.И., Курбатова М.Б. (2004). Обучение персонала как конкурентное преимущество. Москва: ООО «Журнал „Управление персоналом“». 216 с.
- Мирошкина М.Р. (2017). Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. № 6. С. 30–35.
- Нефёдова И.Н. (2020). Поколенческие различия в профессиональной идентичности молодежи и зрелых работников // Социологические исследования. № 6. С. 66–73.
- Павлова Н.С., Ельшин Л.А. (2020). Влияние поколенческих различий на вовлеченность персонала: особенности и практики управления // Кадры и управление персоналом предприятия. № 3. С. 27–32.
- Палагута В.И. (2017). Поколение Y и Поколение X – кто они и в чем разница // Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК: материалы региональной научно-практической конференции, г. Иркутск, 17 марта 2017 г. Иркутск: ИрГСХА. С. 551–556.
- Парма Р.В. (2021). Теоретические модели отношений между поколениями граждан // Власть. Т. 29. № 6. С. 139–146. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8706
- Рикель А.М. (2019). Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. Т. 10. № 2. С. 9–18. DOI: 10.17759/sps.2019100202
- Скриптунова Е.А. (2010). Методика расчета индекса вовлеченности персонала // Управление человеческим потенциалом. № 2 (22). С. 97–109. URL: <http://www.axima-consult.ru/stati-04-10-metod-raschet-indeksa-vovl-personala.html> (дата обращения 18.11.2024).
- Шамис Е.М., Никонов Е. (2017). Теория поколений. Необыкновенный Икс. Москва: Ун-т «Синергия»; Школа Бизнеса. 138 с.
- Шамис Е., Никонов Е. (2023). Теория поколений. Стратегия беби-бумеров (1943–1963). Москва: Университет Синергия. 268 с.

- Hackman J.R., Oldham G.R. (1975). Development of the job diagnostic survey. *Journal of Applied Psychology*, 60(2), 159–170.
- Kahn W.A. (1990). Psychological Conditions of Personal Engagement and Disengagement at Work. *Academy of Management Journal*, 33(4), 692–724.
- Leiter M.P., Maslach C. (1988). The impact of interpersonal environment on burnout and organizational commitment. *Journal of Organizational Behavior*, 9(4), 297–308.
- Macey W.H., Schneider B. (2008). The meaning of employee engagement. *Industrial Relations Research Association*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/255593558_The_Meaning_of_Employee_Engagement (accessed: 05.05.2025).
- May D.R., Gilson R.L., Harter L.M. (2004). The Psychological Conditions of Meaningfulness, Safety and Availability and the Engagement of the Human Spirit at Work. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77(1), 11–37.
- Mannheim K. (1952). The Problem of Generations. In: Kecskemeti P. (Ed.). *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Saks A.M. (2006). Antecedents and consequences of employee engagement. *Journal of Managerial Psychology*, 21(7), 600–619.
- Schaufeli W., Salanova M., González-Romá V., Bakker A. (2002). The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*, 3(1), 71–92.
- Schaufeli W.B., Bakker A.B., Salanova M. (2006). The measurement of work engagement with a short questionnaire: A cross-national study. *Educational and Psychological Measurement*, 66(4), 701–716.
- Shuck B. (2011). Four emerging perspectives of employee engagement: An integrative literature review. *Human Resource Development Review*, 10(3), 304–328.
- Strauss W., Howe N. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow. Available at: <https://www.amazon.com/GENERATIONS-History-Americas-Future-1584/dp/0688081339> (accessed: 18.05.2025).

Сведения об авторах

Елена Олеговна Нидергаус — кандидат социологических наук, доцент, руководитель образовательной программы, начальник отдела, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru)

Елена Викторовна Кеммет — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru)

Nidergaus E.O., Kemmet E.V.

The Impact of Intergenerational Differences on Employee Engagement in an Organization

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to adapt corporate engagement policies to the specifics of the workforce's age structure, especially in the context of demographic aging and the growing share of employees from Generations Y and Z. The aim of the work is to identify the specifics of how employees of different generations perceive engagement programs, using an industrial enterprise operating in a special economic zone as an example. In the scientific literature, engagement is interpreted as a multidimensional construct encompassing emotional, behavioral, and cognitive components; however, the generational aspect remains understudied. The novelty of the research lies in the empirical comparison of the levels and semantic characteristics of engagement among representatives of Generations X, Y, Z, and older employees, based on the validated international Kincentric model. The empirical base includes

the results of a questionnaire survey of 72 employees of „SEZ ‘Titanium Valley’” JSC conducted in the spring of 2025. An adapted questionnaire was used, comprising 24 statements grouped into four blocks: Engagement, Management, Resources, and Development. Percentage values were calculated based on the number of respondents who answered each question. Methods of descriptive statistics and intergroup analysis were applied. The obtained data indicate the highest level of engagement among Generation Y and a decrease in indicators among employees aged 56 and older. Differences in career expectations and perceptions of the corporate environment were identified. The practical significance of the study lies in the formation of personalized HR strategies for a multi-generational workforce. The limitations of the study are associated with the territorial specifics and the single-organization sample; promising directions for future research include expanding the geographical scope and comparing industry-specific cases.

Key words: employee engagement, generational differences, behavioral model, corporate policy, Generation Y, Generation X, Generation Z, intergenerational interaction, motivational strategies.

Information about the Authors

Elena O. Nidergaus – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, head of an educational program, head of department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru)

Elena V. Kemmet – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru)

Статья поступила 10.07.2025.

Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений

Дмитрий Александрович

ИЗОТОВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov80@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования является долгосрочная оценка влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР в 1992–2023 гг. Определено, что на АТР приходится большая часть торговых и инвестиционных взаимодействий между странами мира, основным источником которых является внутрирегиональный обмен товарами и прямым капиталом. Показано, что по степени снижения торгово-экономических барьеров между странами выделяются поверхностные и глубокие интеграционные соглашения, лидирующее место в создании которых занимает АТР. На основе собранной из различных источников базы данных обмена товарами и капиталом между странами АТР в рамках гравитационного моделирования оценены долгосрочные накопленные эффекты поверхностных и глубоких интеграционных соглашений на торговлю и приток накопленных прямых иностранных инвестиций. Определено общее стимулирующее воздействие интеграционных соглашений на торговлю между странами АТР, способствующее ее увеличению в среднем на 21,9% при инвариантности влияния на приток прямых иностранных инвестиций. Установлено, что поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР снижали приток прямых иностранных инвестиций на 47,5% и способствовали увеличению торговли на 46,0%. Выявлено, что глубокие интеграционные соглашения увеличили объем торговли между странами АТР на 15,5%, а приток прямых иностранных инвестиций — на 23,6%. Показано, что в рамках АТР поверхностные и глубокие интеграционные соглашения конфликтовали друг с другом для целей притока

Для цитирования: Изотов Д.А. (2025). Торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР: эффекты интеграционных соглашений // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 211–229. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.12

For citation: Izotov D.A. (2025). Trade and investment interactions in the Asia-Pacific Region: Effects of integration agreements. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 211–229. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.12

прямых иностранных инвестиций. В связи с подавлением этого притока торговлей товарами и более длительным функционированием поверхностных интеграционных соглашений их долгосрочный накопленный торговый эффект был выше, чем глубоких интеграционных соглашений. Глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая на создание условий для комплементарности между торговлей и прямыми иностранными инвестициями в рамках более продвинутых форматов сближения для снижения издержек производственной кооперации. В отличие от торговли обмен прямыми иностранными инвестициями в АТР являлся более требовательным к имеющимся барьерам экономических взаимодействий, а также менее гибким по отношению к странам-реципиентам этих инвестиций.

Ключевые слова: торговля, прямые иностранные инвестиции, глубокие интеграционные соглашения, поверхностные интеграционные соглашения, гравитационная модель, интеграционный эффект, глобализация, регионализация, АТР.

Введение

Несмотря на текущее проявление протекционизма и фрагментации в глобальной экономике (Афонцев, 2020; Baldwin, Ruta, 2025), за последние более чем три десятилетия практически все страны мира достигли значительного прогресса в снижении барьеров экономических взаимодействий, в том числе на основе механизмов заключенных двух- и многосторонних интеграционных соглашений. При этом важнейшими элементами экономических взаимодействий между странами мира являются торговля товарами и обмен прямыми инвестициями (Larch, Yotov, 2023). В рамках современных интеграционных форм торговля товарами регулируется как на глобальном (ВТО), так и субглобальном (региональном) уровне. При этом обмен прямыми инвестициями между странами осуществляется только на основе региональных интеграционных соглашений. В связи с отсутствием возможностей создания более продвинутых форм интеграции на глобальном уровне за последние два десятилетия на региональном уровне стали все более отчетливо выделяться две крупные группы интеграционных соглашений (Mattoo et al., 2020; Larch, Yotov, 2024). Первая группа — поверхностные интеграционные соглашения, которые направлены на снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле в соответствии с принципами ВТО. Вторая группа — глубокие интеграционные соглашения, предполагающие более свободное движение товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов и технологий между странами, а также регулирование полномочий со стороны

государственных органов и контроль над экспортными в целях защиты прав потребителей в странах-импортерах, что уже выходит за рамки ВТО. В условиях присоединения большинства стран мира к ВТО¹ стал наблюдаться процесс массового заключения глубоких интеграционных соглашений при наличии застойных тенденций в динамике поверхностных интеграционных соглашений.

Эмпирические оценки показывают, что две указанные группы интеграционных соглашений стимулировали глобальную торговлю (Mattoo et al., 2022; Park, 2025), при этом их влияние на прямые иностранные инвестиции (ПИИ)² было неоднозначным (Koh, Rojas-Romagosa, 2019; Larch, Yotov, 2023). С одной стороны, снижение только торговых барьеров в рамках поверхностных интеграционных соглашений способно оказывать сдерживающее воздействие на привлечение ПИИ, поскольку

¹ В связи со снижением тарифных барьеров в рамках режима наибольшего благоприятствования.

² Под ПИИ понимаются действия, осуществляемые резидентом зарубежной экономики (прямой инвестор или материнская компания) с целью установления долгосрочного интереса к предприятию, которое является резидентом в отечественной экономике (предприятие с прямыми инвестициями или зарубежный филиал). Долгосрочный интерес подразумевает наличие длительных отношений между прямым зарубежным инвестором и предприятием. Считается, что владение более 10% доли собственности предприятия является достаточным для влияния на его управление со стороны зарубежного инвестора. Подробно: Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock (Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>).

в данном случае торговля замещает прямые инвестиции из-за рубежа (Koh, Rojas-Romagosa, 2020), для которых, в свою очередь, барьеры сохраняются. С другой стороны, помимо снятия ограничений в торговле, снижение других экономических барьеров способно оказывать стимулирующее воздействие как на торговые, так и инвестиционные взаимодействия между странами. В этом случае торговля товарами и обмен прямым капиталом являются комплементарными или дополняющими друг друга в рамках глубоких интеграционных соглашений (Anderson et al., 2019). Особенно важным данный аспект является для функционирования цепочек добавленной стоимости в глобальной экономике, увязывая приток ПИИ с последующим экспортом товаров, в том числе промежуточных (Martínez-Galán, Fontoura, 2019).

Среди крупнейших регионов мира значительное распространение глубоких интеграционных соглашений наблюдается в АТР³, на который приходилась большая часть мировой экономики — около 60% глобального ВВП в среднем за 1992–2023 гг.⁴ За последние четыре десятилетия главным стимулом для интеграционных процессов в АТР являлась производственная кооперация между странами Восточной Азии (Park, 2020) для стимулирования «вертикальной» торговли транснациональных корпораций (Hummels et al., 2001). Являясь «ядром» интеграционных процессов в АТР, страны Восточной Азии в целом способствовали дальнейшему распространению интегра-

ционных соглашений со странами Северной и Южной Америки, а также Австралии и Океании, снижая барьеры для торговли и притока ПИИ. Эмпирические исследования указывают на положительные эффекты от нивелирования барьеров обмена товарами и прямым капиталом в АТР (Lakatos, Walmsley, 2012; Bouët et al., 2012) для снижения издержек торгово-экономических взаимодействий (Pomfret, Sourdin, 2009; Kimura et al., 2021). В условиях внешнеполитического противостояния групп стран (Jackson, Shepotylo, 2023; Aiyar, et al., 2024; Потапов, 2025), а также в связи с имеющимися ограничениями для дальнейшей либерализации внешнеэкономических связей ряда экономик региона (Chaisse, Hsieh, 2023) в АТР за последнее время стали заметны признаки фрагментации экономического пространства с точки зрения противостояния Китая с рядом стран региона, что вылилось в создание Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (ВПТПП)⁵. Тем не менее данный процесс не привел к созданию закрытых торгово-экономических блоков, а напротив, стимулировал расширение интеграционных соглашений и создание «компромиссных» форматов в АТР, в частности Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)⁶, смягчая возможные риски фрагментации.

Оценки долгосрочного сравнительного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР недостаточно полно изучены, поскольку акцентированы преимущественно на странах Восточной Азии (Ing et al., 2019), не охватывая период современного внешнеполитического противостояния в регионе. Следует заметить, что относительно положительных торговых эффектов для ряда поверхностных интеграционных соглашений имеется некий скепсис (Herz, Wagner, 2011). Исходя из этого можно предположить, что в рамках АТР глубокие интеграционные соглашения способствовали большему расширению торговли между странами-участницами,

³ Следует заметить, что географические рамки АТР являются дискуссионными (Bollard, Mayes, 1992; Ravenhill, 2006). В настоящем исследовании АТР рассматривается в «широких границах», к которому отнесены более пятидесяти стран и экономических территорий: Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, Кирибати, КНДР, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Монголия, Мьянма, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Новая Каледония, Острова Кука, Палау, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы острова, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи, Филиппины, Французская Полинезия, Чили, Эквадор и Япония.

⁴ Рассчитано по: World Economic Outlook Database / IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2025/april>

⁵ Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония.

⁶ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, КНР, Корея, Лаос, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония.

в отличие от поверхностных интеграционных соглашений. Также можно предположить, что глубокие интеграционные соглашения стимулировали привлечение ПИИ, поскольку данный вид соглашений распространяет механизмы снижения барьеров на рынках факторов производства, ключевым из которых является капитал, то есть в рамках АТР для притока ПИИ при прочих равных условиях поверхностные и глубокие интеграционные соглашения могут быть конфликтующими. Опираясь на указанные предположения, нужно подчеркнуть важность того, каким образом соотносится влияние на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР процессов глобализации и регионализации, а также насколько данное влияние дифференцировано для потоков товаров и капитала в рамках данного региона.

В связи с этим целью настоящего исследования является долгосрочная оценка влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики торговли, ПИИ и интеграционных соглашений в АТР; 2) формирование массива данных и выбор методики оценки; 3) оценка долгосрочного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия между странами АТР. В рамках настоящего исследования оценка влияния интеграционных соглашений на приток прямых инвестиций из-за рубежа строилась на основе накопленных ПИИ⁷, которые по сравнению с потоковыми значениями характеризуются меньшей волатильностью и содержат гораздо меньше нулевых и отрицательных значений (Koh et al., 2020). Эффекты от притока ПИИ распространяются на экономику страны-реципиента зарубежного капитала и являются более комплексными по сравнению с оттоком капитала, способствуя в целом

увеличению емкости ее рынка, созданию производств, в том числе экспортных, привлечению технологий, увеличению занятости и доходов населения (Hassan, 2022). Во избежание двойного счета торговые взаимодействия оценивались по потоку обоюдного экспорта между странами АТР. Исследование охватывает 1992–2023 гг.

Торгово-инвестиционные взаимодействия и интеграционные соглашения между странами АТР

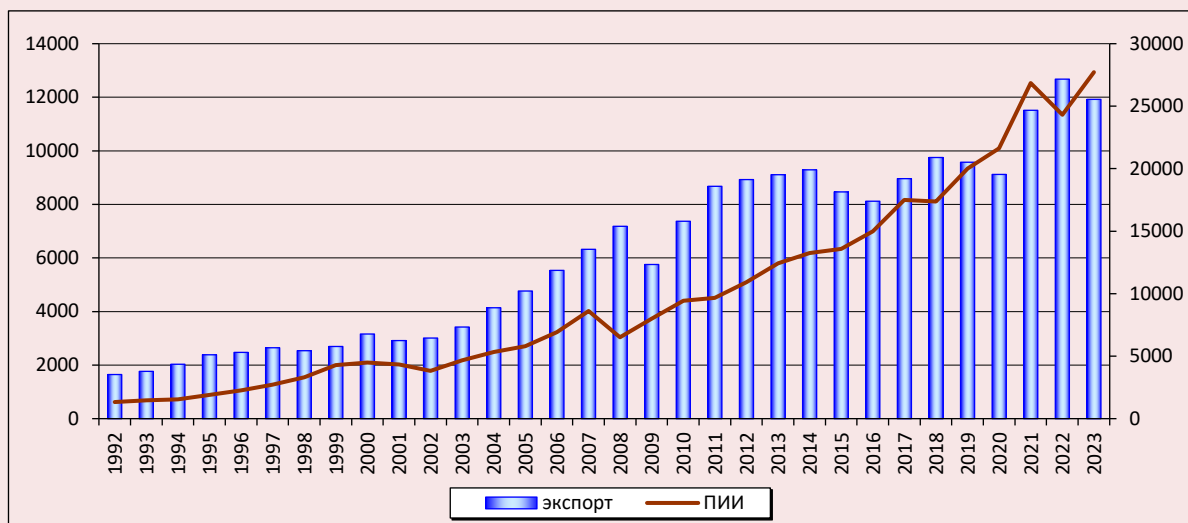
За рассматриваемый период существенно возросли торгово-инвестиционные взаимодействия между странами АТР. Суммарный экспорт из стран АТР увеличился в текущих ценах более чем в 7 раз – с 1,6 трлн долл. в 1992 году до 11,9 трлн долл. в 2023 году, а накопленный приток ПИИ в страны региона почти в 21 раз – с 1,3 трлн до 27,7 трлн долл. соответственно (рис. 1).

На страны АТР в 2023 году приходилась половина мирового экспорта, увеличившись на 7 п. п. по сравнению с 1992 годом. При этом доля внутрирегионального экспорта возросла на 10 п. п. – с 61,4% в 1992 году до 71,4% в 2023 году, что указывает на усиление торговой взаимозависимости стран АТР (рис. 2).

В результате внутрирегиональный экспорт АТР увеличился в 8,5 раза: с 1,0 трлн долл. в 1992 году до 8,5 трлн долл. в 2023 году. Также наблюдалось возрастание доли стран АТР в накопленных привлеченных ПИИ в мире – с 53,3% в 1992 году до 56,4% в 2023 году. Доля стран АТР в глобальном притоке ПИИ имела тенденцию к увеличению за исключением начала 2020-х гг. (пандемия COVID-19 и обострение внешнеполитических рисков) (Изотов, 2024). Приток ПИИ в страны АТР формировали внутрирегиональные инвестиции, стоимостной объем которых вырос более чем в 21 раз – с 0,9 трлн долл. в 1992 году до 20,2 трлн долл. в 2023 году. При этом наблюдалась заметная волатильность доли внутрирегионального притока ПИИ. Несмотря на то что с начала 2010-х гг. фиксировалась тенденция увеличения доли прямых инвестиций из стран, расположенных за рамками данного региона, тем не менее в среднем за рассматриваемый период на внутрирегиональные источники приходилось более 70% притока ПИИ в АТР.

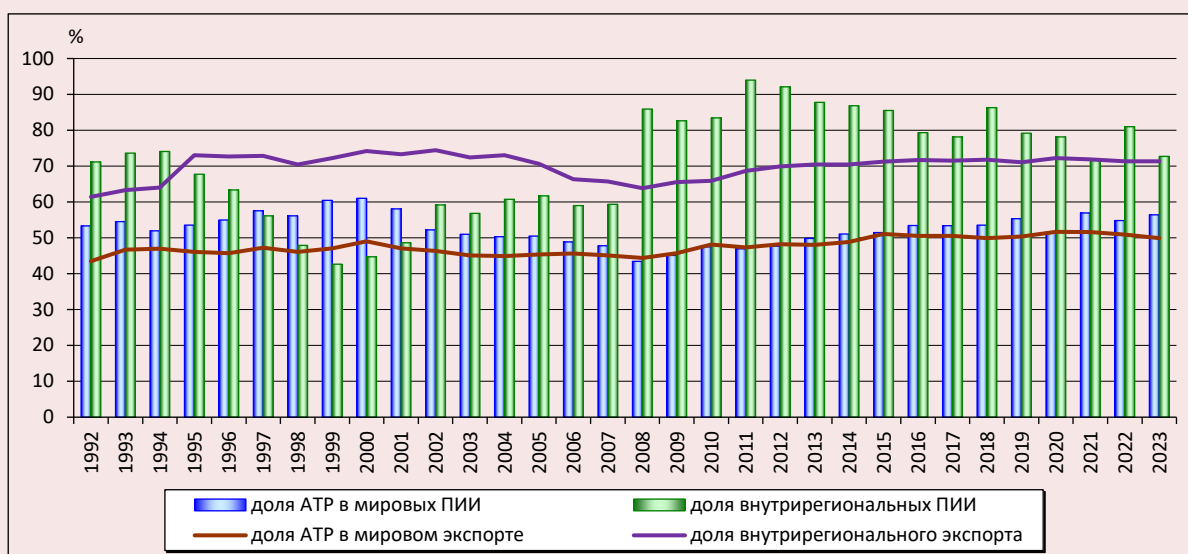
⁷ Потоки ПИИ формируют соответствующие сделки, зарегистрированные в течение отчетного периода, которые состоят из приобретения или продажи акционерного капитала, реинвестирования прибыли и межфирменной задолженности. В свою очередь накопленные ПИИ представляют собой накопленный стоимостной объем ПИИ, зафиксированный в конце отчетного периода.

Рис. 1. Экспорт (левая ось) и приток ПИИ (правая ось) стран АТР, млрд долл.

Источники: World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: [http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>; Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>](http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade%20Structure)

Рис. 2. Торговля и инвестиции АТР: доля в мировой экономике и доля внутрирегиональных потоков, %

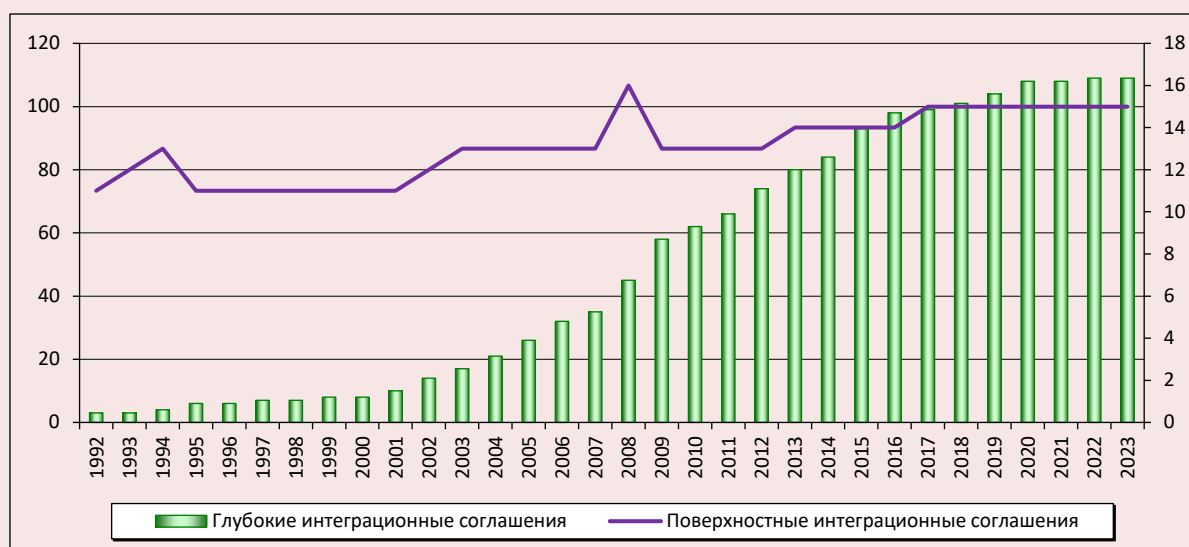

Рассчитано по: FDI Bilateral Statistics / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (дата обращения 14.06.2017); FDI database / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/fdistatistics> (дата обращения 01.02.2020); Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>; FDI Flows / OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/fdi-flows.html>; Foreign Direct Investment Statistics: Data, Analysis and Forecasts. URL: <https://mneguidelines.oecd.org/statistics.htm>; OECD International Direct Investment Statistics. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-international-direct-investment-statistics_2307437x.html; IMF Coordinated Direct Investment Survey (CDIS) / IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5>; Foreign Direct Investment Trends and Statistics / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/direct-investment#sort=%40imfdate%20descending>; Statistics of Foreign Direct Investment in ASEAN. Stocks of Inward Foreign Direct Investment (FDI) at year-end, by source country. URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock> (дата обращения: 01.03.2025); CEIC Database. URL: <https://www.ceicdata.com>; World Integrated Trade Solution / World Bank. URL: [http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade Structure / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>](http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Default-A.aspx?Page=Default;Trade%20Structure)

Обмен товарами и капиталом в рамках АТР являлся основным источником внешнеэкономических взаимодействий стран региона. Данные взаимосвязи в АТР основывались на снижении различного рода барьеров, в том числе в связи с заключением двух- и многосторонних интеграционных соглашений, которые разделяются на глубокие и поверхностные. Вплоть до начала 2000-х гг. поверхностные интеграционные соглашения играли основную роль в рамках процесса регионализации в АТР. К ним относились соглашения, главным образом направленные на снижение барьеров в торговле товарами, т. е. частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС)⁸, зоны свободной торговли (ЗСТ)⁹ и таможенные союзы (ТС)¹⁰. Однако далее поверхностные интеграционные соглашения уступили место более продвинутым интеграционным формам (рис. 3).

С первой половины 2000-х гг. принципиально новым процессом в АТР стало увеличение числа заключенных ЗСТ в расширенном формате (ЗСТ+), которые по всем формальным признакам относились к глубоким интеграционным соглашениям. Стал наблюдаться процесс создания многосторонних ЗСТ+, например ВПТТП и ВРЭП, которые занимают заметную долю в торговом и инвестиционном обмене между странами АТР¹¹. Возможное присоединение других стран АТР к ВРЭП и ВПТТП увеличивает возможности для наращивания их торгового и инвестиционного потенциала (Petri, Abdul-Raheem, 2014; Park et al., 2021). Следует также заметить, что отдельные поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР по мере присоединения к ним новых членов и внесения дополнений стали переходить в категорию глубоких интегра-

Рис. 3. Глубокие (левая ось) и поверхностные (правая ось) интеграционные соглашения между странами АТР, ед.

Примечание: данные приведены накопленным итогом.

Источники: Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>; Deep Trade Agreements database 2.0 (vertical depth). Available at: <https://datatopics.worldbank.org/dta/table.html>

⁸ При ЧТС страны снижают тарифные барьеры на конкретные товарные группы.

⁹ ЗСТ предполагает сокращение тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам.

¹⁰ При ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

¹¹ В 2023 году на торговлю между странами ВРЭП приходилось 32% торговли и 26% притока ПИИ в АТР, а на ВПТТП – 7 и 10% соответственно.

ционных соглашений, которые в ряде случаев непродолжительное время функционировали как поверхностные, но, как правило, в рамках переходного периода.

С точки зрения функциональной направленности глубокие интеграционные соглашения способствуют как торговым, так и инвестиционным взаимодействиям между странами АТР. Поверхностные интеграционные соглашения стимулируют только обмен товарами, поскольку они создавались главным образом между развивающимися странами, а ПИИ в страны АТР поступали из развитых экономик, что в определенной степени могло сдерживать возможности для обмена капиталовложениями в рамках этой формы интеграции. При этом в рамках анализируемого периода ряд стран, заключивших поверхностные интеграционные соглашения, были развитыми либо с высоким доходом на душу населения¹², активно направляли прямые инвестиции в другие страны АТР. Поэтому влияние поверхностных интеграционных соглашений на приток ПИИ является как минимум неоднозначным, требуя получения количественной оценки для более точного утверждения.

Методика оценки и данные

Методика оценки. За последние два десятилетия развитие гравитационных моделей для оценки влияния интеграционных соглашений на торгово-экономические взаимодействия между странами достигло существенного прогресса (Larch et al., 2025). В соответствии с накопленными эмпирическими оценками влияния интеграционных факторов на торгово-экономические взаимодействия между странами в рамках структурных гравитационных моделей выработаны конкретные рекомендации для проведения количественных расчетов соответствующих эффектов. Во-первых, на основе массива панельных данных для корректной оценки влияния фиктивных переменных на зависимую переменную в модель включаются фиксированные эффекты для страны-экспортера/импортера с учетом времени для контроля многостороннего сопротивления¹³ и фиксированные эффекты для всех взаимодействующих

пар стран — для учета влияния всех независимых от времени двусторонних издержек (Yotov et al., 2016). Во-вторых, оценка зависимости строится в мультипликативной форме (квази-максимальное правдоподобие Пуассона) для включения нулевых значений в массив во избежание проблемы гетероскедастичности и ошибок спецификации модели из-за неверно подобранной функции (Santos Silva, Tenreiro, 2006). В-третьих, в панель включаются внутренние торгово-инвестиционные взаимодействия, т. е. отечественный рынок товаров и накопленных отечественных прямых инвестиций для контроля отклонения торговых (Yotov, 2022) и инвестиционных (Koh, Rojas-Romagosa, 2020) потоков стран в пользу их внутренних рынков и для устранения искажающего влияния глобальных факторов. Указанные рекомендации значительно упростили оценку эффектов интеграционных соглашений, определяющих торговые и инвестиционные взаимодействия стран.

Поскольку в долгосрочном периоде воздействие интеграционных соглашений является отложенным (Yotov et al., 2016; Borghi et al., 2024), в настоящем исследовании были оценены только накопленные эффекты данных соглашений на торговлю и приток ПИИ. Так, накопленный эффект интеграционных соглашений для торговли оценивался на основе зависимости:

$$X_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (1)$$

где:

X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (долл. США);

$TREAT_{ij}$ — фиктивная переменная, отражающая наличие/отсутствие интеграционного соглашения между i и j ;

$INTL(T)_{ij}$ — фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице для обмена между странами для каждого года T и нулевое — для внутристранового обмена товарами (1) и ПИИ (2);

¹² Сингапур, Республика Корея (далее — Корея), Япония, Австралия, Новая Зеландия, КНР, Малайзия.

¹³ Все двусторонние переменные издержки, с которыми сталкиваются страна-экспортер/донор и страна-импортер/реципиент соответственно.

β_0 – константа;

$\sum \beta_n$ – значение накопленного эффекта интеграционного соглашения;

β_T – совокупные барьеры в торговых взаимодействиях между странами;

t – временной промежуток;

n – временной лаг (5 лет);

π_i – фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года;

χ_j – фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года;

μ_{ij} – фиксированные эффекты для пар взаимодействующих стран;

ε – ошибка.

Накопленный эффект интеграционных соглашений для притока ПИИ рассчитывался следующим образом:

$$FDI_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \gamma_{it} + \omega_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (2)$$

где:

FDI_{ij} – приток накопленных ПИИ в страну i из страны j (долл. США);

β_T – совокупные барьеры в инвестиционных взаимодействиях между странами;

γ_i – фиксированные эффекты для страны-донора ПИИ с учетом года;

ω_j – фиксированные эффекты для страны-реципиента ПИИ с учетом года.

Далее для определения эффектов глобализации, т. е. исключая воздействие региональных интеграционных соглашений по аналогии с ранее проведенным исследованием (Изотов, 2020), была получена оценка совокупных накопленных эффектов интеграции для торговли и инвестиций.

Оценка совокупного накопленного эффекта интеграции для торговли производилась следующим способом:

$$X_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (3)$$

В свою очередь оценка совокупного накопленного эффекта интеграции для притока ПИИ строилась в рамках следующего выражения:

$$FDI_{ijt} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=0}^{n=5} \beta_n TREAT_{ijt-n} + \gamma_{it} + \omega_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt} \right], \quad (4)$$

Разница $\sum \beta_n$ между (3) и (1) отражает значение накопленного эффекта интеграции в рамках процесса глобализации для торговли, а между (4) и (2) – для притока ПИИ. Для лаконичного изложения переменная $TREAT_{ij}$ (1)–(4) включала в себя:

PTA_{ij} – фиктивная переменная наличия/отсутствия любого интеграционного соглашения (как глубокого, так и поверхностного) между i и j ;

DTA_{ij} – фиктивная переменная наличия/отсутствия глубокого интеграционного соглашения между i и j ; $NONDTA_{ij}$ – фиктивная переменная наличия/отсутствия поверхностного интеграционного соглашения между i и j .

Данные. В рамках зависимой переменной FDI использовалась статистика, отражающая стоимостные объемы взаимных накопленных ПИИ в АТР и их внутренние отечественные инвестиции. При формировании массива накопленных ПИИ основная сложность состояла в отсутствии единой базы статистических данных, в которой были бы представлены стоимостные объемы взаимных накопленных прямых инвестиций между странами АТР. В большинстве источников статистика накопленных прямых инвестиций между странами АТР представлена в неполном объеме, поэтому формирование массива зависимой переменной FDI производилось из разных источников, основу которых составили данные из международных баз данных: ООН¹⁴, ОЭСР¹⁵, Всемирного банка

¹⁴ FDI Bilateral Statistics. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (дата обращения: 14.06.2017); FDI database. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/fdistatistics> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁵ OECD FDI Flows. Available at: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/fdi-flows.html>; Foreign Direct Investment Statistics: Data, Analysis and Forecasts. Available at: <https://mneguidelines.oecd.org/statistics.htm>; OECD International Direct Investment Statistics. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-international-direct-investment-statistics_2307437x.html

(Steenbergen et al., 2022), МВФ¹⁶ и CEIC¹⁷. В случае обнаружения пропусков в статистике взаимных накопленных прямых инвестиций их значения либо заполнялись данными из других источников (СЕРП¹⁸; АСЕАН¹⁹; центральные банки, статистические бюро, профильные министерства и инвестиционные агентства стран и экономических территорий АТР, а также прочие международные организации и аналитические агентства²⁰), либо в некоторых случаях оценивались с помощью скользящей средней. Эпизодические отрицательные значения накопленных ПИИ приравнялись к нулю (Кох, Rojas-Romagosa, 2020).

В массив зависимой переменной *FDI* были включены данные, характеризующие стоимостные объемы накопленных инвестиций в основные фонды в рамках стран АТР за вычетом накопленных ПИИ по аналогии с рекоменда-

циями оценки гравитационных зависимостей для торговли (Yotov et al., 2016). Для рассматриваемого периода статистика внутренних накопленных инвестиций в основные фонды была аккумулирована как из специальных баз данных²¹, так и статистических бюро стран АТР. Так как по некоторым странам АТР²² не найдена статистика по внутренним накопленным инвестициям в основные фонды, данные экономики были исключены из оцениваемой панели²³. В итоге, как и в ранее проведенном исследовании (Изотов, 2023), в панель вошли 36 экономик АТР²⁴.

Для сопоставимости результатов панель по торговому взаимодействию в АТР включала этот же набор стран региона. Соответственно, в рамках зависимой переменной *X* использовалась статистика, отражающая стоимостные объемы торговли стран АТР друг с другом и их внутренней торговли. Значения внутренней торговли стран были получены как разница между стоимостным объемом произведенных товаров в национальной экономике и экспортом (Campos et al., 2021; Изотов, 2023а; Изотов, 2023с). Стоимостные объемы произведенной в экономиках АТР продукции были собраны из специальных баз статистических данных (UNIDO²⁵, СЕРП²⁶, CEIC, FAO (ООН)²⁷, UNCTAD²⁸,

¹⁶ IMF Coordinated Direct Investment Survey (CDIS). Available at: <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1FICE54D6D5>; Foreign Direct Investment Trends and Statistics. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/direct-investment#sort=%40imfdate%20descending>

¹⁷ CEIC Database. Available at: <https://www.ceicdata.com>

¹⁸ FDI Map. СЕРП. Available at: https://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/bdd_modele_item.asp?id=4

¹⁹ Statistics of Foreign Direct Investment in ASEAN. Stocks of Inward Foreign Direct Investment (FDI) at year-end, by source country. Available at: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock>

²⁰ Центробанк России; Australian Bureau of Statistics; Brunei Darussalam Department of Economic Planning and Statistics; Vale Columbia Center on Sustainable International Investment; Foreign Investment Committee of Chile; Kingdom of Cambodia Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation; Canada Department of Foreign Affairs and International Trade; Canada Department of Statistics; Singapore Department of Statistics; Central Bank of Malaysia; Malaysia Department of Statistics; Bank of Japan; JETRO; Japan Ministry of Finance; Central Bank of Ecuador; Ministry of Commerce People's Republic of China; Taiwan Ministry of Economic Affairs; Central Bank of Philippines; Bank of Thailand; Thailand Board of Investment; Bureau of Economic Analysis; Export-Import Bank of Korea; New Zealand Department of Statistics; Myanmar Directorate of Investment and Company Administration; National Statistical Office of Mongolia; Macau Statistics and Census Service; Laos Investment Promotion Department; Indonesia Investment Coordinated Board; Hong Kong Census and Statistics Department; Vietnam General Statistical Office; Statista; Institute for International Political Economy; Bank for International Settlements и т. д. В некоторых случаях поиск необходимых показателей велся в сети Интернет с помощью средств искусственного интеллекта (DeepSeek и ChatGPT).

²¹ United States International Trade Commission (USITC). Available at: <https://www.usitc.gov/data/gravity/mreid.htm>

²² Вануату, Восточный Тимор, Кирибати, КНДР, Маршалловы острова, Науру, Новая Каледония, Палау, Острова Кука, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу, Уоллис и Футуна, Федеративные штаты Микронезии, Французская Полинезия.

²³ Это не является критичным, поскольку их суммарная доля в рамках АТР во входящих накопленных ПИИ составляла менее 0,1%.

²⁴ Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

²⁵ UNIDO Statistics. Available at: <https://stat.unido.org/>

²⁶ СЕРП Database. Available at: http://www.cepii.fr/cepii/en/bdd_modele/bdd_modele.asp

²⁷ FAOSTAT. Available at: <https://www.fao.org/statistics/en/>

²⁸ UNCTADstat. Available at: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Всемирного банка²⁹), а также статистических ведомств стран региона. Статистические данные по взаимному экспорту между странами АТР были заимствованы из баз данных UNCTAD, Всемирного банка, CEIS и RIETI³⁰.

Для построения массива фиктивных переменных в качестве интеграционных соглашений между странами АТР использованы данные о наличии либо отсутствии глубоких и поверхностных соглашений из базы данных Всемирного банка³¹ и ВТО³². Как ранее упоминалось, некоторые интеграционные соглашения в рамках долгосрочного периода переходили из статуса поверхностных в статус глубоких соглашений, что было учтено при формировании массива. Также в рамках многосторонних соглашений учтена разница во времени (отложенное, мгновенное) присоединения стран к интеграционным механизмам данных соглашений.

К глубоким интеграционным соглашениям (DTA) между странами АТР были отнесены (если иное не обозначено, то в формате ЗСТ+ (Изотов, 2023с): ЧТС+ Латиноамериканская ассоциация интеграции³³ (1981 г.); ТС Андское сообщество наций³⁴ (1988 г.); Австралия и Новая Зеландия (1989 г.); Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)³⁵ (1994–2020 гг.); Колумбия – Мексика (1995 г.); Канада – Чили (1997 год); ЗСТ АСЕАН (АФТА)³⁶ (1992–1995 гг.); Чили – Мексика (1999 г.); Центральная Америка³⁷ (2001 г.); Новая Зеландия – Сингапур (2001 г.); Чили – Коста-Рика (2002 г.);

Чили – Сальвадор (2002 г.); Япония – Сингапур (2002 г.); ЗСТ Канада – Коста-Рика (2002 г.); КНР – Гонконг (2003 г.); КНР – Макао (2003 г.); Панама – Сальвадор (2003 г.); Сингапур – Австралия (2003 г.); Панама – Тайвань (2004 г.); Республика Корея (далее – Корея) – Чили (2004 г.); США – Чили (2004 г.); США – Сингапур (2004 г.); АСЕАН – КНР (2005 г.)³⁸; США – Австралия (2005 г.); Таиланд – Австралия (2005 г.); Таиланд – Новая Зеландия (2005 г.); Япония – Мексика (2005 г.); Центральная Америка – США (2006 г.)³⁹; Гватемала – Тайвань (2006 г.); Япония – Малайзия (2006 г.); Панама – Сингапур (2006 г.); Корея – Сингапур (2006 г.); Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство⁴⁰ (2006 г.); Чили – КНР (2007 г.); Япония – Таиланд (2007 г.); Чили – Япония (2007 г.); Бруней – Япония (2008 г.); Чили – Гондурас (2008 г.); КНР – Новая Зеландия (2008 г.); Сальвадор – Гондурас – Тайвань (2008 г.); Япония – Индонезия (2008 г.); Япония – Филиппины (2008 г.); Никарагуа – Тайвань (2008 г.); Панама – Коста-Рика (2008 г.); Панама – Чили (2008 г.); АСЕАН – Япония (2008 г.)⁴¹; АСЕАН – Корея (2009 г.); Перу – Чили (2009 г.); Перу – Сингапур (2009 г.); Панама – Гватемала (2009 г.); Панама – Гондурас (2009 г.); Панама – Никарагуа (2009 г.); Япония – Вьетнам (2009 г.); США – Перу (2009 г.); КНР – Сингапур (2009 г.); Колумбия – страны Северного треугольника (Сальвадор, Гватемала, Гондурас) (2009 г.); Австралия – Чили (2009 г.); Канада – Перу (2009 г.); Чили – Колумбия (2009 г.); АСЕАН – Австралия – Новая Зеландия (2010 г.)⁴²; Чили – Гватемала (2010 г.); Новая Зеландия – Малайзия (2010 г.); Перу – КНР (2010 г.); Перу – Корея (2011 г.); Канада – Колумбия (2011 г.); КНР – Коста-Рика (2011 г.); Гонконг – Новая Зеландия (2011 г.); Япония – Перу (2012 г.); Чили – Никарагуа (2012 г.); Панама – Перу (2012 г.); Перу – Мексика (2012 г.); Корея – США (2012 г.); США – Колумбия (2012 г.); США – Панама (2012 г.);

²⁹ WITS. World Integrated Solution. Available at: <https://wits.worldbank.org/>

³⁰ RIETI-TID. Available at: <https://www.rieti.go.jp/en/projects/rieti-tid/index.html>

³¹ Deep Trade Agreements database 2.0 (vertical depth). Available at: <https://datatopics.worldbank.org/dta/table.html>

³² Regional trade agreements notified to the GATT/WTO and in force. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx>

³³ ЧТС в расширенном формате. Мексика – Перу (с 2011 года); Эквадор – Колумбия (с 2016 года); Чили – Колумбия (с 2009 года); Чили – Перу (с 2008 года); Мексика – Колумбия (с 1994 года); Мексика – Чили (с 2000 года).

³⁴ Только Эквадор – Перу (2016 г.).

³⁵ США, Мексика, Канада.

³⁶ С 1993 года Бруней, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Индонезия, Таиланд. Все остальные страны АСЕАН – с 1995 года.

³⁷ Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор. Панама присоединилась к соглашению с 2003 года.

³⁸ Бруней – КНР (2005 г.); Камбоджа – КНР (2005 г.); Индонезия – КНР (2005 г.).

³⁹ Коста-Рика – США (2009 г.).

⁴⁰ Бруней, Новая Зеландия, Сингапур, Чили.

⁴¹ Камбоджа – Япония (2010 г.); Мьянма – Япония (2010 г.).

⁴² ЗСТ+ с Индонезией – с 2012 года, с Лаосом и Камбоджей – с 2011 года.

ЗСТ Чили — Малайзия (2012 г.); Малайзия — Австралия (2013 г.); Мексика — Центральная Америка (2013 г.); Новая Зеландия — Тайвань (2013 г.); Канада — Панама (2013 г.); Коста-Рика — Перу (2013 г.); Коста-Рика — Сингапур (2013 г.); ЗСТ Чили — Вьетнам (2014 г.); Канада — Гондурас (2014 г.); Корея — Австралия (2014 г.); Сингапур — Тайвань (2014 г.); Корея — Новая Зеландия (2015 г.); Корея — Вьетнам (2015 г.); Мексика — Панама (2015 г.); Австралия — КНР (2015 г.); Канада — Корея (2015 г.); Чили — Таиланд (2015 г.); КНР — Корея (2015 г.); Гонконг — Чили (2015 г.); Япония — Австралия (2015 г.); Коста-Рика — Колумбия (2016 г.); Россия⁴³ — Вьетнам (2016 г.); Япония — Монголия (2016 г.); Корея — Колумбия (2016 г.); Тихоокеанский Альянс⁴⁴ (2016 г.); Перу — Гондурас (2017 г.); ВПТТП (2018 г.); Гонконг — Макао (2018 г.); АСЕАН — Гонконг (2019 г.); Корея — Центральная Америка (2019 г.)⁴⁵; ЗСТ Чили — Индонезия (2019 г.); Перу — Австралия (2020 г.); Гонконг — Австралия (2020 г.); Индонезия — Австралия (2020 г.); Тихоокеанское соглашение о тесных экономических отношениях⁴⁶ (2020 г.); США — Мексика — Канада (ЮСМКА) (2020 г.); ВРЭП (2022 г.).

Поверхностные интеграционные соглашения (*NONDTA*) между странами АТР включали: ТС Центральноамериканский общий рынок⁴⁷ (1961–2012 гг.); ЧТС Протокол о торговых переговорах⁴⁸ (1973 г.); ЧТС Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение⁴⁹ (1976 г.); ЗСТ Австралия — Папуа-Новая Гвинея (1977 г.); ЧТС+ Латиноамериканская ассоциация интеграции⁵⁰ (1981 г.); ЧТС Южнотихоокеанское соглашение о региональной торговле и экономиче-

ском сотрудничестве⁵¹ (1981 г.); ЧТС Эквадор — Мексика (1983 г.); ТС Андское сообщество наций⁵² (1988 г.); ЧТС Глобальная система торговых преференций⁵³ (1989 г.); ЧТС Лаос — Таиланд (1991–1994 гг.); ЗСТ АСЕАН (1992–1994 г.); ЧТС Меланезийская инициативная группа⁵⁴ (1994 г.); ЧТС Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение — КНР (2002 г.)⁵⁵; ЗСТ Торговое соглашение между островными тихоокеанскими странами⁵⁶ (2003 г.); ТС Центральная Америка — Панама (2013 г.); ЧТС Сальвадор — Эквадор (2017 г.); ЗСТ+ Бруней — Япония (только 2008 г.); ЗСТ+ Япония — Индонезия (только 2008 г.); АСЕАН — Япония (только 2008 г.)⁵⁷.

Суммарный показатель, отражающий принадлежность интеграционных соглашений к глубоким и поверхностным форматам, — *РТА*. Во избежание получения некорректных оценок (Baldwin, Taglioni, 2007) стоимостные показатели, отражающие обоюдную и внутреннюю торговлю, а также накопленные ПИИ и внутренние отечественные инвестиции были представлены в текущих ценах (Изотов, 2023с).

⁵¹ Австралия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Тонга, Фиджи. ЧТС Австралия, Новая Зеландия — Тонга (до 2020 года).

⁵² Колумбия, Эквадор — Перу (до 2016 года).

⁵³ Вьетнам, Индонезия, Колумбия, Корея, Малайзия, Мексика, Мьянма, Никарагуа, Перу, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Чили, Эквадор. Чили — Индонезия (до 2019 года); Чили — Корея (до 2003 года); Чили — Малайзия (до 2011 года); Чили — Мексика (до 1999 года); Чили — Сингапур (до 2005 года); Чили — Таиланд (до 2015 года); Чили — Вьетнам (до 2013 года); Колумбия — Чили (до 2008 года); Колумбия — Корея (до 2016 года); Колумбия — Мексика (до 1994 года); Колумбия — Перу (до 2013 года); Индонезия — Чили (до 2019 года); Индонезия — Корея (до 2008 года); Корея — Малайзия (до 2008 года); Индонезия — Мьянма (до 2008 года); Корея — Никарагуа (до 2019 года); Корея — Перу (до 2011 года); Корея — Филиппины (до 2008 года); Корея — Сингапур (до 2005 года); Корея — Таиланд (до 2008 года); Корея — Вьетнам (до 2008 года); Малайзия — Мексика (до 2018 года); Малайзия — Перу (до 2018 года); Мексика — Никарагуа (до 2012 года); Мексика — Перу (до 2011 года); Мексика — Сингапур (до 2018 года); Мексика — Вьетнам (до 2018 года); Перу — Сингапур (до 2009 года); Перу — Вьетнам (до 2018 года).

⁵⁴ Папуа-Новая Гвинея, Фиджи.

⁵⁵ КНР — Корея (2002 — 2015 гг.); КНР — Лаос (2002–2004 гг.).

⁵⁶ Папуа-Новая Гвинея, Тонга, Фиджи. ЗСТ Папуа-Новая Гвинея — Тонга (до 2020 года).

⁵⁷ Япония — Лаос (только 2008 г.).

⁴³ Как страна-участница Евразийского экономического союза.

⁴⁴ Колумбия, Мексика, Перу, Чили.

⁴⁵ Панама — Корея (2021 г.).

⁴⁶ Австралия, Новая Зеландия, Тонга.

⁴⁷ Коста-Рика — Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор (до 2001 года); Коста-Рика — Панама (до 2008 года); Сальвадор — Панама (до 2002 года); Никарагуа — Панама (до 2009 года).

⁴⁸ Корея, Мексика, Перу, Чили, Филиппины. ЧТС Мексика — Чили (до 1999 года).

⁴⁹ Корея — Лаос (до 2008 года).

⁵⁰ Мексика — Перу (до 2011 года); Чили—Эквадор (1981 г.); Эквадор — Колумбия (до 2016 года); Чили—Колумбия (до 2009 года); Чили—Перу (до 2008 года); Мексика — Колумбия (до 1994 года); Мексика — Чили (до 2000 года).

В случае если интеграционное соглашение вступило в силу в первом полугодии текущего года, оно было отнесено к текущему году, если во втором, то к следующему (Изотов, 2023с). Для облегчения получения количественных оценок рассматривались интервальные значения панельных данных с лагом в пять лет (1992 г.⁵⁸, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2015, 2019 и 2023 гг.). В результате настоящее исследование охватывает 11502 наблюдения.

Результаты оценки

Проведенная оценка подтвердила стимулирующее воздействие рассматриваемых соглаше-

ний на торговлю между странами АТР в рамках процесса регионализации. Страны, которые заключили интеграционные соглашения (*ПТА*), торговали на 21,9% больше по сравнению с теми национальными экономиками, которые их не заключали. Однако влияние на приток ПИИ интеграционных соглашений без их разделения на глубокие и поверхностные не было статистически значимым, указывая на инвариантность влияния данного инструмента внешнеэкономической политики для активизации инвестиционных взаимодействий между странами АТР (*табл. 1*).

Таблица 1. Результаты оценок (3) и (4)

Переменная	X			FDI		
	1	2	3	4	5	6
<i>ПТА</i>	0,20*** (0,05)	–	–	0,08 (0,10)	–	–
<i>ДТА</i>	–	0,14*** (0,05)	–	–	0,21** (0,09)	
<i>NONDTA</i>	–	–	0,38*** (0,17)	–	–	-0,65*** (0,23)
Δ , %	21,9	15,5	46,0	–	23,6	-47,5
<i>INTL</i> ₁₉₉₂	-0,78*** (0,06)	-0,81*** (0,06)	-0,90*** (0,06)	1,50*** (0,12)	1,57*** (0,12)	1,47*** (0,10)
<i>INTL</i> ₁₉₉₅	-0,52*** (0,06)	-0,54*** (0,06)	-0,60*** (0,05)	0,19* (0,10)	0,24** (0,09)	0,22** (0,09)
<i>INTL</i> ₁₉₉₉	-0,37*** (0,05)	-0,38*** (0,05)	-0,45*** (0,05)	-0,03 (0,10)	-0,02 (0,10)	-0,05 (0,10)
<i>INTL</i> ₂₀₀₃	-0,37*** (0,05)	-0,38*** (0,05)	-0,45*** (0,04)	-0,26*** (0,08)	-0,20** (0,08)	-0,21** (0,08)
<i>INTL</i> ₂₀₀₇	-0,31*** (0,05)	-0,32*** (0,05)	-0,40*** (0,05)	-0,05 (0,08)	-0,05 (0,08)	-0,05 (0,09)
<i>INTL</i> ₂₀₁₁	-0,37*** (0,04)	-0,37*** (0,04)	-0,41*** (0,04)	-0,01 (0,06)	-0,03 (0,06)	-0,03 (0,07)
<i>INTL</i> ₂₀₁₅	-0,29*** (0,04)	-0,30*** (0,04)	-0,33*** (0,04)	-0,17*** (0,05)	-0,13** (0,05)	-0,14** (0,05)
<i>INTL</i> ₂₀₁₉	-0,23*** (0,03)	-0,24*** (0,03)	-0,26*** (0,04)	-0,04 (0,06)	-0,03 (0,06)	-0,03 (0,06)
Константа	15,67*** (0,57)	10,06*** (0,61)	10,23*** (0,52)	20,01*** (0,22)	12,59*** (0,31)	10,64*** (0,33)
Pseudo log-likelihood	-1,86e+12	-1,86e+12	-1,86e+12	-3,03e+12	-3,04e+12	-3,07e+12
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET-test	0,28	0,37	0,08	0,02	0,02	0,02

Примечания. 1–3 – разные зависимости в рамках модели (3); 4–6 – разные зависимости в рамках модели (4).
* p < 0,10; ** p < 0,05; *** p < 0,01; автокорреляция учитывалась в форме расчета Ньюи-Веста; в скобках указаны значения стандартных ошибок; INTL отражает значения эффекта границ, 2023 год является базовым. Здесь и далее показатель Δ рассчитан как $(e^{\beta}-1) \times 100\%$.
Источник: расчеты автора.

⁵⁸ Является единственным исключением, поскольку между 1992 и 1995 годами интервал составляет четыре года. Данный год был добавлен для учета влияния соглашений до создания ВТО.

Следует заметить, что поверхностные интеграционные соглашения (*NONDTA*) способствовали значительному увеличению торговли между странами АТР в долгосрочном периоде — в среднем на 46,0%, при этом сдерживая на 47,5% приток ПИИ. Полученные оценки указывают на то, что в рамках поверхностных интеграционных соглашений наблюдалось вытеснение инвестиционных потоков между странами региона за счет стимулирования исключительно торговли. В свою очередь страны АТР, создавшие друг с другом глубокие интеграционные соглашения (*DTA*), увеличили обоюдную торговлю в среднем на 15,5%, а приток ПИИ — на 23,6%. Исходя из этого, глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая в целом на создание условий для комплементарности между торговлей и ПИИ в регионе при более продвинутых форматах экономического сближения. Данная комплементарность в явном виде указывает на создание в АТР вертикальных форм ПИИ для стимулирования торговли промежуточными товарами в рамках производственного процесса между различными странами для выпуска готовой продукции со сравнительно низкими издержками. Это подтверждается, в частности, оценками, полученными для ключевых стран и объединений Восточной Азии — КНР, Японии, Кореи и АСЕАН (Изотов, 2023b; Li, Kawasaki, 2014; Whalley, 2017).

Помимо снижения общих рисков для инвестирования, привлечение ПИИ требует нивелирования различного рода барьеров доступа в те или иные национальные экономики, что может быть достигнуто при глубоких интеграционных форматах для последующего развития сравнительных преимуществ стран в рамках стратегии расширения экспорта товаров. При этом, однако, как показали оценки, долгосрочный накопленный торговый эффект поверхностных интеграционных соглашений был выше, чем глубоких интеграционных соглашений. Данное обстоятельство может быть объяснимо как минимум двумя причинами. Во-первых, освоение за счет притока ПИИ национальных рынков стран-реципиентов в некоторой степени подавляло экспорт товаров из

стран-доноров прямых инвестиций. Во-вторых, специфика временного периода функционирования двух типов интеграционных соглашений: глубокие интеграционные соглашения заключались в 2000-е гг., в то время как поверхностные интеграционные соглашения снижали торговые барьеры между странами АТР задолго до этого.

Проведенная оценка указала на отличие динамики сравнительных совокупных издержек (*INTL*) для торговли и инвестиций при взаимодействиях между странами АТР. Для торговли наблюдалась в целом поступательная динамика сокращения издержек, которые снизились к 2023 году по отношению к 1992 году на 54%, т. е. $(e^{-0,78}-1) \times 100\%$. Для всех анализируемых лет коэффициенты при переменной *INTL* были статистически значимыми, что указывает на стремление всех стран выборки к свободной торговле товарами в АТР (Изотов, 2023b). В свою очередь издержки инвестиционных взаимодействий между странами АТР снижались не так однозначно, как в случае торговли. Оценки показали более низкие значения издержек инвестиционных взаимодействий в первой половине 1990-х гг. по сравнению с 2023 годом, поскольку отношение ПИИ к внутренним отечественным капиталовложениям в последнее десятилетие XX века было выше, чем в последующие рассматриваемые годы. Статистическая незначимость переменной *INTL* для инвестиционных взаимодействий в некоторые рассматриваемые годы могла быть вызвана искажающим воздействием внешнеполитической конфронтации в АТР, а также трансформацией производственной кооперации в связи с переходом ряда экономик региона от торговли промежуточными товарами к товарообмену готовой продукцией (Изотов, 2023b). Тем не менее, отталкиваясь от статистически значимых оценок переменной *INTL*, к 2023 году наблюдалось сокращение барьеров притока ПИИ относительно начала 2000-х гг. и середины 2010-х гг., что свидетельствует о некотором сближении экономик АТР в рамках инвестиционных взаимодействий.

Далее для торговли и инвестиций были получены оценки совокупного накопленного эффекта интеграции между странами АТР (табл. 2).

Таблица 2. Результаты оценок (1) и (2) и разница между эффектами

Переменная	X			FDI		
	1	2	3	4	5	6
PTA	0,60*** (0,04)	–	–	0,01 (0,10)	–	–
DTA	–	0,57*** (0,05)	–	–	0,21** (0,09)	–
NONDTA	–	–	0,81*** (0,17)	–	–	-0,49** (0,23)
Δ, %	82,1	76,6	125,1	–	23,6	-38,9
Константа	9,77*** (0,47)	14,87*** (0,36)	15,29*** (0,48)	23,03*** (0,41)	16,64*** (0,72)	20,79*** (0,82)
Pseudo log-likelihood	-2,09e+12	-2,11e+12	-2,31e+12	-3,30e+12	-3,31e+12	-3,34e+12
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
RESET-test	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01
Эффект глобализации, %	60,2	61,1	79,1	–	0	8,6

Примечания. 1–3 – разные зависимости в рамках модели (1); 4–6 – разные зависимости в рамках модели (2).
 p < 0,05; *p < 0,01; автокорреляция учитывалась в форме расчета Ньюи-Веста; в скобках указаны значения стандартных ошибок.
 Эффект глобализации рассчитан как разница между совокупным накопленным эффектом интеграции (табл. 2) и накопленным эффектом интеграции (Δ, %; табл. 1).
 Источник: расчеты автора.

С точки зрения направленности реакций оценки совокупного накопленного эффекта интеграции между странами АТР выявили положительное влияние на торговлю интеграционных соглашений в целом (*PTA*), глубоких (*DTA*) и поверхностных (*NONDTA*) интеграционных соглашений, которое заметно превосходило непосредственное воздействие данных соглашений в рамках процесса регионализации (см. табл. 1). В свою очередь для инвестиционных взаимодействий совокупный накопленный эффект интеграции (см. табл. 2) был сопоставим с аналогичным показателем непосредственного влияния интеграционных соглашений на обмен капиталом (см. табл. 1). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что процесс глобализации заметно стимулировал только торговые взаимодействия и в целом инвариантно воздействовал на потоки прямых инвестиций между странами АТР, подписавшими интеграционные соглашения. При этом процесс глобализации хотя и смягчал негативное влияние поверхностных интеграционных соглашений на обмен ПИИ между странами АТР, но несущественно. Необходимо учитывать, что в мировой экономике торговля товарами стимулируется ВТО, а для прямых инвестиций такого рода интеграционного формата

не существует⁵⁹. Поэтому полученные оценки дают основание утверждать, что в рамках проблематики снижения барьеров инвестиционные взаимодействия в АТР определялись глубокими интеграционными соглашениями, требующими обоюдного эндогенного снижения ограничений для потоков капитала. При прочих равных условиях в случае отсутствия подобного рода интеграционных соглашений долгосрочные ожидания притока ПИИ в страны АТР в целом были безосновательными, в отличие от торговых взаимодействий, которые стимулировались в том числе глобальной экономической конъюнктурой и членством экономик в ВТО.

Заключение

В связи с отсутствием возможностей создания более продвинутых форм интеграции на глобальном уровне стали все более отчетливо выделяться две крупные группы интеграционных соглашений – поверхностные и глубокие. Значительное распространение интеграционных соглашений наблюдается в АТР, занимающем лидирующее место в мире по размеру

⁵⁹ Всемирный банк, МВФ и субглобальные банки развития осуществляют сравнительно небольшие объемы прямых инвестиций исключительно как международные организации, а не в рамках двусторонних взаимодействий между странами.

экономики, торговли и ПИИ. Обмен товарами и прямым капиталом в рамках АТР является основным источником внешнеэкономических взаимодействий стран региона благодаря снижению различного рода барьеров, в том числе в связи с заключением двух- и многосторонних глубоких и поверхностных интеграционных соглашений. Вплоть до начала 2000-х гг. основную роль в рамках процесса регионализации в АТР играли поверхностные интеграционные соглашения, а с первой половины 2000-х гг. — глубокие интеграционные соглашения. При этом оценки долгосрочного сравнительного влияния интеграционных соглашений на торговые и инвестиционные взаимодействия в АТР изучены недостаточно полно. Поэтому в настоящем исследовании на основе гравитационного моделирования были оценены накопленные эффекты поверхностных и глубоких интеграционных соглашений, поскольку в долгосрочном периоде их воздействие на торговлю и приток ПИИ является отложенным.

Полученные оценки указали на стимулирующее воздействие любых интеграционных соглашений на торговлю между странами АТР, способствующее ее увеличению в среднем на 21,9% при инвариантности их влияния на приток ПИИ. Поверхностные интеграционные соглашения между странами АТР снижали приток ПИИ на 47,5% и способствовали увеличению торговли на 46% в среднем за период. В свою очередь страны АТР, заключившие глубокие интеграционные соглашения, увеличили обоюдную торговлю на 15,5%, а приток ПИИ — на 23,6%. Исходя из этого, в рамках АТР для целей притока ПИИ поверхностные и глубокие интеграционные соглашения конфликтовали друг с другом. Долгосрочный накопленный торговый эффект первых был выше, чем вторых. Данный парадокс объясняется подавлением прямых инвестиций торговлей товарами, а также более длительным функционированием поверхностных интеграционных соглашений. Тем не менее глубокие интеграционные соглашения стимулировали обмен и товарами, и прямым капиталом между странами АТР, указывая на создание в регионе условий для комплементарности между торговлей и ПИИ в рамках более продвинутых форматов сближения для снижения издержек производственной кооперации.

Как показала оценка совокупного накопленного эффекта интеграции, процесс глобализации заметно стимулировал только торговые взаимодействия и в целом инвариантно воздействовал на потоки прямых инвестиций между странами АТР, заключившими интеграционные соглашения. Поэтому в рамках проблематики снижения барьеров во взаимодействиях между экономиками АТР инвестиционные взаимодействия определялись глубокими интеграционными соглашениями, требующими обоюдного снижения ограничений для потоков капитала между странами. Стратегия пассивного ожидания притока ПИИ в страны АТР в надежде на благоприятную глобальную экономическую конъюнктуру в долгосрочной перспективе в целом была неэффективной, в отличие от торговли, которая стимулировалась в том числе членством стран в ВТО. Данное обстоятельство указывает на то, что обмен прямыми инвестициями в АТР был более требовательным к имеющимся барьерам экономических взаимодействий, а также менее гибким и более индивидуальным по отношению к странам-реципиентам ПИИ в отличие от торговли.

Оценка совокупного накопленного эффекта интеграции также указала на отличие динамики сравнительных совокупных издержек для торговли и инвестиций при взаимодействиях между странами АТР. Для торговых взаимодействий наблюдалась в целом поступательная динамика сокращения издержек. В свою очередь издержки для инвестиционных взаимодействий между странами снижались не так однозначно, как в случае торговли. Тем не менее к 2023 году наблюдалось сокращение барьеров притока ПИИ относительно начала 2000-х гг. и середины 2010-х гг., что указывает в определенной мере на сближение экономик в рамках инвестиционных взаимодействий.

Полученные оценки для АТР в целом дают основание утверждать, что сформированный каркас интеграционных соглашений как глобального, так и регионального уровня будет поддерживать торговые отношения на основе сочетания принципов «политической» лояльности и экономической целесообразности при заключении глубоких интеграционных форматов между странами региона. Одновременное участие стран в «прокитайском» и «проамери-

канском» торговых форматах сглаживает будущие разногласия между странами региона, сдерживая процесс фрагментации в АТР (Wei et al., 2022; Park, 2020). Важным аспектом в интенсификации привлечения прямых инвестиций из-за рубежа в рамках глубоких интеграционных соглашений, по всей видимости, может стать их качественное содержание (Osnago et al., 2019). Долгосрочное стимулирование притока ПИИ в страны АТР может основываться на сочетании стратегии снижения различного рода эндогенных рисков для инвестирования и заключения глубоких интеграционных форматов для последующего развития сравнительных преимуществ стран с целью перспективного усиления их экспортной специализации и расширения емкости внутренних рынков.

Следует заметить, что Россия, как одна из стран АТР, была преимущественно реципиентом ПИИ от экономик данного региона. В условиях введенных широкомасштабных санкций в 2022 году прежний объем поступлений ПИИ из стран АТР в российскую экономику значительно сократился при сохранении торговли в основном с дружественными странами региона, а также в рамках товарных ниш, на которые не распространились указанные ограничения. До введения широкомасштабных санкций Россия не создала сеть глубоких интеграционных соглашений со странами АТР, за исключением единственной ЗСТ+ с Вьетнамом.

По этой причине в новых условиях привлечение ПИИ в российскую экономику на основе механизмов регионализации является довольно проблематичным, особенно в условиях возможного введения вторичных санкций со стороны западных стран. Для заметного увеличения российского экспорта сырьевых товаров, по всей видимости, интеграционные соглашения не будут столь эффективны, как для экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, выпуск которых нуждается в зарубежных технологиях и капитале для участия в международной производственной кооперации. При этом, как показывают оценки (Kimura et al., 2021), снижение торговых и инвестиционных барьеров в рамках реализации интеграционных соглашений между странами АТР в среднесрочной перспективе будет положительно влиять на экономические показатели стран региона, поддерживая высокий спрос на импорт сырьевых товаров, в частности поступающих из России на китайский рынок. Результаты исследования указывают на необходимость поддержания Россией как минимум чистого экспорта товаров, переключившись на внутренние источники финансирования и создания эксклюзивных условий для прямых капиталовложений из-за рубежа, как максимум привлечения капитала из дружественных стран АТР, в том числе на основе создания с ними глубоких интеграционных соглашений.

Литература

- Афонцев С.А. (2020). Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9
- Изотов Д.А. (2020). Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5
- Изотов Д.А. (2023а). Влияние географических факторов в расширении торговых взаимодействий между странами (на примере АТР) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 38–54. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.2
- Изотов Д.А. (2023б). Отраслевой аспект расширения торговли в Западной макроне АТР: роль глобальных форматов // Пространственная экономика. Т. 19. № 4. С. 117–144. DOI: 10.14530/se.2023.4.117-144
- Изотов Д.А. (2023с). Участие стран в ГАТТ/ВТО и торговля в АТР: оценка долгосрочных эффектов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 3. С. 48–73. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-03-03
- Изотов Д.А. (2024). Приток прямых иностранных инвестиций в страны АТР: влияние политических и экономических рисков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4. С. 136–150. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/136-150

- Потапов М. (2025). Обострение противоречий между КНР и США и перспективы двусторонних экономических отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 69. № 6. С. 92–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102
- Aiyar S., Malacrino D., Presbitero A.F. (2024). Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. *European Journal of Political Economy*, 83, 102508. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2024.102508
- Anderson J.E., Larch M., Yotov Y.V. (2019). Trade and investment in the global economy: A multi-country dynamic analysis. *European Economic Review*, 120, 103311. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2019.103311.
- Baldwin R., Ruta M. (2025). *The State of Globalisation*. CEPR Press. International Monetary Fund. Available at: https://cepr.org/system/files/publication-files/255049-the_state_of_globalisation.pdf
- Baldwin R., Taglioni D. (2007). Trade effects of the Euro: A comparison of estimators. *Journal of Economic Integration*, 22, 780–818. DOI: 10.11130/jei.2007.22.4.780
- Bollard A., Mayes D. (1992). Regionalism and the Pacific Rim. *Journal of Common Market Studies*, 30, 195–210. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1992.tb00427.x
- Borghi E., Helg R., Tajoli L. (2024). How deep is the impact of deep trade agreements? An empirical analysis on a large sample. *Italian Journal of Economic, Demographic and Statistical Studies*, LXXVIII, 207–218. DOI: 10.71014/sieds.v78i3.311
- Bouët A., Berisha-Krasniqi V., Estrades C., Laborde D. (2012). Trade and investment in Latin America and Asia: Perspectives from further integration. *Journal of Policy Modeling*, 34, 193–210. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2011.09.004
- Campos R.G., Timini J., Vidal E. (2021). Structural gravity and trade agreements: Does the measurement of domestic trade matter? *Economics Letters*, 208, 110080. DOI: 10.1016/j.econlet.2021.110080
- Chaisse J., Hsieh P.L. (2023). Rethinking Asia-Pacific regionalism and new economic agreements. *Asia Pacific Law Review*, 31, 451–468. DOI: 10.1080/10192557.2023.2216056
- Ing L.Y., Richardson M., Urata S. (2019). *East Asian Integration Goods, Services and Investment*. Routledge-ERIA Studies in Development Economics. Routledge. Available at: <https://www.eria.org/research/east-asian-integration-goods-services-and-investment>
- Hassan A.S. (2022). Does country risk influence foreign direct investment inflows? A case of the Visegrád Four. *Economies*, 10, 1–22. DOI: 10.3390/economies10090221
- Herz B., Wagner M. (2011). The dark side of the generalized system of preferences. *Review of International Economics*, 19, 763–775. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2011.00980.x
- Hummels D., Ishii J., Yi K.M. (2001). The nature and growth of vertical specialization in world trade. *Journal of International Economics*, 54, 75–96. DOI: 10.1016/S0022-1996(00)00093-3
- Jackson K., Shepotylo O. (2023). Transforming East Asia: Regional integration in a trade war era. *Open Economies Review*, 34, 657–672. DOI: 10.1007/s11079-022-09698-y
- Kawasaki K. (2014). The relative significance of EPAs in Asia-Pacific. In: *RIETI. Discussion Paper Series 14-E-009*. Available at: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/14e009.pdf>
- Kimura F., Pangestu M., Thangavelu S.M., Findlay C. (2021). Handbook on East Asian economic integration. In: *Edward Elgar Publishing. Issue 18644*. Available at: <https://www.elgaronline.com/edcollbook/edcoll/9781788975155/9781788975155.xml>
- Kox H.L.M., Rojas-Romagosa H. (2019). Gravity estimations with FDI bilateral data: Potential FDI effects of deep preferential trade agreements. *EUI Working Paper RSCAS*, 2019/70. Available at: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/64229>
- Kox H.L.M., Rojas-Romagosa H. (2020). How trade and investment agreements affect bilateral foreign direct investment: Results from a structural gravity model. *The World Economy*, 43, 3203–3242. DOI: 10.1111/twec.13002
- Lakatos C., Walmsley T. (2012). Investment creation and diversion effects of the ASEAN–China free trade agreement. *Economic Modelling*, 29, 766–779. DOI: 10.1016/j.econmod.2012.02.004
- Larch M., Shikher S., Yotov Y.V. (2025). *Estimating Gravity Equations: Theory Implications, Econometric Developments, and Practical Recommendations*. Center for Global Policy Analysis. LeBow College of Business. Drexel University. CGPA Working Paper 2025-01. Available at: <https://www.lebow.drexel.edu/sites/default/files/2025-01/wp2025001-gravity-equations.pdf>

- Larch M., Yotov Y.V. (2023). Deep trade agreements and FDI in partial and general equilibrium: A structural estimation framework. *The World Bank Policy Research Working Papers*, 10338. DOI: 10.1596/1813-9450-10338
- Larch M., Yotov Y.V. (2024). Regional trade agreements: What do we know and what do we miss? *FIW Policy Brief*, 64. Available at: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2024/10/64_FIW_PB_LarchYotov.pdf
- Li C., Whalley J. (2017). How close is Asia already to being a trade bloc? *Journal of Comparative Economics*, 45, 847–864. DOI: 10.1016/j.jce.2016.08.001
- Martínez-Galán E., Fontoura M.P. (2019). Global value chains and inward foreign direct investment in the 2000s. *The World Economy*, 42, 175–196. DOI: 10.1111/twec.12660
- Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2022). Trade creation and trade diversion in deep agreements. *Canadian Journal of Economics*, 55, 1598–1637. DOI: 10.1111/caje.12611
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). The evolution of deep trade agreements. *Handbook of Deep Trade Agreements*, 1–43. Available at: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/685311594363725995/handbook-of-deep-trade-agreements>
- Osnago A., Rocha N., Ruta M. (2019). Deep trade agreements and vertical FDI: The devil is in the details. *Canadian Journal of Economics*, 52, 1558–1599. DOI: 10.1111/caje.12413
- Park C.-Y., Petri P.A., Plummer M.G. (2021). The Economics of Conflict and Cooperation in the Asia-Pacific: RCEP, CPTPP and the US-China Trade War. *East Asian Economic Review*, 25, 233–272. DOI:10.11644/KIEP.EAER.2021.25.3.397
- Park I. (2020). Regional trade agreements in East Asia: Past and future. *Development Policy Review*, 38, 206–225. DOI: 10.1111/dpr.12418
- Park S. (2025). Uncertainty, deep regional trade agreements, and global value chain trade. *East Asian Economic Review*, 29, 243–267. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2025.29.2.449.
- Petri P.A., Abdul-Raheem A. (2014). Can RCEP and the TPP be pathways to FTAAP? *SSRN*, 21. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2513893>
- Pomfret R., Sourdin P. (2009). Have Asian trade agreements reduced trade costs? *Journal of Asian Economics*, 20, 255–268. DOI: 10.1016/j.asieco.2009.02.007
- Ravenhill J. (2006). US and EU regionalism: The case of the Western Pacific Rim. *The International Trade Journal*, 20, 219–261. DOI: 10.1080/08853900600620191
- Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. (2006). The log of gravity. *Review of Economics and Statistics*, 88, 641–658. DOI: 10.1162/rest.88.4.641
- Steenbergen V., Liu Y., Latorre M.P., Zhu X. (2022). *The World Bank's Harmonized Bilateral FDI Databases: Methodology, Trends, and Possible Use Cases*. The World Bank, 2022/05/31. Available at: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/099800006252213235>
- Wei J., Gao Y., Elahi E. (2022). China's integration in the Asia-Pacific regional economic cooperation. *Frontiers in Psychology*, 13, 951413. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.951413
- Yotov Y.V. (2022). Gravity at sixty: The workhorse model of trade. *CESifo Working Paper*, 9584. DOI: 10.2139/ssrn.4037001
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. (2016). *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*. United Nations and World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtounctad2016_e.pdf

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov80@yandex.ru)

Izotov D.A.

Trade and Investment Interactions in the Asia-Pacific Region: Effects of Integration Agreements

Abstract. The aim of the work is to provide a long-term assessment of the impact of integration agreements on trade and investment interactions between Asia-Pacific countries in 1992–2023. It is determined that the Asia-Pacific region accounts for the largest share of trade and investment interactions worldwide, with intraregional trade in goods and direct capital flows being the main source. The study shows that, in terms of reducing trade and economic barriers between countries, integration agreements can be classified into shallow and deep agreements, with the Asia-Pacific region taking the lead in their creation. Based on a database compiled from various sources on trade and capital flows between Asia-Pacific countries, and using gravity modeling, the long-term cumulative effects of shallow and deep integration agreements on trade and the inflow of accumulated foreign direct investment (FDI) are estimated. The general stimulating effect of integration agreements on trade among Asia-Pacific countries was identified as increasing trade by an average of 21.9%, while their influence on FDI inflow was found to be invariant. We found that shallow integration agreements between Asia-Pacific countries reduced FDI inflows by 47.5% and promoted trade growth by 46.0%; as for deep integration agreements, they increased trade volumes between Asia-Pacific countries by 15.5% and FDI inflows by 23.6%. It was shown that, within the Asia-Pacific region, shallow and deep integration agreements conflicted with each other in terms of attracting FDI. Due to the suppression of FDI inflows by trade in goods and the longer duration of shallow agreements, their long-term cumulative trade effect was greater than that of deep agreements. Deep integration agreements encouraged both trade and direct capital flows between Asia-Pacific countries, pointing to the creation of conditions for complementarity between trade and FDI within more advanced formats of economic convergence aimed at reducing production cooperation costs. Unlike trade, FDI exchange in the Asia-Pacific region proved to be more sensitive to existing barriers to economic interaction and less flexible toward recipient countries of such investments.

Key words: trade, foreign direct investment, deep integration agreements, shallow integration agreements, gravity model, integration effect, globalization, regionalization, Asia-Pacific region.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 20.07.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

УДК 338.24, ББК 65.05, 65.049

© Тарасова О.В., Исупова Е.Н.

Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР

Ольга Владиславовна

ТАРАСОВА

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН

Новосибирский национальный исследовательский университет

Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: tarasova.o.vl@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3523-7641; ResearcherID: C-1915-2015

Екатерина Николаевна

ИСУПОВА

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН

Новосибирский национальный исследовательский университет

Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: e.meitenisova@g.nsu.ru

ORCID: 0000-0003-3931-3373; ResearcherID: R-9972-2017

Аннотация. В КНР наблюдается выраженная межрегиональная дифференциация по различным показателям социально-экономического развития: по населению, уровню дохода, образования и др. Исследование возможностей управления пространственным неравенством в рамках государственной региональной политики определяет потребность в разработке подхода для комплексной оценки социально-экономического развития провинций, учитывающего возможности государственного воздействия на отдельные показатели, анализе межрегиональной дифференциации полученной оценки в динамике. Цель статьи — получение количественной оценки результатов региональной политики по провинциям КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства. В основе применяемой методики — расчет сводного индекса

Для цитирования: Тарасова О.В., Исупова Е.Н. (2025). Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 230–248. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

For citation: Tarasova O.V., Isupova E.N. (2025). Interregional differentiation and analysis of spatial inequality governance performance in China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 230–248. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

результатов региональной политики для 31 провинции КНР в разрезе периодов 2016–2019 и 2020–2023 гг. с учетом 55 показателей социально-экономического развития. Показатели сгруппированы по 8 ключевым блокам: Безопасность; Здравоохранение; Образование, наука и инновации; Социальная поддержка; Спорт и культура; Транспорт; Экология; Экономическое развитие. Расчеты показали, что более высокие результаты продемонстрировали преимущественно восточные и центральные провинции КНР. Коэффициент Джини по сводному индексу снизился до 0,4 по сравнению с 0,426 в период 2016–2019 гг., что говорит о снижении пространственного неравенства в КНР в результате реализации мер региональной политики. Наиболее заметен был отрыв лидеров от основной массы провинций в блоках Экология; Образование, наука и инновации; Спорт и культура; Здравоохранение. Более равномерно развиты в КНР блоки Социальная поддержка и Транспорт. В период пандемии заметно сократилась дифференциация по блокам Экономическое развитие; Спорт и культура; Здравоохранение. Показано, что индекс результатов региональной политики выше в экономически более развитых провинциях КНР и ниже в больших по площади. Ключевым фактором успеха является также вовлеченность в проекты пространственной интеграции национального уровня. Полученные результаты вносят вклад в представление о существующей дифференциации регионального развития в КНР и могут быть полезны при определении контуров региональной политики КНР на перспективу, разработке и реализации мер по выравниванию уровня социально-экономического развития провинций.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, пространственное неравенство, региональная политика, комплексная оценка, показатели, провинции, индексы, рейтинг провинций.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2 (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Введение

На сегодняшний день в КНР наблюдается достаточно выраженная межрегиональная дифференциация – в стране сохраняется неравенство между центральными, восточными и западными провинциями. При этом в различных исследованиях отмечается не только неравенство в распределении подушевых доходов (Candelaria et al., 2010), но и в уровне развития медицины, образования (Wan et al., 2023) и в сфере экологии (Liu et al., 2018).

Региональное неравенство может приводить к различным негативным последствиям: замедлению темпов долгосрочного экономического роста, возникновению несовершенств рынка (Alesina, Perotti, 1996), ухудшению состояния институциональной среды и росту политической напряженности (Perotti, 1996; Ippolito, Cicatiello, 2019), ограничению мобильности физического и человеческого капитала (Magrini, 2004).

Возникает закономерный вопрос о возможностях государственной региональной политики¹ в снижении межрегиональной дифференциации по различным показателям социально-экономического развития территорий.

Современная региональная политика в КНР основывается на стремлении к обеспечению равномерного развития с учетом возможностей и потребностей территориальных образований. Однако успехи в рамках этого подхода еще предстоит оценить.

В становлении современных принципов регионального развития в КНР можно выделить четыре ключевых этапа (Huang et al., 2023). Первый этап (с 1949–1978 гг.) отражает прин-

¹ В контексте данного исследования под региональной политикой понимается совокупность различных направлений деятельности государства, которые существенным образом влияют на рост и развитие отдельных территорий (регионов) страны.

ципы ранней сбалансированной региональной политики. Ее целью было обеспечить стабильное развитие территорий за счет промышленного сектора. Второй период (с 1978–1995 гг.) совпал с политикой «открытости» экономики, когда Китай стремился активно развивать торговые отношения с различными странами на фоне стремительного роста мировой экономики, импульс развития получили портовые провинции. Дифференциация экономического развития усилилась, политику данного периода называют несбалансированной. Третий этап пришелся на период 1995–2013 гг., региональная политика снова стала стремиться к обеспечению сбалансированного развития регионов, но при этом стали появляться современные концепции скоординированного развития – стремление учитывать потребности и возможности отдельных провинций страны. Наконец, четвертый этап, начавшийся в 2013 году, характеризуется принципами сбалансированного и скоординированного регионального развития (Huang et al., 2023). Эти принципы находят отражение в создании полюсов роста из провинций страны или отдельных городов, различающихся по уровню экономического развития, но объединенных для решения определенной проблемы или создания определенного импульса развития для всей экономики в целом.

Цель настоящей статьи – получение количественной оценки результатов региональной политики по провинциям КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства.

Теоретическая основа исследования

Однозначного подхода к эмпирической оценке региональной политики на сегодняшний день не существует, поскольку выбор системы показателей и их весов для расчета результирующего показателя должны учитывать национальные особенности экономики, приоритеты развития и доступность статистической информации. J. Hoerner и P. Stephenson предложили систематизацию существующих подходов к эмпирической оценке политики регионального развития, выделяя эконометрические статистические методы оценки; методы на основе макроэкономического моделирования; качественный анализ на основе отдельных кейсов и многофакторный микроэкономический анализ (Hoerner, Stephenson, 2012).

Применение любого из упомянутых подходов требует учета большого набора показателей. Разнообразие мер и направлений региональной политики обуславливает задачу подбора показателей, в наибольшей степени отражающих наблюдаемые результаты их реализации. Получаемая комплексная оценка должна учитывать показатели, на которые государство может оказывать прямое или косвенное влияние.

Оценка региональной политики не имеет универсальных стандартов, поскольку определяется уникальными для каждой страны внутренней логикой, традициями, сложившимися под влиянием истории, политического устройства, национальными приоритетами развития и т. д. Поэтому ниже рассмотрим ряд эмпирических исследований, посвященных государственному регулированию регионального развития в КНР.

(Zeng et al., 2024) провели оценку инициативы по торговле выбросами в отдельных провинциях КНР. Авторами выделены контрольная группа территорий, успешно реализовавших проект торговли выбросами, и остальные провинции страны. Выявлены и проинтерпретированы различия в результатах экономического развития групп под воздействием экологических управленческих инициатив. Реализованный для оценки метод Difference-in-Differences (DID) является специфичным инструментом эконометрического анализа и представляется эффективным инструментом для оценки результатов отдельных инициатив, реализованных на ограниченной территории страны. Однако данный подход не позволяет комплексно оценить результаты государственного управления региональным развитием с учетом всех реализуемых мер поддержки на территории страны.

Анализ политики «Открытости Востока Китая», реализуемой с 1999 года, подразумевающей обеспечение более сбалансированного регионального развития восточной части страны, проведен в работе (Huang et al., 2023). Проект предполагал большой объем инвестиционных вложений со стороны государства в развитие инфраструктурных проектов, в сферы экологии и образования. В работе эконометрически оценена модель роста Барро с включением государственных расходов, осуществленных в рамках реализации инициативы региональной

политики. Авторы пришли к выводу, что эффект от проекта был замечен только для территорий, которые находились достаточно близко к крупным городам, участвующим в программе (до 30 км).

В другом исследовании выполнен анализ панельных данных по 285 городам КНР за период 2004–2015 гг. Было показано, что запущенный в 2009 году новый инструмент регионального развития — региональные планы развития территорий — имел различное влияние на экономический рост в городах страны (Yang et al., 2022). Авторы пришли к выводу, что включение городов в региональные планы развития в центральной и западной частях страны оказывало негативное влияние на темпы экономического роста, в то время как для городов восточной части страны наблюдался положительный значимый эффект. В работе подчеркивается значимость полученного вывода при разработке мер региональной политики национальным правительством.

Значительное количество публикаций посвящено комплексной оценке развития КНР в региональном разрезе, основанных на расчете интегральных индексов. Так, например, в работе (Long et al., 2019) рассчитан «индекс подлинного прогресса» (Genuine Progress Indicator, GPI), позволивший ранжировать провинции Китая и анализировать динамику их развития в 1997–2016 гг. Авторы отмечают, что использование комплексных индексов обеспечивает более полное представление о качестве регионального роста и может служить инструментом мониторинга и оперативного регулирования регионального развития. В частности, для провинций с неблагоприятной экологической ситуацией (низким значением субиндекса экологической среды), таких как Пекин, Шанхай, Шаньси и Гуандун, рекомендуется рассмотреть целесообразность введения дополнительных нормативов по контролю выбросов и стимулирование внедрения экологически чистых технологий. В то же время низкие значения экономического субиндекса, характерные для провинций Сычуань, Юньнань, Тибет и Ганьсу, расположенных в западной части страны, по мнению авторов, свидетельствуют о необходимости усиления государственной поддержки экономического блока, в том числе посредством вовлечения этих регионов в крупные национальные проекты.

В исследовании (Wang et al., 2024) предложен «региональный индекс устойчивого развития», рассчитанный для 31 провинции КНР за период 2013–2020 гг. на основе 18 показателей, с применением метода главных компонент. Результаты анализа выявили тесную взаимосвязь данного индекса с уровнем регионального ВРП на душу населения и показателями средней освоенности территорий, что, по мнению авторов, свидетельствует о целесообразности его применения при принятии управленческих решений относительно развития провинций.

(Jiangang et al., 2023) рассчитали интегрированный показатель доступности государственных услуг для 35 городов КНР в период с 2011–2018 гг. Для расчета использовались 18 показателей, разделенные по блокам образования, медицины, социальной поддержки (в основном программы страхования), транспорта и экологии. Jiangang с соавторами пришли к выводу, что высокий уровень государственных услуг наблюдался в городах восточных и центральных провинций, города же в западной части страны располагались на последних местах рейтинга. Также отмечалось, что качество государственных услуг может быть на недостаточно высоком уровне даже в экономически развитых городах страны (в качестве примера авторы приводят Пекин и Шанхай).

Исследование, посвященное количественной оценке эффективности регионального управления в период с 2001–2010 гг., включало анализ 47 показателей (Tang et al., 2014). Представляется дискуссионным выбор перечня показателей для расчета сводного показателя результатов регионального управления: некоторые из них относятся к одному и тому же типу государственных услуг, что, на наш взгляд, может приводить к искажению итоговых оценок. Кроме того, в указанном исследовании анализ межрегиональной дифференциации провинций по сводному показателю не проводился.

Среди российских работ также имеются исследования региональной политики КНР. Так, концептуальные основы и институциональные рамки государственного управления региональным развитием КНР подробно обсуждаются в трудах сотрудников Института Дальнего Востока РАН (КНР: экономика регионов, 2015), Института Китая и Современной Азии РАН (Чубаров, 2020; Чубаров, 2025). С.Б. Макеевой

систематизируется исторический опыт и трансформация системы планирования регионального развития в КНР с 1949 по 2019 гг. (Макеева, 2020) С.К. Песцовым проведен анализ современных принципов региональной политики КНР и ее развития в последние десятилетия. Автор подробно описывает накопленный практический опыт управления региональным развитием и рассматривает наиболее успешные управленческие кейсы (Песцов, 2023).

Монография, написанная интернациональным коллективом при участии ИСЭРТ РАН и Академии общественных наук провинции Цзянси (Экономическое развитие..., 2017), содержит попытку провести параллели в тенденциях социально-экономического развития регионов РФ и КНР, а также сравнение практик управления региональным развитием.

П.М. Мозиасом был напрямую поставлен вопрос о роли государственной политики регионального развития в снижении межпровинциальной дифференциации. В достаточно глубокой ретроспективе показано объяснение ее динамики (в терминах подушевых доходов) через призму реализуемых мер государственной региональной политики, а также внешних факторов (Мозиас, 2023). В работе Д.Б. Калашникова, И.Б. Митрофановой указывается на территориальные дисбалансы в КНР на современном этапе перехода к постиндустриальному обществу и связанные с этим новые аспекты региональной политики (Калашников, Митрофанова, 2023).

Важно отметить, что результаты региональной политики в перечисленных выше работах в целом по провинциям КНР не обсуждались (чаще делается анализ по макрорегионам или в приложении к отдельным провинциям, по отдельным показателям результативности), комплексная количественная оценка результатов политики не проводилась. Также целенаправленно не анализировалась дифференциация результатов региональной политики, не исследовалась динамика изменения показателя в условиях трансформации роли региональных властей в КНР.

Указанная трансформация произошла в результате экзогенного внешнего шока, пандемии коронавируса, начавшейся в январе 2020 года. Для быстрого и более эффективного реагирования с учетом актуальной информации провинции КНР получили большую свободу действий,

возможность реализации отдельных мер без необходимости дополнительного согласования. Такая ситуация заметно увеличила значимость согласованных мер региональной политики. Так, рассматривая меры региональной политики в провинциях Хубэй и Чжэцзян в период 2020–2022 гг. Мао Y. пришел к выводу, что скоординированные и последовательные действия провинциальных властей, эффективное взаимодействие правительства, бизнеса и домашних хозяйств могли заметно снизить негативные последствия пандемии в провинции Чжэцзян (Мао, 2023).

Пандемия оказывала значительное влияние на дифференциацию социально-экономического развития провинции КНР, этот вопрос подробно рассматривался рядом исследователей. Так, Wan W. с соавторами на основе данных для 20 провинций (218 городов) в период с 2013–2022 гг. показали, что влияние пандемии на уровень неравенства в распределении доходов сильно различалось по региональному принципу. Так, последствия были тяжелее для регионов, в которых доля услуг в ВРП была выше, также в тех, что больше зависели от внешней торговли. При этом развитие цифровизации в экономике города помогало снизить последствия в терминах неравенства распределения доходов (Wan et al., 2023).

Развивая тему причин неравномерного отклика регионального развития на пандемию, Li J. с соавторами на основе данных по 287 городам КНР показали, что скорость распространения инфекции и, соответственно, последствия Covid-19 сильно зависели не только от потока людей в первые дни пандемии из провинции Ухань и плотности населения территории, но и от характеристик городских властей (наличия высшего образования, связи с федеральными властями страны, опыта работы в сфере медицины и др.) (Li, 2022).

Таким образом, вопросы государственного управления развитием регионов, результативности и эффективности региональной политики широко обсуждаются в научном сообществе.

Критический анализ литературы показал отсутствие комплексных количественных оценок результатов реализации региональной политики в КНР. Также до настоящего момента не был представлен сравнительный анализ результатов региональной политики в КНР до и после пандемии.

Методология исследования

Для количественной оценки результатов региональной политики в КНР рассчитывается интегральный показатель социально-экономического развития территорий. Методика оценки, представленная в работе О.В. Тарасовой, С.В. Седипковой (Tarasova, Sedipkova, 2024), была модифицирована с учетом особенностей КНР.

Процесс количественной оценки включал несколько этапов: выбор показателей и наполнение каждого из рассматриваемых блоков, обработка данных (усреднение показателей, масштабирование и нормировка), определение весовых коэффициентов, расчет субиндексов по блокам и сводного индекса.

Получаемый сводный индекс результатов региональной политики, а также субиндексы по блокам для удобства интерпретации нормировались на отрезок от 1 до 100. Таким образом, провинция с лучшими показателями результатов региональной политики имели оценку индекса 100, а провинция с худшими показателями — 1. Далее строились рейтинги провинций по результатам региональной политики.

Важно отметить, что полученные оценки для провинций КНР являются относительными, т. е. позволяют сопоставлять результаты применения политики на территориях страны между собой. Другими словами, низкое значение сводного индекса для отдельной провинции КНР не свидетельствует о «плохих» результатах государственного управления региональным развитием, а о том, что результаты в других провинциях были выше.

Расчет проводился для 31 территориальной единицы провинциального уровня КНР, были исключены специальные административные районы — Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь) по причине отсутствия статистических данных для этих территорий.

Комплексная оценка результатов региональной политики для провинций КНР проводилась на данных за период с 2016—2023 гг. Для оценки динамики рассмотрены допандемийный период (2016—2019 гг.) и период пандемии Covid-19 (2020—2023 гг.). Сводный индекс определялся на основе усреднения ежегодных значений для каждого из рассматриваемых периодов, поскольку это позволяет сгладить возможные колебания, которые могут наблюдаться в отдельные годы.

Рассмотрение периодов до и после начала пандемии также обусловлено тем, что, как мы писали выше, после официального объявления начала пандемии в КНР в январе 2020 года провинции получили большую свободу в выборе механизмов и инструментов управления социально-экономическим развитием.

Выбор показателей для расчета сводного индекса результатов региональной политики основывался на доступности статистических данных, приоритетах и направлениях пространственного развития страны, а также определялся механизмами государственного управления и принципами региональной политики КНР. Расчет основывался на 55 показателях социально-экономического развития провинций, на которые государство может оказывать прямое и/или косвенное влияние. Они были сгруппированы по 8 блокам: Безопасность (5 показателей); Здравоохранение (4); Образование, наука и инновации (7); Социальная поддержка (7); Спорт и культура (9); Транспорт (4); Экология (6) и Экономическое развитие (13). Источником данных выступило Национальное Бюро Статистики КНР².

Вес показателей в сводном индексе определялся с учетом балльной экспертной оценки степени влияния на них государства (логика присвоения весов описана в работе (Tarasova, Sedipkova, 2024)). Вес показателя тем выше, чем меньше его уровень определяется деятельностью и решениями частного сектора (бизнеса, домохозяйств и отдельных граждан). Таким образом, вместо равных весов по 0,018 ($= 1/55$) показателям присвоены веса от 0,006 (получили 1 балл в соответствии с описанной выше логикой, например, динамика ВРП и производительность труда) до 0,03 (получили 5 баллов, например, количество метеорологических станций).

В *таблице 1* представлен перечень показателей, их распределение по ключевым блокам, а также их баллы. При этом подчеркнем, что в рамках данной статьи мы не соотносим «план» и «факт», результаты и затраты государства на их достижение, акцентируя внимание именно на наблюдаемых «выходах» региональной политики, т. е. не обсуждаем вопросы ее результативности и эффективности.

² National Data / Official Website of National Bureau of Statistics of China. NBS. Available at: <https://data.stats.gov.cn/english/> (accessed: 20.01.2025).

Таблица 1. Показатели социально-экономического развития для расчета сводного индекса результатов региональной политики

	Название показателя	Единица измерения	Балл
<i>Безопасность</i>			
1	Освещенность улиц	количество уличных фонарей, по коэффициенту Энгеля	5
2	Генерация электроэнергии	КВт на 1 юань ВРП	4
3	Продовольственная безопасность	объем сельскохозяйственной продукции на душу населения	3
4	Протяженность оптических кабельных линий	км, по коэффициенту Энгеля	4
5	Пострадавшие в ДТП	доля погибших и пострадавших в общей численности населения, %	2
<i>Здравоохранение</i>			
6	Количество медицинских учреждений	шт., по коэффициенту Энгеля	2
7	Количество медицинского персонала	чел., по коэффициенту Энгеля	2
8	Мощность коечного фонда	кроватей, по коэффициенту Энгеля	3
9	Количество общественных туалетов	шт., по коэффициенту Энгеля	4
<i>Образование, наука и инновации</i>			
10	Выпускники высших учебных заведений	доля от численности населения, %	2
11	Количество ученых степеней	доля от численности населения, %	3
12	Количество преподавателей и сотрудников в высших учебных заведениях	чел. на 1 выпускника	2
13	Количество выпускников средних специальных и профессиональных учебных заведений	доля от численности населения, %	4
14	Количество преподавателей и сотрудников в средних специальных и профессиональных учебных заведений	чел. на 1 выпускника	3
15	Объем трудозатрат научно-исследовательского персонала промышленных предприятий	человеко-годы на 1 городского жителя	3
16	Количество поданных национальных заявок на патенты	шт. на 1 городского жителя	3
<i>Социальная поддержка</i>			
17	Доля сельского населения	%	3
18	Доля населения, имеющего доступ к газу	%	4
19	Доля населения, имеющего доступ к водопроводной воде	%	4
20	Доля сельского населения с доходом ниже прожиточного минимума	%	3
21	Количество социальных учреждений	шт., по коэффициенту Энгеля	5
22	Доля бедного сельского населения, участвующего в программе страхования, включающей пять гарантий	% в общей численности сельских жителей, живущих на доход ниже прожиточного минимума	5
23	Доля застрахованного населения	%	3
<i>Спорт и культура</i>			
24	Количество высших учебных заведений	шт., по коэффициенту Энгеля	2
25	Количество средних специальных, профессиональных учебных заведений, начальных и средних школ	шт., по коэффициенту Энгеля	3
26	Количество журналов и газет	копий на душу населения	3
27	Объемы телекоммуникационных услуг	юаней на душу населения	2
28	Количество домашних выступлений творческих групп	шт., на душу населения	2
29	Количество коллекций в музеях	шт., по коэффициенту Энгеля	4

Окончание таблицы 1

	Название показателя	Единица измерения	Балл
30	Общий объем выданных публичными библиотеками книг	человеко-раз на душу населения	1
31	Количество человек, посетивших выставки, лекции, учебные занятия в публичных библиотеках	посещений на душу населения	3
32	Количество опубликованных книг в провинции	шт.	2
<i>Транспорт</i>			
33	Обеспеченность общественным транспортом	шт., на душу населения	2
34	Протяженность железных путей	км, по коэффициенту Энгеля	2
35	Протяженность автомобильных дорог	км, по коэффициенту Энгеля	2
36	Пассажиропоток	человек*км, по коэффициенту Энгеля	2
<i>Экология</i>			
37	Количество парков на территории провинции	га, по коэффициенту Энгеля	3
38	Площадь территорий, подлежащая очистке от мусора	% от площади городских территорий	4
39	Количество транспортных средств для уборки территорий	шт., на км ²	4
40	Производительность по переработке отходов	тонн/сутки на душу населения	3
41	Объемы вывоза мусора	тонн на душу населения	3
42	Количество метеорологических станций	шт., на км ²	5
<i>Экономическое развитие</i>			
43	Среднедушевой ВРП	юаней на душу населения	2
44	Темп роста населения	%	2
45	Темп роста реального ВРП на душу населения	%	1
46	Доля сектора услуг в экономике	% от ВРП	2
47	Вариация темпов прироста реального ВРП	–	1
48	Производительность труда	юаней на 1 занятого	1
49	Обеспеченность почтовыми отделениями	шт., по коэффициенту Энгеля	4
50	Протяженность городских канализационных труб	км, по коэффициенту Энгеля	4
51	Уровень безработицы среди городского населения	%	3
52	Темп роста инвестиции в основной капитал в постоянных ценах	%	3
53	Индекс потребительских цен	%	3
54	Отношение стоимости импортируемых и экспортируемых товаров к ВРП	–	3
55	Предельная склонность к потреблению	%	2

Источник: составлено авторами.

Следует отметить некоторые особенности формирования набора показателей для расчета сводного индекса результатов региональной политики для провинций КНР. Первая – отсутствие открытых данных по спорту в официальной статистике страны. Поэтому для оценки спортивной сферы используются прокси показатели развития спорта. Так, в Китае университеты имеют большие стадионы (часто даже не один), открытые места и тренаже-

ры для занятий спортом на открытом воздухе. Аналогична ситуация и в школах как среднего, так и начального уровней. Учитывая, что школы имеют стадионы и оборудованные места для занятий спортом меньшего размера, они были рассмотрены отдельно от университетов. Также университетские стадионы приносят в жизнь населения зрелищную компоненту, так как на них проводятся крупные спортивные мероприятия.

В блок Здравоохранение был включен показатель количества общественных туалетов, оборудованных в провинции. В 2015 году в КНР была начата программа строительства и ремонта санитарных объектов. Так, улучшение санитарных условий в стране во многом согласуется с целями государства в области здравоохранения. Данный аспект государственного управления приобрел новую актуальность во время пандемии Covid-19.

Интересно, что приоритетами по госбезопасности в официальных документах развития³ является среди прочего обеспечение доступности для населения электроэнергии и зерна, что обусловило включение данных показателей в анализ.

По причине стремительного роста спроса на внутренние почтовые отправления в 14-м пятилетнем плане национального экономического и социального развития КНР также был прописан приоритет активного развития почтовых сервисов, особенно в сельской местности. Данный факт определил включение обеспечения населения почтовыми отделениями в анализ.

Развитию сельских территорий уделяется много внимания со стороны правительства КНР: их устойчивое развитие должно в перспективе обеспечить не только снижение неравенства и уровня бедности (большинство нуждающихся домашних хозяйств в КНР проживают в селах), но и позволит решить вопрос продовольственной безопасности. Действует большое число государственных программ развития сельской местности, такие как: программы по борьбе с деградацией почв; технологические программы развития территорий, в том числе за счет применения современных дронов; программы поддержки малоимущих и создание рабочих мест и др. На уровне страны действует программа поддержки малоимущих, проживающих в селах (программа «отсутствие двух беспокойств и три гарантии»),

обеспечивающая доступ к пяти основным благам — еда, одежда, образование, жилище и медицина⁴ (Yu et al., 2023). При этом в провинциях может дополнительно реализовываться ряд мер, направленных на снижение бедности на селе и поддержку возрастного населения.

В расчетах, где было необходимо, использовались относительные показатели, а не абсолютные. Например, обеспеченность парковыми зонами учитывалась по формуле коэффициента Энгеля, т. е. с учетом площади региона и среднегодовой численности населения, проживающего в регионе; численность погибших и пострадавших в ДТП учитывалась относительно общей численности населения и т.д. Также учитывался масштаб провинций. Стоимостные показатели корректировались на ВРП (генерация электроэнергии, внешнеторговый оборот) или индекс потребительских цен.

Результаты исследования

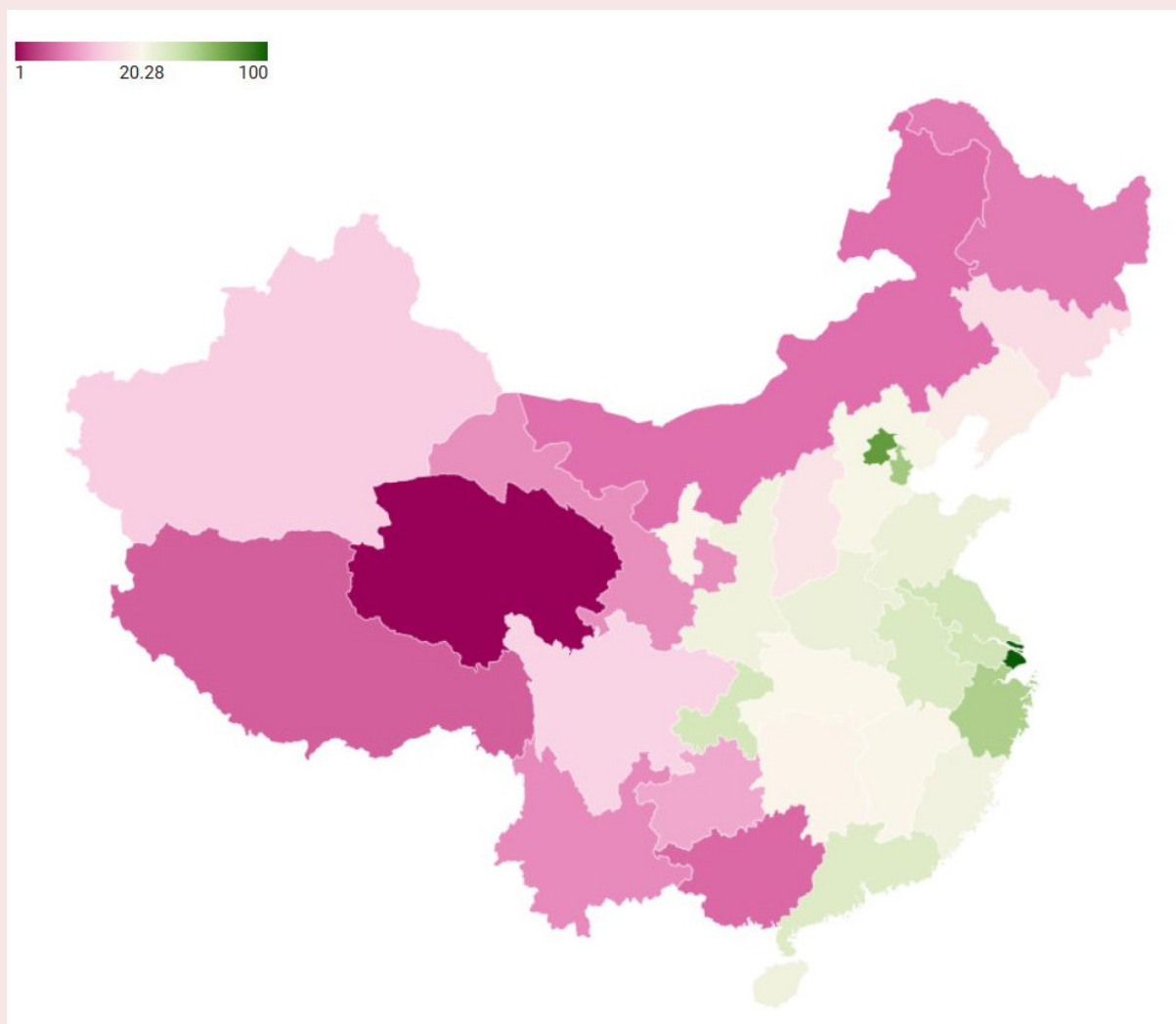
На *рисунке 1* отражено картографическое представление полученных оценок сводного индекса результатов региональной политики в КНР за период 2020–2023 гг. Чем выше значение индекса, тем темнее окрашена территория.

Видно, что провинции Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой, Гуандун, Шаньдун, Хэнань, Хайнань, Шэньси, Фуцзянь, Хэбэй, Цзянси, а также города центрального подчинения — Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и Чунцин демонстрируют высокие в сравнении с остальными территориями достигнутые значения сводных индексов. При этом явным лидером является Шанхай — городу присвоено наивысшее значение индекса, равное 100. За Шанхаем со значительным отрывом следуют Пекин с 76,7 баллами. Отрыв лидеров от следующих за ними в рейтинге регионов страны также значителен: Тяньцзинь (3 место) — 56,7 балла, (4 место) — 54,4 балла. Дифференциация среди провинций, не входящих в топ-4 рейтинга, незначительна, что, возможно, является следствием сбалансированной региональной политики, которую более десяти лет декларирует китайское правительство (Deng, 2022).

³ Outline of the 14th Five Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China / Official Website of People's Government of Fujian Province. Available at: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (accessed: 20.01.2025).

⁴ Two No Worries, Three Guarantees / Official Website of National Rural Revitalization Administration (formerly Poverty Alleviation Office). Available at: <http://www.nrra.gov.cn> (accessed: 20.03.2025).

Рис. 1. Сводный индекс результатов региональной политики по провинциям КНР за период 2020–2023 гг.

Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

В среднем выше оказались сводные индексы в группе восточных провинций (кроме Ляонин и Гуанси-Чжуанского АР, 19 и 29 места соответственно), а также некоторых центральных (Аньхой, Хэнань, Цзянси) и западных (Чунцин, Шэньси).

Коэффициент Джини по выборке сводных индексов равен 0,4 (в период 2016–2019 гг. — 0,426), что говорит о средней дифференциации результатов региональной политики в провинциях КНР с тенденцией к снижению.

Медиана сводного индекса оказалась низкой — 20,28 (в предыдущий период — 18,42). Это означает, что по большому количеству показателей основная часть регионов отстает от регионов-лидеров. В *таблице 2* видно, что даже отставание между 1 и 2 местами стало более существенным. В рейтинге поднялись: Аньхой, Шаньдун, Хэнань, Хайнань (наиболее резко — с 17 на 11 место), значительное падение продемонстрировали Шэньси, Ляонин, Шаньси.

Таблица 2. Рейтинги по результатам региональной политики в динамике по рассматриваемым периодам

2016–2019		Провинция	2019–2023	
Место	Индекс		Индекс	Место
1	100,00	Шанхай	100,00	1
2	79,71	Пекин	76,69	2
3	58,62	Тяньцзинь	57,68	3
4	46,29	Чжэцзян	54,37	4
5	37,66	Цзянсу	41,63	5
6	34,20	Гуандун	34,93	8
7	31,53	Чунцин	39,05	6
8	24,96	Шэньси	25,20	12
9	24,90	Аньхой	36,16	7
10	24,50	Шаньдун	28,09	9
11	23,62	Фуцзянь	24,93	13
12	20,76	Хэнань	27,64	10
13	19,53	Хубэй	20,28	16
14	19,32	Нинся-Хуэйский АР	20,19	17
15	18,56	Ляонин	18,95	19
16	18,42	Шаньси	17,59	20
17	17,30	Хайнань	25,52	11
18	17,25	Гуйчжоу	11,24	24
19	16,75	Хэбэй	22,00	14
20	15,12	Цзянси	20,68	15
21	13,77	Гирин	16,27	21
22	13,47	Хунань	20,01	18
23	11,33	Сычуань	15,09	22
24	11,22	Хэйлунцзян	8,14	27
25	10,17	Юньнань	9,13	26
26	9,71	Синьцзян-Уйгурский АР	14,21	23
27	6,51	Внутренняя Монголия	7,38	28
28	6,40	Гуанси-Чжуанский АР	6,86	29
29	5,86	Ганьсу	9,47	25
30	1,29	Тибет	6,21	30
31	1,00	Цинхай	1,00	31

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

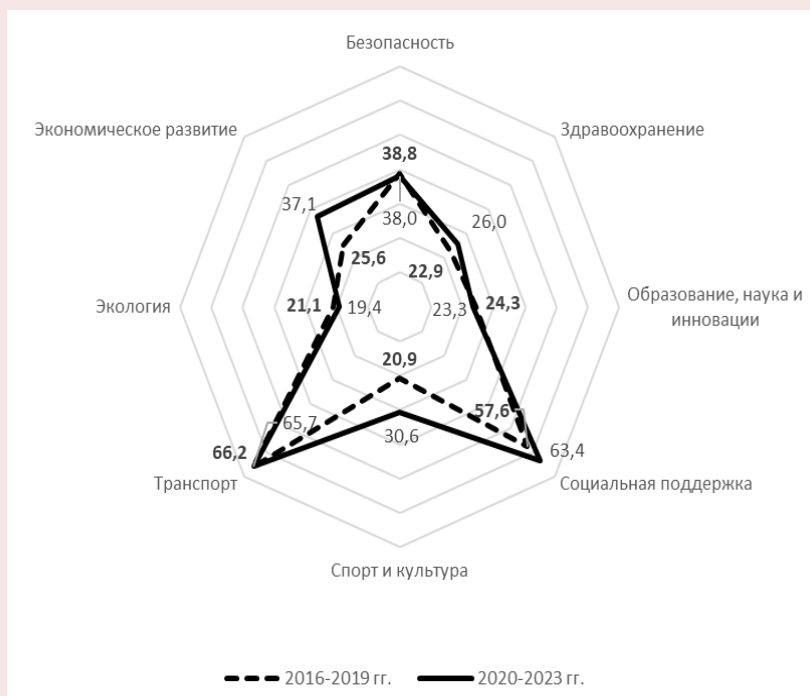
В период 2016–2019 гг. был наиболее заметен отрыв лидеров от основной массы провинций в блоках Экология; Спорт и культура; Здравоохранение; Образование, наука и инновации – эти блоки имеют самые низкие медианы (рис. 2). Существенно более равномерно развиты в КНР блоки Социальная поддержка и Транспорт.

Шок пандемии усилил дифференциацию по блокам Экология и Образование, наука и инновации. Полученные выводы согласуются с результатами других исследований. Так, R. Blundell с соавторами отмечали рост регионального неравенства в сфере образования в

провинциях КНР в период пандемии (Blundell et al., 2020). В работе Wen W. с соавторами отмечается, с одной стороны, улучшение состояния экологии в период пандемии за счет снижения уровня производства, но и масштабный негативный эффект, с другой стороны, связанный с сокращением интенсивности прилагаемых государством усилий по очистке и уборке территорий (Wen et al., 2022).

Сфера здравоохранения после начала пандемии приобрела особую значимость. От количества заболевших и темпа роста показателя зависели характер, интенсивность и продолжительность ограничительных мер, что напрямую

Рис. 2. Медианы по субиндексам блоков результатов региональной политики в КНР

Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

влияло на уровень социально-экономического развития территорий (Li et al., 2022). Увеличение числа заболеваний определяло рост усилий со стороны провинциальных властей в сфере Здравоохранения даже на тех территориях, которые до пандемии отставали по данному блоку. Новые санитарные нормы требовали среди прочего обеспечения высокого темпа роста количества новых общественных туалетов на территории провинций. При этом густонаселенным провинциям было сложнее обеспечить пропорциональный рост данного показателя, что привело к снижению дифференциации по блоку Здравоохранения.

Блок Спорт и культура в период 2020–2023 гг. ожидаемо продемонстрировал сокращение разрыва между большинством провинций и лидерами рейтинга: последствия ограничительных мер были более ощутимы для территорий, активно проводящих культурные мероприятия. В связи с этим снижение дифференциации результатов по блоку нельзя трактовать как положительный итог реализации мер региональной политики. Можно предположить, что ситуация восстановится после снятия ограничительных мер.

Наблюдаемое и достаточно существенное снижение дифференциации по блоку Экономическое развитие также обусловлено ухудшением положения провинций-лидеров. Этот факт отмечали и другие исследователи. Так, например, со значительным снижением темпов экономического роста в период пандемии столкнулись провинции, у которых доля внешнеторгового оборота в ВРП была на достаточно высоком уровне (Wan, 2023).

Применяемая методика расчета дает возможность идентифицировать «пространственные пробелы» на уровне отдельных сфер с тем, чтобы скорректировать приоритеты отраслевой политики. Так, низкие значения субиндексов (табл. 3) могут указывать на необходимость разработки и реализации в соответствующих провинциях дополнительных мер для укрепления их положения в блоке. Кроме того, полученные оценки могут быть полезны для властей уровня провинций и ниже с точки зрения выявления «узких» мест и принятия самостоятельных управленческих решений по их расширению и/или лоббированию помощи со стороны правительства страны.

Таблица 3. Субиндексы по результатам региональной политики за период 2020–2023 гг.

Провинция	Безопасность	Здравоохранение	Образование, наука и инновации	Социальная поддержка	Спорт и культура	Транспорт	Экология	Экономическое развитие	Сводный индекс
Шанхай	100,0	100,0	68,6	73,7	100,0	46,5	100,0	100,0	100,0
Пекин	24,6	71,2	100,0	64,1	88,8	100,0	88,6	63,2	76,7
Тяньцзинь	40,7	59,5	76,9	82,8	47,5	91,0	52,5	61,6	57,7
Чжэцзян	61,4	35,4	36,4	53,5	73,6	70,1	55,7	73,0	54,4
Цзянсу	85,2	41,5	44,3	1,0	52,4	84,6	32,9	63,1	41,6
Чунцин	44,6	31,6	32,5	58,0	59,5	93,0	23,9	57,6	39,0
Аньхой	40,2	26,6	24,9	44,6	78,2	90,3	22,4	47,1	36,2
Гуандун	41,9	29,0	22,8	48,9	31,0	69,6	49,7	68,8	34,9
Шаньдун	46,4	40,3	19,7	41,8	41,0	91,8	13,5	49,7	28,1
Хэнань	27,6	40,2	24,2	50,1	51,9	83,1	20,3	36,3	27,6
Хайнань	38,0	22,3	14,1	50,5	30,6	49,2	44,4	50,7	25,5
Шэньси	45,0	28,0	29,0	62,3	36,0	84,8	23,8	26,0	25,2
Фуцзянь	34,6	26,1	23,3	53,2	33,8	53,3	24,7	52,7	24,9
Хэбэй	37,4	35,7	25,7	52,0	29,7	75,8	12,9	38,7	22,0
Цзянси	36,9	24,9	23,5	62,5	28,2	77,1	20,7	30,9	20,7
Хубэй	21,9	26,0	23,9	62,8	24,8	89,3	19,4	39,6	20,3
Нинся-Хуэйский АР	64,9	12,5	15,4	73,8	21,1	60,3	34,2	18,0	20,2
Хунань	29,7	27,5	19,7	39,4	32,2	81,3	19,2	43,8	20,0
Ляонин	43,7	27,1	26,4	63,8	17,9	83,9	19,4	24,7	18,9
Шаньси	28,9	22,2	28,2	63,4	42,4	59,1	13,6	16,5	17,6
Гирин	18,5	21,5	40,0	81,6	22,1	65,7	9,8	22,4	16,3
Сычуань	37,7	21,7	15,5	65,1	19,2	49,7	11,5	37,1	15,1
Синьцзян-Уйгурский АР	54,4	2,7	2,5	91,7	12,8	21,7	11,6	43,6	14,2
Гуйчжоу	31,6	22,3	7,4	66,6	16,0	61,6	6,6	33,3	11,2
Ганьсу	33,6	11,2	11,9	65,6	24,6	43,3	2,3	29,7	9,5
Юньнань	39,7	14,1	13,0	71,4	17,6	43,2	2,6	24,6	9,1
Хэйлунцзян	39,4	12,3	20,9	79,6	1,0	52,0	22,1	9,3	8,1
Внутренняя Монголия	47,4	6,9	14,6	64,3	12,7	56,1	1,0	24,4	7,4
Гуанси-Чжуанский АР	29,3	17,6	14,6	56,5	12,2	41,1	6,8	29,7	6,9
Тибет	1,0	1,0	1,0	100,0	43,2	1,0	6,4	18,2	6,2
Цинхай	25,2	2,1	5,3	78,1	27,8	33,5	2,1	1,0	1,0

Источник: составлено по результатам расчетов авторов.

Обсуждение

Представленный выше анализ результатов региональной политики в КНР будет далее дополнен поиском факторов положительной динамики показателя.

Сначала представим корреляционный анализ сводного индекса результатов региональной политики и размера провинций в терминах площади территории, численности населения и ВРП.

В таблице 4 представлены парные корреляции (и их уровень значимости) между показателями сводного индекса результатов региональной политики и размера провинции для КНР, рассчитанные на основе формулы Пирсона⁵. Можно видеть, что в КНР более высокий уровень результатов региональной политики в обоих периодах наблюдался в административно-территориальных единицах с более высоким душевым ВРП и меньшей площадью территории.

Таблица 4. Корреляционный анализ сводного индекса результатов региональной политики и размера провинции для КНР

Сводный индекс результатов региональной политики	ВРП	Численность населения	Площадь территорий
2016–2019 гг.	0,3179** (0,0813)	-0,0007 (0,9972)	-0,4885* (0,0053)
2020–2023 гг.	0,3805* (0,0347)	0,1087 (0,5606)	-0,5190* (0,0028)

Примечание: в скобках представлен уровень р-значимости для оценки уровня корреляции, * – уровень значимости при 5%, ** – уровень значимости при 10%.
Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

При этом следует отметить, что сопоставленность комплексной оценки результатов политики регионального развития и ВРП в провинциях стала более заметной после 2020 года (стал выше уровень значимости корреляции). Вместе с тем, показатель численности населения не демонстрировал сопоставленной динамики с индексом результатов политики ни в период с 2016–2019 гг., ни после 2020 года.

Далее, не претендуя на полноту обзора, обсудим некоторые современные масштабные проекты регионального развития КНР и включенные в них территории.

В таблице 5 представлены провинции, которые продемонстрировали значительное улучшение положения в рейтинге результатов региональной политики, а также названия проектов, в которые они были включены.

⁵ Подчеркнем, что расчет коэффициента корреляции предполагает исследование факта согласованности изменения рассматриваемых переменных и на основе его расчета не представляется возможным сделать вывод о зависимости величин.

Таблица 5. Участие провинций в пространственно-протяженных межрегиональных проектах КНР

Название провинции	Изменение положения в рейтинге	Название проекта
Аньхой	с 9 на 7 место	Экономический пояс реки Янцзы
Чунцин	с 7 на 6 место	
Цзянси	с 20 на 15 место	
Хунань	с 22 на 18 место	
Ганьсу	с 29 на 25 место	
Хэбэй	с 19 на 14 место	Цзин-Джин-Джи
Шаньдун	с 10 на 9 место	Желтое море – Бохайский залив

Источник: составлено авторами.

Лидеры рейтинга также включены в различные крупные национальные проекты. Так, Пекин и Тяньцзинь, вместе с заметно улучшившей свое положение в рейтинге провинцией Хэбэй, входят в проект «Цзин-Джин-Джи» (Jing-Jin-Ji), в рамках которого предполагается решение вопросов оптимизации промышленного производства и решение экологических проблем. Провинция Гуандун входит в проект «Гуандун-Гонконг-Макао», Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян вовлечены в проект «Экономический пояс реки Янцзы».

Все упомянутые пространственно-распределенные проекты являются частью нового этапа региональной политики, стремящейся снизить неравенство в развитии территорий страны. Рассмотрим их суть более подробно.

Проект «Экономический пояс реки Янцзы» был документально утвержден в апреле 2014 года, однако активный этап его реализации пришелся на период 2016–2020 гг. После введения санкций со стороны США в 2018 году проект получил новый импульс развития. Он был направлен на компенсирование зависимости ключевых технологических отраслей экономики от импорта комплектующих. В нем участвует 9 провинций и два города муниципального подчинения (Чунцин и Шанхай). Проект призван обеспечить равномерное и эффективное распределение промышленности с учетом экономических и экологических особенностей территорий. Запуск проекта был обусловлен следующими аспектами. Прибрежные провинции начали испытывать сложности с человеческими ресурсами, экологией и растущими издержками аренды земли, что стало формировать некоторый предел их будущего развития. С целью оп-

тимального расположения производства было принято решение его трансфера в центральную часть страны, создания индустриальных парков. В первую очередь была создана транспортная инфраструктура (речь о скоростной железной дороге, нескольких магистралях и водном пути вдоль реки Янцзы). После этого компании и региональные власти из южных провинций были вовлечены в процесс трансфера производства (автомобилестроительного, высокотехнологического и др.), при этом участвуя в распределении будущих финансовых потоков. В проекте «Экономического пояса» выделены городские агломерации, развитие части из которых подразумевалось на основе уже имеющегося природного потенциала — запасов меди, свинца, цинка и других минеральных ресурсов. Других агломераций — на основе переноса новых производств (как правило, они располагались вдоль устья реки Янцзы). Третьи объединяли имеющиеся возможности, в частности в сфере химической промышленности, с новыми, возникшими в результате переноса производств в индустриальные парки. Параллельно с переносом производств в городах активно расширялись ветки метро, тем самым позволяя большому числу населения провинций работать на новых производствах, снижая при этом издержки на труд. Таким образом, южные провинции вносили свой вклад за счет финансовых и технологических ресурсов, имеющихся прогрессивных стратегий управления, при этом центральные территории — за счет человеческого капитала и земли. Следует отметить, что некоторые провинции полностью территориально включены в проект, как, например Аньхой, Цзянси, Хунань и Чунцин. Вторая группа провинций частично вовлечена в проект, за счет включения отдельных городов и уездов (Гуйчжоу и Юньнань), третьей группе отводится вспомогательная функция, как правило сводящаяся к обеспечению транспортной инфраструктурой на основе имеющегося потенциала без дополнительного импульса развития (Хэнань, Шэньси и Ганьсу).

Другим крупным пространственно-организационным проектом является проект «Пекин — Тяньцзинь — города провинции Хэбэй» (проект Jing-Jin-Ji). Проект официально начат в 2014 году. Он был призван решить экологическую проблему территорий. В 2018 году 5 из 10 са-

мых загрязненных городов страны приходилось на территорию Jing-Jin-Ji. Заметное усиление процесса интеграции территорий наблюдалось с 2020 года. Предполагалось, что улучшение состояния окружающей среды станет возможным за счет трансфера производства, а также поддержки экологических инициатив. Города-участники проекта получили статус зоны свободной торговли партнера Тяньцзиня для облегчения условий бизнеса (Zhang et al., 2020).

Проект «Гуандун-Гонконг-Макао» получил активное развитие в 2017 году и был призван стать ключевым транспортным, технологическим, торговым и финансовым центром в национальном проекте развития международной торговли «Один пояс, один путь». В период 2020–2024 гг. наблюдалось активное развитие транспортной инфраструктуры и институциональной среды. На сегодняшний день города проекта привлекают большое число как крупных технологических корпораций, так и стартапов, чтобы создать благоприятную среду для их развития.

В крупном проекте по развитию торговых отношений участвует и провинция Хайнань, поднявшаяся в рейтинге с 17 места в период 2016–2019 гг. до 11 позиции в период 2020–2023 гг.

Таким образом, видим, что большинство провинций, заметно улучшивших положение в рейтинге по результатам региональной политики, вовлечены в успешно реализуемые пространственно-распределенные межрегиональные проекты КНР. Объединение городов и отдельных провинций позволило создать конкурентное преимущество, позволившее частично компенсировать негативные последствия пандемии. С этих позиций анализ организационной и институциональной структуры упомянутых проектов, представляя практический интерес, может стать направлением для дальнейших исследований.

Заключение

В представленной статье на основе авторской методики проведена количественная оценка результатов реализации государственной региональной политики для провинций КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства. Подход к оценке основан на получении сводного индекса из 55 показателей, по значениям которого сформированы рейтинги провинций. Анализ проведен в разре-

зе двух периодов: до (2016–2019 гг.) и во время пандемии Covid-19 (2020–2023 гг.).

Показано, что за исследуемый период высокие оценки результатов региональной политики наблюдались в восточных провинциях страны и на некоторых центральных территориях. Топ-3 рейтинга составили города центрального подчинения – Шанхай, Пекин и Тяньцзинь. Аутсайдерами рейтинга стали Цинхай и Тибет. Наиболее сбалансированными оказались результаты в провинции Цзянси, занимающей 15 место в рейтинге за 2020–2023 гг.

Коэффициент Джини по выборке сводных индексов свидетельствует о средней дифференциации результатов региональной политики в провинциях КНР с тенденцией к снижению – с 0,426 до 0,4.

Наиболее заметен был отрыв лидеров от основной массы провинций в блоках Экология; Образование, наука и инновации; Спорт и культура; Здравоохранение. Существенно более равномерно развиты в КНР блоки Социальная поддержка и Транспорт. В период пандемии заметно сократилась дифференциация по блокам Экономическое развитие; Спорт и культура; Здравоохранение.

Важным выводом является тот факт, что провинции, заметно улучшившие положение в

рейтинге по результатам региональной политики, вовлечены в успешно реализуемые проекты пространственной интеграции КНР. Это подчеркивает значимость изучения опыта КНР в применении этого механизма региональной политики с точки зрения возможностей адаптации, в том числе в российских условиях.

Также было обнаружено, что высокие оценки сводного индекса результатов политики наблюдались преимущественно в провинциях с высоким ВРП на душу населения и небольшой площадью территорий, о чем свидетельствуют значимые коэффициенты корреляции в 2016–2019 гг. и в 2020–2023 гг. Получается, что невозможно ожидать значительных результатов от реализации региональной политики в недостаточно экономически развитых и/или крупных по площади провинциях.

Полученные выводы представляют не только исследовательский интерес и вносят вклад в представление о существующей дифференциации регионального развития в КНР, но и имеют практическую значимость. Результаты могут быть полезны при определении контуров региональной политики КНР на перспективу, разработке и реализации мер по выравниванию уровня социально-экономического развития провинций.

Литература

- Калашников Д.Б., Митрофанова И.Б. (2023). Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 16. № 1. С. 128–146. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07
- КНР: экономика регионов: сборник статей. (2015) / отв. ред. А.В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 659 с.
- Макеева С.Б. (2020). Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 4. С. 196–206. DOI: 10.31857/S086919080010846-7
- Мозиас П.М. (2023). Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. № 1. С. 98–126. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.07
- Песцов С.К. (2024). Управление развитием периферийных территорий: китайская модель // *Финансовая экономика*. № 2. С. 64–69.
- Чубаров И.Г. (2020). Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // *Восточная Азия: факты и аналитика*. № 4. С. 21–33. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022
- Чубаров И.Г. (2025). Идеологические основы современной региональной политики КНР // *Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая: монография*. М.: Институт Китая и современной Азии РАН. С. 212–238.
- Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая: монография (2017) / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, Т.В. Ускова и др. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН. 402 с.

- Alesina A., Perotti R. (1996). Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*, 40(6), 1203–1228.
- Blundell R., Costa D. M., Joyce R., Xu X. (2020). COVID-19 and inequalities. *Fiscal Studies*, 41, 291–319. DOI: 10.1111/1475-5890.12232
- Candelaria C., Daly M., Hale G. (2010). *Beyond Kuznets: Persistent Regional Inequality in China*. Available at: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/wp09-07bk.pdf>
- Hoerner J., Stephenson P. (2012). Theoretical perspectives on approaches to policy evaluation in EU: the case of cohesion policy. *Public Administration*, 90 (3), 699–715. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2011.02013.x
- Huang J., Shen J., Sun Z. (2023). Understanding China's economic growth from a regional policy perspective. *China and World Economy*, 31(3), 1–26. DOI: 10.1111/cwe.12468
- Ippolito M., Cicatiello L. (2019). Political instability, economic inequality and social conflict: The case in Italy. *Panoeconomicus*, 66, 365–383. DOI: 10.2298/PAN1903365I
- Jiangang Shi, Dai X., Duan K., Li J. (2023). Exploring the performances and determinants of public service provision in 35 major cities in China from the perspectives of efficiency and effectiveness. *Socio-Economic Planning Sciences*, 85, 101441. DOI: 10.1016/j.seps.2022.101441
- Li J., Zhang J., Han Z. (2022). Regional differences of COVID-19 pandemic prevention in China: Especially from the perspective of political leaders. *Frontiers of Public Health*, 10, 1037242. DOI: 10.3389/fpubh.2022.1037242
- Liu Q., Wang S., Zhang W., Li J. (2018). Income distribution and environmental quality in China: A spatial econometric perspective. *Journal of Cleaner Production*, 205, 14–26. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.09.090
- Long L., Ji X. (2019). Economic Growth quality, environmental sustainability, and social welfare in China – provincial assessment based on Genuine Progress Indicator (GPI). *Ecological Economics*, 159, 157–176. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.01.002
- Magrini S. (2004). Regional (DI)Convergence. In: Henderson V., Thisse J.F. (Eds). *Handbook of Regional and Urban Economics. Vol. 4*. Elsevier Publishing. DOI: 10.1016/S1574-0080(04)80019-1
- Mao Y. (2023). What accounts for the different regional responses to COVID-19 in China? Exploring the role of institutional environment, governance capacity and legitimacy. *Health Policy and Planning*, 38(4), 552–566. DOI: 10.1093/heapol/czad007
- Perotti R. (1996). Growth, income distribution, and democracy: What the data say. *Journal of Economic Growth*, 1(2), 149–187.
- Tang R., Tang T., Lee Z. (2014). The efficiency of provincial governments in China from 2001 to 2010: Measurement and analysis. *Journal of Public Affairs*, 14(2), 142–153. DOI: 10.1002/pa.1518
- Tarasova O.V., Sedipkova S.V. (2024). Assessing public sector performance in regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 14(2), 296–305. DOI: 10.1134/S2079970524600185
- Wan W., Wang J., Jiang W. (2023). Does COVID-19 exacerbate regional income inequality? Evidence from 20 provinces of China. *Sustainability*, 15, 11894. DOI: 10.3390/su151511894
- Wang C., Wang L., Zhai J. et al. (2024). Assessing progress toward China's subnational sustainable development by Region Sustainable Development Index. *Sustainable Horizons*, 11, 100099, 1–11. DOI: 10.1016/j.horiz.2024.100099
- Wen W., Li Y., Song Y. (2022). Assessing the “negative effect” and “positive effect” of COVID-19 in China. *Journal of Cleaner Production*, 375, 36160312. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.134080
- Zeng S., Fu Q., Haleem F. et al. (2024). China's carbon trading pilot policy, economic stability, and high-quality economic development. *Humanities and Social Science Communications*, 11, 1107, 1–15. DOI: 10.1057/s41599-024-03646-6
- Zhang R., Dong S., Li Z. (2020). The economic and environmental effects of the Beijing-Tianjin-Hebei Collaborative Development Strategy – Taking Hebei Province as an example. *Environmental Science and Pollution Research*, 27, 35692–35702. DOI: 10.1007/s11356-020-09790-1
- Yang Z., Shao S., Xu L., Yang L. (2022). Can regional development plans promote economic growth? City-level evidence from China. *Socio-Economic Planning Sciences*, 83, 101212. DOI: 10.1016/j.seps.2021.101212
- Yu W., Wang Q., Wang Y., Guan G., Gao Y. (2023). Does targeted poverty alleviation policy reduce poverty? Evidence from rural China. *Sage Open*, 13, 1–14. DOI: 10.1177/21582440231197281

Сведения об авторах

Ольга Владиславовна Тарасова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); Новосибирский национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Екатерина Николаевна Исупова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент, заместитель декана ЭФ НГУ по международным образовательным программам, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); Новосибирский национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru)

Tarasova O.V., Isupova E.N.

Interregional Differentiation and Analysis of Spatial Inequality Governance Performance in China

Abstract. The People's Republic of China exhibits significant interregional differentiation across various socio-economic development indicators, including population, income level, education, and others. Researching the potential for managing spatial inequality within the framework of state regional policy necessitates the development of an approach for a comprehensive assessment of provincial socio-economic development. This approach should account for the state's capacity to influence specific development indicators and include an analysis of the interregional disparities in the resulting evaluations over time. The aim of the work is to provide a quantitative assessment of regional policy performance across the provinces of the PRC in the context of reducing spatial inequality. The methodology is based on constructing a composite index of regional policy performance for 31 PRC provinces for the periods 2016–2019 and 2020–2023, incorporating 55 socio-economic development indicators. The indicators are grouped into eight key dimensions: Security; Healthcare; Education, Science and Innovation; Social Support; Sports and Culture; Transport; Ecology; Economic Development. The empirical findings demonstrated that eastern and central Chinese provinces exhibit higher composite index values, reflecting stronger policy performance. The Gini coefficient for the composite index decreased to 0.4 compared to 0.426 in the 2016–2019 period, indicating a reduction in spatial inequality in China as a result of implemented regional policy measures. The leaders were most distinctly separated from the main group of provinces in the dimensions of Ecology; Education, Science and Innovation; Sports and Culture; and Healthcare. The dimensions of Social Support and Transport displayed a more balanced distribution of outcomes across the national territory. During the pandemic period, disparities in Economic Development; Sports and Culture; and Healthcare decreased significantly. The analysis reveals that the regional policy performance index tends to be higher in economically advanced provinces of China and lower in larger provinces. Involvement in national-level spatial integration projects also emerges as a critical success factor in improving policy performance. The obtained results contribute to a deeper understanding of existing differentiation in regional development in China and provide valuable insights for refining the strategic design of future regional policy, as well as for developing and implementing measures to balance the level of socio-economic development across its provinces.

Key words: interregional differentiation, spatial inequality, regional policy, complex assessment, indicators, provinces, indices, provincial ranking.

Information about the Authors

Olga V. Tarasova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, associate professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Akademician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Ekaterina N. Isupova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, associate professor, deputy dean of the NSU ED on international educational programs, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Akademician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru)

Статья поступила 10.07.2025.

Современные исследования села в России и Китае: научный обзор

**Константин Александрович
ГАЛКИН**

Социологический институт РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: Kgalkin19892@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6403-6083; ResearcherID: A-8784-2016

Аннотация. В представленной статье рассматриваются ключевые направления исследований сельских территорий в России и Китае, а также выявляются существующие научные лакуны, пробелы и перспективные направления дальнейшего изучения этой проблематики. Для проведения содержательного контент-анализа были использованы базы данных eLibrary (РИНЦ) и Google Scholar. В качестве поисковых параметров отобраны ключевые слова и тематические запросы, отражающие современные исследовательские интересы в области социально-экономического развития сельских регионов обеих стран. Проведённый анализ показал возрастающий интерес научного сообщества к исследованию социально-экономических трансформаций сельских пространств, последствий процессов урбанизации и особенностей миграции сельского населения в города. Существенное внимание уделяется также вопросам изменения традиционного уклада жизни, трансформации общинных отношений и социальной структуры. При этом в китайских исследованиях сельские территории чаще рассматриваются в контексте дополнения к городским, тогда как в российской научной традиции они анализируются преимущественно как автономные и отличные от городских пространств. Среди выявленных пробелов можно выделить недостаточное внимание к изучению индивидуальных аспектов развития сельских территорий, а также к проблеме формирования престижа сельской жизни. Слабо освещаются процессы, связанные с миграцией, возвращением горожан в сельские регионы и формированием положительного имиджа сельской местности. В целом результаты проведённого анализа демон-

Для цитирования: Галкин К.А. (2025). Современные исследования села в России и Китае: научный обзор // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 249–263. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.14

For citation: Galkin K.A. (2025). Contemporary rural studies in Russia and China: Scientific overview. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 249–263. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.14

стрируют многоаспектность и междисциплинарность современных сельских исследований в России и Китае, а также рост интереса к вопросам устойчивого развития данных территорий.

Ключевые слова: современные исследования сел, развитие сел в России и Китае, сельская социология, Россия, Китай, обзор исследований, сельские сообщества, трансформация сел, междисциплинарные исследования сел.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10118 «Старение на месте в условиях современного российского села: социологический анализ повседневных практик пожилых», <https://rscf.ru/project/24-78-10118/>.

Введение

Сельские исследования на современном этапе нуждаются в переосмыслении имеющихся методических подходов. Это обусловлено трансформациями, происходящими в обществе, которые непосредственно влияют на уклад сельской жизни и изменяют его структуру. Сельские территории, находясь в контексте глобальных процессов, сталкиваются с множеством вызовов — от нестабильности современного мира и сложностей социально-экономического развития до миграционных процессов и внедрения новых агротехнологий, включая цифровизацию сельского хозяйства (Bolshakova et al., 2019; Enyedi, Volgyes, 2013; Resina, 2012). Также наблюдается рост интереса к формированию экопоселений и выбору сельской жизни различными социальными группами (Walker, Plotnikova, 2018). Несмотря на накопленные теоретические и эмпирические знания в области социологии села и аграрной социологии, исследователи по-прежнему нуждаются в переосмотре устоявшейся социально-экономической парадигмы. Требуется переход к более гибкому анализу сельских пространств с использованием социокультурных, геополитических и экологических подходов (Хагуров, 2009). Важным аспектом становится осмысление дисциплинарных различий в современной социологии села, поскольку методы исследования и исследовательские фокусы могут существенно варьироваться в зависимости от национального контекста, истории становления дисциплины и приоритетных объектов изучения.

Социологические исследования сел в социалистических государствах, в частности в Советском Союзе, претерпели существенные трансформации в постсоветский период (Хагуров, 2009; Новиков, 2018). В современной

России наблюдается сдвиг исследовательских интересов, обусловленный переходом к рыночной экономике и появлением новых для советского времени феноменов, таких как отходничество и устойчивый отток населения из сельской местности, особенно в Нечерноземье (Божков, 2015). При этом отечественные исследования 1990-х годов в значительной степени опираются на достижения социологии села советского периода 1960–1980-х гг., сохраняя преемственность, но отличаясь большим разнообразием как в методологическом, так и в тематическом плане (Хагуров, 2009). В частности, работы Центра крестьяноведения и аграрных реформ под руководством Т. Шанина демонстрируют широкий региональный охват и глубокое внимание к различным аспектам сельской жизни — от крестьянских автобиографий до анализа неформальной экономики (Никулин, 2020).

С методологической точки зрения эти исследования можно охарактеризовать как инновационные для своего времени. Т. Шанин называет свой подход «рефлексивным крестьяноведением», акцентируя внимание на субъективном восприятии повседневности и опыта сельских жителей. Такие методы ранее не применялись в отечественной сельской социологии, что подчеркивает их новизну и ценность (Докторов, Никулин, 2020).

В то же время сохраняются элементы советской исследовательской традиции, особенно в изучении социально-экономического положения сельских территорий и состояния сельского хозяйства. Например, в 1990-х годах формируется «Угорский проект» Н.Е. Покровского, ориентированный на комплексное исследование сельской жизни с применением интервью,

этнографических методов и анализа регионов Европейского Севера, где проблемы оттока населения и упадка сельской инфраструктуры особенно выражены (Покровский, Нефедова, 2012). Ценность подобных проектов заключается в их междисциплинарной природе, объединяющей социологический анализ сельских сообществ с оценкой социально-экономического положения и изучением экологических условий, включая биоразнообразие исследуемых территорий.

Другие работы, появившиеся в России в 1990–2000-х гг., сосредотачиваются на изучении отдельных социальных групп, проживающих в сельской местности, например молодежи, сезонных работников, жителей экопоселений, а также этнического состава деревенского населения. Последние направления активно развиваются в рамках антропологических исследований, проводимых, в частности, в Музее антропологии и этнографии РАН (Винокурова, 2010; Кондратьева, 2019). Несмотря на существенный объем накопленных исследований, сельская социология в России по-прежнему остается дисциплинарно подвижной: её границы размыты, а подходы колеблются между географией, антропологией, историей и классической социологией. Недостаточно проработаны темы, связанные с постпандемийными изменениями в сельской жизни, а также с развитием междисциплинарных форм сотрудничества в изучении современной деревни.

Кроме того, очевидной проблемой остаётся отсутствие комплексного сравнительного анализа российской социологии сельских территорий с аналогичными направлениями исследований в других странах. Особенно это касается государств с большой долей сельского населения и отсутствием масштабной миграции из деревни, таких как страны Южной Америки, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Дополнительный интерес представляет сравнение с государствами, прошедшими социалистический этап развития. В некоторых из них этот этап сохраняется до сих пор. Китайская Народная Республика служит ярким примером такого кейса, поскольку в ней наблюдаются социально-экономические тенденции, сходные с российскими реалиями. В частности, в Китае, как и в России, фиксируется массовый отток населения из деревень, процесс урбани-

зации, а также наличие разрывов между городскими и сельскими территориями по уровню инфраструктурного обеспечения (Chen, 2010; Long et al., 2016). Это касается, например, доступности скоростного интернета, качества медицинских услуг и транспортной инфраструктуры. Развитие сельской социологии в Китае началось с работ Тун Жун-чжи, который воспринимал её как прикладную дисциплину, сосредоточенную на решении конкретных проблем без выстраивания фундаментальной теоретической базы¹. В свою очередь Ян Кайдао рассматривает сельскую социологию как обособленную область знания, акцентируя внимание на специфике общественной жизни в сельских сообществах². Несмотря на возрастающий интерес к деревенским исследованиям в Китае, как и в России, сама дисциплина сельская социология не приобрела четких границ и методологического единства. Программные работы, такие как исследование Фэн Хэфа, рассматривают сельскую социологию в качестве самостоятельного научного направления, однако не предлагают единой методологической базы и не анализируют специфику институционализации дисциплины (Шаша, 2019).

Несмотря на культурные и исторические различия в развитии деревень России и Китая, существует ряд общих черт. Наиболее значимыми являются разрывы в уровне инфраструктурного обеспечения сельских регионов и высокий уровень социального неравенства по сравнению с городскими районами. Так, по данным Росстата, в 2018 году среднедушевые доходы жителей деревень составляли лишь 65% от доходов городского населения, что свидетельствует о значительном разрыве в уровне материального обеспечения³. В Китае аналогичный показатель равнялся 37,24%, что также подтверждает наличие серьёзных различий между доходами сельских и городских жителей⁴.

¹ Фэн Хэфа (1934). Программа социологии деревни. Шанхай.

² Там же.

³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения 25.08.2025).

⁴ China Statistical Yearbook, 2019. Available at: <https://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (accessed: 25.08.2025).

В российском контексте существенное значение имеют региональные различия: уровень развития деревень в нечерноземной зоне и на юге страны демонстрирует значительную неоднородность (Антончева, Апанасенко, 2021). Ключевыми проблемами остаются монопрофильность производств в сельской местности и высокая миграция населения, особенно молодёжи, в города (Карцева и др., 2024). В Китае аналогичные трудности обусловлены процессами урбанизации, начавшимися в середине 1970-х годов (Цзе, 2020). В России решение проблем бедности и разрыва в уровне жизни, как правило, связывается с рыночными механизмами и диверсификацией экономики, однако эти программы зачастую носят декларативный характер и трудно реализуются на практике (Михеева, 2016). В Китае же приоритет отдаётся прямому государственному регулированию социально-экономического развития сельских территорий (Меренкова, 2019). Для обеих стран характерна слабая инвестиционная привлекательность сельских регионов, что затрудняет развитие инфраструктуры, предпринимательства и личных подсобных хозяйств. Особенно остро встаёт вопрос модернизации системы здравоохранения: в России сокращение числа медицинских учреждений на селе и штата работников здравоохранения значительно снизило доступность медицинской помощи, что дополнительно ослабляет привлекательность деревень (Чернышев, 2022). При этом отсутствуют комплексные программы, направленные на повышение социальной значимости сельской жизни и стимулирование миграции в село как со стороны горожан, так и со стороны иностранных мигрантов.

С точки зрения культурного и социального развития и в России, и в Китае наблюдается разрушение традиционных социальных связей, возрастание коммерциализации отношений между жителями и размывание прежних общинных форм взаимодействия (Куракин, 2019). Одновременно возрастает значимость задач по диверсификации сельской экономики и формированию позитивного и привлекательного образа сельских регионов.

Актуальность проведённого исследования подтверждается стратегическими документами, в частности «Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до

2030 года»⁵. В данном документе подчёркивается необходимость диверсификации сельской экономики, укрепления органов местного самоуправления, развития интеграции деревень и городов, а также партнёрства государства, муниципальных структур и сельских сообществ. В связи с этим актуальным становится изучение не только текущих тенденций развития сельских территорий России на основе анализа научных публикаций, но и опыта других стран. Особое значение имеет изучение китайских практик, принимая во внимание как сходство социально-экономических процессов, так и статус Китая в качестве стратегического партнёра Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в осмыслении ключевых направлений развития сельских территорий России и Китая, выявлении исследовательских пробелов и формулировании перспективных направлений. Цель анализа — выявление сходств и различий в исследовании сельских территорий двух стран, а также определение ключевых тем, описывающих специфику трансформаций современной деревни в России и Китае.

Методология исследования

Качественный контент-анализ принципиально отличается от количественного подхода тем, что внимание сосредоточено не на статистическом подсчёте единиц информации, а на выявлении смыслового содержания, глубинных процессов и взаимосвязей между изучаемыми явлениями. Основная задача данного метода заключается в том, чтобы обеспечить детальное и всестороннее понимание исследуемого материала, сформировать систему классификаций и категорий, а также проследить особенности их функционирования в реальном социальном контексте. В отличие от количественного анализа, ограничивающегося фиксацией частотности, качественный подход позволяет выявлять скрытые структуры, а также интерпретировать тексты в более широком социально-культурном измерении. Метод качественного контент-анализа активно применяется в различных сферах гуманитарных и социальных наук,

⁵ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения 25.08.2025).

включая социологию, культурологию, политологию, экономику и демографию. Источниками для анализа послужили базы данных eLibrary и Google Scholar, которые обеспечивают широкий охват публикаций в области общественных наук. Для формирования выборки был разработан перечень ключевых слов и понятий, содержащий такие категории, как «современные исследования деревни в России и Китае», «социально-экономическое развитие сельских территорий», «миграция сельского населения», «социальные проблемы сельской жизни», «экономика сельских регионов», «сельские общины» и другие. Для расширения выборки запросы были переведены на английский язык и выполнены в поисковой системе Google Scholar, что позволило сопоставить отечественные и зарубежные публикации и выявить междисциплинарные связи.

После первичной выборки все материалы прошли процедуру ручной проверки, что позволило исключить публикации, не относящиеся к проблематике сельских территорий России и Китая. В итоговую базу вошли статьи из различных дисциплинарных областей — от социологии и экономики до философии, политологии и антропологии. Такой междисциплинарный подход позволил рассматривать сельскую проблематику в многоаспектном ключе: от анализа экономики и социальной политики до культурных трансформаций, экологических вызовов и политических процессов. Временные границы исследования охватывали период с 2021 по 2025 год, что позволило сосредоточиться на современных тенденциях и выявить актуальные направления научного поиска. В процессе работы из базы Google Scholar было выгружено 360 публикаций, соответствующих заявленным критериям, тогда как из eLibrary — 140 статей. В исследование вошли не только журнальные статьи, но и монографии, а также работы, опубликованные в сборниках конференций. Такой широкий охват позволил включить как фундаментальные труды, так и прикладные разработки, значимые для практики управления сельскими территориями. Проведённый анализ показал, что пик научной активности пришёлся на 2022 год, когда было опубликовано 250 работ. В последующие годы их число стабилизировалось на уровне около 82 ежегодно, что свидетельствует о формиро-

вании устойчивой исследовательской повестки. При этом значительная часть публикаций была посвящена сельским регионам Китая, что объясняется масштабом проводимых в стране реформ, а также приоритетностью сельской проблематики для китайской науки. Анализ тематического распределения показал следующие результаты: социально-экономическое развитие и урбанизация — 288 публикаций; социально-географические исследования — 148 работ; проблемы экологии и социальной экологии — 95 публикаций; культурно-антропологическое направление — 45 исследований. При этом отмечается, что в китайских публикациях данные темы освещаются гораздо глубже и более комплексно, чем в российских, где они зачастую рассматриваются лишь фрагментарно. Это различие отражает специфику национальных исследовательских традиций и приоритетов научной повестки.

Сравнительный анализ показал, что, несмотря на общую близость структуры исследований, акценты распределяются по-разному. Для российской науки более характерна концентрация на социально-экономических вопросах и проблемах регионального развития, тогда как китайские исследователи придают первостепенное значение урбанизационным процессам, миграции и их последствиям для сельской местности, и такой подход позволяет формировать более комплексные прогнозы и разрабатывать рекомендации для государственной политики страны. Важно подчеркнуть, что настоящее исследование не претендует на исчерпывающий анализ всей научной литературы, посвящённой сельским территориям России и Китая. Однако в рамках ограниченного формата статьи были систематизированы наиболее цитируемые и значимые публикации последних лет. Эти работы позволяют сформировать целостное представление о состоянии и перспективах развития данного направления и служат основой для дальнейших исследований.

Основные направления современных исследований сельских территорий в России и КНР ***Социально-экономическое направление***

Социально-экономическое направление остается одним из наиболее разработанных, сохраняя устойчивую прикладную направленность и развиваясь на протяжении нескольких десятилетий. В последние годы вектор исследо-

ваний сместился в сторону изучения трансформаций экономических и политических институтов в сельской России, а также возможностей развития деревень в новых институциональных условиях. С 2021 по 2024 год наблюдается значительный рост числа отечественных публикаций, посвящённых социально-экономическому развитию сельских территорий. В 2021 году было зафиксировано 15 работ, в 2022 году их число увеличилось до 24, а в 2023 и 2024 гг. их объём достиг 36 ежегодно. Такая динамика свидетельствует о растущем интересе российских исследователей к изучению процессов трансформации сельских пространств и социально-экономических изменений. Особое внимание в публикациях последних лет уделяется переходу от анализа последствий глобальных трансформаций к исследованию повседневных практик и индивидуальных траекторий сельских жителей. Таким образом, вектор исследований смещается в сторону микросоциальных процессов, связанных с повседневной жизнью и индивидуальными стратегиями адаптации.

Особое внимание уделяется теме «менеджеризации» сельских отношений, рыночной рационализации повседневных взаимодействий и размыванию традиционных неформальных связей (Некрасов, 2023; Богданова и др., 2024). С 2022 по 2024 год фиксируется рост числа публикаций, посвящённых менеджеризации сельских отношений и постепенному размыванию традиционной общинной модели. Так, в 2022 году было опубликовано 10 работ, в 2023 году — 14, а в 2024 году — 18, что отражает возрастающий интерес к исследованию трансформаций социальных структур и сельских сообществ.

Значительный интерес представляет исследование соотношения формальных и неформальных практик в сельской экономике и общественной жизни. Исследователи отмечают, что ранее доминировавшие неформальные практики постепенно теряют влияние, уступая место формализованным взаимодействиям (Кондратьев, Фадеева, 2021; Лушникова, 2023; Плюснин, 2024). Один из показательных примеров — исчезновение привычных соседских связей, на смену которым приходят более рациональные, экономически мотивированные модели взаимоотношений. В то же время, как подчёркивают О.Б. Божков и его коллеги, жи-

тели деревень по-прежнему нередко руководствуются традиционными нормами и сохраняют элементы неформального обмена (Божков и др., 2020). Однако даже эти взаимодействия становятся коммерциализированными: за помощь людям старшего возраста, за заботу или бытовую поддержку теперь принято платить, пусть и наряду с традиционными практиками обмена продуктами и услугами (Богданова и др., 2024). Таким образом, современное сельское сообщество представляет собой гибридную систему, сочетающую черты традиционного и рыночного уклада. Это создаёт основу для нового формата взаимодействий между жителями и позволяет более точно охарактеризовать специфику сельской повседневности и экономической динамики.

В рамках данной тематики также исследуются институциональные преобразования в сельской местности, включая особенности деятельности местных органов власти, их формальные и неформальные основания. При этом при анализе публикаций нами выявлена важность фокуса на исследования межличностных связей и устойчивости доверительных коммуникаций в сельской местности (Андрианова и др., 2022; Виноградский, Виноградская, 2023). Формализация в деревнях может рассматриваться как часть более широкой тенденции к индивидуализации и изменению социальных норм, свойственных современной эпохе.

Одной из характерных черт сельской социологии в Китае является её преимущественная ориентация на прикладные исследования, в отличие от акцента на теоретически обоснованных подходах. Китайские учёные сосредоточены на изучении процессов, происходящих непосредственно в сельской местности, и на явлениях, оказывающих непосредственное воздействие на жизнь сельских жителей. Значимым объектом анализа выступает структурная реформа, начавшаяся в 1970-х годах. По мнению ряда экспертов, её последствия продолжают влиять на современное состояние деревни (Lardy, 1986; Chen, Davis, 1998). В рамках этого подхода переосмысливается развитие сельской местности КНР, особенно в контексте трансформации традиционных крестьянских хозяйств, где ключевыми элементами выступали сельская община и взаимная поддержка

её участников. Основной задачей китайской сельской социологии является анализ причин и проблем, связанных с трансформацией образа жизни на селе и изменениями в государственной политике. Несмотря на обширный эмпирический материал, дисциплина страдает от дефицита теоретических подходов и недостаточной степени обобщения результатов. Недостаточная комплексность исследований затрудняет установление связей между теорией и практикой и ограничивает возможности полноценного анализа научного вклада, особенно в публикациях и диссертациях.

Исследования фиксируют также негативные последствия земельной реформы. До её проведения ключевым драйвером развития выступало сотрудничество между деревней и городскими предприятиями. Те населённые пункты, которые сумели выстроить подобные связи, успешно адаптировались к новым условиям, в противном случае деревни столкнулись с экономическими трудностями. При этом наблюдается высокий уровень миграции в города, что обостряет проблемы развития (Zang et al., 2020; Yan et al., 2020; Wang, 2023).

Исследования урбанизации и сельской миграции

Современные российские исследования сельских территорий затрагивают феномен деурбанизации, в котором село предстает как альтернатива городу. Сельские территории позиционируются как пространство, где возможно реализовать экологичный образ жизни (Покровский и др., 2020). Среди значимых тем — развитие экопоселений, феномен отходничества (в т. ч. в исследованиях М. Плюснина), а также анализ стратегий миграции из города в деревню в поисках устойчивости и психологического комфорта (Агibalова, 2020; Кузнецова, 2021). Особое внимание в современных российских исследованиях сельских территорий уделяется влиянию таких факторов, как цифровизация, пандемия COVID-19 и изменения в профессиональной структуре общества, формирование новых миграционных стратегий (Махрова, Нефедова, 2021; Парфенова, Петухова, 2022). Эти процессы способствуют осознанному выбору жизни за пределами крупных городов, что свидетельствует о существенной трансформации представлений о деревне и её месте в социальном пространстве.

Цифровизация, сопровождающаяся широким распространением дистанционных форм занятости, оказала существенное влияние на мобильность населения и возможность выбора места проживания. Если раньше ограниченный доступ к качественной интернет-инфраструктуре служил серьёзным барьером для переезда в сельскую местность, то сегодня развитие телекоммуникационных технологий способствует постепенному стиранию границ между городом и деревней (Касимова, Касимов, 2020; Советова, 2021). Всё большее количество специалистов из сферы информационных технологий, медиа, образования, а также представителей творческих профессий выбирают сельскую местность как площадку для работы и жизни. Этот процесс сопровождается формированием нового типа сельского жителя, мобильного, экономически активного и ориентированного на самореализацию вне рамок традиционного городского образа жизни.

Миграционные процессы рассматриваются как один из ключевых аспектов трансформации китайской деревни. Исследователи выделяют две основные причины переезда сельских жителей в города: стремление к улучшению материального положения и желание приобрести необходимые ресурсы для ведения бизнеса на селе (Guo, Qiao, 2020; Zhu et al., 2021; Liu, 2022). Возникает парадокс: для того чтобы развить сельское предпринимательство, необходимо заработать стартовый капитал в городе. Такая стратегия приводит к ослаблению традиционных общинных связей, усиливает индивидуализм и трансформирует социальную структуру сельских районов.

Отдельный пласт китайских исследований сельских территорий посвящён урбанизации. Учёные акцентируют внимание на том, что последствия аграрной реформы и приватизации земель способствовали формированию новой модели: временной миграции сельского населения в города с последующей сдачей земли в аренду (Gu, Qiao, 2020; Xu et al., 2020; Garriga et al., 2023). Эти тенденции характерны прежде всего для молодёжи. Возникшие в ходе приватизации конфликты стали причиной ускоренного перехода к рыночной модели и распада традиционных форм коллективной собственности. В то же время сельские жители, привыкшие к неформальным отношениям и коллекти-

визму, оказались неготовыми к новым реалиям (Kan, 2020; Barbalet, 2021). Некоторые исследования фиксируют случаи обращения граждан к местным органам власти с просьбой сохранить коллективные формы собственности, однако такие инициативы не получают поддержки (Wong et al., 2022). На фоне урбанизации сельская местность всё чаще воспринимается как отсталая и депрессивная. Устранение инфраструктурного разрыва между городом и деревней, особенно в области медицины, социальной поддержки и борьбы с бедностью, рассматривается как приоритет. При этом акцент делается на развитии привлекательности сельского хозяйства, что невозможно без возрождения традиционного коллективизма.

Культурно-антропологические исследования

Менее многочисленное, но важное направление — культурно-антропологические исследования. В их рамках сельские территории рассматриваются как пространства, обладающие уникальной культурой и исторической идентичностью. Современные работы в этой области всё чаще фокусируются не только на этническом составе или традициях, но и на особенностях социальной коммуникации, идентичности и связях с местом проживания. Исследуются повседневные практики, формы заботы, влияние сельского ландшафта на межличностные отношения.

Важным аспектом становится изучение восприятия сельскими жителями собственной повседневности. Особое внимание уделяется тому, как они справляются с инфраструктурными дефицитами, формируют жизненные стратегии, выбирая пути самореализации в условиях социально-экономических ограничений. Примером служат исследования по Нечерноземью, где наблюдаются специфические формы адаптации к изменениям (Попов, 2022; Шомина, 2020; Яковлев, Николаев, 2020). Публикации в этом направлении, как правило, характеризуются нейтральной тональностью. Авторы стремятся не столько критиковать происходящие изменения, сколько описывать их влияние на индивидуальный и коллективный опыт жизни в сельской местности.

В рамках данного направления в современных китайских исследованиях сельских территорий особую обеспокоенность учёных вызывает утрата коллективного уклада, связанная

с ростом земельного неравенства. Наиболее представительная группа исследований посвящена демонтажу общинной модели, ранее доминировавшей в китайском сельском хозяйстве. Установлено, что распространение рыночных механизмов и коммерциализация сельской жизни привели к размыванию коллективной идентичности и переходу к индивидуализированным формам хозяйствования (Ge et al., 2020; Zang, 2020; Wang, 2023). Существенным фактором стала технологизация сельского производства. Например, работы, связанные с ирригацией, которые прежде выполнялись совместными усилиями общины, требуют теперь привлечения наёмного труда. Это разрушает устоявшиеся формы коллективного труда, ранее служившие основой для существования сельской общины (Yan et al., 2020).

Несмотря на предпринимаемые государством меры по перераспределению земельных участков, ситуация усугубляется из-за отсутствия чёткой координации и институциональной поддержки. Частые переделы собственности лишь усиливают миграционные потоки и в ряде случаев ведут к экономическому упадку деревень (Yang, Cai, 2020). Исследования подчёркивают, что значительная часть инициатив по перераспределению земли имеет низовой характер и представляет собой наследие революционных практик (Guo, Liu, 2021; Song et al., 2020). Подобные процессы рассматриваются как проявление коммерциализации сельского хозяйства, однако сами авторы подчеркивают недостаточную теоретическую проработанность этой тенденции, что затрудняет её осмысление в рамках современного научного дискурса.

Социально-географические исследования

Данное направление связано с социально-географическими исследованиями, начавшимися в 2000-х годах и развивающимися по сей день. К числу ключевых научных групп, работающих в этом направлении, относятся коллективы под руководством Н. Е. Покровского, а также исследователи Института географии РАН, сотрудничающие с социологами (Нефедова и др., 2015). Отправной точкой является отказ от сугубо социологической трактовки села и, соответственно, обращение к междисциплинарным подходам, объединяющим географические, биологические и экологические перспективы. Сельская территория рассматривается

как совокупность природных и социальных ресурсов, способных как привлекать, так и отталкивать потенциальных жителей (Покровский, Нефедова, 2012; Покровский, Нефедова, 2013).

Однако важно отметить, что речь идёт не столько о возвращении к традиционным формам сельской жизни, сколько о попытке синтезировать городские и деревенские модели существования. Новые жители села не стремятся к полному отказу от благ цивилизации — напротив, они активно используют цифровые технологии, развивают малый бизнес, запускают локальные экологические проекты, ведут блоги, выступают с образовательными инициативами (Соколова, Калачикова, 2023). Таким образом, формируется образ «новой деревни» — пространства, в котором сочетаются индивидуализм, технологическая вовлечённость и ориентация на устойчивое развитие.

Пандемия COVID-19 в свою очередь стала важным катализатором этих изменений. Ограничения на передвижение, перевод офисов на удалённую работу, а также резкое усиление чувства нестабильности побудили многих горожан пересмотреть свои жизненные приоритеты. Рост тревожности, перегрузка городской инфраструктуры, дефицит личного пространства — всё это стало причинами массового интереса к жизни за городом. В исследовательских текстах это явление всё чаще трактуется в категориях эскапизма — стремления к бегству из агрессивной, непредсказуемой городской среды в сторону тишины, простора и символической «естественности» сельского уклада (Парфенова, Галкин, 2023; Стадник, Радионова, 2021).

С этими изменениями напрямую связана и трансформация профессиональной структуры общества. Рост доли удалённых профессий, изменение модели карьерного роста, фокус на фрилансе и предпринимательстве создают условия для децентрализации трудовой деятельности. Всё чаще встречаются примеры, когда бывшие жители мегаполисов реализуют себя в сельской местности, сохраняя при этом профессиональную активность на глобальном уровне (Попова, 2021; Овчинцева, 2021). Это разрушает стереотипное представление о селе как пространстве отсталости и социальной депривации, открывая возможности для его репозиционирования в общественном сознании.

Эскапистские мотивы в этих процессах играют важную роль, однако они дополняются более прагматичными соображениями. Сельская местность привлекает относительно низкими расходами на проживание, более благоприятной экологической обстановкой и возможностью формирования устойчивых сообществ, где сохраняются межличностные связи и высокий уровень социальной вовлечённости. В этом контексте деревня становится не просто альтернативой городу, а пространством реализации новых форм жизни, сочетающих свободу выбора, цифровую независимость и укоренённость в месте. Современные российские исследования сельских территорий в значительной степени сосредоточены на анализе трансформаций социальной структуры, коммуникации и пространственного развития деревень. Особое внимание уделяется новым тенденциям, связанным с формализацией взаимодействий, экологизацией потребления и переоценкой роли сельского образа жизни в условиях нестабильности глобального мира.

Несмотря на технологические достижения и цифровизацию, интерес к сельской жизни как к возможной альтернативе городскому укладу продолжает расти. Комбинация формальных и неформальных практик, характерных для деревенской среды, открывает перспективы для формирования устойчивых сообществ. При этом происходит переосмысление самого понятия сельского пространства, оно всё чаще рассматривается не просто как периферия, а как самостоятельное, ценностно и структурно обособленное пространство с потенциалом развития.

Несмотря на относительно малое количество публикаций в этом направлении в рамках исследований сельских территорий в Китае, они поднимают важную проблему, такую как экологическая деградация сельской среды. Одной из причин ухудшения экологической обстановки является неконтролируемое использование агрохимикатов в фермерских хозяйствах, что ставит под угрозу безопасность сельскохозяйственной продукции (Shao et al., 2024; Li et al., 2021). Это формирует негативный имидж деревни, препятствует развитию экологического туризма и переезду городского населения в сельскую местность.

Исследователи подчёркивают, что экологический кризис усугубляется за счёт процессов отходничества, которое приводит к деструкции традиционных семейных моделей и подрыву ценностей, ранее служивших опорой китайского общества (Talhelm, English, 2020; Tang, Zhu, 2020; Wang, 2023). Отсутствие положительных прогнозов в области экологии делает ситуацию ещё более тревожной. На фоне ухудшения экологической обстановки и ослабления общинных связей учёные выражают пессимизм в отношении как будущего деревни, так и потенциала научных исследований в этой области.

В целом современная китайская деревня рассматривается как пространство глубоких трансформаций. Оптимизм экономистов, связывающих переход к рыночной модели с ро-

стом производительности, разбавляется критикой социальных последствий. Индивидуализация хозяйствования и коммерциализация усиливают размывание общинных связей, препятствуют формированию устойчивых сообществ и затрудняют реализацию проектов, основанных на взаимопомощи. Эти процессы напрямую влияют на облик деревни как потенциального кластера аграрного рынка. Однако экономические преобразования зачастую не сопровождаются формированием позитивного образа сельской местности, что снижает её привлекательность как для жителей, так и для исследователей.

Обобщая сказанное, приведем сравнительную характеристику основных современных направлений исследований сельских территорий в России и Китае (таблица).

Сравнительная характеристика основных современных направлений исследований сельских территорий в России и КНР

Ключевое направление исследований	Ключевые темы исследований в России	Ключевые темы исследований в КНР
Социально-экономическое направление	– Диверсификация сельской экономики и перспективы её развития; – переход к рыночной модели в сельских пространствах; – трансформация политических и экономических институтов; – исследования новой экономики и сельских инноваций	– Развитие сельской экономики и переход к рыночным механизмам управления; – анализ сельских территорий в контексте городского развития; – трансформация деревень после аграрной реформы
Исследования урбанизации и сельской миграции	– Анализ миграционных процессов и оттока населения из Нечерноземья; – исследования убыли сельского населения; – карьерные стратегии сельской молодёжи; – феномен отходничества и миграция в сельские регионы	– Влияние урбанизации на миграцию из деревень; – миграция молодёжи в города после аграрной реформы; – трансформация общинной модели и её связь с миграционными процессами
Культурно-антропологические исследования	– Уникальная культура и историческая идентичность сельских сообществ России; – привязанность к месту и значение сельских пространств для местных жителей и приезжающих	– Трансформация общинной модели и её влияние на современную деревню и сельскую экономику; – миграция и изменение социальной структуры сельских регионов
Социально-географические исследования	– Изменения структуры населения сельских территорий; – пространственное развитие деревень; – трансформация традиционного уклада сельской жизни	– Устойчивое развитие сельских территорий и применение экологически ориентированных методов в хозяйстве; – загрязнение агрохимикатами и его последствия для сельских регионов

Заключение

В ходе проведённого исследования были обозначены ключевые пробелы в изучении сельских территорий России и Китая. Несмотря на значительное количество публикаций, посвящённых социально-экономическим трансформациям и изменениям традиционной общинной структуры, в российской научной литературе уделяется недостаточно внимания индивидуальным перспективам и личным аспектам жизни сельского населения. Недостаточно разработанными также являются исследования региональных различий, в частности различий между северными и южными сёлами, их инфраструктурным развитием и социально-экономическими возможностями. Практически не изученными остаются вопросы диверсификации сельской экономики и формирования позитивного образа сельской местности, что подтверждается малым количеством отечественных публикаций по данным направлениям.

В китайских исследованиях также прослеживаются определённые пробелы. Особенно заметно отсутствие системных публикаций, посвящённых модернизации и обновлению деревни в условиях новой экономической реальности и масштабных миграционных процессов. Вопросы перспективного развития сельских территорий и их интеграции в национальную экономику Китая затрагиваются лишь фрагментарно. Однако в будущем трансформация сельских пространств в обеих странах способна стимулировать развитие новых направлений исследований и расширить аналитическую базу.

Среди общих черт исследований села в России и Китае выделяются изучение трансформации традиционных общин, ослабление социальных связей и переход к менеджеризации сельской жизни. Обе исследовательские традиции фиксируют процессы внедрения рыночных отношений в деревне. Вместе с тем существуют существенные различия в акцентах. В китайской литературе урбанизация и связанная с ней миграция в города зачастую опи-

сываются как благо, а сельская местность характеризуется как депрессивная и отстающая. В российской же науке село противопоставляется городу, представляя собой особый социальный «мир» со своими ценностями и возможностями, что делает его привлекательным для определённой части населения.

Выявленные различия в трактовках отражают специфику национальных научных традиций. Российские исследования склонны рассматривать село как самостоятельное пространство со своими процессами и перспективами трансформаций. Китайские публикации, напротив, позиционируют деревню как элемент единой экономической и политической системы, обеспечивающей развитие страны. Эти различия объясняются государственными стратегиями модернизации и социально-экономическими приоритетами. Теоретическая значимость проведённого анализа состоит в выделении ключевых этапов трансформации сельских территорий России и Китая и осмыслении глубинных процессов, связанных с миграцией, урбанизацией, диверсификацией экономики и изменением традиционного уклада. Особое внимание уделяется трансформации социальных связей внутри сельских общин, что позволяет по-новому интерпретировать классические идеи Ф. Тённиса о различии «общины» и «общества». Данный аспект подчёркивает необходимость продолжения фундаментальных исследований в этом направлении.

Практическая значимость работы связана с выявлением проблем и особенностей, которые необходимо учитывать при формировании стратегий устойчивого развития сельских территорий. Полученные результаты могут быть использованы в рамках реализации национальной Стратегии Российской Федерации по развитию сельских территорий до 2030 года, а также для анализа и адаптации китайского опыта. Таким образом, исследование вносит вклад в развитие современных направлений изучения сельских пространств и укрепление международного диалога в данной области.

Литература

- Агибалова В. Г. (2020). Многофункциональность развития сельских территорий в формате организации экопоселений // Московский экономический журнал. № 2. С. 312–319. DOI: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10071>
- Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Данилова Е.П. [и др.] (2022). Институциональные факторы и социальные форматы развития сельских территорий. Тюмень: ТюмГУ-Press. 388 с.
- Антончева О.А., Апанасенко Т.Е. (2021). Сокращение социального неравенства между городским населением и жителями сельской местности: сравнительный опыт России и Китая // Управленческое консультирование. № 1 (145). С. 61–76. DOI: [10.22394/1726-1139-2021-1-61-76](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-1-61-76)
- Богданова Е., Галкин К., Низамова А. (2024). Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму // Социологическое обозрение. Т. 23. № 3. С. 285–313.
- Божков О.Б. (2015). Социальные проблемы российского села и аграрных отношений // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3. С. 50–52.
- Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К. (2020). Сельская кооперация в северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 4. С. 889–904.
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. (2023). Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 23. № 2. С. 355–367. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367>
- Винокурова И.Ю. (2010). Вепские молодые в хронике биосоциальных событий // Мазалова Н.Е., Лапин В.А., Фишман О.М. Уведи меня, дорога: сборник памяти Т.А. Бернштам. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. С. 107–121.
- Докторов Б.З., Никулин А.М. (2020). Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия // Крестьяноведение. Т. 5. № 3. С. 146–172. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-3-146-172>
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. Т. 9. № 2. С. 153–179. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>
- Касимова Ж.В., Касимов А.А. (2020). Цифровая трансформация сельских территорий // Вестник НГИЭИ. № 8 (111). С. 117–126. DOI: <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10079>
- Кондратьев М.В., Фадеева О.П. (2021). Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // Регион: экономика и социология. № 2. С. 162–183.
- Кондратьева Е.В. (2019). Общинные традиции в молодежных праздниках и обрядах чувашей и удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. № 2. С. 223–232. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-223-232>
- Кузнецова Е.В. (2021). Жизненные циклы экопоселений // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-170-179>
- Куракин А.А. (2019). Пути сельского развития России и Китая // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 201–207. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207>
- Лушникова О.Л. (2023). Неформальные трудовые практики сельского населения (на примере Хакасии) // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1 (48). С. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/1/1490>
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г. (2021). Сможет ли пандемия Covid-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // Вестник Московского университета. Серия: География. № 4. С. 104–115.
- Меренкова И.Н. (2019). Диверсификация сельских территорий как инструмент развития человеческого капитала // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Т. 12. № 3. С. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2071-2243.2019.3.124>
- Михеева Н.Н. (2016). Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. №. 4. С. 196–217. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160409>
- Некрасов С.Н. (2023). Сельская община и ее разложение // Современные технологии: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, 30 ноября 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение. С. 32–35.

- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Никулин А.М. (2020). Теодор Шанин хрестоматийный, монографический, эссеистический: обзор основных произведений ученого // Социологический журнал. Т. 26. № 1. С. 168–182. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7058>
- Новиков В. Г. (2018). Сельская социология России: ее социальное пространство, предметная специфика и генезис // Вестник университета. № 9. С. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-152-158>
- Овчинцева Л.А. (2021). Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 2. С. 296–310. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-296-310>
- Парфенова О.А., Галкин К.А. (2023). Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 1. С. 200–223. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>
- Парфенова О.А., Петухова И.С. (2022). Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. № 5. С. 71–80. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7>
- Плюснин Ю. (2024). Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения / под науч. ред. С.Г. Кордонского. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 264 с.
- Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. (2020). Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. № 12. С. 54–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2012). Угорский проект – перспективы развития ближнего севера // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (111). С. 185–196.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2013). «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // Социологические исследования. № 4. С. 13–23.
- Попов Е.А. (2022). Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 22. № 3. С. 672–686.
- Попова М.В. (2021). Современные российские миграции из города в село // Социология. № 2. С. 68–74.
- Советова Н.П. (2021). Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.7>
- Соколова О.Н., Калачикова А.А. (2023). Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам. С. 312–322. DOI: <https://doi.org/10.17059/udf-2023-3-7>
- Стадник Г.В., Радионова Л.А. (2021). COVID-19 как триггер эскапистской модели загородного образа жизни // Editorial Board. С. 499.
- Хагуров А.А. (2009). Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социологические исследования. № 2. С. 95–101.
- Цзе Ч. (2020). Урбанизация как социальное явление глобализационных трансформаций экономики // Социология. № 5. С. 117–127.
- Чернышев В.М. (2022). Сельское здравоохранение России. Состояние, проблемы, перспективы // Сибирский научный медицинский журнал. Т. 42. №. 4. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.18699/SSMJ20220401>
- Шаша И. (2019). Социология деревни: китайские и западные теоретические традиции // Общество: социология, психология, педагогика. №. 1. С. 31–36.
- Шомина Е.С. (2020). Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. Т. 8. № 2. С. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/snspr.2020.8.2.7308>
- Яковлев А.И., Николаев Е.А. (2020). Структура повседневной жизни современного якутского села // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Общественные науки. № 3. С. 14–23.

- Barbalet J. (2021). The analysis of Chinese rural society: Fei Xiaotong revisited. *Modern China*, 47(4), 355–382. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0097700419894921>
- Bolshakova Y.A., Gusev A.N., Gruzdeva V.V., Kurilova A.A., Ponedilchuk T.V (2019). Specifics of modern management of sustainable development in rural areas. *Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values*, 6 (S1), 84.
- Chen F., Davis J. (1998). Land reform in rural China since the mid-1980s. *Land Reform, Land Settlement, and Cooperatives*, 6(2), 123–137.
- Chen X. (2010). Issues of China's rural development and policies. *China Agricultural Economic Review*, 2(3), 233–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/17561371011078390>
- Enyedi G., Volgyes I. (Eds). (2013). *The Effect of Modern Agriculture on Rural Development: Comparative Rural Transformation Series*. Elsevier.
- Garriga C., Hedlund A., Tang Y., Wang P. (2023). Rural-urban migration, structural transformation, and housing markets in China. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 15(2), 413–440. DOI: <http://dx.doi.org/10.1257/mac.20160142>
- Ge D., Long H., Qiao W., Sun D. (2020). Effects of rural–urban migration on agricultural transformation: A case of Yucheng City, China. *Journal of Rural Studies*, 76, 85–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.04.010>
- Gu H., Ling Y., Shen. T., Yang L. (2020). How does rural homestead influence the hukou transfer intention of rural-urban migrants in China? *Habitat International*, 105, 102267. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102267>
- Guo Y., Liu Y. (2021). Poverty alleviation through land assetization and its implications for rural revitalization in China. *Land Use Policy*, 105(3), 105418. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105418>
- Guo Y., Qiao W. (2020). Rural migration and urbanization in China: Historical evolution and coupling pattern. *Sustainability*, 12(18), 7307. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/su12187307>
- Kan K. (2020). Creating land markets for rural revitalization: Land transfer, property rights and gentrification in China. *Journal of Rural Studies*, 81(4), 68–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.006>
- Lardy N.R. (1986). Agricultural reforms in China. *Journal of International Affairs*, 91–104.
- Li Q., Zhu K., Liu L., Sun X. (2021). Pollution-induced food safety problem in China: trends and policies. *Frontiers in Nutrition*, 8, 703832. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fnut.2021.703832>
- Liu J. (2022). Childhood and rural to urban migration in China: A tale of three villages. *Children & Society*, 39(3), 636–651. DOI: <https://doi.org/10.1111/CHSO.12666>
- Long H., Tu S., Ge D., Li T., Liu Y. (2016). The allocation and management of critical resources in rural China under restructuring: Problems and prospects. *Journal of Rural Studies*, 47, 392–412. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.03.011>
- Resina J.R. (2012). *The Modern Rural. New Ruralism: An Epistemology of Transformed Space*. Orlando: Iberoamericana-Vervuert.
- Shao Y., Ni J., Zhou Sh., Wang Y., Jin X. (2024). Safety assessment of agricultural products and the pesticide regulation trend in China. *Agricultural and Food Economics*, 12(1), 29.
- Song J., Du H., Li S. (2020). Who is the winner? Relocated rural communities and stratification in urbanizing northwestern China. *Journal of Rural Studies*, 77, 159–168. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.04.026>
- Talhelm T., English A.S. (2020). Historically rice-farming societies have tighter social norms in China and worldwide. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117(33), 19816–19824. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1909909117>
- Tang W., Zhu J. (2020). Informality and rural industry: Rethinking the impacts of E-Commerce on rural development in China. *Journal of Rural Studies*, 75, 20–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.02.010>
- Walker K., Plotnikova M. (2018). Ecological settlement as a self-government model in rural areas. *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*, 40(3), 416–423. DOI: <http://dx.doi.org/10.15544/mts.2018.39>
- Wang Y. (2023). Rural lifestyles and life politics: Reimagining modernity in the development of a future village in China. *Rural Sociology*, 88(2), 337–361. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/ruso.12478>

- Wong S.W., Tang B., Liu J. (2020). Rethinking China's rural revitalization from a historical perspective. *Journal of Urban History*, 48(3), 565–577. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0096144220952091>
- Xu D., Yong Zh., Deng X., Zhuang L. (2020). Rural-urban migration and its effect on land transfer in rural China. *Land*, 9(3), 81. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/land9030081>
- Yan H., Bun K.H., Siyuan X. (2020). Rural revitalization, scholars, and the dynamics of the collective future in China. *The Journal of Peasant Studies*, 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/03066150.2019.1694911>
- Yang Q., Cai Y. (2020). Housing property redistribution and elite capture in the redevelopment of urban villages: A case study in Wuhan, China. *Journal of Cleaner Production*, 262, 121192. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121192>
- Zang Y., Liu Y., Yang Y., Woods M. (2020). Rural decline or restructuring? Implications for sustainability transitions in rural China. *Land Use Policy*, 94, 104531. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104531>
- Zhu Y., Wang W., Lim L. (2021). Return migration and in situ urbanization of migrant sending areas: Insights from a survey of seven provinces in China. *Cities*, 1(115), 103242. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2021.103242>

Сведения об авторе

Константин Александрович Галкин — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: Kgalkin19892mail.ru)

Galkin K.A.

Contemporary Rural Studies in Russia and China: Scientific Overview

Abstract. The paper explores key directions in the study of rural areas in Russia and China, highlighting both thematic intersections and differentiations, as well as identifying research gaps and promising avenues for future inquiry. A comprehensive content analysis was conducted using the eLibrary (RSCI) and Google Scholar databases. Keywords and thematic queries were selected to reflect current scholarly interests in the socio-economic development of rural regions in both countries. The analysis demonstrates a growing academic interest in socio-economic transformations of rural spaces, the implications of urbanization, and the dynamics of rural-to-urban migration. Considerable attention is also given to changes in traditional ways of life, the transformation of community relations, and alterations in social structure. Notably, Chinese research tends to frame rural areas as complementary to urban spaces, whereas the Russian scholarly tradition predominantly examines them as autonomous and distinct environments. Among the identified gaps are the limited attention to individual dimensions of rural development and to the formation of prestige associated with rural living. Insufficient coverage is given to processes such as migration flows, the return migration of former urban residents to rural regions, and strategies for cultivating a positive image of rural life. Overall, the findings underscore the multidimensional and interdisciplinary character of contemporary rural studies in Russia and China, as well as a heightened scholarly interest in issues of sustainable rural development.

Key words: modern rural studies, rural development in Russia and China, rural sociology, Russia, China, research review, rural communities, rural transformation, interdisciplinary rural studies.

Information about the Author

Konstantin A. Galkin — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (25/14, Sedmaya Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: Kgalkin19892mail.ru)

Статья поступила 30.06.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2025 г.), а также за период с октября 2024 по октябрь 2025 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) и 2018 (первый год IV президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2000–2024 гг.²

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

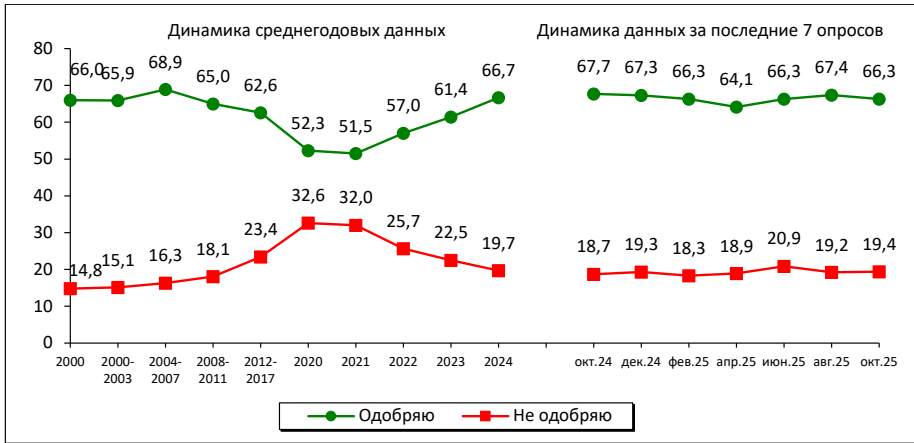
За период с августа по октябрь 2025 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ не изменился и составил 66–67%. Удельный вес отрицательных суждений остался в пределах 19%.

За последние 12 месяцев (с октября 2024 по октябрь 2025 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства также сохранилась на прежнем уровне (66–67%)³.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	окт. 2024	авг. 2025	
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	67,7	67,3	66,3	64,1	66,3	67,4	66,3	-1	-1	
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	18,7	19,3	18,3	18,9	20,9	19,2	19,4	+1	0	
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	–	–	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	53,7	55,6	54,7	53,9	53,0	55,1	55,7	+2	+1	
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	25,5	25,3	23,8	22,3	22,9	20,6	23,1	-2	+3	
Губернатор области																			
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	51,9	50,8	46,8	42,9	39,9	41,0	41,8	-10	+1	
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	28,0	29,8	31,4	34,6	37,2	39,1	41,3	+13	+2	
Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения , красной заливкой – негативные , синей – отсутствие изменений . В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.																			
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».																			

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Одобрю	-1	-1
Не одобряю	+1	0

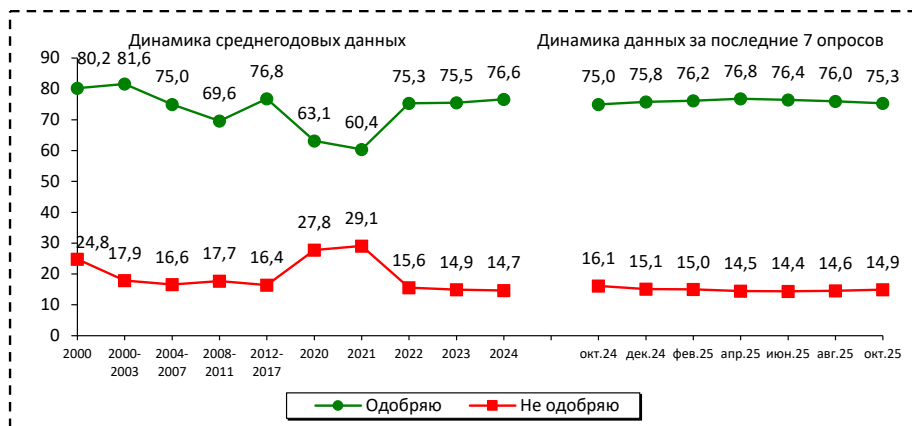
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2025 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2024 г.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, оценка деятельности Президента РФ с августа по первую половину октября 2025 г. не изменилась: доля положительных суждений составляет 75%, отрицательных — 15%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

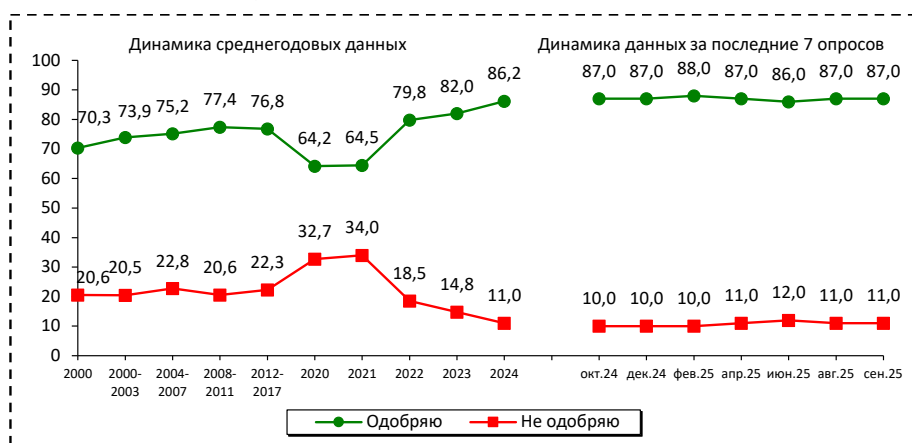
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Одобр.ю	0	-1
Не одобр.ю	-1	0

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за сентябрь 2025 г. — за один опрос от 05.10.2025.
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в августе — октябре 2025 г. составил 87%; доля отрицательных характеристик — 11%.

За год наблюдений изменений не зафиксировано: доля положительных характеристик составила 87%, отрицательных — 10–11%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), сен. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Одобр.ю	0	0
Не одобр.ю	+1	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»
Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru>

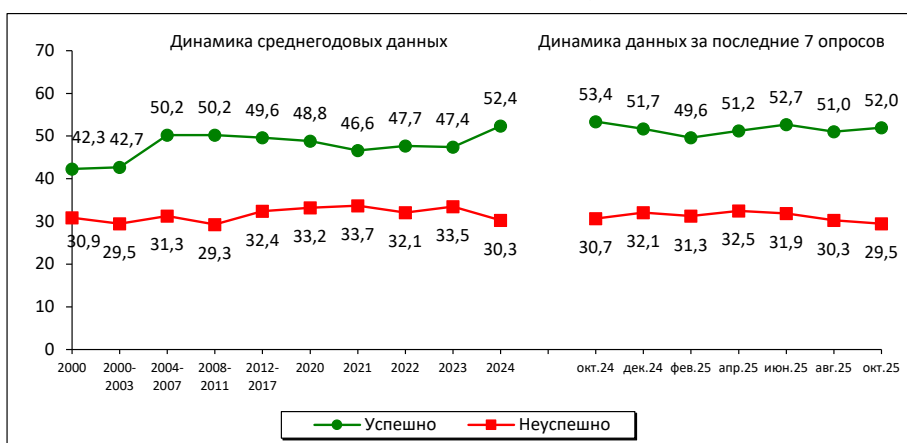
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, остается стабильным и составляет 52%. Для сравнения, доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше и составляет 29–30%.

С октября 2024 по октябрь 2025 г. доли и положительных, и отрицательных оценок работы Президента РФ по укреплению международных позиций России не изменились.

Укрепление международных позиций России

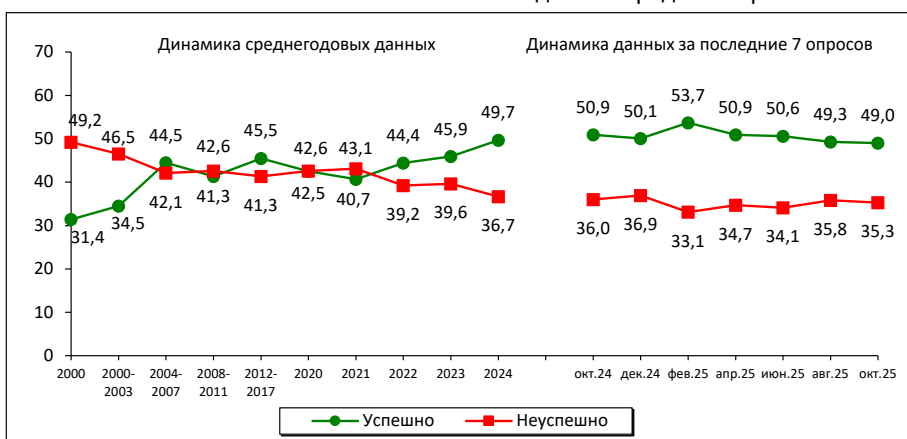

Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Успешно	-1	+1
Неуспешно	-1	-1

В августе – октябре 2025 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, составила 49%.

За последние 12 месяцев (с октября 2024 по октябрь 2025 г.) оценки населения остались без изменений: доля положительных суждений составляет 49–51%, отрицательных – 35–36%.

Наведение порядка в стране

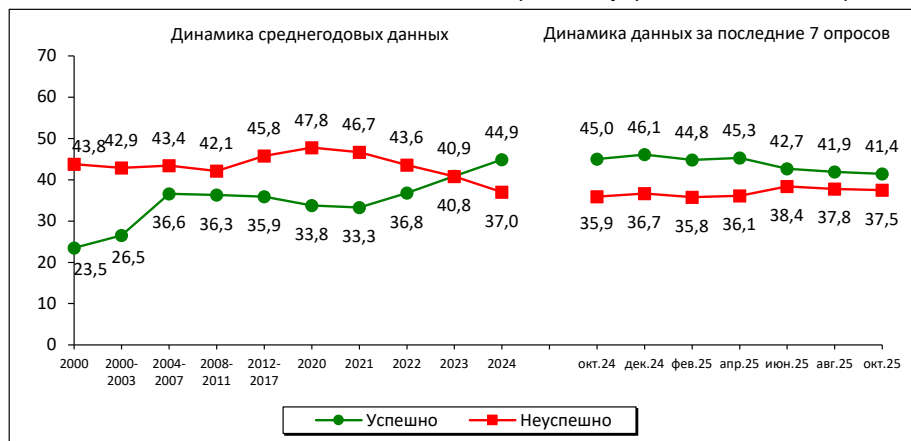

Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Успешно	-2	0
Неуспешно	-1	-1

В августе — октябре 2025 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан составила 41–42%.

С октября 2024 по октябрь 2025 г. наблюдается сокращение доли позитивных суждений на 4 п. п., с 45 до 41%. Удельный вес негативных суждений не изменился.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

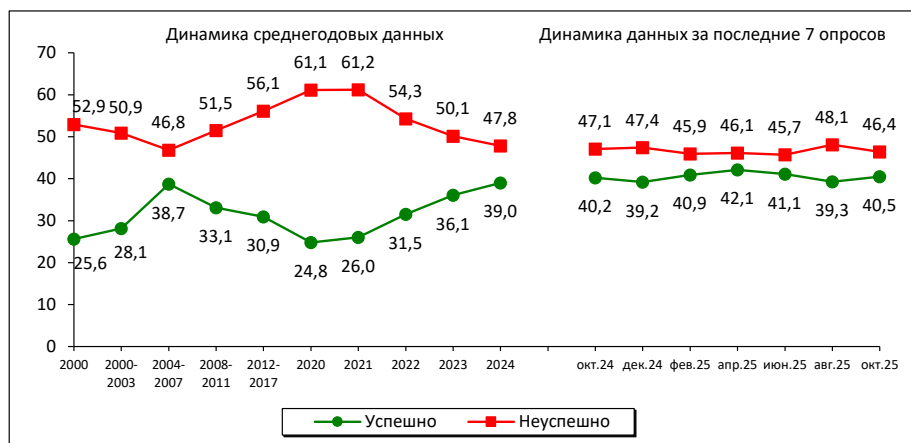

Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Успешно	-4	-1
Неуспешно	+2	0

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан остается стабильной с августа по октябрь 2025 г. (39–40%). Удельный вес негативных оценок по-прежнему высокий и сохраняется на уровне 46–48%.

За 12 месяцев не наблюдается значимых изменений в суждениях относительно работы главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Успешно	0	+1
Неуспешно	-1	-2

За последние два месяца в структуре партийно-политических предпочтений жителей области не зафиксировано существенных изменений: в августе – октябре 2025 г. доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 41%, КПРФ – 10–12%, ЛДПР – 7–9%, «Справедливая Россия» – 3–4%, «Новые люди» – 1–2%.

С октября 2024 по октябрь 2025 г. партийно-политические предпочтения жителей области остаются без изменений. Доля людей, считающих, что никакая из представленных в парламенте партий не отражает их интересы, составляет 23–24%.

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

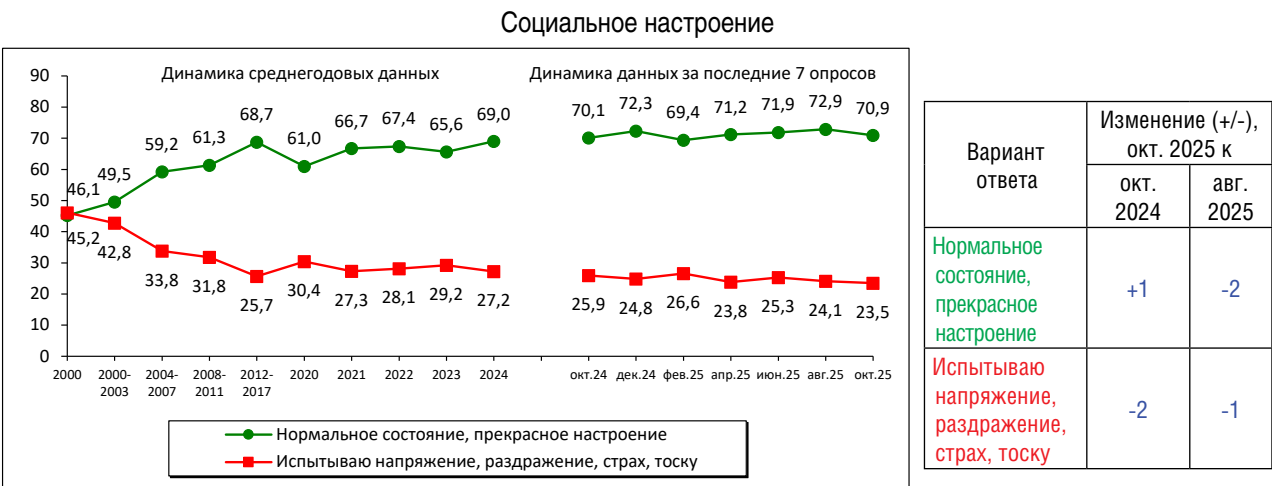
Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	2000	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	окт. 2024	авг. 2025
Единая Россия	18,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	41,8	42,3	39,9	40,5	41,6	41,2	40,5	-1	-1
КПРФ	11,5	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	8,7	9,1	8,8	8,0	9,1	11,5	10,5	+2	-1
ЛДПР	4,8	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	7,5	8,8	7,5	7,1	9,4	8,7	7,8	0	-1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	4,2	4,4	2,3	2,9	3,9	4,2	3,4	-1	-1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,3	2,3	3,1	3,0	2,5	1,8	2,2	0	0
Другая	0,9	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	24,1	26,3	28,4	27,7	24,9	23,3	24,3	0	+1
Затрудняюсь ответить	20,3	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	11,0	6,5	9,7	10,8	8,5	9,2	11,3	0	+2

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

С августа по октябрь 2025 г. доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 71–73%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, также не изменился и составил 23–24%.

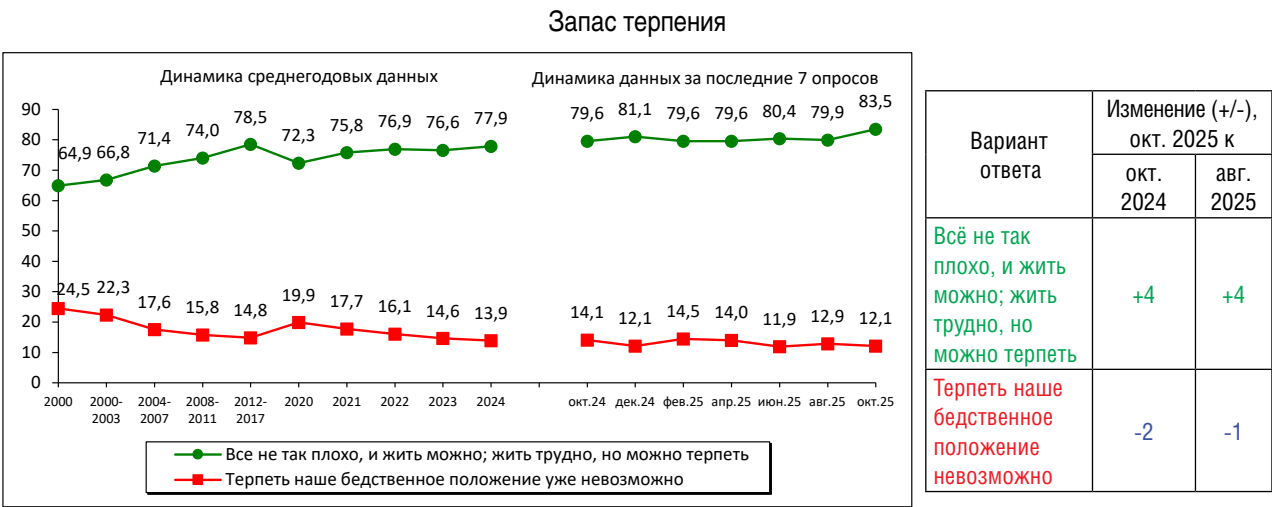
За год (с октября 2024 по октябрь 2025 г.) доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», не изменилась (70–71%). Стабильным также остается удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску» (24–26%).

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За период с августа по октябрь 2025 г. возросла доля положительных оценок запаса терпения: на 4 п. п. (с 80 до 84%) увеличился удельный вес людей, отмечающих, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 12–13%.

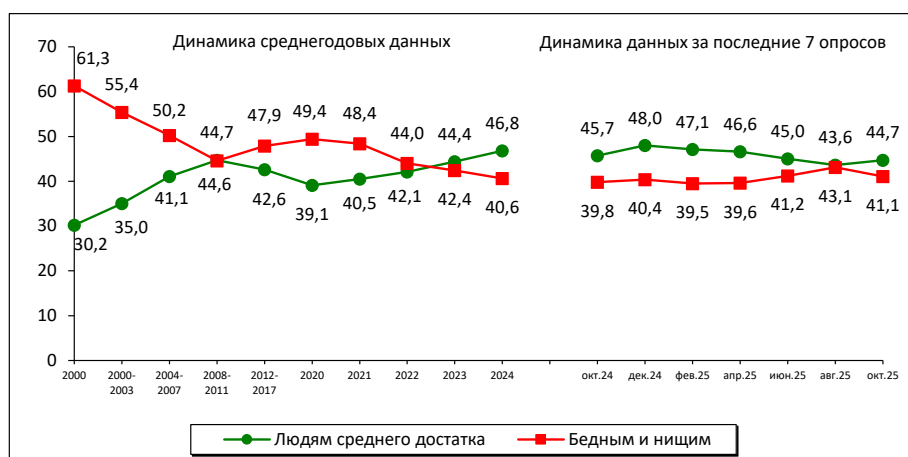
За последние 12 месяцев (с октября 2024 по октябрь 2025 г.) запас терпения также возрос на 4 п. п., с 80 до 84%.

В период с августа по октябрь 2025 года доля жителей области, субъективно причислявших себя к «бедным и нищим», составляла 41–43%. Идентифицировали себя как людей «среднего достатка» 44–45% респондентов.

За год наблюдений показатели социальной самоидентификации существенно не изменились.

Социальная самоидентификация*

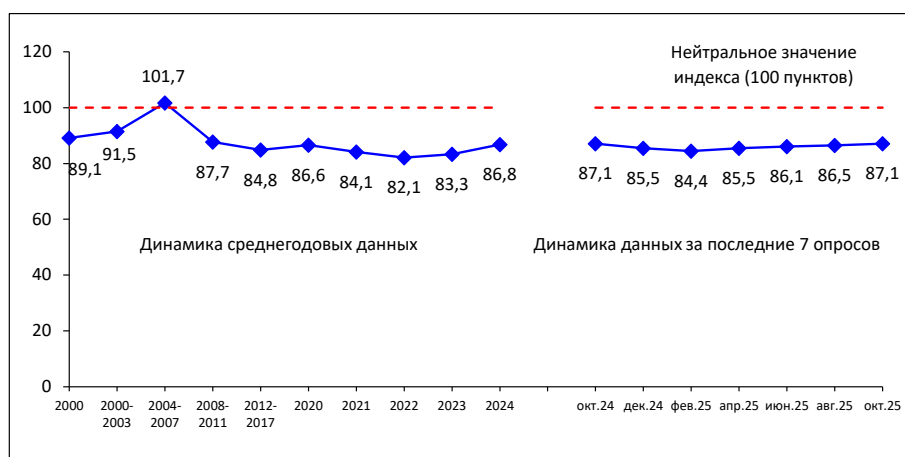
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-1	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	+1	-2

*Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Значение ИПН в октябре 2025 г. осталось на уровне августа 2025 г. — 86–87 пунктов.

В октябре 2025 г. значение ИПН соответствует данным октября 2024 г.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

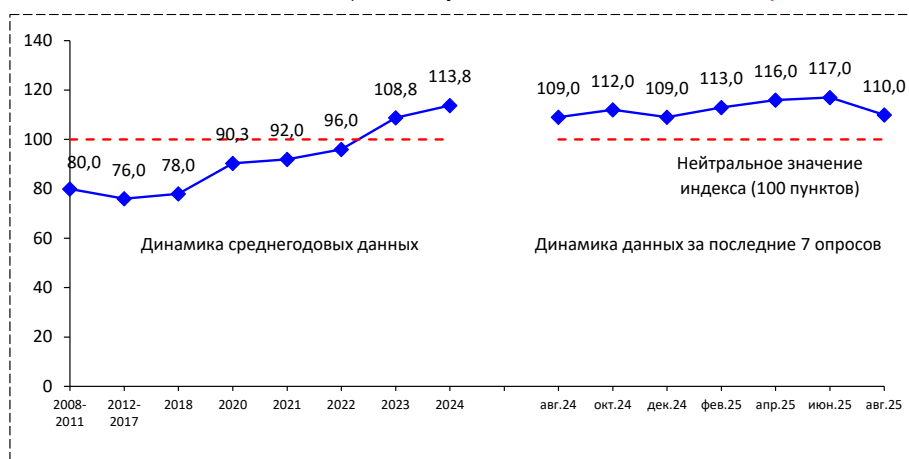
Вариант ответа	Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	окт. 2024	авг. 2025
Значение индекса, в пунктах	0	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с июня по август 2025 г.), индекс потребительских настроений снизился на 7 п., со 117 до 110 п.

Ощутимых изменений за последние 12 месяцев в значении ИПН не фиксируется.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России⁴)

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2025 к	
	авг. 2024	июнь 2025
Значение индекса, в пунктах	+1	-7

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные — за август 2025 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

За период с августа по октябрь 2025 г. существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается в большинстве основных социально-демографических категорий населения. Отмечается снижение удельного веса людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, только в двух категориях: среди мужчин (с 72 до 68%) и в группе наименее обеспеченных (с 56 до 53%).

За 12 месяцев доля позитивных оценок социального настроения увеличилась в 5 из 14 основных социально-демографических групп, особенно среди лиц средним образованием (на 6 п. п.); наиболее обеспеченных жителей (на 6 п. п.); жителей г. Вологды (на 4 п. п.) и г. Череповца (на 3 п. п.); в возрастной категории 30–55 лет (на 4 п. п.). Незначительное ухудшение оценок фиксируется у людей со средним специальным образованием (на 4 п. п.). В остальных социально-демографических категориях населения значимых изменений не наблюдается.

⁴ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН — среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 — преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. (Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyy-indeks-potrebitelskihnastroenij-rokazateli-fevralya-2025-goda/>).

*Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	окт. 2024	авг. 2025
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	65,2	69,2	70,1	68,8	71,6	72,1	68,2	+3	-4
Женский	43,3	61,7	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	74,0	74,7	68,8	73,1	72,2	73,5	73,1	-1	0
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	72,3	79,9	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	78,0	81,3	79,9	76,7	76,7	78,1	75,2	-3	-3
30–55 лет	44,2	64,8	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	69,8	73,2	70,2	74,1	74,1	74,9	73,9	+4	-1
Старше 55 лет	37,4	54,8	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	67,4	67,8	64,6	65,8	67,6	68,6	65,9	-2	-3
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	62,5	65,5	64,6	65,6	68,4	70,3	68,4	+6	-2
Среднее специальное	46,4	64,6	66,7	72,1	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	75,2	76,5	71,8	74,8	74,1	73,6	71,4	-4	-2
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	77,0	76,7	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	72,3	74,2	71,4	73,4	73,0	74,7	73,1	+1	-2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	51,5	57,2	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	54,8	55,7	55,9	56,9	56,1	58,3	53,3	-2	-5
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	68,7	72,1	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	73,6	74,2	70,5	72,6	74,4	73,1	73,1	-1	0
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	81,1	82,4	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	78,4	80,6	77,9	81,3	84,1	83,8	84,8	+6	+1
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	67,9	69,6	66,7	68,6	69,5	72,9	71,4	+4	-2
Череповец	50,8	68,1	76,2	75,7	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	70,7	73,0	69,9	71,5	72,5	75,0	73,2	+3	-2
Районы	42,2	61,6	59,8	68,6	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	71,0	73,4	70,7	72,7	73,1	71,6	69,3	-2	-2
Область	46,2	63,6	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	70,1	72,3	69,4	71,2	71,9	72,9	70,9	+1	-2
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																	14: 5 / 8 / 1	14: 0 / 12 / 2

РЕЗЮМЕ

Как показали результаты очередной «волны» мониторинга, в динамике большинства индикаторов общественных настроений не произошло существенных изменений:

- сохраняется высокий уровень одобрения деятельности федеральной власти: Президента РФ — 66–67%, Председателя Правительства РФ — 55%;
- при этом по-прежнему наблюдается дифференциация оценок по отдельным направлениям деятельности главы государства: укрепление международных позиций получает более высокую оценку, чем подъем экономики и рост благосостояния граждан;
- отсутствуют значимые колебания в структуре партийно-политических предпочтений граждан, лидирующую позицию занимает партия «Единая Россия»;

— также сохраняется позитивный фон социального самочувствия: доля респондентов, оценивающих своё эмоциональное состояние как «нормальное» или «прекрасное», удерживается на уровне 70–73%.

— при этом подавляющее большинство населения (84%) сохраняет высокий запас терпения и считает жизненные трудности переносимыми. Подчеркнем, что тренд на укрепление этого показателя наблюдается как в краткосрочной, так и в годовой динамике.

На наш взгляд, важно отметить, что на фоне общей стабильности оценок общественного мнения по основным показателям мониторинга наблюдается позитивная тенденция в отношении прогнозирования людьми своего будущего. На это указывает динамика роста индекса потребительских настроений (ИПН). Она едва заметна (с февраля по октябрь — с 84 до 87 пунктов), однако фиксируется на протяжении фактически всего 2025 года.

Среди негативных изменений следует выделить снижение позитивных оценок социального настроения среди мужчин и наименее обеспеченных (по собственным самооценкам) граждан. Такая динамика требует пристального внимания, особенно в связи с тем, что в среднесрочной перспективе, с наступлением осенне-зимнего периода, на социальное самочувствие могут оказать давление факторы сезонного характера: от ухудшения климатических условий до повышения тарифов ЖКХ, способного оказать существенное негативное влияние на оценки, прежде всего (но не только) социально уязвимых категорий населения.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка	И.А. Кукушкина, А.А. Калитник
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	О.В. Лебедева

Подписано в печать 29.10.2025.
Дата выхода в свет 31.10.2025.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,32. Тираж 500 экз. Заказ № 41.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru